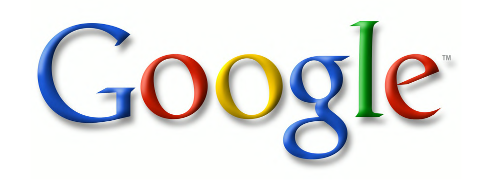
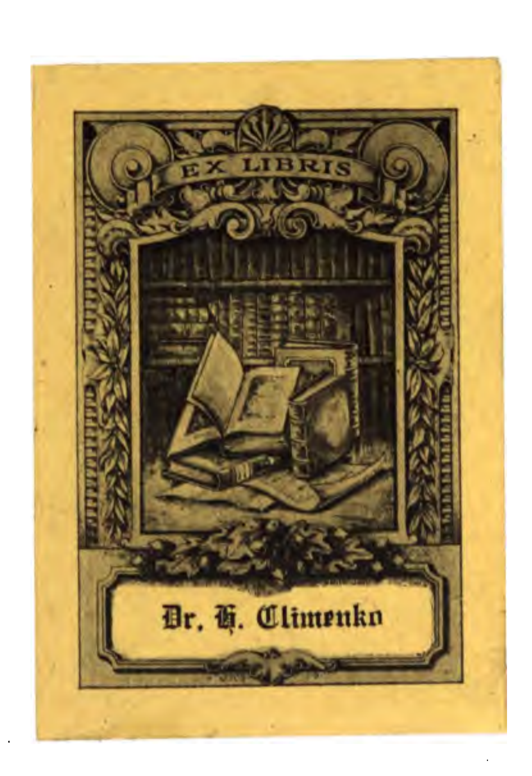

EX LIBRIS
Dr. H. Climenko

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Іюль—Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1883.

ПРИТЧА О ЗОЛОТОМЪ КЛЮЧѢ.

(*Талмудъ-Іерушалми*).

(Посвящается Бернгарду Левенштейну).

Когда-то жилъ король могучій.
Въ большомъ дворцѣ своемъ;
Хранилъ безцѣнныя богатства
Подъ крѣпкимъ онъ замкомъ.

Къ замку—изъ золота литого,
Придѣланъ ключикъ былъ;
Его всегда и днемъ и ночью
Король съ собой носилъ.

Но ключъ былъ малъ—опасно было
Его съ собой носить:
Онъ могъ легко или потерянъ,
Или украденъ быть...

Король подумалъ... И снимаетъ
Онъ цѣпь свою съ груди
И ключикъ малый укрѣпляетъ
На царственной цѣпи.

Изъ золота литого также
И цѣпь его была;
Крѣпки узорчатыя звенья,—
Длинна и тяжела...

Судьбу Израиля прочелъ я:
Онъ ключъ у двери той,
Что кажетъ путь къ свободѣ, къ братству
И къ истинѣ святой.

Чтобъ этотъ ключъ не затерялся
И не похищенъ былъ,
Господь его къ цѣпи тяжелой
Навѣки прикрѣпилъ...

С. Фругъ.

КАКАЯ САМОЭМАНСИПАЦІЯ НУЖНА ЕВРЕЯМЪ? *

(*Окончаніе*).

V.

Разъяснивъ въ предыдущихъ главахъ, *почему* самореформированіе необходимо для евреевъ, вообще, и какое значеніе оно имѣетъ для русскихъ евреевъ въ частности, перейдемъ къ третьему вопросу, болѣе практическаго характера: *Какъ* должны производиться реформы, т. е. какая организація реформаторскихъ силъ должна считаться наиболѣе цѣлесообразной, имѣющей наиболѣе шансовъ на успѣхъ, при данныхъ условіяхъ.

Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что для достиженія дѣйствительныхъ результатовъ, для того, чтобы произвести реформаціонное *движеніе,* необходима твердая организація людей, стоящихъ на сторонѣ реформъ, необходимо именно *общество* или *союзъ* съ строго-опредѣленной программой дѣйствій. Опытъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій доказалъ намъ, что безъ опредѣленной организаціи реформаторскія силы идутъ въ разбродъ. Мы могли также убѣдиться, что одна *литературная* пропаганда реформъ, какъ ни громадна польза ея, неспособна еще вызвать дѣйствительное движеніе въ пользу дѣла. О религіозныхъ реформахъ заявлялось у насъ, хотя весьма робко и рѣдко, еще въ 60-хъ годахъ. Съ большею настойчивостью повторялись въ еврейской литературѣ подобныя заявленія въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда ортодоксы отвѣтили на эти скромныя заявленія образованіемъ общества «Маццике

---

* См. „Восходъ“, кн. V—VI.

га'рабимъ», задавшагося уже далеко не скромными цѣлями и съ энергіей, достойной лучшей цѣли, преслѣдовавшаго малѣйшія проявленія реформаціоннаго духа. Реформаторы же, (если позволено назвать этимъ именемъ людей искреннихъ, но не энергичныхъ, чувствовавшихъ къ реформамъ одно платоническое влеченіе), оказались вовсе не такими страшными, чтобы противъ нихъ стоило ополчиться; узрѣвъ оппозицію, они убоялись и умолкли. Но будь у нихъ, у сторонниковъ реформы, хоть кой какая организація и опредѣленная программа дѣйствій, они не разбѣжались бы при первомъ натискѣ непріятеля, не отретировались бы такъ трусливо. Была еще важная причина, помѣшавшая въ то время большему развитію идеи реформы. Литературные витіи, требовавшіе преобразованій въ еврейскомъ культѣ, призывали на этотъ подвигъ ни болѣе, ни менѣе, какъ ортодоксальныхъ раввиновъ, этихъ столповъ изувѣрства. Понятно, что когда послѣдніе прикрикнули на новаторовъ, сіи упали духомъ и навсегда потеряли охоту къ „новшествамъ".

Сожалѣнія достойно, что этотъ опытъ не умудрилъ нашихъ современныхъ сторонниковъ реформъ и что въ послѣднее время въ литературѣ опять стали появляться кой-какіе призывы къ повторенію этой неудачной попытки. Г. Лиліенблюмъ, въ статьяхъ своихъ въ „Восходѣ" и „Гамелицѣ", проектируетъ съѣздъ раввиновъ, который бы намѣтилъ необходимѣйшія реформы и взялъ бы на себя иниціативу по ихъ осуществленію. Но непрактичность и полная неосуществимость (даже не въ очень близкое время) такого предложенія бросается въ глаза. Раввинамъ и коломъ не вобьешь въ голову ничего подобнаго; не только они не возьмутъ на себя иниціативы реформы (вѣдь немыслимо, чтобы они сами на себя наложили руки), но самымъ ожесточеннымъ образомъ будутъ протестовать противъ попытки отмѣнить хоть одну іоту «Шулхонъ Аруха». Пока у насъ раввинатъ будетъ вербоваться изъ разсадниковъ схоластики и мракобѣсія—изъ іешиботъ, пока и аттестація новыхъ раввиновъ будетъ зависѣть отъ старыхъ раввиновъ (семиха), до тѣхъ поръ эти господа будутъ представлять самую рѣзкую оппозицію всякимъ реформаціоннымъ попыткамъ, и будутъ дѣлать это просто ex officio. Привлечь равви-

новъ на сторону даже самыхъ умѣренныхъ реформаторовъ такъ же немыслимо, какъ привлечь католическихъ клерикаловъ на сторону реформъ въ духѣ „свободныхъ мыслителей“ или позитивистовъ. Еслибы это было возможно, то, конечно, чего лучше? Заставить самихъ жрецовъ разбивать свои алтари и открыть народу глаза—средство самое вѣрное, но въ то же время самое невозможное. Для раввиновъ нарушеніе одной заповѣди „Шулхонъ Аруха“ (kozo schel jud) равносильно отрицанію Бога,—и никакъ вы ихъ не разубѣдите, ни исторіей, ни логикой. Еслибы даже допустить, что во всемъ русско-еврейскомъ раввинатѣ (имя же ему легіонъ) найдется хоть одинъ десятокъ раввиновъ, которые втайнѣ сочувствовали бы реформамъ, то они не осмѣлились бы даже, намекнуть на что нибудь подобное, рискуя навлечь на себя жестокія преслѣдованія и позоръ. Можетъ быть, проектъ о раввинскомъ съѣздѣ внушенъ его авторамъ воспоминаніемъ о реформатскихъ раввинскихъ съѣздахъ въ Германіи, въ 40-хъ и 60-хъ годахъ. Но, не говоря уже о съѣздахъ 60-хъ гг. (какъ напр. Кассельскій и Аугсбургскій въ 1869 г.), на которыхъ присутствовали раввины новообразованные, поступившіе на свою должность изъ новыхъ раввинскихъ семинарій,—даже въ 40-хъ годахъ раввинатъ нѣмецкій стоялъ неизмѣримо выше нашего по свободомыслію. Ищите теперь со свѣчами въ составѣ нашего раввината и найдите хоть одного Гольдгейма, одного Бернайса; вашъ трудъ, конечно, будетъ напрасенъ. Да и *въ самой Германіи иниціатива въ дѣлѣ реформъ вовсе не принадлежала раввинамъ*: первыми иниціаторами были, въ 1819 г., блестящіе представители тогдашней еврейской интеллигенціи: Эдуардъ Гансъ, Мозеръ, Мяркусъ и Вольвиль, основатели знаменитаго реформатскаго союза „Verein für Cultur und Wissenschaft der Juden“; уже по ихъ слѣдамъ пошли въ 30-хъ годахъ нѣкоторые свободномыслящіе раввины.

Но мы уклонились отъ главнаго предмета. Мы констатировали выше, что твердая организація сторонниковъ реформъ должна быть первымъ условіемъ агитаціи. Косность еврейской массы въ религіозныхъ традиціяхъ—это такая страшная сила, что ей необходимо противопоставить рѣзкую оппозиціонную силу, строго организованную. Необходимъ *живой*, энергичный

и убѣдительный *протестъ*, чтобы хоть сколько нибудь расшевелить эту страшно-неподвижную массу. Необходима строго организованная оппозиція людей воодушевленныхъ и безстрашныхъ, чтобы заставить эту массу *услышать* протестъ, чтобы возбудить въ ней вниманіе къ реформамъ. Одесскій „Новый Израиль“ (до сихъ поръ не подающій, впрочемъ, признаковъ жизни) имѣетъ покрайней мѣрѣ ту заслугу, что онъ впервые провозгласилъ необходимость организаціи реформаціоннаго движенія, хотя при этомъ впалъ въ другую крайность — сектантство. Я уже выше говорилъ о томъ вредѣ, какой причиняетъ «Новый Израиль» своему же дѣлу, принявъ кличку „религіозной секты“. Идея реформъ среди евреевъ — это всецѣло идея прогресса, а какъ таковая, она уже per se исключаетъ духъ сектантства. Этой идеѣ принадлежитъ будущее. Кружокъ еврейскихъ реформаторовъ—это не отдѣлившаяся секта, это—авангардъ еврейства, это—миніатюра его будущей религіозно-нравственной физіономіи. Этой ничтожной теперь *части* суждено будетъ нѣкогда сдѣлаться *цѣлымъ*. Это раньше или позже неизбѣжно, понеже прогрессъ не приказалъ долго жить и регрессъ еще не сдѣлался закономъ историческаго развитія.

Общество еврейскихъ реформаторовъ, т. е. *союзъ людей интеллигентныхъ и глубоко убѣжденныхъ въ необходимости реформъ, съ раціональной, широкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ выполнимой программой—вотъ что удовлетворило бы одной изъ жгучихъ потребностей, предъявляемыхъ современною жизнью русскихъ евреевъ*. Это общество или союзъ должно имѣть опредѣленную организацію, но отнюдь не замкнутую. Пусть наиболѣе искренніе представители еврейской интеллигенціи, въ различныхъ пунктахъ Россіи, составятъ такой союзъ, выработаютъ точную программу религіозныхъ преобразованій, которыя предполагается необходимымъ произвести въ ближайшее время и объявятъ для себя упраздненными извѣстныя религіозныя формы талмудико-раввинской фабрикаціи (въ какомъ порядкѣ— о томъ ниже). Пусть пригласятъ они вступить въ этотъ «союзъ реформаторовъ» или «протестантовъ» всякаго еврея, признающаго требуемыя союзомъ реформы необходимыми и изъявляющаго согласіе отречься въ личной жизни, по крайней мѣрѣ,

отъ тѣхъ религіозныхъ формъ, кои «союзомъ» признаны упраздненными. Исходя изъ того положенія, что для евреевъ, какъ и для всякой современной народности, нужна религія, и даже религія съ обрядами; признавая, что іудаизмъ, въ болѣе очищенномъ видѣ, представляетъ собою такую религію, которая наиболѣе способна послѣдователей своихъ приближать къ понятіямъ раціонализма, — еврейскіе реформаторы должны постепенно очищать іудаизмъ отъ толстыхъ слоевъ грязи, облѣпившихъ его впродолженіе вѣковъ, отъ той возмутительной формалистики, которая профанируетъ религію. Но въ интересахъ практическаго успѣха необходимо, чтобы реформы, вступающія для членовъ союза въ дѣйствительную силу, производились постепенно, т. е. чтобы упраздненіе однихъ, наиболѣе вредныхъ въ нравственномъ и соціальномъ отношеніяхъ, религіозныхъ предписаній производилось тотчасъ, при организаціи союза; упраздненіе же другихъ, не столь вредныхъ обычаевъ, или даже такихъ, кои, будучи вредными, не могутъ безъ большихъ затрудненій быть немедленно упразднены, должно быть поставлено in spe и послѣдовать лишь тогда, когда оно, это упраздненіе будетъ признано цѣлесообразнымъ и имѣющимъ шансы на успѣхъ *. Мнѣ кажется наиболѣе отвѣчающею цѣли слѣдующая приблизительная градація подлежащихъ упраздненію или упрощенію религіозныхъ законовъ; согласно этой градаціи, должно состояться предварительное отмѣненіе узаконеній, представляющихъ наибольшее практическое неудобство и наиболѣе далекихъ отъ духа религіи (1-я группа); затѣмъ идутъ законы, хотя менѣе вредные практически, но тѣмъ не менѣе тягостные и обязанные своимъ существова-

---

* Къ числу печальныхъ промаховъ «Новаго Израиля» слѣдуетъ прибавить и слѣдующій: реформаторы весьма непрактично, поступили, выставивъ *на первый планъ* уничтоженіе обряда обрѣзанія и перенесенія празднованія субботы на воскресенье. Начиная съ упраздненія обрѣзанія и субботы—двухъ важнѣйшихъ догматовъ еврейскаго вѣроученія,—реформаторы рискуютъ, вопервыхъ, въ первый же моментъ потерять почву подъ ногами и, во-вторыхъ, оттолкнуть отъ себя многихъ людей, которые, при болѣе постепенномъ распредѣленіи реформъ, пристали бы къ сторонникамъ послѣднихъ и впослѣдствіи сами могли бы *дойти* до реформъ болѣе рѣзкихъ.

ніемъ произвольнымъ «толкованіямъ» талмудистовъ и раввиновъ. Привожу нѣсколько примѣровъ такого распредѣленія.

1-я группа: *всѣ законы о пищѣ*; *мелкія строгости субботы* и праздниковъ (въ родѣ «мукца», «техумъ шабасъ», и множество другихъ запретовъ—имъ же нѣсть числа; можно установить, что, кромѣ *очень тяжкихъ работъ*, все разрѣшается дѣлать въ субботу); *необыкновенно длинныя молитвы* (кои, для устраненія практическихъ неудобствъ и въ интересахъ облагораживанія молитвы, необходимо значительно сократить: предвечернія же и вечернія молитвы сдѣлать необязательными); законы о филактеріяхъ, нитяхъ видѣній, талесахъ и другихъ внѣшнихъ аттрибутахъ молитвы (для частныхъ лицъ, конечно, а не для отправляющихъ богослуженіе); законъ *о халицѣ*; всякія отличія въ покроѣ платья и въ наружности и мн. др.

2-я группа: отмѣненіе мелкихъ, небиблейскихъ праздниковъ; измѣненіе порядка богослуженія на болѣе раціональныхъ началахъ; исключеніе молитвъ, говорящихъ о Мессіи и о возвращеніи въ Іерусалимъ, и отреченіе отъ мессіанскаго догмата, какъ библіей не установленнаго и даже въ талмудѣ нѣкоторыми оспариваемаго, etc.

Это распредѣленіе не претендуетъ, конечно, на полноту: группы можно было бы продолжать, да и каждую изъ нихъ пополнять множествомъ постановленій. Здѣсь приведено только по нѣскольку *примѣровъ* для характеристики первыхъ двухъ группъ. Болѣе подробная классификація завела бы меня слишкомъ далеко за предѣлы настоящей статьи.

Знаніе и пониманіе духа еврейской исторіи, знакомство съ религіозно-нравственной жизнью русскаго еврейства, сознаніе грандіозности своей задачи и горячая любовь къ темнымъ братьямъ—жертвамъ религіознаго деспотизма,—вотъ необходимыя качества, которыми должны обладать иниціаторы реформы. Ослабленіе религіознаго деспотизма, уничтоженіе племенной обособленности, освященной раввинизмомъ, путемъ подкапыванія основъ послѣдняго, возможно полная гражданская ассимиляція съ окружающимъ нееврейскимъ населеніемъ, словомъ, общественно-нравственное обновленіе евреевъ,—вотъ великая цѣль реформаторовъ.

Этимъ благороднымъ, общеполезнымъ стремленіямъ къ самопомощи, ко внутренней самоэмансипаціи, надо надѣяться, и правительство будетъ сочувствовать и дастъ свою санкцію.

Способы, посредствомъ которыхъ реформаторскій союзъ можетъ достигать своихъ цѣлей, могутъ быть самые разнообразные: вербованіе членовъ путемъ убѣдительной пропаганды устной и литературной (въ спеціальныхъ органахъ печати, преимущественно на древнееврейскомъ языкѣ); жизненная и литературная борьба съ предразсудками и мракобѣсіемъ и многосредственное сближеніе съ христіанами путемъ *смѣшанныхъ* реформъ. А въ силахъ недостатка не будетъ. Пусть только сколько нибудь выдающіеся и смѣлые представители нашей интеллигенціи поднимутъ знамя реформы,—и къ нимъ пристанутъ тѣ, которые, горячо сочувствуя реформамъ, боялись выражать это сочувствіе публично, прежде чѣмъ это сдѣлали другіе. Есть въ провинціи много такихъ скрытыхъ силъ; есть въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ „черты", немало честныхъ юношей, въ умахъ которыхъ уже громко звучитъ протестъ противъ отжившихъ религіозныхъ формъ, противъ гнета развращеннаго общественнаго мнѣнія, но они забиты, загнаны... Но пусть узнаютъ эти люди про серьезную иниціативу реформъ,—и въ нихъ встрепенется спящая энергія, заговоритъ умолкнувшій протестъ. И будутъ они дѣйствовать въ городахъ своихъ, будутъ будить погруженную въ глубокій сонъ массу... Много искренности въ этихъ людяхъ, много неподдѣльной любви къ народу, много тѣхъ благородныхъ, идеальныхъ стремленій, которыя столь часто встрѣчаются въ такихъ жертвахъ религіознаго и общественнаго гнета, когда у нихъ просыпается сознаніе.

Я долженъ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Сторонникамъ религіозной реформы обыкновенно противопоставляютъ въ печати такіе доводы и возраженія, которыя, будучи несостоятельны и шатки сами по себѣ, принимаются, однако, за чистую монету людьми, сознательно или по странному недоразумѣнію противящимися реформамъ. Я возьму здѣсь два-три возраженія

составляющія главное украшеніе убогаго арсенала антиреформистовъ, и постараюсь показать ихъ логическую и практическую несостоятельность. Разборъ противоположныхъ мнѣній будетъ нашей задачѣ очень полезенъ и послужитъ только *argumentum a contrario* для основныхъ положеній, высказанныхъ выше.

Сторонникамъ реформы обыкновенно указываютъ на Германію и Австрію и говорятъ: „Вотъ въ этихъ странахъ евреи уже эмансипировались путемъ реформъ отъ многихъ религіозныхъ особенностей, или даже совсѣмъ отреклись отъ религіознаго *credo;* они устремились къ ассимиляціи и уже многое успѣли въ этомъ направленіи. Но развѣ все это застраховало ихъ отъ антиеврейскаго движенія, развѣ всему этому удалось сдѣлать невозможнымъ такое позорное движеніе противъ евреевъ? Если нѣтъ, такъ въ чемъ же проявилась хваленая полезность реформы?“ На это можно отвѣчать ненаходчивымъ оппонентамъ, что религіозныя реформы въ Германіи, какъ ни много оставляютъ онѣ желать, какъ ни плохо были онѣ организованы, уже давно оказали свое благотворное вліяніе на нѣмецкихъ евреевъ, вопервыхъ тѣмъ, что дали имъ болѣе очищенную религію, избавили ихъ отъ вредныхъ, нелѣпыхъ предразсудковъ и обособленности и сдѣлали ихъ правоспособными и прогрессивными членами европейской семьи; вовторыхъ тѣмъ, что внушили нѣмецкому правительству увѣренность въ правоспособности евреевъ и въ стремленіи ихъ къ гражданской ассимиляціи и тѣмъ содѣйствовали, вмѣстѣ съ другими внѣшними причинами, ускоренію правовой эмансипаціи. Что же касается антисемитическаго движенія, котораго реформированное состояніе нѣмецкихъ евреевъ не могло устранить, то вѣдь антиреформисты могли, слѣдуя той же логикѣ, вывести, что и вся-то цивилизація европейская — сущій пустякъ, ибо не могла же она устранить такое скандалезное движеніе, какъ антисемитическое. Но они этого не скажутъ и будутъ доискиваться ближайшихъ причинъ этого движенія. Ища же, обрящутъ и узнаютъ: что причины антиеврейской агитаціи въ Германіи и Австріи кроются главнымъ образомъ въ общественной деморализаціи, замѣтной въ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе, въ

низкой личной конкурренціи, въ избирательной борьбѣ, въ которой евреи всегда перемѣщаютъ центръ тяжести на сторону либераловъ (про послѣднее даже поговорка сложилась: «Die Juden schlägt man und die Liberalen meint man») и въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о недостаточной зрѣлости нѣмцевъ для цивилизованной жизни, или о дурной и вредной системѣ правленія. Если же со стороны евреевъ и были кой-какіе поводы къ возбужденію противъ нихъ неудовольствія, то это только доказываетъ, что нѣмецкіе евреи *не вполнѣ* еще эмансипировались отъ бытовыхъ особенностей, вредныхъ въ соціальномъ отношеніи, и что имъ еще предстоитъ эти особенности устранять и, вообще, реформировать свой бытъ, сообразно съ идеями общественной справедливости.

Приводятъ еще одно возраженіе: французскіе-де евреи эмансипировались еще въ концѣ прошлаго столѣтія и безъ всякихъ религіозныхъ реформъ, а теперь положеніе ихъ такое, что слово «религіозная реформа» казалось бы имъ страннымъ анахронизмомъ; тоже же было и съ итальянскими, голландскими и англійскими евреями. Здѣсь опять игнорированіе обстоятельствъ времени и мѣста. Забываютъ, что французскіе евреи совсѣмъ иначе развивались въ послѣдніе два вѣка, чѣмъ польско-русскіе; уже въ прошломъ столѣтіи раввинизмъ былъ очень мало развитъ въ немногочисленной франко-еврейской общинѣ, и не снабжай ихъ равинами, меламедами и прочею традиціонною рухлядью Польша и Литва, одинъ Господь вѣдаетъ, что сталось бы съ французскимъ еврействомъ. Забываютъ еще, какія обстоятельства вызвали правовое уравненіе французскихъ евреевъ (революцію) и дальнѣйшій ходъ ихъ эмансипаціи. Гражданская обособленность давно уже не существовала, и весьма понятно, что, при постоянномъ общеніи, антирелигіозныя стремленія, присущія французскому народу, сообщились и еврейской его части, а при этомъ религіозныя реформы (какъ это мы видимъ теперь) становятся излишними. Наконецъ, надо же принять во вниманіе и численность французскихъ евреевъ: ничтожной горсти (составляющей едва-ли $^1/_{30}$ часть числа евреевъ въ Россіи) французскихъ евреевъ было, конечно, гораздо легче, даже помимо другихъ благопріятныхъ къ тому условій,

раствориться въ общемъ населеніи, чѣмъ громадной трехъ или четырехмилліонной русско-еврейской массѣ. Послѣднимъ можно также объяснить нынѣшнее положеніе евреевъ итальянскихъ, голландскихъ и отчасти англійскихъ. Среди англійскихъ евреевъ въ самое послѣднее время даже идетъ агитація въ пользу реформъ, что вызвано съ одной стороны религіозно-традиціонною цѣпкостью, свойственною англичанамъ и пріобщившейся и англійскимъ евреямъ (любопытно сопоставить въ этомъ отношеніи съ Франціей), а съ другой—постояннымъ притокомъ въ Англію польскихъ и русскихъ евреевъ, поддерживающихъ среди англійскихъ своихъ единовѣрцевъ религіозную косность.

Вообще, если мнѣ укажутъ на Францію и другія страны, гдѣ религіозная эмансипація какъ бы сама собою совершилась, помимо спеціальной ad hoc агитаціи, то я укажу на одну страну, представляющую поразительный примѣръ того, какъ, несмотря на правовую эмансипацію, религіозный застой и фанатизмъ среди евреевъ господствуетъ во всей своей средневѣковой красѣ. Эта страна (угадать не трудно) — Галиція, этотъ центръ еврейскаго ханжества и религіознаго тупоумія, эта отвратительная клоака раввинскихъ и хасидскихъ нечистотъ. Особенно русскимъ евреямъ слѣдуетъ почаще указывать на Галицію, какъ на нѣчто предостерегающее... Галиція—наша родная сестра; галиційскіе евреи—плоть отъ плоти нашей, всегда развивались вмѣстѣ съ нами, жили и живутъ съ нами одною духовною жизнью... Какъ они пользуются своимъ равноправнымъ положеніемъ?...

Но главное, общее возраженіе, выставляемое обыкновенно противниками реформъ, возраженіе, коимъ они мнятъ повергнуть носителей сихъ реформъ во прахъ, заключается въ слѣдующемъ: «Никакихъ реформъ не нужно,—разсуждаютъ они. *Просвѣщеніе и духъ времени*—вотъ единственныя силы, способныя обновить еврейство умственно и нравственно. Пусть евреямъ вздохнется легче, пусть распространяется между ними даже одно элементарное образованіе—и вы увидите, что настанетъ время, когда всякія религіозныя реформы будутъ излишны»... «Вспомните,—восклицаютъ они,—чѣмъ были русскіе евреи лѣтъ 30 — 40 тому назадъ, и посмотрите, чѣмъ они стали ны-

нѣ! Въ 40-хъ годахъ они, по поводу слуховъ объ устройствѣ первоначальныхъ для евреевъ школъ съ преподаваніемъ общихъ предметовъ, устанавливали всенародные посты, собирались въ синагоги и молились Господу, дабы минула ихъ чаша сія; а въ послѣднія десять лѣтъ многіе евреи не только не препятствуютъ своимъ дѣтямъ получать общее образованіе, но даже поощряютъ ихъ въ томъ. Лѣтъ 20 — 30 тому назадъ, въ еврейскихъ городахъ преслѣдовали всякаго еврея, позволявшаго себѣ носить короткій сюртукъ, остричь пейсы и сбрить бороду; преслѣдовали и сожигали всякія «трейфъ-посулъ», т. е. книги новоеврейской просвѣтительной литературы, да иногда, въ «кагальныхъ избахъ» при синагогахъ, подчивали спасительной поркой зазнавшихся «еретиковъ», т. е. кроткопейсыхъ, брадобритыхъ и короткополыхъ. А нынче такихъ «проступковъ» вовсе не преслѣдуютъ и въ большихъ городахъ смотрятъ на нихъ сквозь пальцы. Согласитесь, что это — прогрессъ громадный по отношенію къ недавнему прошлому. Вѣрьте же во всесильный духъ времени: онъ сдѣлаетъ свое лучше всякихъ реформаторовъ».

Съ перваго взгляда эти доводы могутъ показаться убѣдительными, неопровержимыми; но признать ихъ дѣйствительно такими можетъ только или поверхностность и недостаточное знакомство съ нынѣшнимъ бытомъ евреевъ, или же самодовольство и страусова политика. Конечно, нельзя отрицать, что въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ, русскіе евреи сдѣлали относительно громадныя уступки времени: и дѣтей многіе пускаютъ въ русскія школы, и короткіе сюртуки да бритыя бороды не преслѣдуются попрежнему; и еслибы нынѣ производилась государственная стрижка еврейскихъ пейсовъ, подобная той, какая была въ 1844 году, то евреи не подняли бы вѣроятно такого гвалта, какъ въ то достославное время... «Прогрессъ», взаправду, большой. Но вникните въ смыслъ этого «прогресса», присмотритесь къ проявленіямъ его въ жизни—и вы увидите, что это все—чисто внѣшнія, житейскія уступки, за которыми часто скрывается простой разсчетъ, да и уступки-то эти дѣлаются только меньшинствомъ... Гнетъ и произволъ общественнаго мнѣнія только чуть-чуть уменьшились относительно нѣкото-

рыхъ отступленій отъ формальнаго ритуала, посѣщеніе русской школы также *нѣкоторыми* изъято изъ числа тяжкихъ преступленій; но какъ смотрятъ наши «отцы» на всѣ эти уступки времени?—Авторъ этихъ строкъ, на основаніи наблюденій своихъ въ послѣднія 15 лѣтъ, давно уже пришелъ къ убѣжденію, что самымъ могучимъ стимуломъ къ посѣщенію «школъ» и къ нѣкоторому ослабленію общественнаго деспотизма послужило ничто иное, какъ то, что евреи называли «новымъ положеніемъ», т. е. уставъ о воинской повинности 1874 года. Это можетъ показаться многимъ парадоксальнымъ, но для меня это — очевидность, фактъ. Я иду дальше того и, на основаніи общественныхъ фактовъ, утверждаю, что кагальная власть (т. е. произволъ нѣкоторыхъ представителей общины надъ поступками и мнѣніями всѣхъ членовъ) de facto потеряла свой престижъ только послѣ 1874 года. Причина весьма ясная. То, что дало кагалу возможность деспотически властвовать надъ общиной, это — его фискальныя функціи, его представительство передъ правительствомъ въ качествѣ сборщика податей и отвѣтственнаго за исполненіе повинностей. Самою тяжкою и страшною для евреевъ повинностью была, по многимъ причинамъ, военная служба; а такъ какъ офиціальнымъ контролеромъ въ дѣлѣ набора рекрутовъ былъ кагалъ, то онъ и пользовался своими полномочіями съ возмутительнымъ деспотизмомъ. Не угодишь кому нибудь изъ его представителей лично, — нѣтъ тебѣ спасенія; не угодишь Богу, т. е. преступишь малѣйшій обрядъ, надѣнешь короткій сюртукъ и почитаешь русскую книжку, — опять таки пропала твоя голова, ибо кагалъ присвоилъ себѣ судебную власть и за проступки противъ небеснаго Царя, и свои запятнанныя невинною кровью руки обѣлялъ приношеніемъ очистительныхъ жертвъ изъ лагеря еретиковъ... Только передача отвѣтственнаго контроля за исполненіемъ евреями воинской повинности въ руки городскихъ властей (1874) лишила кагалъ его всемогущества... Тогда же начался до того небывалый приливъ евреевъ въ низшія, среднія и высшія учебныя заведенія. Приливъ этотъ объясняется главнымъ образомъ стремленіемъ воспользоваться льготами по образованію, установленными новымъ уставомъ о воинской повинности. Всѣ еще живо помнятъ, какъ вдругъ тогда

произошелъ переломъ въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ «отцовъ» къ русской школѣ; это было до того рѣзко и ощутительно, что не замѣчать этого было невозможно. Каждому изъ васъ, читатели, несомнѣнно, часто приходилось слышать разсужденія, въ родѣ слѣдующихъ. Встрѣчаются двое «отцовъ» и ведутъ такую рѣчь:

— А вотъ я—говоритъ одинъ—сынка таки въ гимназію и отдалъ. Что-жъ? Я расчелъ просто: замѣсто того, чтобъ ему 6 лѣтъ подъ ружьемъ служить, пусть лучше 8 лѣтъ въ гимназіи проштудируетъ. Все равно служба, да все таки не такъ опасно: и подъ моимъ присмотромъ будетъ, чтобы духу нееврейскаго не набрался, и «гореванія» не столько. А подъ конецъ, глянь—и льгота... Жаль мнѣ больно для солдатчины его кормить: еврейское дитя, вѣдь... Ну, и пустилъ его учиться, думаю, что Богъ проститъ мнѣ. Самъ знаешь, думалъ ли я или гадалъ, что мой сынъ попадетъ когда нибудь въ гимназію, надѣнетъ мундиръ и будетъ безъ шапки расхаживать да русскія книжки читать? О, это кара божья — нынче имѣть сыновей!..

— Я не согласенъ съ тобою, любезный. Напрасно Бога то гнѣвить, когда ужъ и такъ караетъ Онъ насъ немилосердно. У меня, какъ знаешь, три штуки, три будущихъ солдата, и не будь я евреемъ, если я хоть одного отдамъ въ «классы» (школу). Ужъ лучше пусть всѣ пойдутъ въ солдаты, чѣмъ мнѣ ихъ погубить собственными руками: на то вѣдь божья воля, а отдать въ школу, значитъ страшный грѣхъ на душу взять, *самому* сдѣлать ихъ „гоями". Пусть талмуду обучаются: тора спасетъ отъ всѣхъ золъ. И съ твоимъ совѣтовалъ бы я тебѣ такъ поступать: все-жъ приличнѣе и предъ Богомъ и предъ людьми...

Это — копія съ натуры; сплошь и рядомъ такъ говорятъ. Это—два прототипа всѣхъ нашихъ „отцовъ". Какъ эти „отцы", разсуждаютъ очень многіе, и большинство разсуждаетъ въ духѣ второго изъ упомянутыхъ „отцовъ".

Знаете ли вы, адепты „духа времени", что такое нынче борьба „отцовъ и дѣтей" въ еврейскомъ мірѣ? Это—борьба ужасная, надрывающая сердце, ибо противныя стороны борятся и наносятъ одна другой тяжкія раны не потому, чтобы онѣ другъ

друга не любили, а потому только, что *не могутъ понимать* другъ друга, не могутъ столковаться.. Нигдѣ, ни при какихъ умственныхъ кризисахъ, не существовало такого страшнаго разлада, такого религіознаго разногласія между двумя поколѣніями, старымъ и новымъ. И такъ какъ борьба эта подъ силу лишь исключительнымъ единицамъ, то большинство „дѣтей" или сдается на капитуляцію, или вовсе не приступаетъ къ борьбѣ и мирится со своимъ положеніемъ. Режимъ «отцовъ» еще крѣпокъ, и чаще всего „дѣти" вовсе ограждаются отъ вторженія вольнаго духа и, ничто же не сумняшеся, идутъ по вѣками протоптаннымъ дорожкамъ... И если вы, люди интеллигенціи, не хотите, чтобы еще долго длилась эта роковая борьба, если вы не хотите, чтобы черезъ нѣсколько поколѣній между отцами и дѣтьми существовали тѣ же неестественныя отношенія, какія существуютъ теперь, то дайте же руку помощи «дѣтямъ», дайте имъ точку опоры, опредѣлите имъ границы ихъ требованій, прекратите поскорѣй этотъ разладъ, внушите разумныя понятія *будущимъ* отцамъ...

Посмотримъ же въ жизни, каковы эти хваленыя уступки духу времени. Величайшая и самая важная уступка со стороны *нѣкоторой части* евреевъ—это, безспорно, согласіе обучать дѣтей въ русскихъ школахъ; но и „школа", какъ уже выше выяснено, составляетъ большею частью предметъ разсчета вполнѣ самобытнаго... *Принципіальныхъ* уступокъ никакихъ не сдѣлано. Дальше: терпимость къ сюртукамъ, къ бритымъ бородамъ etc. Да, дѣйствительно, за все это нынѣ *большею частью* не преслѣдуютъ, но все это только *терпятъ* (и опять таки не вездѣ), а при удобномъ случаѣ и теперь за такіе проступки караютъ. Во всякомъ случаѣ, на такихъ людей *почти вездѣ* смотрятъ недружелюбно, но непріязнь эта только скрытая, и по временамъ она прорывается. Да и въ настоящее время въ такихъ городахъ, гдѣ за короткій сюртукъ не тянутъ къ „суду"—за небрежное отношеніе къ субботнимъ обрядамъ ужъ навѣрно потянутъ, и хорошо, если только поколотятъ, а то и преслѣдуютъ, и кусокъ хлѣба отнимаютъ... Читайте о такихъ случаяхъ сообщенія газетъ, въ особенности древнееврейскихъ; но въ газеты не попадаетъ и сотой части изъ всего, что творится въ жиз-

ни. Спросите у провинціальной полуинтеллигенціи—у всѣхъ этихъ казенныхъ раввиновъ, учителей съ нѣкоторымъ общимъ образованіемъ, у юношей, украдкою набравшихся новаго духа, и т. п., спросите у нихъ, что имъ стоитъ нарушеніе ничтожнаго обряда, или, наоборотъ, что имъ стоитъ вынужденное соблюденіе всякихъ нелѣпостей, ихъ сознаніемъ отвергнутыхъ, но соблюдаемыхъ подъ Дамокловымъ мечемъ деспотическаго общественнаго мнѣнія? Этотъ робкій, забитый, зависимый людъ по большей части не смѣетъ даже протестовать противъ этого гнета надъ совѣстью... Но пусть раздастся протестъ единодушный—и всѣ эти забитые и угнетенные перейдутъ открыто на сторону протестантовъ.

Отъ „полуинтеллигенціи" перейдемъ къ интеллигенціи „полной". Говорю, конечно, не о пассивной, безразличной интеллигенціи, но о дѣятельной, заботящейся о народномъ благѣ. Какъ отнеслись многіе ея представители къ проявленію еврейскаго штундизма на югѣ Россіи (Библейское Братство) или къ реформаторскимъ попыткамъ „Новаго Израиля"? Положимъ, представители эти не могли согласиться съ новаторами въ частностяхъ, не могли одобрить внѣшнюю обстановку реформъ и т. п., не могли питать довѣрія къ самимъ личностямъ, ставшимъ во главѣ движенія. Но вѣдь они, съ рвеніемъ, достойнымъ благочестивыхъ раввиновъ, накинулись на самые *принципы*, на самыя идеи... Развѣ русская разумная интеллигенція и печать накинулись съ остервененіемъ на *русскихъ* штундистовъ? Наоборотъ, этимъ носителямъ раціонализма живо сочувствуютъ, въ нихъ видятъ зародышъ будущей великой организаціи и свое сочувствіе выражаютъ печатно, насколько это возможно при нынѣшнихъ условіяхъ... Да и *немыслимо*, чтобы человѣкъ разумный не сочувствовалъ стремленіямъ разумнымъ. А чѣмъ еврейская штунда хуже русской?... Ужъ если вы, порицатели «библейцевъ» — сторонники разныхъ „миссій" и «предназначеній», такъ почему-жъ бы вамъ не вѣрить, что, исполнивъ свою миссію по части распространенія въ мірѣ монотеизма, евреямъ предстоитъ нынѣ *продолжать* эту миссію и явить собою примѣръ религіознаго

раціонализма?.. Теперь, конечно, это звучитъ рѣзкой ироніей, но *по вашему*, вѣдь, это не будетъ непослѣдовательно...

Даже въ мелочахъ проявляется это необъяснимое рвеніе извѣстной части интеллигенціи. Изъ множества примѣровъ выберу два—три. Въ № 50 „Разсвѣта“ 1882 года, напечатано слѣдующее извѣстіе: „Изъ Варшавы намъ передаютъ, что при разсмотрѣніи на прошлой недѣлѣ въ окружномъ судѣ дѣла Барча, *два еврея*, приглашенные въ качествѣ экспертовъ, *обратились къ предсѣдателю съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ принимать присягу съ непокрытою головою* (вопреки еврейскому обычаю).. Предсѣдатель призналъ это ходатайство заслуживающимъ удовлетворенія, и эксперты-евреи принимали присягу съ непокрытою головою». Это извѣстіе редакція сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Экіе, подумаешь, «просвѣщенные» взгляды у нашихъ милыхъ „поляковъ Моисеева закона“! Не думаютъ ли эти ученые мужи своей демонстраціей заслужить похвалу Яна Матейки или его адвоката, пана Мохнадскаго?»...—Экіе, однако, просвѣщенные взгляды у редакціи „Разсвѣта“, негодующей на преступныхъ двухъ евреевъ, дерзнувшихъ принять присягу съ непокрытой головой? Не думаютъ ли эти ревнители изъ „Разсвѣта“ своей демонстраціей противъ «шапкоснимания» выслужиться у благочестивыхъ раввиновъ, или у почтенныхъ адептовъ покойныхъ Шрейбера и Салантера?—Еще одинъ примѣръ, очень свѣжій. Г. Цедербаумъ, редакторъ лучшей газеты на древнееврейскомъ языкѣ — „Гамелицъ“, узнавъ о томъ, что въ Одессѣ члены „общества еврейскихъ приказчиковъ“, по случаю какого-то празднества, заказали обѣдъ въ нееврейскомъ ресторанѣ, написалъ по этому поводу въ своей газетѣ статью, гдѣ убѣждаетъ участниковъ предстоящаго обѣда отказаться, Бога ради, отъ замысла своего—кушать нееврейскую пищу. И когда приказчики, убѣжденные филиппикою редактора, дѣйствительно „исправили свой промахъ“ и пообѣдали въ еврейскомъ ресторанѣ, названный редакторъ торжествовалъ побѣду. Когда же редакція „Восхода“ (въ «Хроникѣ» с. г. № 13) упрекнула г. Ц. въ неприличномъ ханжествѣ, послѣдній (въ „письмѣ“, № 15, Хроники“) объявилъ, что въ фактѣ оффиціальнаго обѣда

евреевъ въ нееврейскомъ ресторанѣ онъ усматриваетъ униженіе *національное* и что „всякое еврейское празднество, носящее національный оттѣнокъ, несомнѣнно должно быть устраиваемо *согласно съ принципами и обычаями этой національности*“. Затѣмъ г. Ц. объявляетъ, что на завтракѣ, данномъ г. Поляковымъ, по случаю открытія студенческой коллегіи, онъ, г. Ц., будучи на оный завтракъ приглашенъ, *только* присутствовалъ, но не кушалъ (ибо пища, конечно, приготовлена была не по требованіямъ талмуда и „Шулхонъ Оруха“). Не надо забывать, что г. Ц. самый либеральный изъ редакторовъ древнееврейскихъ газетъ и не разъ допускалъ въ своей газетѣ статьи въ реформаторскомъ духѣ... И этотъ почтенный дѣятель на практикѣ признаетъ авторитетъ тупоумныхъ раввиновъ и возмутительные нелѣпые законы ихъ о пищѣ! Смѣемъ увѣрить г. Ц., ревнителя нашей національной чести, что какъ выходкой противъ приказчиковъ, такъ и поведеніемъ своимъ на завтракѣ г. Полякова, онъ въ тысячу разъ больше позорилъ и еврейскую религію, и еврейскую національность, чѣмъ еслибы „осквернилъ“ собственный ротъ нееврейской пищей или допустилъ другихъ сіе учинить. Да, г. Ц., вы *опозорили* и унизили еврейскую религію въ глазахъ тѣхъ христіанъ, которые вашъ поступокъ замѣтили. Религія, предписывающая кушать одну пищу и отвергать другую, (поелику обѣ *безвредны*)—религія низкая, безнравственная; но подчиняющіеся такимъ предписаніямъ «интеллигентные» люди — даже непостижимы, ибо религія, въ общемъ хорошая, могла формироваться при извѣстныхъ грубыхъ понятіяхъ, чего нельзя сказать о современномъ человѣкѣ... Въ данномъ случаѣ, вы раввинскія выдумки и нелѣпости объявили существенной частью еврейской религіи (раввинами запятнанной) и подтвердили это публично...

Примѣры печальные, достойные сожалѣнія!.. А ихъ не мало вездѣ; въ жизни еще гораздо больше, конечно, чѣмъ въ литературѣ... Но это не должно насъ, однако, заставить въ отчаяніи опускать руки. Есть еще въ еврейской интеллигенціи люди искренніе, сами страдавшіе отъ религіознаго гнета и понимающіе страданія другихъ... На этихъ людей еще можно и должно надѣяться.

А вы, господа противники реформъ, если всѣ эти доводы васъ не убѣдили, неугодно-ли полюбоваться на Галицію? Подумайте объ этой Галиціи, присмотритесь: много, много поучительнаго увидите вы тамъ... И если васъ не страшитъ примѣръ галиційскихъ евреевъ, тогда оставайтесь при своемъ; если и этого довода вамъ недостаточно, тогда вы неисправимы, и съ вами больше говорить не остается.

Настаивая на полезности и своевременности *религіозныхъ* реформъ, я, конечно, не считаю послѣднихъ *единственнымъ* способомъ улучшенія даже одного только духовнаго быта евреевъ. Кромѣ *реформы религіозной*, (зависящей отъ самихъ евреевъ), и *реформы правовой*, (зависящей отъ инициативы правительства), есть еще рядъ реформъ крайне важныхъ и настоятельныхъ, осуществленіе которыхъ *зависитъ отъ соединенныхъ усилій правительства и евреевъ*. Это — полная отмѣна порядка *хедернаго*, талмудическаго воспитанія и замѣненіе его новымъ порядкомъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, какой установленъ для всѣхъ другихъ классовъ русскаго общества. Во избѣжаніе же рѣзкаго перехода отъ старой системы воспитанія къ новой, отъ спеціально-талмудическаго воспитанія къ общеобразовательному, слѣдуетъ признать на неопредѣленный срокъ необходимыми начальныя еврейскія училища, въ которыхъ преподавались бы элементарныя *общія* познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ *спеціально-еврейскія* (древне-еврейскій языкъ, изученіе Библіи, еврейская исторія и особенно *исторія іудаизма*). Причемъ, въ виду того, что *всякій* еврейскій отецъ отдаетъ своихъ дѣтей въ хедеръ и платитъ за нихъ меламеду minimum 30 рублей въ годъ, правительство можетъ признать обязательными соотвѣтственные взносы и въ пользу школъ, въ видѣ-ли предварительнаго налога, или въ видѣ платы за ученіе. Репрессаліи относительно хедеровъ понадобились бы, какъ неизбѣжное зло, только въ первые годы; спустя два-три десятка лѣтъ хедеръ сдѣлался бы уже достояніемъ исторіи. Равнымъ образомъ, должны быть упразднены „ешиботы“, своеобразные разсадники, изъ которыхъ съ головою, переполненною религіозно-схоластической дребеденью, выходятъ наши раввины, слѣпые руководители нашего

ослѣпленнаго народа. Устройство нѣсколькихъ раввинскихъ семинарій, на образецъ нѣмецкихъ, образованіе особой еврейской консисторіи и выдача новымъ духовнымъ раввинамъ изъ питомцевъ семинаріи жалованія изъ казны,—все это постепенно упраздняло бы одинъ изъ самыхъ вредныхъ и тормозящихъ прогрессъ элементовъ—современный духовный раввинатъ (казенные же раввины, какъ уже много разъ выяснено, только даромъ коптятъ небо и, при новомъ строѣ, ихъ ничтожныя функціи могли бы быть переданы новымъ духовнымъ раввинамъ).*

Кромѣ этой великой реформы воспитанія, равнозначительной всѣмъ религіознымъ реформамъ вмѣстѣ взятымъ, но нуждающейся въ ихъ постоянномъ содѣйствіи, кромѣ этого, отъ соединенныхъ усилій правительства и евреевъ зависитъ еще успѣшная борьба со страшнымъ зломъ, деморализующимъ большую часть еврейской массы—съ цадикизмомъ и съ злоупотребленіями хасидизма. Если противъ раввинизма могутъ быть дѣйствительны реформы, то для борьбы съ хасидизмомъ безъ репрессалій нельзя обойтись. Эпидемія цадикистская въ послѣдніе годы не только не ослабляется, но даже весьма замѣтно крѣпнетъ и расширяется. Для борьбы съ этой нравственной

---

* Недавно, какъ извѣстно, распространился, слухъ, что «Общество для распростр. просв. между евреями» ходатайствуетъ объ открытіи раввинской семинаріи. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то «Общество» сдѣлало-бы нѣчто по истинѣ великое и благотворное.—Характерно, однако, то, что прежде чѣмъ «Общество» успѣло хоть намекомъ подтвердить справедливость упомянутаго слуха, мракобѣсцы-раввины и цадики уже подняли гвалтъ (см. „Нед. Хронику Восхода“ № 14 с. г.) и полѣзли съ прошеніями и *доносами* къ высшей власти. А ешиботники-то бѣдные какъ обрадовались, узнавъ о намѣреніи «Общества» устроить для нихъ раціональныя семинаріи (см. корресподенцію изъ Воложина и Бобруйска въ №№ 12 и 14 «Нед. Хр. Восхода»)!.. Эти бѣдные юноши успѣли уже, должно быть, кое-что вкусить тайкомъ отъ древа познанія, запрещеннаго строжайше въ ешиботахъ; имъ надоѣла, ихъ измучила нелѣпая схоластика. Интересно знать, чьи требованія «Обществомъ» будутъ болѣе уважены: требованія-ли фанатиковъ-раввиновъ и цадиковъ, продиктованныя соображеніями самаго низкаго разбора, или эти робкія заявленія забитыхъ и несчастныхъ юношей, заявленія искренныя, честныя, продиктованныя стремленіями самыми благородными, стремленіемъ къ наукѣ, къ современному образованію? Чей голосъ будетъ услышанъ: вой хищныхъ волковъ или за сердце хватающіе крики бѣдныхъ овечекъ?

порчей необходимы чрезвычайныя мѣры. Говорятъ обыкновенно, что репрессаліи ни къ чему не поведутъ и только разожгутъ фанатизмъ. Я, конечно, не утверждаю, что репрессаліи могутъ искоренить цадикизмъ, какъ зло умственное; но я раздѣляю увѣренность покойнаго Оршанскаго, что онѣ могутъ и должны парализовать его непосредственно практическій вредъ.

Такъ какъ въ настоящей статьѣ я задался цѣлью дать нѣкоторую постановку только вопросу о религіозныхъ реформахъ, то я и не стану входить въ подробное обсужденіе реформъ, въ родѣ хедерной, раввинской и др. Равнымъ образомъ въ задачу этой статьи не входитъ обсужденіе реформъ экономическаго характера, поелику онѣ зависятъ отъ самихъ евреевъ (расширеніе дѣятельности „Ремесленнаго и земледѣльческаго Фонда" и т. п.).

Варшавская реформатская газета „Israelita" слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общія требованія реформаторовъ: *

a) Устраненіе изъ практически-религіозной жизни евреевъ всѣхъ условій, вліяющихъ на упроченіе обособленности евреевъ среди общества, которой они составляютъ часть; устраненіе всѣхъ различій въ понятіяхъ, стремленіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ, насколько они не особенно тѣсно связаны съ догматическими основами вѣры.

b) Устраненіе всѣхъ ритуальныхъ обычаевъ и обрядностей, которыя были вызваны въ свое время разными обстоятельствами, но которыя не имѣютъ теперь никакого значенія, а составляютъ только тяжелое бремя и мѣшаютъ общественному единенію евреевъ съ людьми и цивилизаціей вѣка.

c) Урегулированіе синагогальнаго культа въ духѣ идей и требованій эпохи устраненіемъ изъ него всѣхъ наслоеній давнихъ временъ, которыя (наслоенія) теперь не говорятъ ничего уму молящагося и звучатъ въ его устахъ ложью.

d) Измѣненіе системы религіознаго воспитанія дѣтей — что́ особенно касается русско-польскихъ евреевъ — т. е. преобразованіе хедеровъ въ духѣ современной педагогики.

Таковы *общія* требованія сторонниковъ религіозныхъ ре-

* Приведено въ «Нед. Хрон. Восхода» 83 г., № 9.

формъ. Способы же примѣненія реформъ, равно какъ постепенность, которую слѣдуетъ соблюдать, въ интересахъ практическаго успѣха—все это вкратцѣ намѣчено выше.

VI.

Въ заключеніе, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ по поводу одного способа „самоэмансипаціи“, который въ последнее время усиленно рекомендуется русскому еврейству, какъ панацея противъ всякихъ золъ, и о которомъ я выше обѣщалъ поговорить. Намъ придется ограничиться краткимъ обсужденіемъ этого вопроса, именно настолько, насколько это имѣетъ отношеніе къ общей задачѣ настоящей статьи.

Приверженцы упомянутаго способа рѣшенія еврейскаго вопроса полагаютъ все спасеніе евреевъ въ пріобрѣтеніи послѣдними собственной территоріи. Авторъ извѣстной брошюры „Autoemancipation“, наиболѣе талантливый и трезвый представитель этого образа мыслей, слѣдующимъ образомъ резюмируетъ выводы, сдѣланные имъ изъ анализа прошлаго и настоящаго еврейства. «Евреи не составляютъ живой націи; они повсюду чужіе, почему ихъ и презираютъ. Гражданской и политической равноправности недостаточно, чтобы поднять ихъ во мнѣніи массы. Настоящее, единственное средство заключается въ созданіи еврейской національности, въ созданіи народа на собственной почвѣ, въ самоосвобожденіи евреевъ, въ ихъ равноправности, какъ націи между другими націями, что можетъ быть достигнуто пріобрѣтеніемъ собственнаго отечества. Пусть не убаюкиваютъ себя мечтой, что гуманность и просвѣщеніе когда нибудь сдѣлаются радикальными средствами для исцѣленія болѣзни народа нашего. Недостатокъ національнаго самосознанія и довѣрія къ своимъ силамъ, недостатокъ политической предпріимчивости и единства — вотъ враги нашего національнаго возрожденія. Дабы избавиться отъ необходимости попадать изъ одного изгнанія въ другое, намъ необходимо имѣть обширную и плодородную территорію, которая бы служила намъ убѣжищемъ, сборнымъ пунктомъ и составляла бы нашу собственность. Настоящій моментъ наиболѣе благопрія-

тенъ осуществленію этого плана. *Интернаціональный* еврейскій вопросъ долженъ имѣть рѣшеніе въ духѣ національномъ. Конечно, наше народное возрожденіе можетъ подвигаться очень медленно; но мы должны сдѣлать первый шагъ; наши потомки пойдутъ за нами по тому же пути постепенно. Національное возрожденіе евреевъ должно имѣть прецедентомъ съѣздъ еврейскихъ нотаблей».

Эти общіе тезисы, выставленные авторомъ „Autoemancipation", служатъ исходными пунктами для сторонниковъ политическаго возрожденія всѣхъ оттѣнковъ. Расходятся только относительно практическихъ способовъ осуществленія этой идеи. Авторъ «Autoemancipation» полагаетъ, что, по выдѣленіи евреевъ изъ другихъ народовъ въ отдѣльное цѣлое, пріобрѣтеніе собственной почвы можетъ имѣть мѣсто на любомъ пунктѣ земного шара, гдѣ только національно-политическое объединеніе евреевъ встрѣтитъ наименѣе препятствій. Этотъ планъ имѣетъ на своей сторонѣ самое ничтожное число сторонниковъ. Гораздо больше приверженцевъ имѣетъ другой планъ реставраціи еврейства, а именно: что объединеніе еврейскаго народа, національное возрожденіе и возстановленіе политической самостоятельности должны послѣдовать только на почвѣ *Палестины*, съ которой евреи связаны историческими и религіозными узами.

Возьмемъ сначала *теоретическую* сторону вопроса, игнорируя на время степень практической осуществимости способовъ, предлагаемыхъ для его разрѣшенія. Мы видимъ, что идея политическаго возрожденія еврейскаго народа стала съ особенной силой проявляться въ послѣдніе годы, подъ непосредственнымъ вліяніемъ антиеврейскихъ движеній. Многіе, которые прежде отнеслись къ этой идеѣ, какъ къ праздной мечтѣ, нынѣ стали ея горячими приверженцами. Не свидѣтельствуетъ ли уже одно это обстоятельство, что идея политическаго возрожденія составляетъ результатъ обобщенія чисто эфемернаго, что исходная точка этой идеи могла пріобрѣсти raison d'être только подъ вліяніемъ событій, ненормальность которыхъ признается всякимъ непредубѣжденнымъ человѣкомъ? А если такъ, то не рискуетъ ли эта идея потерять почву подъ собою, лишь

только исчезнуть условія, ее вызвавшія? Сторонники «возрожденія», правда, утверждаютъ, что вражда къ евреямъ будетъ вѣчно существовать, что евреи всегда будутъ считаться чужими среди другихъ народовъ; но чѣмъ они объяснятъ въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что подъ вліяніемъ освободительнаго направленія послѣднихъ двухъ вѣковъ вражда къ евреямъ во *всѣхъ* странахъ значительно ослабѣла, а въ нѣкоторыхъ (Франція, Голландія, Италія, Англія) почти совершенно исчезла? Если они приведутъ въ доказательство антиеврейское движеніе послѣднихъ пяти лѣтъ, то этимъ вѣдь они обнаруживаютъ поверхностный характеръ своихъ обобщеній. Разъ *должны* они признать фактъ, что освободительныя идеи новаго времени улучшили положеніе евреевъ и ослабили вражду къ нимъ, они уже должны искать причинъ временнаго усиленія этой вражды въ обстоятельствахъ, съ духомъ новаго времени несогласныхъ и eo ipso—неустойчивыхъ, временныхъ. Временныя же обстоятельства порождаютъ и временныя идеи.

Но проповѣдники политической «самоэмансипаціи» и въ особенности вліятельная ихъ часть — «палестинцы», довольно послѣдовательны въ своей односторонности. Они дѣйствительно хотятъ установить нѣчто въ родѣ закона регресса въ развитіи человѣчества. Въ доказательство того, что націонализація или, точнѣе, *политическая дифференціація* народныхъ единицъ составляетъ аттрибутъ послѣднихъ десятилѣтій, они ссылаются на примѣры Румыніи, Болгаріи, Сербіи etc., и даже въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы они открываютъ пробужденіе національнаго чувства. Изъ этого они заключаютъ, что нынѣ наступило торжество націоналистическаго принципа, а потому евреи должны приспособиться къ новымъ условіямъ культуры и выдѣлиться также въ живую націю. Но подобныя сужденія, (нынѣ, къ сожалѣнію, преобладающія), обнаруживаютъ нетолько поверхностное отношеніе къ исторіи, но и недостаточное пониманіе современнаго хода событій и полное смѣшеніе понятій. Какъ политическое возрожденіе нѣкоторыхъ маленькихъ народностей, такъ и шовинизмъ, (да, шовинизмъ, а не пробужденіе „національнаго чувства“), господствующій теперь въ международныхъ сношеніяхъ культурныхъ странъ, составля-

ютъ очевидный результатъ системы милитаризма. Упомянутыя маленькія народности получили автономію по случаю последней восточной войны и последующихъ дипломатическихъ разсчетовъ; автономія для нихъ была действительнымъ благомъ, ибо ассимилироваться съ народами, отъ коихъ оне были зависимы, оне не могли, вследствіе культурнаго различія. И вотъ почему мы замечаемъ, что долго подавлявшееся національное чувство, после освобожденія, проявляется у этихъ народцевъ съ особенною силою; но интенсивность этого чувства все более уменьшается по мере того, какъ народности эти входятъ въ колею независимой жизни. Что же касается „націоналистическаго" характера нынешнихъ международныхъ отношеній, то это опять таки временный результатъ милитарнаго порядка (какъ напр. идеи военнаго реванша и территоріальныя присоединенія). Если же эти случайныя явленія не должны поколебать силу историческаго закона, вытекающаго изъ самой сложной индукціи, закона, гласящаго, что въ международныхъ, какъ и въ междучеловеческихъ отношеніяхъ эгоизмъ мало по малу уступаетъ альтруизму, по мере духовнаго развитія человечества, — если такъ, то мы должны признать современныя международныя отношенія аномаліями, вытекающими изъ временныхъ условій. Такими ихъ и признаютъ все здравомыслящіе люди. Делать же смелыя обобщенія на основаніи и *въ духе* временныхъ аномалій логически несостоятельно и непрактично.

Если мы изъ области общекультурныхъ умозреній перейдемъ на почву практическую, то заметимъ, какъ мало применимы къ еврейству въ данномъ его состояніи все эти теоретическіе выводы, (если бы даже они и оказались состоятельными). Мы увидимъ, какъ люди силятся образовать нечто изъ ничего; но такая конкурренція съ Господомъ Богомъ наврядъ ли окажется имъ подъ силу. Действительно, всякій, знающій еврейство практически, а не по немецкимъ книжкамъ, глубоко убежденъ, что у евреевъ нетъ того національнаго чувства, которое могло бы подвинуть народъ на дело самоосвобожденія и политическаго возрожденія. *Одно* звено связываетъ евреевъ: *религіозное единство*. Чувство принадлежности къ одному религіозному культу, (при чемъ подъ последнимъ

подразумѣвается совокупность внѣшнихъ обрядовъ и обычаевъ), идея о богоизбранности, съ одной стороны, и вѣковыя преслѣдованія за эти идеи — съ другой,—вотъ причина того, почему евреи остались и остаются народной единицей. У евреевъ нѣтъ *національнаго* единства, а только религіозное; еврейскій народъ (по прекрасному выраженію Л. Гордона) представляетъ собою «Божье стадо». Религія, въ самомъ испорченномъ смыслѣ этого слова, управляетъ всѣмъ въ жизни еврея, регулируетъ всякій его шагъ. И религіозность еврейства именно такова, что рѣзко противорѣчитъ идеѣ политическаго самоосвобожденія. Еврейство по *религіозной* обязанности надѣется на политическое возрожденіе, но путемъ традиціоннымъ и при извѣстной обстановкѣ. Это еврейство признаетъ *антирелигіозными* всякія попытки возстановить еврейское царство какими бы то ни было другими способами, кромѣ сверхъестественнаго, догматическаго,—и «палестинцы» убѣждаются въ этомъ, конечно, на каждомъ шагу.

Иные изъ „палестинцевъ" мотивируютъ свои стремленія не только политическимъ, но и духовно-культурнымъ возрожденіемъ еврейства *. Еврейскій народъ—говорятъ они—создалъ нѣкогда на почвѣ Палестины идеальный политическій строй; принципы религіозности и государственности сочетались въ этомъ строѣ съ удивительной гармоніей. Послѣ лишенія политической самостоятельности, еврейство, оторванное отъ родной почвы, развивалось односторонне; культурные идеалы, связанные съ политической независимостью, растеряны ими на пути въ долгихъ странствіяхъ. Возвращеніе евреевъ на почву Палестины ознаменовало бы собою также возвращеніе къ тому культурному состоянію, въ которомъ оно находилось въ лучшую пору своей самостоятельной государственной жизни. Палестинофильство, въ такомъ смыслѣ, есть тоска по прерванной творческой дѣятельности на пользу всего человѣчества, но

---

* Выразителемъ этихъ взглядовъ является отчасти г. С. Лурье въ своей статьѣ „Будущее въ прошедшемъ. Палестинофильство и общечеловѣческая культура" („Рус. Еврей" 1883, № 7). Но въ этомъ фельетонѣ паеосъ автора, хотя бы и искренній, едва ли способенъ искупить почти полное отсутствіе фактической аргументаціи, безспорно необходимой, если желаешь не только распространить, но и убѣдить.

утраченнымъ культурнымъ идеаламъ. Я думаю, излишне указывать, что эта теорія «палестинофильства», будучи результатомъ умозрительныхъ комбинацій, не можетъ претендовать на какое либо практическое значеніе. Во первыхъ, если тоска по культурномъ творчествѣ прошедшаго можетъ кого воодушевлять, то только единичныхъ личностей, способныхъ къ философскимъ обобщеніямъ, но не массу. Въ еврейской массѣ не проявляется и подобія той тоски по „культурной дѣятельности", которую авторъ вышеуказанной статьи называетъ палестинофильствомъ; и не проявляется она ни сознательно, ни безсознательно. Прежде всего еврей въ предписанные моменты «тоскуетъ» о Іерусалимѣ, потому что тосковать велѣно, потому что это составляетъ «мицву» и за это на „томъ свѣтѣ" даютъ „сехаръ"; затѣмъ еврей сѣтуетъ въ молитвахъ, что храмъ разрушенъ, что ни жертвоприношеній, ни левитовъ нѣтъ (характерна въ этомъ отношеніи молитва „umipnei chatoeinu" и въ особенности іомъ-кипурская „avoida"), т. е. тоскуетъ въ извѣстные торжественные дни по чисто-церемоніальной сторонѣ библейскаго культа. Никакихъ «творческихъ, культурныхъ идей» мозаизма и древней государственности онъ не знаетъ и не подозрѣваетъ, чтобы таковые были... Онъ видитъ мозаизмъ сквозь призму раввинизма и внѣшней традиціи. Что же касается предполагаемаго воздѣйствія палестинской почвы на возстановленіе «культурной» дѣятельности освобожденнаго еврейства, то это опять-таки миѳично. Развѣ достаточно того факта, что греческій народъ жилъ и живетъ по сію пору на своей территоріи, для того, чтобы современная Греція могла продолжать культурную дѣятельность древней Греціи? Скажутъ, что новая Греція сдѣлалась страной христіанскою и измѣнила древнеэллинскимъ воззрѣніямъ; такъ вѣдь и еврейство сдѣлалось раввиническимъ и измѣнило воззрѣніямъ мозаизма. Какъ будто культурное главенство составляетъ атрибутъ извѣстнаго народа или расы во всѣ времена, а не есть продуктъ историческихъ условій! Современные греки безразличны для культуры, не смотря на ихъ происхожденіе и на «почву», на которой они находятся, а бывшіе дикари, тевтоны и франки нынѣ направляютъ и даютъ

тонъ общечеловѣческой культурѣ. Какъ іудаизмъ, такъ и эллинизмъ, оба эти фактора древней цивилизаціи, теперь вошли какъ составныя части въ современное міровоззрѣніе человѣчества, растворились въ немъ и *отдѣльнаго* значенія въ практическомъ отношеніи имѣть не могутъ.... Впрочемъ, все это излишне доказывать. Мысль же, что современное талмудическое еврейство, утвердившись въ Палестинѣ, способно возродить свой древній культурный строй и осуществить на практикѣ идеалы чистаго мозаизма, не выдерживаетъ (по вышеприведеннымъ соображеніямъ и по многимъ другимъ, всѣмъ извѣстнымъ) никакой критики.

Въ увлеченіи идеею колонизаціи, какъ мы уже говорили, есть нѣкоторая доля истины, которой идея эта обязана своимъ существованіемъ. Именно, колонизація, какъ средство экономическое, есть великое дѣло, заслуживающее самой энергичной пропаганды. Эмиграція хотя бы двухсотъ тысячъ евреевъ въ Америку или даже въ палестинскія земледѣльческія колоніи была бы благодѣтельна въ экономическомъ отношеніи какъ для эмигрирующихъ, такъ и для остающихся въ «чертѣ осѣдлости». Я всегда считалъ и считаю, что эмиграція нѣкоторой части русскихъ евреевъ въ великую страну свободы для занятія земледѣліемъ, при извѣстныхъ шансахъ на успѣхъ, была бы истиннымъ счастіемъ для эмигрантовъ, даже независимо отъ тѣхъ условій, которыя заставляютъ ихъ выселиться. Жить въ странѣ болѣе цивилизованной для евреевъ конечно лучше чѣмъ въ странѣ менѣе цивилизованной... Но колонизація, какъ панацея противъ всѣхъ золъ, какъ способъ рѣшенія всего русско-еврейскаго вопроса, или, проще, какъ способъ освобожденія всѣхъ трехъ милліоновъ русскихъ евреевъ,—такая колонизація составляетъ не болѣе, какъ химеру. Какъ ни фантастичны замыслы „палестинцевъ", но и они, если пораздумаютъ, найдутъ, что никогда они не переселятъ въ Палестину или куда либо и пятой части всѣхъ русскихъ евреевъ. Практическій максимумъ колонизаціи при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ составить цифру въ 100,000 человѣкъ. А между тѣмъ многіе серьезно считаютъ вопросъ о колонизаціи вопросомъ всееврейскимъ, средствомъ

единоспасающимъ; считаютъ нужнымъ посвятить все свое вниманіе весьма еще гадательному устройству сотни тысячъ человѣкъ и забываютъ про три милліона. Жаль, искренно жаль, что многія молодыя силы тратятся всецѣло на то, на что слѣдовало бы тратить лишь соразмѣрное съ результатами, т. е. весьма незначительное количество силъ.

«Будущее въ прошедшемъ!»—провозглашаютъ палестинцы. Нѣтъ, не въ прошедшемъ, а въ будущемъ всего человѣчества. Евреи давно уже могли убѣдиться на дѣлѣ, что единственное спасеніе и благо ихъ—какъ одной изъ наиболѣе культуроспособныхъ частей человѣчества,—въ цивилизаціи. Пусть же они самореформированіемъ, уничтоженіемъ въ своей средѣ антипрогрессивныхъ элементовъ и религіозно-соціальнымъ возрожденіемъ приготовляются къ этому общечеловѣческому развитію.

С. Дубновъ.

ГОШАННА РАВВА.

ПОВѢСТЬ ЗАХЕРЪ-МАЗОХА *.

(Продолженіе).

Въ эту пору въ нашей сторонѣ жилъ одинъ дворянинъ, Калиновскій. Кто не знаетъ его въ Галиціи? До кого не доходила хоть какая нибудь сумасшедшая, отчаянная, часто даже скверная, но всегда веселая исторія изъ его жизни? Не даромъ сдѣлался онъ средоточіемъ своего рода легендарнаго круга, точно германскій Зигфридъ или испанскій Сидъ.

Этотъ Калиновскій, владѣлецъ имѣнья Гарай, былъ истый польскій магнатъ временъ гордой и безпечной республики. Глядя на него, казалось, что онъ заснулъ подъ чарами какого нибудь волшебника еще въ царствованіе Августа III, проспалъ смуты при Станиславѣ Августѣ, конфедераціи, раздѣлъ Польши и чрезъ сто лѣтъ вдругъ проснулся, проснулся свободнымъ, независимымъ, владычествующимъ польскимъ дворяниномъ между нѣмецкими чиновниками, между нѣмецкими поселянами, которые отказывались быть рабами, и между евреями, которые не позволяли даже бить себя.

Это послѣднеео бстоятельство было, очевидно, для Калиновскаго непріятно, потому что колотить евреевъ доставляло ему величайшее наслажденіе. Нисколько неудивительно поэтому, что онъ постоянно имѣлъ дѣло то съ тѣмъ, то съ другимъ судомъ и что его приговаривали къ значительнымъ денежнымъ штрафамъ. Но онъ платилъ, платилъ охотно, платилъ даже съ радостью всѣмъ этимъ „жидамъ“, лишь

---

* См. «Восходъ», кн. V—VI.

бы только не лишаться возможности играть съ ними свои разнообразныя штучки. И каждый еврей спѣшилъ скрыться каждый разъ, какъ усматривалъ его приближеніе верхомъ, въ старо-польскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи казака, съ кидавшимися вправо и влѣво зоркими взглядами, похожими на взоръ коршуна, высматриаающаго себѣ добычу.

Калиновскій былъ безпорно очень красивый мужчина, въ которомъ все дышало самымъ утонченнымъ аристократизмомъ, даже нѣкоторою царственною величавостью. Онъ могъ быть очень милымъ въ обществѣ, очень обходительнымъ, очень услужливымъ, но женщины не любили его, онѣ скорѣе питали къ нему страхъ и въ этомъ случаѣ не составляли исключенья, потому что его боялись всѣ. Женщинамъ былъ страшенъ его дерзкій цинизмъ, старикамъ — его злое, изобрѣтательное остроуміе, молодымъ людямъ — его сабля, евреямъ—его хлыстъ, чиновникамъ—его дикая необузданность, которая издѣвалась надъ всякимъ закономъ, всякимъ правомъ. Почти въ такой же степени боялись всѣ его стараго казака Бурака, стараго пьяницу, который, будучи слѣпо преданъ своему господину, не отступалъ ни передъ чѣмъ, какъ скоро предстояло выполнить то или другое приказаніе пана Калиновскаго.

Зиму Калиновскій проводилъ въ Лембергѣ, теплое время года—въ своихъ помѣстьяхъ. Тутъ онъ чувствовалъ себя менѣе стѣсненнымъ, хотя и въ столицѣ къ блестящему высшему кругу и „образованнымъ“ евреямъ онъ относился также презрительно и безцеремонно, какъ къ своимъ крестьянамъ и своимъ грязнымъ жидамъ. Присутствіе губернатора, принца императорской фамиліи, человѣка очень набожнаго, не мѣшало пану Калиновскому творить и въ городѣ нѣкоторыя изъ самыхъ отчаянныхъ штукъ своихъ.

Маленькій дворецъ его въ Лембергѣ примыкалъ непосредственно къ „валу“—любимому мѣсту прогулки евреевъ въ шабашъ и христіанъ—во всѣ остальные дни недѣли. И вотъ, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда здѣсь играла военная музыка и собралось все лучшее общество Лемберга, вдругъ раздался громкій крикъ ужаса. Что это? Пожаръ въ Серваницѣ? Или вспыхнуло возстаніе? Или —

какъ это уже случилось однажды въ двадцатыхъ годахъ — обрушилась башня ратуши? Ни то, ни другое, ни третье. Калиновскій появился на балконѣ своего дворца въ томъ видѣ, какъ его мать родила, и куря свою длинную трубку, весело смотрѣлъ на прогуливавшихся дамъ, которыя, понятно, разбѣгались отъ этого зрѣлища во всѣ стороны. Старая княгиня Мощинская даже упала въ обморокъ; это была добродѣтельнѣйшая дама во всей польской аристократіи, потому что она никогда не имѣла больше одного любовника за-разъ.

Само собою разумѣется, что Калиновскаго потребовали къ суду и подвергнули наказанію.

Въ другой разъ его пригласили къ католическому архіепископу на большой обѣдъ, куда были позваны сливки общества — высшіе чиновники, генералы, первые магнаты и самыя родовитыя барыни. Обѣдъ давался по случаю важнаго событія, важнаго и въ церковномъ, и въ художественномъ отношеніи: архіепископъ купилъ въ Италіи, за неслыханную въ Галиціи цѣну, Мадонну работы Карло Дольче, и вотъ эту-то знаменитую картину намѣревался хозяинъ торжественнно показать своимъ гостямъ послѣ обѣденнаго стола. Шествіе двинулось сквозь нескончаемый рядъ роскошныхъ покоевъ въ главную залу, гдѣ Мадонна помѣщалась на мольбертѣ, закрытомъ зеленымъ занавѣсомъ. Когда всѣ усѣлись полукругомъ, достопочтенный служитель церкви съ волненіемъ подошелъ къ мольберту и собственноручно отдернулъ занавѣсъ. Стоя спиною къ картинѣ, онъ еще весь сіялъ набожнымъ блаженствомъ, когда ужасъ выразился уже на всѣхъ лицахъ, и старая графиня Мощинская упала въ обморокъ.

Вмѣсто Мадонны Карло Дольче на мольбертѣ стоялъ портретъ извѣстной лембергской Фрины, и притомъ далеко не въ мадонски-скромномъ туалетѣ и въ еще менѣе мадонской позѣ.

Понятно, что это была новая продѣлка Калиновскаго.

Но необузданный польскій шляхтичъ могъ быть также добродушнымъ и милымъ человѣкомъ. Въ лембергской нѣмецкой труппѣ находилась въ то время одна пѣвица, пользовавшаяся общимъ уваженіемъ

только какъ артистка, но и какъ женщина. Она жила съ мужемъ въ полномъ мирѣ и согласіи, воспитывала своихъ дѣтей и вела свое маленькое хозяйство наилучшимъ образомъ. Но хозяйство это было ужъ очень маленькое, а подъ-часъ и бѣдноватое, потому что честная нѣмка не принимала ни отъ кого подарковъ, и не разъ случалось ей самой ходить на рынокъ за провизіей въ то время, когда другія театральныя барыни принимали своихъ поклонниковъ, лежа на роскошныхъ оттоманкахъ.

Однажды, утромъ она проходила по „валу", возвращаясь съ рынка и съ большимъ трудомъ таща на рукѣ большую корзинку, наполненную мясомъ и разной зеленью. Калиновскій какъ разъ въ это время курилъ у себя на балконѣ свою длинную турецкую трубку. „Сударыня, позвольте"! раздался вдругъ голосъ позади пѣвицы; она оглянулась—Калиновскій бѣжалъ за нею въ халатѣ и съ открытой головой, взялъ изъ ея рукъ, не смотря на ея сопротивленіе, тяжелую ношу и донесъ все до ея квартиры.

Это была одна изъ его добрыхъ штукъ.

Но евреямъ, особенно въ деревнѣ, гдѣ онъ цѣлое лѣто ѣздилъ верхомъ, ловилъ рыбу, охотился, приходилось узнавать его только съ нехорошей, злой стороны. Онъ зналъ, что для евреевъ, со времени египетской переписи непріятно и оскорбительно, когда ихъ пересчитываютъ, и потому, каждый разъ, какъ ему случалось встрѣтить фуру, онъ непремѣнно останавливалъ ее и пересчитывалъ пальцемъ ея обитателей, которые частью заползали подъ сидѣнье, часто осыпали его страшнѣйшими проклятіями. Или, усмотрѣвъ на полѣ еврея, который старался скрыться отъ него, онъ прицѣливался въ него своей палкой.

— Вай миръ! — кричалъ еврей: — какъ можно стрѣлять въ человѣка?

— Болванъ! Вѣдь палка не заряжена.

— Коли Богъ захочетъ, такъ и палка выстрѣлитъ.

И еврей былъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ не правъ, потому что

Что

Калиновскій дѣйствительно убилъ однажды его единовѣрца своимъ хлыстомъ.

Дѣло происходило такъ. Калиновскій ѣхалъ со своимъ старымъ казакомъ вдоль лѣса и на опушкѣ его увидѣлъ лежавшаго внизъ лицомъ и спавшаго еврея. Въ головѣ помѣщика мгновенно изобрѣлась веселая штука, которой, однако, суждено было окончиться совсѣмъ не весело. Казакъ слѣзъ съ лошади, подкрался къ бѣдному еврею, и въ ту минуту, какъ Калиновскій выстрѣлилъ на воздухъ изъ пистолета, Буракъ стегнулъ спавшаго каучковымъ хлыстомъ. Еврей вскрикнулъ и—умеръ. Испугъ, мысль, что выстрѣлили въ него, причинили ему мгновенную смерть.

Калиновскій съ трудомъ увернулся отъ уголовнаго процесса.

Не смотря на то, что евреи страшно боялись и проклинали его, одинъ завзятый торгашъ осмѣлился проникнуть однажды въ львиную берлогу—помѣщичій дворъ, и обнаружилъ неслыханно-безумное по своей отважности желаніе „гандловать“ съ страшнымъ человѣкомъ.

— Гандловать?—сказалъ Калиновскій съ двусмысленной улыбкой,—пожалуй! Вотъ старые штаны; что ты дашь за нихъ?

Еврей принялся осматривать штаны; онъ вертѣлъ ихъ вправо, вертѣлъ влѣво и грустно вздыхалъ: на всемъ одѣяніи не было ни единаго живого мѣста.

— Ясновельможный панъ вѣрно шутить изволитъ,—сказалъ онъ наконецъ,—что можно дать за это?

— А я тебѣ говорю, что ты болванъ: эти штаны—драгоцѣнность, и ты долженъ счесть себя счастливымъ, если я тебѣ продамъ ихъ.

— Счастливымъ? Зачѣмъ счастливымъ? Двадцать крейцеровъ я дамъ ясновельможному пану.

— Не двадцать крейцеровъ, а червонецъ!

Еврей началъ отступать по направленію къ двери, а Калиновскій снялъ со стѣны пистолетъ.

— Даешь червонецъ?—крикнулъ онъ.

— Отчего не дать?—сказалъ еврей, дрожа отъ страха:—штаны стоятъ этихъ денегъ.

— Штаны стоятъ не одинъ, а два червонца.

— Пусть будетъ и тысяча червонцевъ, когда ясновельможный панъ благодѣтель желаетъ. А одинъ заплатить—это совсѣмъ даромъ.

— Ну, то-то же!

Еврей принялся искать у себя и вздыхать, вздыхать и искать. Наконецъ, онъ нашелъ червонецъ, кинулъ на него задушевный взглядъ отдалъ его страшному человѣку и грустно удалился со старыми изорванными штанами. Но въ то время, какъ онъ спускался по лѣстницѣ, старые изорванные штаны издали тотъ своеобразный звукъ, который благотворно дѣйствуетъ на слухъ каждаго честнаго „гандлера“. Еврей опустилъ руку въ одинъ изъ кармановъ своей покупки и нашелъ два червонца вмѣсто одного.

— Да, панъ правду сказалъ!—вскричалъ онъ:—за свой червонецъ я получилъ штаны даромъ! Хорошій, благородный панъ! Да наградитъ его Господь!..

Къ этому-то Калиновскому потребовали однажды Баруха Корефле Индюка. Кучеръ пана заболѣлъ, и мужу Хайки выпало на долю замѣстить его, чтобы везти помѣщика въ городъ. Барухъ взялъ свой кнутъ, отправился на помѣщичьій дворъ, запрегъ превосходныхъ лошадей Калиновскаго въ бричку, насвистывая при этомъ веселую солдатскую пѣсню, и затѣмъ, поднявшись въ господскіе покои, безъ всякаго страха, но скромно доложилъ, что все готово. Это понравилось Калиновскому, какъ разъ въ это время сидѣвшему за завтракомъ.

— На, Мошка! * —крикнулъ онъ,—выпей рюмку!

И онъ налилъ рюмку „контушовки“, которю Барухъ осушилъ за „здоровье пана“.

---

* Мошкою христіане въ Галиціи называютъ въ насмѣшку всѣхъ евреевъ.

— Закуси! — продолжалъ помѣщикъ, со злорадствомъ пододвигая къ нему ветчину.

— Ясновельможный панъ изволитъ знать,—сказалъ Барухъ, кланяясь,—что моя религія запрещаетъ мнѣ ѣсть свиное мясо.

— Въ такомъ случаѣ твоя религіи—глупая религія! Понимаешь?

— Какъ не понимать? Но вѣдь у моего Бога не было родителей, которые бы научили Его чему нибудь! А вашъ Богъ имѣлъ родителей, и они дали ему такое хорошее воспитаніе!

Калиновскій посмотрѣлъ на него и не сказалъ ни слова; но совершилось невѣроятное дѣло. Своимъ дерзкимъ и циническимъ отвѣтомъ еврей сразу пріобрѣлъ любовь и довѣріе помѣщика и въ короткое время сдѣлался совершенно необходимымъ для него. Что бы ни предпринималъ съ тѣхъ поръ Калиновскій — предпринималъ онъ не не иначе, какъ съ помощью Баруха; ни одна булавка не могла упасть на полъ во всемъ Гараѣ безъ того, чтобы Барухъ не зналъ, куда она упала. Даже старый казакъ обращался съ нимъ дружески и величалъ его „дядюшкой", когда былъ трезвъ, а когда напивался, то „братцемъ"; но такъ какъ онъ былъ пьянъ постоянно, то величанье „братцемъ", тоже было почти постоянное.

До набожнаго Іегуды дошли вѣсти о томъ, что его деверь пользуется высокимъ расположеніемъ врага еврейскаго народа. Онъ пошелъ къ своей сестрѣ и счелъ долгомъ предостеречь ее. Хайка, въ свою очередь, стала предостерегать своего мужа и слезно молила его лучше приняться за какое нибудь дѣло, чѣмъ помогать Калиновскому въ его безумныхъ и скверныхъ продѣлкахъ.

— Ради чего же мнѣ не помогать Калиновскому? — возразилъ Барухъ.—Ради того, можетъ быть, что онъ колотитъ евреевъ? А развѣ евреи когда нибудь помогли мнѣ? Нѣтъ, они не помогали мнѣ, они всякія скверности разносили обо мнѣ, они издѣвались надо мною—потому, что у меня не такая торгашеская душенка, какъ у нихъ; они издыхаютъ отъ зависти, потому, что во мнѣ шабашевая душа жива не только въ шабашъ, а и всю недѣлю. Пусть колотитъ ихъ—я всегда

стану помогать ему. А на счетъ дѣла—такъ я теперь сдѣлаюсь совсѣмъ инымъ человѣкомъ; вотъ ты увидишь и удивишься, Хайкочка!

И бѣдной Хайкѣ дѣйствительно пришлось дивиться, потому, что за какія дѣла—полагаете вы—принялся теперь Барухъ Индюкъ?

Онъ, напримѣръ, продалъ свой носъ.

Но какимъ образомъ человѣкъ можетъ продать свой носъ?

А между тѣмъ Барухъ все таки продалъ; это вѣрно, какъ дважды два четыре.

Калиновскій познакомился на охотѣ съ Любиной Полавской. Лисицу на этой охотѣ затравить не удалось, но за то страшный помѣщикъ попался въ плѣнъ къ красавицѣ Любинѣ, хотя она не и номышляла охотиться на него. Впрочемъ, онъ былъ не единственнымъ обожателемъ ея. Мужчины обладаютъ инстинктивнымъ умѣньемъ выискивать тѣхъ женщинъ, которыя не чувствуютъ себя счастливыми, а выискавъ, начинаютъ слетаться толпами, точно коршуны на падаль. И Любина считала себя несчастною, не потому, чтобы она находила, что мужъ не понимаетъ ея, или по какой нибудь другой изъ множества романическихъ причинъ, которыми пресыщенныя или жаждущія перемѣны женщины стараются скрасить свою супружескую невѣрность. Она была несчастлива, потому что не имѣла дѣтей. И вотъ Калиновскій сталъ неотступно ухаживать за нею; но у умной женщины былъ чудесный способъ держать своихъ поклонниковъ на почтительной дистанціи. Она отнюдь не кичилась своею добродѣтелью, потому что есть развѣ на свѣтѣ такой влюбленный, который не надѣется въ концѣ концовъ одолѣть нравственные принципы женщины? Но она находила въ каждомъ изъ ея обожателей какой нибудь недостатокъ и указывала ему на него—недостатокъ часто совершенно ничтожный, но устранить который было невозможно. То же самое повторилось и съ Калиновскимъ.

— Вы несчастливы,—сказалъ онъ ей однажды:—вы не любите вашего мужа. Отчего же вы отвергаете мое обожаніе?

Умная Любина не стала доказывать, что она счастлива, что она любитъ своего мужа; и то и другое было бы неумѣстно, потому

что на счетъ и того, и другого можно было бы носпорить; она представила совсѣмъ иное возраженіе.

— Если ужъ хотите непремѣнно знать причину—сказала она,— вашъ носъ мнѣ не нравится. Я могла бы полюбить человѣка, только съ греческимъ носомъ.

Калиновскій былъ безспорно красивый мужчина, высокій, стройный, съ головою турецкаго паши; но не менѣе безспорнымъ представлялось и то, что носъ у него былъ отнюдь не греческій, а польскій, что ни на есть польскій.

Нельзя ли какъ нибудь помочь этому? думалъ Калиновскій. Онъ долго стоялъ передъ зеркаломъ и изучалъ свой носъ—изучалъ съ чисто нѣмецкою основательностью; но въ окончательномъ результатѣ оказалось: носъ все таки не греческій! И вотъ онъ сталъ дергать себя за носъ, дергалъ съ утра до вечера, и если просыпался ночью, то принимался опять дергать до тѣхъ поръ, пока снова не засыпалъ. Послѣ такого непрерывнаго упражненія впродолженіи цѣлой недѣли, онъ появился снова въ Пизарицѣ съ торжествующей улыбкой на устахъ.

— Ну-съ, достоуважаемая пани, — обратился онъ къ Полавской—что вы теперь скажете о моемъ носѣ? Не сдѣлался онъ совѣмъ греческимъ?

Любина громко расхохоталась.

— Совсѣмъ вздутымъ и краснымъ какъ морковь онъ точно сдѣлался; но греческимъ!..

И она снова захохотала.

Тутъ въ комнату вошелъ самъ Полавскій, и едва онъ взглянулъ на Калиновскаго, какъ тоже принялся хохотать.

— Да что это сдѣлалось съ твоимъ носомъ, любезный другъ? Извини меня, но у тебя сегодня на лицѣ какой-то мѣдный рудникъ, а не носъ.

Это разсердило Калиновскаго.

— Такъ ты отрицаешь,—сказалъ онъ—что у меня красивый носъ?

— У тебя! Красивый носъ!

Новый смѣхъ Полавскаго и его жены. Калиновскій закусилъ губы.

— Ну, хорошо,—обратился онъ къ пріятелю;—хочешь пари, что у меня будетъ завтра красивѣйшій греческій носъ?

— У тебя, другъ любезный?..

И хохотъ усилился.

— Принимаешь пари?

— Принимаю.

— Сколько?

— Сто червонцевъ.

— Идетъ. Нѣтъ, постой. Я желаю заключить письменное условіе.

Желаніе Калиновкаго было исполнено, и Калиновскій немедленно уѣхалъ.

Онъ отправился къ Баруху и приступилъ къ дѣлу безъ всякихъ околичностей:

— Согласишься ты продать мнѣ твой носъ?

— Мой носъ? Отчего же не продать, если онъ чего нибудь стоитъ?

— Мнѣ нуженъ красивый греческій носъ. У тебя носъ и красивый, и греческій; по близкому знакомству можно оцѣнить его въ двадцать червонцевъ.

— И вы дадите двадцать червонцевъ?

— Дамъ.

— Дѣло только въ томъ, что́ ясновельможному пану угодно будетъ сдѣлать изъ моего носа? Полагаю, это для шутки понадобилось?

— Пари, любезнѣйшій, которое я выиграю съ помо́щью твоего носа. Обѣщаю тебѣ, впрочемъ, что не стану ни отрывать у тебя, ни портить другимъ манеромъ этотъ носъ, который сдѣлается, такимъ образомъ *моимъ* носомъ.

— Такъ напишемъ на этотъ счетъ контрактъ.

— Отлично! Ты хорошая голова! Съ этимъ контрактомъ я пари выиграю еще ловчѣе.

Калиновскій сѣлъ, написалъ условіе въ двухъ экземплярахъ, и оба они подписали его. Затѣмъ, Барухъ добылъ какого-то еврея, который тоже подписался въ качествѣ свидѣтеля, а вторымъ свидѣтелемъ явился казакъ Буракъ, поставившій три исполинскаго креста. Контрактъ гласилъ:

„Сегодняшняго дня, между Станиславомъ Калиновскимъ, владѣтелемъ имѣнья Гарай, и Барухомъ Корефле Индюкомъ, занимающимся торговлей, заключено нижеслѣдующее добровольное условіе. Барухъ Корефле Индюкъ продаетъ свой носъ, каковой помѣщается на его лицѣ, между двумя его глазами, пану Калиновскому за двадцать золотыхъ червонцевъ. Сей носъ дѣлается отнынѣ носомъ не Баруха Корефле, но Калиновскаго, и сей послѣдній оставляетъ его Баруху Корефле только въ пожизненное пользованіе. Калиновскій не имѣетъ права продавать кому либо свой, ссужаемый Баруху въ пользованіе, носъ, а равно и отобрать его у Баруха или повредить какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Взамѣнъ этого предоставляется ему полное право имѣть наблюденіе, чтобы принадлежащій ему отнынѣ носъ не былъ ни обезображиваемъ, ни приводимъ въ дурное состояніе имѣющимъ его въ своемъ пользованіи, а также принимать всѣ необходимыя мѣры для сохраненія здоровья и красоты онаго“.

Калиновскій тутъ же отсчиталъ двадцать червонцевъ и уѣхалъ, сказавъ на прощанье:

— Корефле, не будь злодѣемъ, и обращайся съ *моимъ* носомъ какъ можно лучше.

На слѣдующій день Калиновскій появился въ Пизарицѣ съ очень печальною физіономіею. Носъ его былъ теперь уже не красная морковь и не мѣдный рудникъ, а багровый факелъ, мрачно и торжественно горѣвшій на его лицѣ. Полавскій и его жена посмѣялись надъ нимъ.

— Я начинаю думать,—со вздохомъ сказалъ Калиновскій— что проиграю свое пари.

— Я тоже думаю,—насмѣшливо замѣтилъ Полавскій.

— Но, прежде всего... какъ собственно гласитъ наше условіе?

Полавскій досталъ бумагу и прочелъ: „Если Калиновскій завтра“— то есть сегодня — „будетъ имѣть красивый греческій носъ, то Полавскій обязывается уплатить ему сто червонцевъ, и точно также въ противномъ случаѣ—Калиновскій Полавскому.

— Правильно!—пробормоталъ Калиновскій;—мы будемъ поэтому дѣйствовать систематически и прежде всего точно опредѣлимъ, что такое красивый греческій носъ.

Онъ открылъ дверь—вошелъ Барухъ Корефле.

— Что скажете вы, прекрасная пани объ этомъ носѣ?—спросилъ Калиновскій;—находите ли вы его красивымъ и греческимъ?

— Носъ этого еврея безукоризнененъ, отвѣчала Любина.

— А ты, Полавскій, какого о немъ мнѣнія?

— Если у тебя окажется носъ, подобный этому, то я объявляю свое пари проиграннымъ.

— Ну, такъ отсчитывай сто червонцевъ.

— Что ты, съ ума сошелъ?

— Отсчитывай сто червонцевъ.

— Но, любезный другъ...

И Полавскій поднесъ къ лицу Калиновскаго зеркальце.

— Говорятъ тебѣ, давай сто червонцевъ: ты проигралъ пари.

— Но...

— Въ условіи не сказано, что ты платишь сто червонцевъ, если я буду *имѣть* красивый греческій носъ, а опредѣлена эта плата въ томъ случаѣ, если я буду *владѣть* таковымъ. Ну, такъ читай и убѣдись, что этотъ носъ, который оба вы признали красивымъ, греческимъ, безукоризненнымъ, моя собственность.

И онъ подалъ условіе Полавскому. Тотъ разразился громкимъ хохотомъ. Хотя эта штука обошлась ему во сто червонцевъ, которые онъ тутъ-же выплатилъ Калиновскому, но онъ всетаки нашелъ ее вполнѣ стоящею этихъ денегъ, и красавица—Любина подтвердила его мнѣніе своимъ серебристымъ смѣхомъ.

— Ну-съ,—обратился къ ней Калиновскій—какъ вамъ нравится *мой* носъ?

— Повторяю вамъ, онъ безукоризненъ,—отвѣчала она съ тонкою ироніей—и я поэтому могу только посовѣтовать вамъ помѣняться съ этимъ евреемъ.

Такимъ образомъ Калиновскій выигралъ пари. Съ этихъ поръ онъ прекратилъ дерганье своего носа, вслѣдствіе чего носъ сталъ больше и больше блѣднѣть и, наконецъ, снова вернулся въ прежнее положеніе, если не греческагo, то всетаки благообразнаго и красиваго носа. Но теперь у Калиновскаго другая забота. Его сердило, что онъ заплатилъ Баруху двадцать червонцевъ, потому что какое же дальнѣйшее употребленіе могъ онъ сдѣлать изъ купленнаго носа?

Жидъ имѣлъ деньги, и имѣлъ носъ, и можетъ быть, сверхъ того, еще посмѣивался надъ простодушнымъ паномъ. Но Калиновскаго никогда не затрудняло рѣшеніе даже самыхъ затруднительныхъ проблемъ.

И вотъ онъ началъ выказывать материнскн-нѣжную заботливость о носѣ Баруха, или собственно своемъ, предоставленномъ въ пожизненное пользованіе Баруха.

— Послушай-ка, пріятель,—говорилъ онъ ему—что это ты дѣлаешь со своимъ, т. е. моимъ носомъ? Онъ съ нѣкотораго времени красенъ какъ ракъ. Ты вѣроятно пьешь слишкомъ много водки?

Барухъ улыбался.

— Нѣтъ? Такъ что же ты пьешь?

— Водку онъ дуетъ!—воскликнулъ старый казакъ.

Калиновскій поднялъ глаза къ небу, заложилъ руки, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Чудовище! Ты видно хочешь сдѣлать меня совсѣмъ несчастнымъ? Хочешь погубить мой носъ? Съ этихъ поръ не смѣй пить ни капли чего бы то ни было, кромѣ воды. Я приказываю тебѣ это въ силу нашего контракта, и если черезъ четыре недѣли твой носъ, т. е. мой носъ, не сравнится бѣлизной съ башней изъ слоновой кости—такъ вѣдь гово-

рится въ Пѣснѣ Пѣсней?—я буду въ состояніи отрѣзать его у тебя, и отрѣжу.

Барухъ Корефле зналъ, что Калиновскій былъ способенъ на все, и поэтому началъ дѣйствительно пить одну воду, какъ ни солоно приходилось ему это. Такимъ образомъ его носъ въ значительной степени потерялъ подозрительную красноту. Тогда Калиновскій прибѣгнулъ къ другой стратагемѣ. Онъ влетѣлъ однажды, точно ураганъ, въ комнату Баруха и замѣтивъ на оконныхъ стеклахъ и на потолкѣ безчисленное количество мухъ, закричалъ: „Покажи мнѣ свой носъ, покажи скорѣе!“ И онъ осмотрѣлъ носъ съ миною врача, котораго позвали къ опасно больному, а затѣмъ продолжалъ:—„Такъ я и зналъ! Носъ весь въ отвратительныхъ прыщахъ; это отъ мухъ, которыхъ здѣсь видимо-невидимо! Надо сдѣлать съ моимъ носомъ то, что дѣлаютъ лѣтомъ съ бронзовыми люстрами, чтобы ихъ не загаживали эти проклятыя мухи; надѣну на него чехолъ“. Онъ вынулъ изъ кармана маленькій футляръ и прикрѣпилъ его къ греческому носу Баруха: „Ну, вотъ теперь хорошо; ты будешь носить эту штуку цѣлое лѣто, не снимая“.

Напрасно Барухъ съ ругательствами и проклятіями жаловался, что футляръ не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью: Калиновскій дѣйствовалъ по точному смыслу контракта, и мужу Хайки приходилось въ жаркую лѣтнюю пору ходить съ накладнымъ носомъ, и когда онъ появлялся на улицѣ, мальчишки бѣжали вслѣдъ за нимъ, такъ, что однажды бургомистръ позвалъ его къ себѣ и составилъ протоколъ о его носѣ.

Черезъ двѣ недѣли на носу бѣднаго Баруха появились отъ проклятаго футляра настоящія язвы. Этого только и ждалъ Калиновскій. Онъ притворился страшно огорченнымъ, позвалъ врача, заставилъ его прописывать разные ревени, касторовыя масла и тому подобныя мерзости и велѣлъ уложить больной носъ въ постель и укрыть его возможно большимъ количествомъ перинъ.

Но такъ какъ уложить въ постель носъ Баруха безъ самого Баруха было невозможно, то вполнѣ здоровому мужу Хайки оставалось только

составить компанію своему больному носу и въ тридцатиградусную жару улечься съ нимъ подъ возможно большимъ количествомъ перинъ.

Калиновскій по три раза въ день посылалъ своего казака справиться о здоровьѣ больного носа, а каждое утро являлся къ паціенту лично.

Наконецъ Барухъ выбился изъ силъ.

Когда Калиновскій пріѣхалъ съ обычнымъ визитомъ, онъ соскочилъ съ постели, сорвалъ проклятый футляръ и закричалъ:

— Берите себѣ обратно ваши двадцать червонцевъ, а мнѣ пожалуйте обратно мой носъ.

И съ этими словами онъ вынулъ деньги, запрятанныя имъ въ стѣнной щели, и положилъ ихъ на столъ. Это понравилось Калиновскому; онъ даже хохоталъ, наконецъ, порвалъ контрактъ и сказалъ;—Ну, вотъ ты опять со своимъ носомъ, а я при своихъ деньгахъ. Спрашивается только, кто въ этой сдѣлкѣ остался въ дуракахъ?

— Я въ дуракахъ!—крикнулъ Барухъ.

— Если ты въ этомъ сознаешься, то я доволенъ, и дарю тебѣ двадцать червонцевъ,—сказалъ Калиновскій.

Такимъ образомъ, доброе согласіе между помѣщикомъ и извозчикомъ возстановилось, и они стали безобразничать еще сильнѣе. Евреи проклинали Калиновскаго и еще больше проклинали Баруха Корефле; о немъ разсказывали они все, что только можетъ быть самаго гнуснаго, говорили, что онъ ѣстъ вещи не „коширныя“, что у него на языкѣ постоянно нечестивыя насмѣшки надъ вѣрою и закономъ Моисея, что онъ мотъ, бездѣльникъ, прелюбодѣй, отъ искушеній котораго не гарантирована ни одна красивая женщина.

Это послѣднее обвиненіе было, къ сожалѣнію, не клевета, и бѣдной Хайкѣ приходилось не разъ горько плакать по этому поводу. Барухъ, повидимому, не замѣчалъ того, но когда она ужъ очень сильно убивалась, онъ сажалъ съ себѣ на одно колѣно своего маленькаго Баруха, а на другое — своего маленькаго Израиля, на руки бралъ свою маленькую Эстерку, и начиналась забава. „Какъ скачутъ уланы?“

спрашивалъ онъ, и самъ же отвѣчалъ: „вотъ какъ скачутъ уланы!“ и заставлялъ мальчишекъ быстро и высоко подпрыгивать, а въ это же время цѣловалъ Эстерку, которая играла своими розовыми пальчиками въ его роскошной черной бородѣ. И, глядя на это, Хайка снова улыбалась съ такою гордостью, съ такимъ блаженствомъ, какъ только можетъ улыбаться мать, когда она видитъ своихъ дѣтей веселыми и довольными.

На евреевъ Барухъ Корефле не обращалъ почти никакого вниманія. Ему было тяжело смотрѣть на слезы жены; но дѣйствовать наперекоръ всему свѣту и особенно евреямъ—доставляло ему удовольствіе. Чѣмъ болѣе увѣщевалъ и предостерегалъ его набожный Іегуда, тѣмъ хуже штуки продѣлывалъ онъ. Такъ напримѣръ, однажды онъ поймалъ сто воробьевъ, украсилъ каждаго еврейской шапочкой и еврейской бородой, привязалъ къ хвосту каждаго бумажку съ написаннымъ на ней изреченіемъ изъ Талмуда и затѣмъ выпустилъ ихъ на улицу, къ великому скандалу и огорченію всей общины. Въ другой разъ онъ прокрался въ лавку богача Меткеса Фейермана, въ то время, когда этотъ праведный мужъ былъ объятъ глубокимъ сномъ среди душной тишины жаркаго лѣтняго дня, обмоталъ его длинную бороду вокругъ большого желѣзнаго гвоздя и воткнулъ гвоздь глубоко въ одну изъ щелей прилавка; вслѣдствіе этого, когда при появленіи одного изъ покупателей, Фейерманъ быстро поднялся съ мѣста, то значительная часть его бороды осталась на полу. Маленькой квадратной Абрѣ Кнофеле, Барухъ насыпалъ въ туфли осколки стекла, а высокомѣрной Юдифи Карфункель, которая не пропускала ни одной субботы безъ разсказа о влюбленномъ въ нее графѣ, онъ написалъ нѣжное любовное письмо и подписался: „Иванъ Водка, начальникъ извозчичьяго цеха“.

Евреи же разсказывали о немъ, что онъ имѣетъ любовную интрижку съ одной христіанкой, и въ этомъ опять таки не было ни слова лжи или клеветы.

Калиновскій, еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, любилъ од-

ну барышню, дочь мѣстнаго помѣщика, и дѣлалъ ей предложеніе, но она, неизвѣстно по какой причинѣ, отказала ему.

Послѣ того она вышла замужъ за другого и года черезъ два разошлась съ мужемъ, по доброму старому обычаю нашихъ полекъ. Въ настоящее время она жила въ сосѣдствѣ Калиновскаго, въ своемъ имѣньи Раковѣ. Эта барыня—ее звали Генрика Соколова—считалась въ нашей сторонѣ самою интересною женщиной, можетъ быть, потому, что всѣ смотрѣли на нее какъ на существо недостижимое, такъ какъ она отличалась крайне романтическими наклонностями и ни одного мужчину не щадилъ ея строго поэтическій взглядъ. Одинъ слишкомъ много пилъ, отъ другого несло табакомъ, третій былъ весьма мало начитанъ. Сама она, какъ говорили, писала стихи и одѣвалась больше смѣло, чѣмъ со вкусомъ, но все это не мѣшало ей оставаться женщиной, за которой весьма и весьма стоило поволочиться. Съ Калиновскимъ она находилась теперь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, онъ ѣздилъ къ ней въ качествѣ „искренняго друга“ и, повидимому, совершенно забылъ ея оскорбительный отказъ. Но это только повидимому; въ душѣ онъ не переставалъ помышлять о мщеніи. Эта интересная барыня обнаруживала при каждомъ удобномъ случаѣ удивительную ненависть къ евреямъ. Если ей сильно не нравился кто нибудь, она говорила, что онъ похожъ на жида; слышалась ей скверная вонь — это воняло непремѣнно жидомъ.

— Ну, погоди же!—сказалъ про себя, однажды, возвратясь отъ нея домой, Калиновскій; вѣроятно, ему въ голову пришла очень веселая мысль, такъ какъ онъ громко разсмѣялся.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе онъ надѣлъ pince-nez и разсматривалъ Генрику такъ долго и такъ пристально, что она, наконецъ, смутилась.

— Вы дѣйствительно красавица, — проговорилъ онъ, наконецъ,—женщинъ, красивѣе васъ, я никогда въ жизни не видѣлъ и потому нисколько не удивляюсь...

— Чему вы нисколько не удивляетесь?

— Что молва о вашей красотѣ проникла даже на востокъ.

— На востокъ? Какъ это?

— Развѣ вы еще не знаете, что въ Коломею на-дняхъ пріѣхалъ одинъ восточный принцъ, турокъ, съ большою свитой и несмѣтными сокровищами, и что это далекое путешествіе онъ совершилъ съ единственною цѣлью увидѣть васъ.

— Вы шутите конечно.

— Мнѣ шутить съ вами? Вѣдь вы хорошо знаете, что и мое бѣдное сердце...—Онъ тяжело вздохнулъ и замолчалъ.

— Такъ неужели въ самомъ дѣлѣ турокъ?

— Я думалъ, что онъ уже выполнилъ свое намѣреніе послужить скамейкою для вашихъ ногъ...

„Скамейкою для моихъ ногъ!" повторяла Генрика, заворачивая на сонъ грядущій въ папильотки изъ газетной бумаги свои волосы и облекаясь въ грязную ночную кофту. „Скамейка для моихъ ногъ!" шептала она, проснувшись утромъ и всовывая ноги въ изодранныя туфли. „Скамейка для моихъ ногъ!" со вздохомъ восклицала она, наградивъ, по обыкновенію, горничную, во время своего туалета, нѣсколькими пощечинами. Но вдругъ лакей прибѣжалъ съ докладомъ, что пріѣхалъ какой-то богатый турокъ со свитой и проситъ позволенія представиться ясновельможной пани.

— Это онъ!—вскричала Генрика, сіяя отъ удовольствія; — это восточный принцъ, скамейка моихъ ногъ!

Она побѣжала одѣваться, сбросила домашній капотъ, совершенно дырявый и засаленный, но оставила на себѣ грязную юбку и изорванные чулки, потому что какая же истинная полька станетъ заботиться о такихъ пустякахъ! Поверхъ этого она надѣла шелковое платье съ царственнымъ шлейфомъ, набросила на плечи бархатную кацавейку, украсила шею и руки драгоцѣнными камнями и съ тѣмъ граціознымъ величіемъ, которое присуще польскимъ женщинамъ, вышла на крыльцо встрѣтить принца. И тутъ представилось зрѣлище, напоминавшее сказки Тысячи и Одной ночи. Турецкій принцъ —она тот-

часъ же узнала его—остановился у подъѣзда на бѣлоснѣжной лошади, одѣтый въ бѣлые шаровары и голубой, золотомъ вышитый кафтанъ, съ красной феской на головѣ. „Какой красивый, поэтическій мужчина!“ было первой мыслью интересной барыни. Позади его двигались слонъ, на шеѣ котораго сидѣлъ турокъ, и верблюдъ, нагруженный подарками, котораго велъ за узду другой сынъ востока. Человѣкъ двадцать въ турецкихъ костюмахъ окружали обоихъ животныхъ; между ними особенно кидался въ глаза мавръ, одѣтый весь въ красное.

Красавецъ-принцъ былъ никто иной, какъ Барухъ Корефле Индюкъ; слонъ и верблюдъ принадлежали звѣринцу, незадолго до того пріѣхавшему въ городъ, вожаками ихъ были наряжены сторожа изъ звѣринца, остальныхъ турокъ изображали бѣдные евреи изъ пріятелей Баруха, красный мавръ былъ самъ Калиновскій, вымазавшій себѣ черной краской лицо, шею и руки, чтобы оставаться неузнаваемымъ зрителемъ всей этой комедіи. Она обошлась ему въ нѣсколько тысячъ гульденовъ, но вѣдь наслажденіе удовлетворенной местью не оцѣнишь никакими деньгами!

Барухъ игралъ свою роль мастерски. Онъ съ достоинствомъ сошелъ съ коня и медленно поднялся по лѣстницѣ, скрестивъ руки на груди, и низко поклонился романической дамѣ. Она провела его въ гостиную и расположилась на кушеткѣ, ему же не предложила сѣсть, а приподняла свою ногу, давая ему этимъ знать, что готова сдѣлать изъ него свою скамейку. Но принцъ стоялъ передъ нею и бормоталъ еврейскія слова, которыя для нея звучали совершенно по турецки. Она отвѣчала по англійски, онъ покачалъ головой, какъ бы поясняя, что не понимаетъ этого языка; она попыталась заговорить по французски—послѣдовало тоже отрицательное движеніе головой. Тогда снова была пущена въ ходъ нога, но и это оказалось тщетнымъ, и бѣдной барынѣ пришлось со вздохомъ отказаться отъ своихъ попытокъ. Въ это время появился мавръ въ сопровожденіи двухъ турокъ, отъ которыхъ страшно воняло чеснокомъ; но Генрика и не думала объ этомъ отвратительномъ жидовскомъ запахѣ, а приняла съ выраженіемъ искренней при-

знательности принесенные ими и сложенные принцемъ къ ея ногамъ подарки — превосходныя шелковыя матеріи, турецкіе ковры, восточныя сласти и драгоцѣнный уборъ. Послѣ этого она встала, жестомъ пригласила принца слѣдовать за нею, привела его въ назначенную для почетныхъ гостей комнату и смѣлою пантомимой пояснила ему, что приглашаетъ его остановиться у нея въ домѣ. Это приглашеніе турокъ очевидно понялъ, потому что сказалъ нѣсколько словъ своимъ людямъ, которые послѣ этого ушли, а онъ съ мавромъ остался въ господскомъ домѣ.

И тутъ произошло нѣчто въ высшей степени изумительное. Казалось, что нѣмая бесѣда, на которую были осуждены польская барыня и восточный принцъ, затруднитъ сближеніе ихъ; на дѣлѣ же вышло совсѣмъ противное. Турокъ добился въ одинъ день того, къ чему всѣ остальные напрасно стремились въ продолженіи многихъ лѣтъ, при помощи самаго широкаго дара слова. Генрика не могла говорить съ нимъ ни о литературѣ, ни о политикѣ, ни о чемъ нибудь другомъ, а языкъ пантомимъ скоро истощился. И сидѣли они за обѣдомъ, безмолвно и нѣжно смотря другъ на друга, и точно также безмолвно и нѣжно сидѣли въ бесѣдкѣ послѣ обѣда, и не менѣе безмолвно и нѣжно сидѣли на диванѣ въ сумерки.

Генрика вздыхала, и принцъ вздыхалъ; онъ положилъ наконецъ руку на сердце и кинулъ на интересную даму сладострастный взглядъ; она отвѣчала ему такимъ-же взглядомъ и тоже положила руку на сердце. Принцъ скрестилъ руки на груди и кинулся передъ нею на колѣни.

— Я понимаю: вы хотите быть скамейкой для моихъ ногъ! прошептала Генрика и обвила полной рукой его шею. Онъ всталъ и обнялъ ее, и черезъ минуту она трепетала на его груди, и ихъ губы заговорили языкомъ понятнымъ для всякаго — родись онъ въ царскихъ чертогахъ или въ цыганскомъ шалашѣ, подъ пальмами или соснами.

Въ продолженіи трехъ недѣль плавала интересная барыня въ блаженствѣ любви, такъ полно соотвѣтствовавшей ея романическимъ наклонностямъ, и вотъ однажды снова прибѣгнула къ пантомимѣ, чтобы сообщить принцу одно сокровенное желаніе своего сердца. Она взяла

два кольца, надѣла одно изъ нихъ на свой, другое — на его палецъ и указала рукой на востокъ. Принцъ на этотъ разъ немедленно понялъ ее.

— Вай миръ! — закричалъ онъ; — какъ это жалко, что у меня есть жена! Иначе я сейчасъ бы взялъ васъ съ собою—небудь я Барухъ Корефле Индюкъ, коли это не правда.

Генрика въ остолбенѣніи смотрѣла на него и не совсѣмъ еще понимала; но тутъ пришелъ мавръ и заговорилъ голосомъ Калиновскаго:

— Позвольте мнѣ, прекрасная пани, умыться: довольно ужъ я побѣгалъ въ черной краскѣ. Подай мнѣ воды, Корефле.

Интересная барыня упала въ обморокъ *.

Эта исторія была слишкомъ комична для того, чтобы не разойтись повсюду съ быстротой молніи. Дошла она и до Хайки, и бѣдная женщина уныло опустила голову. Она намѣревалась было обратиться съ упреками къ своему мужу, но когда онъ вернулся домой, слова замерли у нея на устахъ, на душѣ было такъ страшно тяжело, какъ будто кто нибудь затопталъ ее ногами; ей хотѣлось закричать, но она не могла, говорило только ея сердце, а губы беззвучно двигались.

— Гдѣ ты былъ такъ долго? Сдѣлалъ какое нибудь дѣло? — вотъ все, что могла она произнести наконецъ.

Барухъ нашелъ лишнимъ отвѣчать ей.

Ночью она вдругъ закричала во снѣ.

— Что ты сказала? спросилъ Барухъ, разбудивъ ее.

— Развѣ я что нибудь сказала?.. Это, стало быть, горе заговорило во мнѣ.

Въ судный день Хайка сказала своему мужу:

— Не пойдешь ли ты въ синагогу? Если пойдешь, я дамъ тебѣ іомкипуровую свѣчу,—я купила ее на сбереженныя деньги.

— Давай свѣчу, отвѣтилъ Барухъ, снялъ башмаки, надѣлъ саванъ

* Всѣ, разсказанныя здѣсь исторіи о Калиновскомъ живутъ въ Галиціи въ устахѣ народа.

и таларъ и покрылъ голову бѣлой шапкой. Въ такомъ видѣ онъ отправился въ синагогу, зажегъ свѣчу и помѣстился возлѣ кивота.

При его появленіи, остальные присутствовавшіе стали отворачиваться отъ него и молиться еще ревностнѣе. Онъ отошелъ въ уголъ, гдѣ никого небыло, и тоже началъ молиться, но вдругъ услышалъ вокругъ себя произносившіяся шопотомъ слова: „Богъ отвергнулъ его". Онъ посмотрѣлъ назадъ и увидѣлъ, что всѣ свѣчи горѣли ясно и спокойно подлѣ кивота, только его свѣча погасла. Гнѣвно схватилъ онъ ее, кинулъ на полъ, такъ что вся она разлетѣлась въ куски, и оставилъ синагогу.

— Его свѣча погасла, это дурной знакъ, прошепталъ его деверь.

А въ это время другіе ужъ жужжали:

— Онъ ее кинулъ на полъ, онъ убѣжалъ изъ синагоги, онъ оскверняетъ Бога!

Какъ бѣшеный, примчался Барухъ домой, сорвалъ съ себя и кинулъ на полъ шапку, таларъ и саванъ и переодѣлся, намѣреваясь уйти изъ дому.

— Господи праведный! — закричала Хайка; — что ты дѣлаешь? Куда ты идти хочешь? Вѣдь сегодня судный день!

— А ты думаешь, что я не знаю закона? — сказалъ Барухъ, и губы его дрожали. — Въ законѣ сказано: „въ 10-й день 7-го мѣсяца должны вы терзать и мучить ваше тѣло". Сегодня всякій еврей постится и молится въ синагогѣ, не прикасается къ женщинѣ и не обувается. Но въ законѣ не сказано, что въ этотъ день надо дѣлать злыя штуки. Они сами загасили мою свѣчу, а теперь кричатъ: „Богъ отвергнулъ его!" Ну, пусть такъ и будетъ! Если я отвергнутъ, такъ ужъ пусть совсѣмъ!

Онъ надѣлъ шапку и убѣжалъ.

По окончаніи службы въ синагогѣ, мужественный мясникъ Энохъ Регенбогенъ возвращался домой и, проходя мимо шинка, принадлежавшаго одному поляку, услышалъ тамъ музыку и пѣнье. Такъ какъ окно было освѣщено, то онъ приложилъ свой широкій носъ къ стеклу — и что же представилось его глазамъ? Полька, прислуживавшая въ кабакѣ,

красивая и нахальная женщина, сидѣла съ раскрытою грудью на колѣняхъ у Баруха и играла на гитарѣ, онъ весело пилъ и пѣлъ съ двумя солдатами и однимъ христіаниномъ-извощикомъ.

— Посмотрите на Баруха Корефле! Онъ кощунствуетъ въ судный день! закричалъ мясникъ проходившимъ въ эту минуту мимо кабака Яну Пиневу Берлину и Абелю Галстуху Карфункелю.

Они тоже приложили носы къ стеклу и тоже видѣли дѣвку на колѣняхъ Баруха.

— Онъ поноситъ Бога! понеслось изъ устъ въ уста на всемъ пространствѣ, гдѣ обитали евреи.

Барухъ воротился домой на разсвѣтѣ, сильно, очень сильно выпившій. Передъ дверями своей квартиры онъ остановился и кинулъ на нихъ взглядъ. Для чего было ему смотрѣть на дверь? Вѣроятно, это сдѣлалось совершенно случайно, но взглядъ, едва упавъ на дверь, остановился на ней, какъ прикованный, и сильная дрожь пробѣжала по всѣмъ жиламъ Баруха. Онъ отрезвѣлъ въ одну минуту. Сперва онъ коснулся рукою лба, потомъ ею же провелъ по двери, точно хотѣлъ ощупать буква за буквою страшное слово, написанное на ней.

Да, это дѣйствительно то самое слово, которое онъ прочелъ въ первое мгновеніе.

На двери было написано „хейремъ“ *. Онъ, значитъ, былъ проклятъ, объявленъ отлученнымъ отъ синагоги, вмѣстѣ съ его женой и дѣтьми. Голова его закружилась...

Хайка узнала шаги мужа, она вышла изъ комнаты и увидѣла его передъ дверью, а на двери — страшное слово. Но она не заплакала, даже не задрожала,

— Этого надо было ожидать, Барухъ—сказала она спокойно.—Ты самъ того захотѣлъ. Ну, пойдемъ, подумаемъ, что теперь дѣлать. Хоть

* Авторъ часто дѣлаетъ промахи тамъ, гдѣ дѣло касается религіозныхъ дѣлъ евреевъ. Въ день іомъ-кипура запрещено писать или чертить что бы то ни было, хотя бы и религіозную анаѳему. *Ред.*

бы всѣ они прокляли тебя и отвернулись отъ тебя, я съ тобой не разстанусь.

Они стали обдумывать и соображать, но ничего не придумали. Но вотъ совсѣмъ разсвѣло, и всѣ, жившіе въ домѣ, увидѣли написанное на двери Баруха проклятіе, и собрались они на улицѣ, и начали съ криками требовать, чтобы онъ убрался изъ этого дома. Хозяинъ послалъ къ нему свою служанку-христіанку и потребовалъ того-же. Что же оставалось послѣ этого, какъ не уйти? Они уложили свой скудный скарбъ на принадлежавшую Хайкѣ телѣжку, посадили туда же и двухъ младшихъ дѣтей, и сами потащили за собой этотъ экипажъ. Евреи слѣдовали за ними и издѣвались надъ Барухомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не принялся хлестать своею плетью направо и налѣво. Тутъ они разсыпались во всѣ стороны и продолжали посылать ему проклятія и ругательства издалека.

На большой дорогѣ, далеко за городомъ, стоялъ маленькій, убогій шинокъ, принадлежавшій еврею, который тоже былъ прежде въ военной службѣ и вмѣстѣ съ Барухомъ служилъ въ уланскомъ полку. Этого еврея звали Янкевъ Маймонъ. Онъ стоялъ на порогѣ своего заведенія въ ту минуту, когда печальное шествіе — задыхавшаяся отъ усталости бѣдная женщина и плачущія дѣти—двигалось мимо него.

— Это что значитъ?—спросилъ онъ Баруха;—куда это вы собрались?

— Куда глаза глядятъ, по бѣлу свѣту.

— Такъ выпей еще рюмочку на дорогу!

— Не говори со мной, я проклятъ, прошепталъ Барухъ.

— И изъ-за этого ты уходишь?... Хорошій солдатъ никогда не покидаетъ товарища. Плевать мнѣ на всѣхъ тамошнихъ фарисеевъ! Ты останешься у меня, Барухъ, и жена твоя пусть торгуетъ здѣсь, и дѣти пусть себѣ играютъ и не плачутъ.

— Если это тебѣ не повредитъ, я, изволь, останусь.

Янкевъ презрительно пожалъ плечами:

— Какимъ же это образомъ можетъ повредить мнѣ? Ко мнѣ за-

ѣзжаютъ дворяне, да по временамъ зайдетъ одинъ-другой извощикъ или крестьянинъ; а для евреевъ у меня нѣтъ водки. Спасибо за такихъ гостей.

Хайка улыбнулась и принялась распаковывать свой грузъ. Янкевъ далъ имъ комнату съ дверью на улицу. Хайка раздѣлила ее цвѣтною занавѣскою на двѣ части; въ задней половинѣ жили они сами, въ передней устроили лавочку, а свои извощичьи аттрибуты, т. е. плеть, Борухъ поставилъ за дверью. Такимъ образомъ все устроилось и въ этотъ день, повидимому, никому уже не было дѣла до опальнаго, проклятаго. Но когда на слѣдующее утро Хайка вышла, чтобъ разложить на улицѣ свой товаръ, она снова увидѣла на наружной сторонѣ двери страшное слово „хейремъ".

Бѣдная женщина не сказала ни слова, но поспѣшила стереть написанное, чтобъ Барухъ не увидѣлъ. Онъ же съ этихъ поръ, казалось, совсѣмъ измѣнился: не ходилъ больше къ Калиновскому, помогалъ своей женѣ въ лавкѣ, помогалъ и Янкеву Маймону въ шинкѣ и почти не уходилъ изъ дома. Да и не зачѣмъ было уходить! Снова приняться за извощичье ремесло онъ не могъ, потому что никто не далъ бы ему теперь ни экипажа, ни лошадей. Но этимъ бѣда далеко не ограничилась: скоро оказалось, что и маленькое дѣло Хайки остановилось — остановилось такъ, какъ перестаетъ работать водяная мельница, когда изсякла вода. Проклятіе лежало на женѣ Баруха и его дѣтяхъ также тяжело, какъ и на немъ самомъ; они осуждены были страдать вмѣстѣ съ нимъ. Ни одинъ еврей не входилъ въ ихъ лавочку—не входилъ даже въ избушку, гдѣ они помѣщались; ни одинъ не снабдилъ бы ее новымъ товаромъ. Да и къ чему послужилъ бы ей новый товаръ? Она вѣдь не могла сбыть и тотъ, что былъ уже у нея на рукахъ. Покупали у нея только крестьяне, но что покупаетъ малороссъ-крестьянинъ? Все, для него необходимое дѣлаетъ онъ самъ, стало быть, если пріобрѣтетъ что-либо за деньги, то въ крайнемъ случаѣ пестрый платокъ или фальшивые кораллы для жены. Когда Хайка шла со своимъ узелкомъ въ Пизарицу или какое нибудь другое мѣсто,

евреи, встрѣчавшіеся съ нею, сворачивали съ дороги, точно отъ зачумленнаго, и закрывали лице, чтобъ только не видѣть ея.

Съ каждымъ днемъ дѣла шли все хуже и хуже; только и было утѣшительнаго, что дѣти не кричали отъ голода. „Нѣтъ, это такъ не можетъ оставаться!“ говорилъ Барухъ каждое утро и каждый вечеръ, но оставалось все по прежнему. Наконецъ, однажды, онъ собрался и ушелъ изъ дому. На дорогѣ встрѣтился ему мужественный мясникъ Энохъ Регенбогенъ, тащившій за собой на веревкѣ теленка; онъ хотѣлъ скрыться, но Барухъ отколотилъ его, вырвалъ у него клочекъ волосъ изъ бороды и затѣмъ отправился къ ближайшему помѣщику и нанялся у него поденно въ качествѣ молотильщика.

Еврей, работающій въ полѣ, или молотящій въ ригѣ—явленіе, казавшееся почти немыслимымъ; но Барухъ тѣмъ не менѣе исполнялъ эту работу, потому что не могъ видѣть слезы Хайки.

Онъ молотилъ уже пять недѣль и зарабатывалъ, сколько имъ было нужно; печальное и сумрачное лице бѣдной Хайки уже начало проясняться, когда, однажды, послѣ обѣда мимо риги проходилъ старый еврей. Увидѣвъ своего единовѣрца, точно съ гнѣвомъ колотившаго цѣпами по зерну, старикъ подошелъ ближе и узналъ Баруха.

— Это ты!—закричалъ онъ;—гой, проклятый! Видишь, какъ Богъ наказалъ тебя! Проклятъ ты навѣки! Прокляты родители твои, въ домѣ твоемъ всегда пусть будутъ болѣзни и несчастья, дверь того дома, гдѣ ты родился, пусть заростетъ травой, твоимъ единственнымъ гостемъ пусть будетъ Малахъ Гамовесъ! * Ночью пусть тебя давятъ страшные сны, днемъ, когда ты не спишь, пусть не будетъ тебѣ покоя отъ страшныхъ мыслей, а если бы ты захотѣлъ опять войти въ синагогу, пусть тебя смерть убьетъ на самомъ порогѣ! Проклята будь твоя жена, прокляты будь твои дѣти!

Барухъ не отвѣчалъ ни слова, но продолжалъ работать. Онъ колотилъ по зерну такъ, какъ будто ему приходилось молотить за де-

* Ангелъ смерти.

сятерыхъ. Въ этой обстановкѣ увидѣлъ его Калиновскій, проѣзжавшій мимо со своимъ старымъ казакомъ.

— Чортъ побери!—вскричалъ онъ,—да вѣдь это Барухъ Корефле! Что ты, съ ума сошелъ?

— Развѣ человѣкъ сходитъ съ ума, когда работаетъ?

— Пусти лучше въ продажу свой носъ.

— Мнѣ теперь не охота шутки шутить.

— А до чего же у тебя охота?

— До занятія какого нибудь, до дѣла. Будь у меня теперь только бричка и лошади, не такъ бы все пошло!

— Бричка и лошади!—замѣтилъ, смѣясь, Калиновскій,—только-то? Знаешь, Корефле, ты вѣдь большой оселъ! Подожди однако, я тебѣ пришлю лошадь, какъ разъ по тебѣ, еще сегодня пришлю.

Онъ уѣхалъ, а Барухъ, подъ тактъ стука цѣпи, запѣлъ веселую солдатскую пѣсню и думалъ:

— Обѣщалъ онъ мнѣ прислать лошадь—и пришлетъ, ужъ я его хорошо знаю. Ну, а маленькую бричку смастерю я себѣ какъ нибудь самъ.

И онъ продолжалъ думать, и составлялъ себѣ самые добродѣтельные планы, продолжая въ то же время распѣвать свои пѣсеньки, и не замѣчалъ бородатую еврейскую голову, заглядывавшую въ ригу, и множество черныхъ таларовъ, наполнявшихъ улицу, точно надвигающаяся грозная туча.

Хайка сидѣла со своими дѣтьми передъ шинкомъ и ожидала возвращенія мужа. Вдругъ она услышала доносившіеся издалека, подобно вою голодныхъ волковъ, крики, а черезъ минуту увидѣла Баруха. Онъ бѣжалъ, страшно задыхаясь, растрепанный, безъ шапки; за нимъ гнались евреи, кидая вслѣдъ ему камнями.

— Они хотятъ убить его!—закричала Хайка, втолкнула Баруха въ лавку и заперла его тамъ, между тѣмъ какъ Янкевъ также поспѣшно затворялъ дверь кабачка. Старый солдатъ старался казаться спокойнымъ, но губы его поблѣднѣли отъ страха.

— Они убьютъ его!—со слезами повторяла Хайка,—какъ убили ту еврейку, что была любовница короля Августа польскаго.

— Ну, мы это увидимъ! сказалъ Барухъ, между тѣмъ пришедшій въ себя и въ глазахъ котораго зловѣще горѣлъ огонь ненависти и отчаянія.

Камни летѣли уже въ двери и окна. Стекла звенѣли, двери стонали, дѣти кричали и плакали.

— Гдѣ мое ружье?—громко крикнулъ въ это время Барухъ;—жена, дай мнѣ ружье, я выстрѣлю въ нихъ. Гдѣ порохъ? Подай пули.

Онъ нашелъ старую свинцовую трубку, служившую Янкеву для провода воды въ бочку, и привязалъ ее къ палкѣ. Съ этимъ курьезнымъ оружіемъ появился онъ въ окнѣ, выходившемъ на крышу и спросилъ такъ, что всѣ на улицѣ могли слышать.

— Въ кого мнѣ стрѣлять, Янкевъ?

— Вай миръ! У него ружье! Онъ будетъ стрѣлять! раздалось внизу, и черная туча разсѣялась. Въ нѣсколько минутъ улица опустѣла и глубокая тишина ночи воцарилась на далекомъ разстояніи вокругъ шинка.

Барухъ сидѣлъ въ комнатѣ и держался за голову обѣими руками. Онъ, повидимому, что-то обдумывалъ.

— За что же намъ теперь приняться?—заговорила Хайка черезъ нѣсколько минутъ:—здѣсь намъ оставаться нельзя, они убьютъ насъ.

Барухъ не отвѣчалъ ни слова.

— Я пойду спать съ дѣтьми, сказала Хайка послѣ новой паузы.

Въ полночь ее разбудилъ плачъ маленькаго Израиля. Она увидѣла Баруха, нагнувшагося надъ ребенкомъ, чтобы поцѣловать его; нѣсколько крупныхъ слезъ отца упали на лице сына и онѣ-то заставили его проснуться.

— Что ты дѣлаешь?—испуганно спросила она.

— Ничего, ничего, спи.

Онъ поцѣловалъ ее, такъ нѣжно, какъ не цѣловалъ еще никогда, даже въ день свадьбы, и перешелъ въ шинокъ.

На слѣдующее утро, Хайка напрасно искала его въ комнатѣ, напрасно въ лавкѣ, напрасно во всемъ домѣ. Онъ исчезъ. Янкевъ засталъ ее сидящею безъ словъ, безъ слезъ, въ той глубокой скорби, которая окаменяетъ человѣка.

— Онъ ушелъ, чтобъ насъ спасти, сказала она.

— Онъ вернется, утѣшалъ шинкарь.

Хайка печально кивнула головой. Чтобы еврей оставилъ жену и дѣтей—это вещь неслыханная. Чего не дѣлалъ еще никто, то сдѣлалъ Барухъ съ бѣдной Хайкой. Онъ ушелъ, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался.

И снова однажды закишѣли передъ шинкомъ Янкева черные талары.

— У него нѣтъ ружья,—говорили они,—онъ не можетъ стрѣлять.

Они проникли въ домъ, никто не препятствовалъ имъ, и стали искать Баруха.

— Онъ ушелъ, сказалъ Янкевъ.

— Будь онъ здѣсь, онъ не сталъ бы прятаться, прибавила Хайка.

Но они все продолжали искать. Искали въ домѣ, въ погребѣ, въ садикѣ, позади шинка, и не нашли; но взамѣнъ того нашли маленькаго сѣраго осла, который былъ привязанъ къ забору и весело щипалъ траву.

— Чей это оселъ? спросилъ Янкевъ.

— Развѣ не твой?

— Нѣтъ.

Стали спрашивать другъ друга, но никто не зналъ, кому принадлежитъ оселъ. Въ это время пришелъ мудрый Іегуда Конавъ; жена его, гордая красавица Пенинна, тоже стояла недалеко отъ забора.

— Господи!—со вздохомъ воскликнулъ Іегуда,—Ты справедливъ и награждая, и карая! Я готовъ присягнуть, что этотъ оселъ — мой деверь Барухъ Корефле-Индюкъ.

— Какъ? Какимъ образомъ?

— Развѣ вы не знаете, что души людей, смотря потому, какіе грѣхи они совершали на свѣтѣ, переходятъ въ животныхъ или безжизненныя вещи? Душа прелюбодѣйной жены переселяется въ мельничій жерновъ, ибо говорилъ Іовъ: „да мелетъ моя жена для другого!“ Душа мясника, бьющаго скотъ не по кошерному—въ собаку; прелюбодѣя—въ осла. Иначе, зачѣмъ-бы Моисей сказалъ: „если ты видишь, что оселъ твоего врага изнемогаетъ подъ бременемъ своей ноши, то помоги ему!“

— Да,—насмѣшливо замѣтила Пенинна—душа твоего деверя переселилась въ осла, а душа осла—въ тебя.

— Кто не хочетъ вѣрить этому,—закричалъ Іегуда—пусть читаетъ книгу Эмекъ Гамелахъ, пусть прочтетъ о рабби Исаакѣ Луріе, который понималъ такъ, какъ никто до него и послѣ него, языкъ подобныхъ, переселившихся въ животныхъ, человѣческихъ душъ. Когда сей набожный и мудрый рабби Исаакъ Луріе пріѣхалъ въ обѣтованную землю и посѣтилъ могилу рабби Іегуда-баръ-Илаи, обсаженную оливковыми деревьями, на одномъ изъ этихъ деревьевъ сидѣлъ и безпрерывно каркалъ воронъ. И тутъ рабби Луріе сказалъ своему провожатому рабби Моисею Галанти: „Зналъ ты человѣка, который звался Саббатай и служилъ сборщикомъ податей въ Цефатѣ?“ Тотъ отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что этотъ Саббатай былъ весьма порочный человѣкъ—на что рабби Луріе замѣтилъ: „Душа этого человѣка перешла въ этого ворона за то, что онъ при сборѣ податей такъ безжалостно обращался съ людьми, и теперь онъ проситъ меня вывести его изъ этого состоянія моими молитвами“. Затѣмъ святой человѣкъ обратился къ ворону и воскликнулъ: „Исчезни, исчезни, злодѣй, я помолюсь за тебя“—и воронъ немедленно улетѣлъ.

Послѣ этого разсказа всѣ повѣрили, да и Пенинна тоже перестала сомнѣваться, что Барухъ превратился въ осла. Пенинна развязала веревку, державшую его у забора, и сказала мужу:

— Вѣрно ли ты говоришь, или нѣтъ, но Барухъ во всякомъ случаѣ долженъ мнѣ деньги, и я въ уплату беру осла.

— За что онъ тебѣ долженъ? — съ удивленіемъ спросилъ Іегуда;—я что-то не знаю...

— Да много-ли ты вообще знаешь въ дѣлахъ? — презрительно возразила жена;—довольно того, что я знаю, за что и сколько онъ мнѣ долженъ.

И, не пускаясь въ дальнѣйшіе распросы, она отвела осла къ себѣ домой, привязала его въ стойлѣ, сходила вырѣзать себѣ толстый прутъ и вернувшись въ конюшню и затворивъ за собой дверь, подошла съ прутомъ въ рукѣ къ ослу.

— Наконецъ-то ты въ моихъ рукахъ, нищій, бродяга, прелюбодѣй!—закричала она, пылая гнѣвомъ и жаждой мести;—будешь теперь служить мнѣ, сколько я захочу! Подожди-же, я изъ тебя выколочу гордость!

И она принялась изъ всѣхъ силъ хлестать бѣднаго осла, не обращая вниманія на его жалобные крики.

Но дѣло далеко не остановилось на побояхъ этого дня. Каждый разъ какъ гордой красавицѣ приходилось поѣхать куда нибудь, въ бричку запрягался непремѣнно оселъ, и когда онъ обнаруживалъ свойственное ослиному роду упрямство, она безжалостно била его кнутомъ, или за нее били его другіе. Все, что только нужно было возить—воду, съѣстные припасы, товаръ—все это долженъ былъ тащить никто иной, какъ бѣдный оселъ, и гдѣ бы ни остановился онъ со своей телѣжкой, къ нему сейчасъ же сбѣгались евреи, еврейки и даже еврейскія дѣти, и каждый ругалъ его и наносилъ ему ударъ куда могъ, и всѣ называли его не иначе, какъ „Варухъ".

Но несмотря на то, что всѣ отводили душу на ослѣ, бѣдная Хайка оставалась подъ бременемъ проклятья, которое злые люди написали ея мужу на двери ихъ жилища. Ее перестали избѣгать, ей даже отвѣчали на вопросы, но никто попрежнему не покупалъ у нея, и когда она жаловалась на свое горькое положеніе, надъ нею только издѣвались.

При всемъ своемъ трудолюбіи она уже не была въ состояніи снова стать на ноги. Янкевъ былъ самъ слишкомъ недостаточный человѣкъ,

чтобъ помогать еще ей, а у Полавскихъ она зарбатывала въ качествѣ факторки какъ разъ столько, сколько нужно было, чтобъ кое-какъ прокормиться недѣлю.

Для себя она ни за что не пошла бы просить, лучше бы умерла; но для дѣтей сдѣлала это—преодолѣла себя и отправилась къ своему брату. Онъ зналъ, что ей живется скверно, такъ скверно, какъ хуже и быть не можетъ, и охотно бы помогъ, но жена встрѣтила его желаніе смѣхомъ.

— Пусть проситъ милостыни, или идетъ служить, коли не умѣетъ зарабатывать—сказала она:—я не кидаю своихъ денегъ ворамъ и бродягамъ.

Бѣдная Хайка вышла, скрывая слезы. Во дворѣ въ это время стоялъ оселъ, запряженный въ свою телѣжку. Гордая Пенинна взяла плеть и принялась хлестать его; колотилъ тоже и кучеръ ея; съ улицы еврейскія дѣти кидали въ бѣдное животное камнями и грязью. Хайка же стояла и съ состраданіемъ смотрѣла на него, а когда всѣ ушли, она обняла шею бѣднаго осла, и цѣловала его, и плакала. Ей рѣшительно не вѣрилось, что это ея мужъ, но такъ какъ всѣ звали его Барухомъ, то ей было такъ жаль его!

Такъ какъ никто на свѣтѣ не хотѣлъ помогать ей, то она принялась за это сама.

Она находила, что лучше поступать нечестно, чѣмъ допускать до голодной смерти своихъ дѣтей, и потому начала обработывать разныя хитрыя дѣлишки въ пользу себѣ и во вредъ другимъ. У нея не было никакой собственности, не было честнаго заработка, которымъ она могла бы, при всемъ своемъ неустанномъ трудѣ, прокармливать себя и трехъ плачущихъ дѣтей, но внутренній голосъ говорилъ ей: „Ты имѣешь такое же право жить, какъ и всѣ остальные люди; созданное Богомъ создано для всѣхъ; если другіе не даютъ тебѣ той доли, которая назначена Господомъ собственно для тебя, бери ее сама, а коли ты слаба для того, чтобъ брать ее силою, прибѣгай къ хитрости, которая дана природой слабой женщинѣ. Обманывай! Обманывай тѣхъ, кто

притѣсняетъ тебя, кто заставляетъ тебя и твоихъ дѣтей терпѣть голодъ и холодъ, кто не позволяетъ тебѣ жить; обманывай ихъ, сколько только можешь. Обманывай! Обманывай! Обманывай!

Однажды Любина упрекнула Хайку въ томъ, что она продала ея мужу носовые платки, которые въ первой же стиркѣ полиняли. Это не смутило, однако, факторку.

— Развѣ можно, ясновельможная пани,—сказала она,—чтобъ одинъ хорошо покупалъ, а другой хорошо продавалъ? Вѣдь это невозможно! Такъ неужели же терять надо мнѣ? Неужели бѣдной еврейкѣ терпѣть убытокъ отъ богатой пани.

И она неусыпно старалась никогда не терпѣть убытка. Та будничная душа, которую она носила въ своей груди цѣлую недѣлю, перебѣгая изъ деревни въ деревню, изъ одной помѣщичьей усадьбы въ другую, была чисто торгашеская, корыстолюбивая, „жидовская“ душа, но когда бѣдная женщина возвращалась домой въ пятницу вечеромъ, то вмѣстѣ съ пылью своей обуви она стряхивала съ себя и грязь своей будничной души, и та субботняя душа, которая входила въ нее вмѣстѣ съ появленіемъ на небѣ прекрасной вечерней звѣзды, при праздничномъ освѣщеніи ея избушки, была истинно человѣческая, добрая, благородная душа. Одѣтая въ свое лучшее платье, садилась она около своихъ дѣтей и разсказывала имъ объ ихъ отцѣ, ушедшемъ въ Іерусалимъ, чтобъ понравиться Господу—Богъ вѣсть, какъ напала она на такую мысль—и дѣлала все то, что лежитъ на обязанности отца. Она разсказывала имъ все, что ей самой было извѣстно, гагадоты, слышанные ею отъ отца, когда она сама еще была ребенкомъ, разныя другія исторіи о дѣйствительныхъ вещахъ, тоже подхваченныя ею на лету то здѣсь, то тамъ,—но никогда ничего такого, чѣмъ можно бы причинить вредъ дѣтскому уму, всегда только такіе разсказы, которые укрѣпляли этотъ умъ и возбуждали фантазію. Она обращала также вниманіе и на память дѣтей, потому что эту способность еврей цѣнитъ необыкновенно высоко, и на этомъ основаніи никогда не давала своему маленькому Баруху или Израилю ѣсть сердце, печень или мозгъ ка-

кого нибудь животнаго, а часто кормила ихъ яйцами, прованскимъ масломъ и сливочнымъ, такъ какъ эта пища, по мнѣнію евреевъ, укрѣпляетъ память. Обрѣзывая дѣтямъ ногти, она строго слѣдовала предписанію закона—кидала обрѣзанные ногти или волосы въ огонь, чтобы отстранить отъ дѣтей всякія злыя чары. Она запрещала имъ ходить въ полуразрушенный замокъ, находившійся недалеко отъ города, потому что развалины—жилище мазикимъ *. Запрещала она имъ также прикасаться къ такимъ вещамъ, которыми можно убить человѣка, особенно въ „дни несчастья", по изреченію: „Не раздражай сатану въ пору бѣдствій и скорби". Она учила ихъ, что во время грозы надо отодвигать столъ отъ стѣны, класть на средину его Тору, раскрывать ту главу, гдѣ говорится о созданіи міра, и на каждомъ изъ четырехъ угловъ насыпать по горсточкѣ соли.

Все это она дѣлала и всему этому учила въ тѣ часы будней, когда оставалась дома; въ субботу же, когда рыба аппетитно благоухала въ темно-коричневомъ соусѣ съ изюмомъ, а медъ—въ голубой стекляной кружкѣ, и когда комнатка ярко освѣщалась свѣчами въ канделябрѣ и стѣнникахъ,—Хайка учила дѣтей быть чистыми сердцемъ и твердыми разумомъ, и тутъ давала имъ превосходные уроки. Она разсказывала, напримѣръ, исторію о воздержномъ пастухѣ: какъ однажды, къ Симону праведному, первосвященнику іерусалимскому, пришелъ юноша ослѣпительной красоты, съ великолѣпными кудрями, и пожелалъ дать обѣтъ воздержанія.

— Въ умѣ ли ты,—возразилъ Симонъ,—рѣшаясь умерщвлять твою прекрасную плоть, портить твои чудные волосы?

— Я хочу быть добрымъ—отвѣчалъ юноша,—а моя красота тому препятствуетъ. Съ раннихъ лѣтъ пасъ я стада моего отца, любилъ Господа и любилъ моихъ собратьевъ—людей, но однажды увидѣлъ въ водѣ свое изображеніе. Пораженный своей красотой, я долго смотрѣлся въ это зеркало и игралъ своими кудрями, точно суетная женщина. Но

* Демоны, также привидѣнья.

вотъ къ ручью подбѣжала напиться овечка, и вода помутилась, а мое изображеніе исчезло. Съ страшнымъ проклятіемъ отогналъ я бѣдное животное, но чрезъ нѣсколько минутъ образумился и сказалъ себѣ: „Недостойный, не забывай, откуда ты пришелъ, куда ты идешь; твоя красота—преходящая, но отвратительное пятно твоего поступка долго не сотрется съ тебя". Вотъ почему хочу я остричь свои волосы и уничтожить румянецъ моихъ щекъ; я хочу быть не красивымъ, а добрымъ".

Но въ тоже время Хайка учила дѣтей тѣмъ остроумнымъ, въ такой степени развивающимъ сообразительность средствамъ, которыя предоставляетъ талмудъ еврею для того, чтобы *обходить* законъ въ тѣхъ случаяхъ, когда иначе пришлось бы *нарушить* его. Такъ напримѣръ, говорила она маленькому Баруху:

— Законъ позволяетъ тебѣ кушать только то, что ты самъ изготовилъ. Что же ты сталъ бы дѣлать, еслибъ былъ въ дорогѣ и не могъ бы самъ готовить себѣ кушанье, а христіанинъ предлагалъ бы тебѣ свое?

— Я совсѣмъ бы не ѣлъ.

— Но еслибъ это продолжалось такъ долго, что пришлось бы хоть умереть съ голоду?

— Я все-таки не ѣлъ бы.

— Нѣтъ, такъ нельзя, потому что Богъ не хочетъ, чтобъ ты самъ укорачивалъ себѣ жизнь. Поэтому въ такомъ случаѣ, ты долженъ посмотрѣть, что именно готовилъ христіанинъ: если такое кушанье, которое и тебѣ закономъ дозволено, возьми щепочку и кинь ее въ огонь,—оно и выйдетъ, какъ будто ты самъ изготовилъ, стало быть, можешь кушать. Такъ учитъ насъ талмудъ.

Или она спрашивала:

— Отчего уродливыхъ или искалѣченныхъ дѣвушекъ называютъ Бахуримъ Сехора—товаръ для ешеботниковъ?

— Потому что у всѣхъ ешеботниковъ безобразныя жены, быстро отвѣчалъ маленькій Барухъ.

— Нѣтъ, дитя мое, это вотъ отчего. Браки, какъ тебѣ уже извѣстно, заключаются въ небѣ. Богъ въ этихъ случаяхъ поступаетъ съ людьми, какъ экономный отецъ въ своей семьѣ. Когда у экономнаго купца окажется въ лавкѣ штука такой дурной матеріи, что ее нельзя продать никому, онъ, чтобы получить отъ нея хоть какую нибудь пользу, беретъ ее къ себѣ домой и шьетъ платье для своихъ дѣтей. Вотъ точно тоже дѣлаетъ Господь Богъ съ дѣвушками. Если дѣвушка уродлива, или скверная лицемъ, или одноглазая, горбатая, такъ что ее ни за кого не выдашь замужъ, Богъ отдаетъ ее кому нибудь изъ своихъ любимыхъ сыновей, то есть, бахурамъ, ешеботникамъ.

Такъ поучала Хайка своихъ дѣтей въ субботніе вечера, при свѣтѣ свѣчей въ канделябрѣ и въ стѣнникахъ.

Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ Барухъ Корефле Индюкъ оставилъ жену и дѣтей, или, въ чемъ клятвенно удостовѣряли всѣ евреи, былъ превращенъ въ осла и, для искупленія своихъ грѣховъ, отданъ въ руки красавицы Пенинны. Іегуда продолжалъ всецѣло отдаваться своимъ талмудическимъ хитросплетеніямъ; только теперь жена уже не давала ему почетнаго прозвища „свѣтъ міра", а по просту, безъ всякой церемоніи обзывала „бездѣльникомъ" и презирала его отъ всей души. Презирала потому, что все бремя торговли, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ, онъ попрежнему взваливалъ исключительно на ея плечи, а можетъ быть—еще больше потому, что у нея не было дѣтей, и ненависть ея къ Хайкѣ была, вѣроятно, такъ непримирима только оттого, что та имѣла дѣтей, и дѣтей свѣжихъ и здоровыхъ, красивыхъ и умныхъ, которыхъ всѣ любили и ласкали.

Съ теченіемъ времени Пенинна изъ повелительницы своего мужа сдѣлалась его тиранкой, и онъ весьма облегчалъ ей работу этого превращенія, потому что обладалъ кротостью голубя и стоицизмомъ философа и, въ добавокъ къ этому, былъ по уши влюбленъ въ свою жену. А мужъ, влюбленный въ свою жену—во всякомъ случаѣ человѣкъ погибшій.

Іегуда представлялъ собою утку, плавающую по водѣ въ то время, когда надъ нею въ облакахъ носится ястребъ. Но несчастнымъ чувствовалъ онъ себя собственно тогда только, когда Пенинна появлялась въ наполненной громадными фольянтами комнатѣ верхняго этажа, его послѣднемъ убѣжищѣ, и когда здѣсь раздавался ея голосъ, подобный звону колокола.

— Надоѣло мнѣ это все! — кричала она, отталкивая ногой талмудъ, лежавшій на полу подлѣ его стула,—только для лѣнтяевъ, для бездѣльниковъ годится! Сколько уже лѣтъ я жду, чтобъ ты принялся хоть за какое нибудь дѣло, или для насъ прибыльное, или для другихъ полезное! А ты вотъ только съ этой талмудической мудростью возишься! Да что она, эта мудрость! Болтовня для дураковъ, которыхъ на свѣтѣ всегда больше, чѣмъ умныхъ! Грѣховное тщеславіе — вотъ что она, твоя мудрость!

— Я дѣлаю, что мнѣ нравится, — отвѣчалъ Іегуда — на то я и господинъ въ домѣ...

— Ты господинъ въ домѣ?..

— Въ законѣ написано...

— Въ законѣ — перебивала его Пенинна, — въ первой книгѣ Моисея, 3, 16.—видишь, я не хуже твоего это знаю—написано: „Онъ будетъ твоимъ господиномъ"; но за нѣсколько строкъ до того: „Ты будешь въ болѣзняхъ рожать дѣтей", а сейчасъ послѣ того сказано, что мужъ долженъ заработывать хлѣбъ въ потѣ лица своего. Ну, а вѣдь ты ѣшь хлѣбъ въ потѣ *моего* лица, и такъ какъ я кромѣ того и не рожаю дѣтей, то я твой господинъ, а не ты мой! Понялъ?

Такъ какъ она при каждомъ удобномъ случаѣ выгоняла супруга изъ его мирнаго уголка, то мудрый Іегуда удалялся въ поле и тамъ ломалъ голову надъ мудреными мѣстами Писанія. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ увидѣлъ на камнѣ, у свѣжаго, извилистаго ручейка, красиваго мальчика, погруженнаго въ задумчивость.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ изумленный Іегуда.

— Учусь, отвѣчалъ мальчикъ.

— Учишься? Но какъ же ты можешь учиться безъ книги?

— Развѣ ты слѣпъ?—возразилъ мальчикъ, умно смотря на Іегуду своими большими темными глазами,— развѣ ты слѣпъ, что не видишь эту великую книгу, которую Богъ раскрылъ передъ нами? Вотъ по этой-то книгѣ и учусь я.

Іегуда долго смотрѣлъ съ глубокимъ изумленіемъ на страннаго отрока.

— Ты говоришь правду—сказалъ онъ наконецъ,—но эту книгу читаютъ очень немногіе.

— А въ ней однако написано больше, чѣмъ въ талмудѣ.

— Да ты развѣ знаешь, что въ талмудѣ написано?

Мальчикъ отрицательно тряхнулъ кудрями.

— А хочешь узнать?

— Конечно хочу. Я хочу узнать все, что только можетъ знать человѣкъ.

— Ну, такъ я стану тебя учить.

— Ты, стало быть, ученый?

— Да, дитя мое.

Мальчикъ соскочилъ съ камня и пошелъ съ Іегудой по полямъ. Съ этого дня онъ ожидалъ его каждый разъ, какъ солнце начинало склоняться къ закату, и они шли вдвоемъ. Мудрый Іегуда просвѣщалъ своего юнаго друга по торѣ и талмуду, а тотъ, помимо воли, въ свою очередь поучалъ мудреца по своему; но то, что говорилъ *онъ*, не было написано ни въ одномъ изъ громадныхъ, пыльныхъ фольянтовъ, а читалось на свѣжихъ зеленыхъ листьяхъ деревьевъ, на лепесткахъ цвѣтовъ, въ золотыхъ звѣздахъ синяго неба.

Мальчикъ изумлялъ Іегуду, потому что еврей не отличается любовью къ природѣ и пониманіемъ ея; онъ спиритуалистъ, онъ населяетъ природу схемами и видитъ привидѣнія при яркомъ свѣтѣ солнца. Когда они проходили по полямъ, и мальчикъ указывалъ ему на окружавшее ихъ великолѣпіе, на этотъ лучезарный свѣтъ въ соединеніи съ благодатною теплотой, нашъ талмудистъ сейчасъ же находилъ какое нибудь нрав-

ственно-практическое примѣненіе, въ родѣ: „старайся познать Бога, такъ хорошо создавшаго для тебя все это“. Онъ называлъ „хорошимъ“ — въ нравственномъ смыслѣ — то, что мальчикъ назвалъ бы „прекраснымъ“ въ смыслѣ эстетическомъ, и затѣмъ слѣдовала какая нибудь талмудическая тонкость, въ такомъ напримѣръ родѣ:

— Посмотри на это хлѣбное поле; сколько, какъ ты думаешь, здѣсь колосьевъ?

— Кто же можетъ сосчитать ихъ?

— Какъ же ты сочтешь въ такомъ случаѣ легіоны ангеловъ? Но Господь счелъ колосья на этомъ полѣ, какъ счелъ легіоны ангеловъ. Ангеловъ на небѣ 72 милліона, и на одной булавочной головкѣ могутъ помѣститься и танцовать десять тысячъ ангеловъ. Сколько же булавокъ понадобилось бы твоей матери, чтобы дать возможность потанцовать всѣмъ ангеламъ?

— Семь тысячъ двѣсти, отвѣчалъ мальчикъ, не долго соображая.

— Правильно—съ улыбкой одобрилъ Іегуда,—правильно!

И въ такой бесѣдѣ сидѣли они на опушкѣ лѣса, подъ мягкою, подвижною тѣнью линъ и березъ; передъ ними колыхались золотыя волны хлѣба и далеко разстилалась освѣщенная яркимъ солнцемъ степь, на горизонтѣ высилась голубая цѣпь Карпатовъ — но они не видѣли всего этого, они не слышали, какъ кричалъ въ травѣ дроздъ, какъ стучалъ о вѣтку дятелъ; глаза ихъ были обращены внутрь, въ ихъ душу и умъ.

— Писаніе—сказалъ Іегуда мальчику—похоже на женщину подъ покрываломъ, которая не позволяетъ каждому любоваться ея красотой, но требуетъ отъ своего возлюбленнаго, чтобъ онъ потрудился поднять покрывало. А какъ исполнить это—тому учитъ каббала.

— Что это такое каббала?

— Это книга таинствъ, написанная самимъ Богомъ; называется она Соферъ Іецира — книга сотворенія міра. Адамъ получилъ ее отъ ангела Рахіеля, который вмѣстѣ съ нею передалъ ему полторы тысячи ключей къ мудрости. Когда же Адамъ согрѣшилъ, книга исчезла. Въ

отчаяніи, онъ разбилъ себѣ голову и погрузился по шею въ рѣку Гихонъ и оставался тамъ такъ долго, что вода покрыла его тѣло ржавчиной. Тогда Богъ сдѣлалъ знакъ ангелу Рахіелю, и тотъ возвратилъ Адаму книгу. Въ ней источникъ разума, кладезь премудрости, море наукъ, которыя Господь повелѣлъ сообщить только мудрѣйшимъ своего народа. И есть еще книга Іецира рабби Акибы. Въ талмудѣ, трактатъ Менахетъ, разсказывается: Когда Моисей прибылъ на небо для полученія закона, онъ увидѣлъ, что Господь надвязываетъ коронку надъ каждой изъ буквъ торы. На вопросъ Моисея—для чего это, Богъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ это ради человѣка, который въ позднѣйшія времена явится въ міръ, будетъ называться Акиба бенъ-Іосифъ и по каждой изъ этихъ коронокъ объяснитъ людямъ безчисленное множество тайнъ. Моисей попросилъ Бога показать ему этого человѣка, и Богъ сказалъ: „Ступай назадъ на осьмнадцать человѣческихъ поколѣній, и ты найдешь его". Когда Моисей прошелъ это разстояніе и, найдя тамъ рабби Акибу, услышалъ отъ него такія разсужденія о торѣ, которыхъ онъ не могъ понять, имъ овладѣло недовольство; но онъ скоро успокоился, потому что Акиба сказалъ своимъ ученикамъ: „Все это Господь устно передалъ Моисею на горѣ Синаѣ". Возвратясь къ Богу, Моисей сказалъ Ему:—У Тебя есть такой человѣкъ; отчего же Ты даешь евреямъ тору черезъ меня, а не черезъ него?—Молчи,—отвѣтилъ Господь—такова моя воля.—Но Моисей снова сказалъ: „Ты показалъ мнѣ великую ученость этого человѣка; покажи мнѣ также награду, которая ожидаетъ его за это". И тутъ онъ увидѣлъ, что мясо рабби Акибы продавали на бойню. Въ изумленіи вскричалъ Моисей: „Неужели это награда учености"? Но Богъ снова отвѣчалъ: „Молчи! Такова Моя воля". И дѣйствительно, въ царствованіе императора Адріана у Акибы вырывали мясо раскаленными щипцами. При томъ же императорѣ подвергся преслѣдованію и мудрый рабби Симонъ бенъ-Іохаи. Онъ тринадцать лѣтъ скрывался въ пещерѣ и тутъ написалъ книгу Зогаръ, въ которой говорится о существѣ Божьемъ и Его эманаціяхъ, и написалъ также прибавленіе къ ней, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ основаніе каб-

балы. Когда онъ вышелъ изъ своей пещеры и увидѣлъ, что люди, вмѣсто того, чтобы учиться премудрости Божіей, работаютъ въ полѣ, то превратилъ ихъ въ пепелъ огнемъ своего взгляда. И онъ дѣлалъ это такъ часто, что Богъ наконецъ сказалъ ему: „Ты, вѣрно, желаешь разрушить весь мой міръ“!—и снова заключилъ на годъ въ пещеру. Этотъ рабби Симонъ отличался тоже полнымъ отсутствіемъ скромности. „Я видѣлъ—говоритъ онъ—самыхъ выдающихся людей на свѣтѣ, но ихъ очень мало. Когда набирается такихъ людей десятокъ, то въ томъ числѣ я и мой сынъ; когда ихъ только двое, то эти двое—я и мой сынъ“. Каббала, дитя мое, открываетъ намъ всѣ тайны и научаетъ насъ также заклинать добрыхъ и злыхъ духовъ; но въ ней же скрыты и большія опасности. Талмудъ сравниваетъ глубочайшія тайны каббалы съ лабиринтомъ и говоритъ: Четверо пошли въ этотъ садъ; изъ нихъ Бенъ-Аза, едва только взглянувъ въ него, умеръ; Бенъ-Зома помѣшался; Ахеръ * вырвалъ бывшія тамъ растенія **, и только рабби Акибѣ удалось благополучно выбраться оттуда.

Однажды когда Іегуда вернулся съ поля, Пенинна схватила его за руку, потащила въ домъ и закричала:

— Сумасшедшій тунеядецъ! Теперь я тебя поймала! Ты вотъ за что принялся—уроки вздумалъ давать уличнымъ мальчишкамъ! Да ты знаешь-ли, кто этотъ ученикъ твой, съ которымъ ты шляешься по полямъ?

— Не знаю.

— Барухъ, сынъ твоей сестры! Ты вѣрно хочешь, чтобъ и онъ сдѣлался такимъ бродягой, какъ его отецъ?

— Если его отецъ былъ бродяга, то онъ достаточно наказанъ за это, ибо превращенъ въ осла и отданъ въ твои руки. Но и такіе люди, какъ Барухъ, необходимы на свѣтѣ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше.

---

* Буквально «иной»; это прозвище рабби Элизы бенъ-Абугія, имя котораго евреи не произносятъ, потому что онъ отпалъ отъ Бога.

** Т. е. попалъ на ложный путь.

— Ну, опять выкопалъ новое! крикнула Пенинна съ страшнымъ гнѣвомъ.

— Талмудъ говоритъ,—продолжалъ мудрый Іегуда—что Мессія прійдетъ не прежде, чѣмъ всѣ евреи сдѣлаются или совершенно добродѣтельными, или совершенно порочными. Сдѣлать всѣхъ евреевъ добродѣтельными—трудно, стать порочными—для нихъ легче, и потому увеличеніе числа такихъ людей, какъ Барухъ, ускоритъ пришествіе Мессіи.

— На этотъ разъ ты правъ,—сказала Пенинна, повидимому вдругъ успокоившаяся;—и я тоже стану содѣйствовать этому и начинаю съ того, что запрещаю тебѣ на будущее время заниматься св. книгами и быть набожнымъ—слышишь?—потому что ты только замедляешь пришествіе Мессіи.

И она полетѣла наверхъ, въ мирный уголокъ своего мудраго супруга, схватила двѣнадцать томовъ Талмуда, и Зогаръ, и Сефиръ, и всякія другія, переплетенныя въ пергаментъ, премудрости, и побросала все это въ огонь. Іегуда готовъ былъ расплакаться, и если не заплакалъ, то несомнѣнно потому только, что боялся Пенинны.

— Ты долженъ стать такимъ человѣкомъ, какъ и всѣ мы, простые смертные,—продолжала она—и такъ какъ для торговаго дѣла я отъ тебя не добьюсь никакого проку, то мы тебя сейчасъ же сдѣлаемъ факторомъ.

— Я не способенъ на это! съ тяжелымъ вздохомъ возразилъ мудрецъ.

— Пословица говоритъ, что изъ бахура можно сдѣлать все, что хочешь; ну, ты и докажи это. Я знаю, что пану Калиновскому нуженъ факторъ; ступай къ нему и просись на эту должность.

И такимъ образомъ Іегуда отправился къ Калиновскому. Но тотъ не далъ ему и ротъ раскрыть, а схватилъ длинный черешневый чубукъ своей турецкой трубки, и мудрецъ вылетѣлъ изъ дверей! Онъ еще никогда не мчался съ такой быстротою.

— Получилъ должность? спросила Пенинна.

— Получилъ—только не должность, а чуть-чуть не по шеѣ чубукомъ! жалобно отвѣчалъ Іегуда, и вдобавокъ былъ еще осмѣянъ супругой.

Въ эту пору на всемъ обитаемомъ евреями пространствѣ распространялась молва о чудотворныхъ дѣйствіяхъ Садагурскаго цадика. Все населеніе стремилось къ нему, кто за совѣтомъ, кто за помощью. Рѣшилась обратиться къ нему и Пенинна.

— Я хочу имѣть дѣтей—сказала она мужу—и желаю также спросить, на какую работу ты способенъ, что съ тобой сдѣлать. Ты поѣдешь со мною.

И Іегуда отправился съ нею. Цадикъ выслушалъ ея объясненія и съ улыбкой сказалъ:

— Сходи ты къ Калиновскому сперва сама, а потомъ пошли къ нему еще разъ мужа. Теперь ступайте себѣ спокойно домой. Будутъ у тебя дѣти, а ему во всемъ повезетъ.

— Но онъ меня поколотитъ! со стономъ замѣтилъ Іегуда.

— Пусть колотитъ!—гнѣвно закричалъ чудотворный раввинъ;—тебя нужно колотить, тунеядецъ, оселъ, талмудомъ навьюченый и отъ тяжести одурѣвшій! Пусть колотитъ! Чѣмъ больше будетъ колотить, тѣмъ больше ты будешь жить и сильнѣе богатѣть!

Въ тотъ же самый день, по возвращеніи домой, Пенинна снова послала мужа къ Калиновскому. На этотъ разъ страшный помѣщикъ былъ повидимому въ хорошемъ настроеніи и удостоилъ выслушать Іегуду.

— Такъ ты хочешь быть у меня факторомъ,—сказалъ онъ;—ну хорошо, покажи мнѣ, что́ ты умѣешь дѣлать. Вотъ, напримѣръ, поплыви сейчасъ же, не выходя отсюда.

Іегуда слышалъ, что его деверь пріобрѣлъ благосклонность Калиновскаго остроумнымъ отвѣтомъ, и поэтому захотѣлъ тоже отличиться, воспользовавшись повидимому благопріятнымъ случаемъ. „Поплыть? Отчего же? Можно“! съ улыбкой проговорилъ онъ, растянулся во весь

ростъ на полу и началъ усерднѣйшимъ образомъ выдѣлывать плавательныя движенія, точно подъ нимъ была вода самой настоящей рѣки.

— Браво! Браво!—одобрилъ Калиновскій, полюбовавшись этимъ зрѣлищемъ;—ну, теперь нырни!

— Нырять? Куда же здѣсь нырять? жалобно осмѣлился замѣтить Іегуда.

— Какъ! Ты выдаешь себя за пловца и не умѣешь нырнуть! закричалъ Калиновскій и вскочилъ; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за свой черешневый чубукъ, Іегуда снова благополучно улизнулъ.

На слѣдующее утро, Калиновскій лежалъ еще въ постели, но уже курилъ свою первую трубку, когда казакъ доложилъ ему, что какая-то еврейка желаетъ поговорить съ нимъ. „Стоитъ того, чтобъ я всталъ?“ спросилъ страшный человѣкъ. Казакъ энергически кивнулъ головой. Калиновскій вышелъ изъ спальни въ своихъ желтыхъ сапогахъ, красныхъ турецкихъ шароварахъ, голубомъ шелковомъ халатѣ и увидѣлъ Пенинну. Одного взгляда ея темныхъ глазъ было достаточно для его укрощенія. Калиновскій пригласилъ ее сѣсть на диванѣ.

— Панъ посадилъ жидовку на диванѣ! поспѣшилъ объявить казакъ камердинеру.

— Не долго стоять божьему свѣту!—со вздохомъ замѣтила кухарка,—панъ посадилъ жидовку на диванѣ!

Никогда еще Пенинна не была такъ соблазнительна, такъ хороша какъ теперь, сидя на мягкихъ подушкахъ, въ своемъ желтомъ атласномъ платьѣ, открытый воротъ котораго позволялъ любоваться ея шеею и грудью, точно выточенными изъ слоновой кости или высѣченными изъ каррарскаго мрамора, въ жемчугахъ и брильянтахъ, и перебирая кисти дивана прелестными длинными пальцами правой руки. Волосы ея, которыхъ она не стригла уже много лѣтъ, блестѣли какъ черное дерево сквозь бѣлый жемчугъ. Крупные зубы выглядывали тоже какъ рядъ жемчуга изъ подъ розовыхъ губъ, и спокойные, темные глаза, покрытые влагой, томно смотрѣли сквозь черныя и длинныя рѣсницы.

Не много говорили этотъ красивый польскій магнатъ и эта краса-

вица-еврейка, они больше смотрѣли другъ на друга, и наконецъ рука гордой Пенинны очутилась въ рукѣ Калиновскаго. Пенинна не отнимала ее и съ удовольствіемъ думала: „Его заполонили мои глаза“! А онъ закручивалъ свой блестящій черный усъ, и улыбался, и въ свою очередь думалъ: „Вотъ эта бабенка, кажется, ничего не имѣетъ противъ моего носа“!

— По всей вѣроятности, пани Конавъ, вы желаете чего нибудь отъ меня? спросилъ онъ наконецъ своимъ обычно-небрежнымъ, но въ тоже время граціознымъ и привѣтливымъ тономъ.

— Я пришла просить васъ дать моему мужу факторскую должность при вашемъ домѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Прошу совсѣмъ не изъ-за денегъ,—гордо продолжала еврейка;—благодаря Бога, мы ни въ чемъ не нуждаемся, но вся наша торговля лежитъ на моихъ рукахъ...

— Счастливая! Завидую ей! прошепталъ Калиновскій.

— Мой мужъ, изволите-ли видѣть, съ утра до вечера точно кротъ роется въ талмудѣ и всякую чепуху вылавливаетъ изъ каббалы; но я всѣ его книги побросала въ огонь: пусть будетъ человѣкъ, какъ всѣ люди.

— Присылайте его ко мнѣ! Сдѣлаемъ человѣка!

— Онъ ужъ былъ у пана...

— А, такъ это вашъ мужъ—этотъ смѣлый пловецъ?.. Ну, я обѣщаю вамъ обходиться съ нимъ совсѣмъ хорошо.

— Господи Боже!—воскликнула Пенинна съ весьма комическимъ жаромъ,—что это вы изволите говорить: хорошо обходиться! Да какъ же онъ сдѣлается порядочнымъ человѣкомъ, коли ясновельможный панъ будетъ хорошо обходиться съ нимъ?

— Такъ прикажете колотить его? смѣясь спросилъ Калиновскій.

— Если желаете сдѣлать мнѣ большое удовольствіе,—шопотомъ сказала красавица, сжимая руку помѣщику и наклонившись къ нему такъ близко, что ея теплое, ароматическое дыханіе коснулось его ще-

ки,—то пожалуйста, не щадите его, нисколько не щадите до тѣхъ поръ, пока всѣ глупости и причуды не вылетятъ изъ его дурацкой головы, какъ вылетаютъ пчелы, когда жгутъ въ лѣсу улей.

— Я вылечу мудреца,—отвѣчалъ Калиновскій;—но вы, моя красавица, чѣмъ вылечите вы мое сердце, которое ваши глаза сожгли такъ, что отъ него остался одинъ пепелъ?

— Гдѣ остался только пепелъ,—съ улыбкой замѣтила умная еврейка—тамъ ужъ никакія лекарства не помогутъ.

— О, вы способны даже воскресить мертвеца!

— Это было бы опасно! Мертвецы воскресающіе разсказываютъ такія тайны, которыя отъ всѣхъ скрыты.

— Я буду нѣмъ какъ могила.

— Могила не нѣма.

— У васъ на все есть отвѣтъ, моя красавица.

— Правильный отвѣтъ тоже что сердечный поцѣлуй.

— Въ такомъ случаѣ я получилъ отъ васъ уже три поцѣлуя!

— Если вы этимъ недовольны,—прошептала Пенинна,—возвратите ихъ мнѣ.

Ея вѣки сомкнулись, темные глаза сладострастно сверкнули сквозь черныя рѣсницы. Калиновскій быстро обвилъ обѣими руками талію красавицы, трепетавшей въ его объятіяхъ и влажными губами искавшей его поцѣлуя. Къ несчастью, въ эту минуту въ комнату вошелъ казакъ, а за казакомъ явился управляющій, а за управляющимъ—ксендзъ.

— Вы пожалуйте ко мнѣ, чуть слышно прошептала еврейка, уходя.

— Завтра?

— Нѣтъ, сегодня, пожалуйста, сегодня...

— Какъ прикажете!

— Могу-ли я вамъ приказывать?

Съ этихъ поръ Калиновскій являлся къ ней ежедневно, подъ предлогомъ какой нибудь покупки, и, сидя въ ея лавкѣ, доставлялъ себѣ одинаковое увеселеніе и комическими жестами торгующихся евреевъ,

и великолѣпно-мягкими движеніями Пенинны, въ которой было нѣчто пантерное. Іегуда, который со времени своего послѣдняго визита къ Калиновскому, далъ страшнѣйшую клятву никогда больше не переступать порогъ этого страшнаго человѣка, теперь, каждый разъ, какъ тотъ пріѣзжалъ къ его женѣ, пробирался вдоль стѣнъ къ задней комнатѣ и черезъ минуту, достаточно похожій въ своемъ развѣвающемся таларѣ на большого чернаго ворона, летѣлъ полями къ лѣсу, гдѣ его ожидалъ маленькій Барухъ.

У Пенинны, казалось, теперь постоянно былъ день субботній, потому что она сидѣла въ своей лавкѣ точно турецкая султанша, вся въ шелку, бархатѣ и жемчугахъ, и когда маленькій, рыжій, покрытый коростой посыльный влеталъ къ ней и гнусливо докладывалъ: „хозяинъ побѣжалъ въ поле“—тогда она вставала и подымалась съ Калиновскимъ въ маленькую комнатку верхняго этажа, наполненную благоуханіями и зеленовато-золотыми лучами солнца, пробивавшагося сквозь зеленыя занавѣски.

Іегуда съ изумленіемъ смотрѣлъ на свою жену, онъ изумлялся ея великолѣпнымъ нарядамъ, изумлялся, видя, что она часто сидѣла въ своей лавкѣ погруженная въ глубокую задумчивость, повидимому не видя и не слыша ничего, происходившаго вокругъ нея, и предоставивъ вести всю торговлю прикащикамъ.

— Ты больна? спросилъ онъ ее однажды.

— Я здорова.

— Значитъ, ты влюблена.

Пенинна презрительно пожала плечами.

— Любовь вкралась въ твое пустое сердце—продолжалъ Іегуда—совершенно такимъ путемъ, какъ это объясняетъ саббатіанецъ Іаковъ Франкъ, котораго многіе принимали за Мессію *. «Когда предметъ люб-

*) Іаковъ Франкъ родился въ 1712 г. въ Польшѣ и, послѣ долгаго пребыванія въ Турціи, воротился въ 1750 г. въ Подолію, гдѣ выступилъ въ качествѣ каббалиста и сталъ во главѣ секты саббатіанцевъ. Впослѣдствіи онъ выкрестился, принялъ баронскій титулъ и умеръ 10 декабря 1791 г. въ Оффенбахѣ.

ви привлекаетъ человѣка, всѣ лучи его духовнаго существа и всѣ силы его тѣла сосредоточиваются какъ бы въ одномъ фокусѣ. Всѣ скрытыя въ немъ силы развиваются и работаютъ для того только, чтобы укрѣпить силу любви, всѣ остальныя чувства молчатъ, а если какое нибудь изъ нихъ и шевелится, то дѣлаетъ это только по приказанію этой, все покоряющей себѣ любви; даже внѣшнія чувства умираютъ въ это время для всего остальнаго—человѣкъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ ничего не осязаетъ, кромѣ любви. Оттого и говоритъ Соломонъ: „любовь сильна какъ смерть", ибо въ любви, какъ въ смерти, все остальное умолкаетъ и приходитъ въ бездѣйствіе. Любовь есть великая пружина человѣческаго существованія...»

— Все это прекрасно—перебила Пенинна,—только къ чему ты разводишь эту рацею?

— Къ чему? Чтобы напомнить тебѣ, что красивая женщина безъ добродѣтели тоже что свинья въ золотомъ ошейникѣ.

— А я говорю тебѣ: можетъ-ли кто проходить по горящимъ угольямъ безъ того, чтобъ не сжечь себѣ ноги? Твоя жена—каббала, твоя возлюбленная—Зогаръ, на что же ты жалуешься?

— Нѣтъ!—въ отчаяніи воскликнулъ Іегуда—эта женщина сведетъ меня съ ума! Да вырви ты лучше у меня всѣ волосы и всю бороду! Это будетъ все таки милосерднѣе!

— Ага, видишь! Теперь знаешь, что значитъ ревность, кротъ ты книжный! О милосердіи заговорилъ! А ты былъ милосерденъ, когда закапывалъ мои молодые годы въ твои скверные, пыльные томищи? Ужъ лучше возиться съ живымъ человѣкомъ, чѣмъ съ мертвыми книгами. Твои фоліанты отвратительны, а Калиновскій—красавецъ.

Іегуда плюнулъ отъ негодованія и воскликнулъ:

— Правду сказалъ рабби Бехай, что съ женщиной появился на свѣтъ сатана! Не даромъ создана женщина изъ ребра, *целы,* каковое слово означаетъ бѣдствіе!

— Изъ-за чего ты сердишься и бранишься, когда я поступаю какъ слѣдуетъ,—насмѣшливо возразила Пенинна, сидя съ спокойно скре-

щенными на груди руками и услаждаясь терзаніями своего мудраго и дурацки влюбленнаго мужа;—развѣ я не слѣдую предписаніямъ талмуда? Вѣдь я же содѣйствую тому, чтобы свѣтъ сдѣлался порочнымъ и чтобъ отъ этого Мессія скорѣе пришелъ на землю.

— Нѣтъ, ты не женщина!—яростно закричалъ Іегуда,—ты одна изъ четырехъ фурій! Ты Лилитъ, такая же красивая и такая же злая, какъ она, и у тебя, какъ у нея, подъ командой четыреста восемьдесятъ отрядовъ злыхъ ангеловъ!

Пенинна такъ посмотрѣла на него своими темными, жгучими глазами, что его проняла дрожь.

— Такъ я Лилитъ?—сказала она.—А ты сообразилъ, что это значитъ? Сообразилъ, что эта Лилитъ была первая жена Адама, которую Богъ создалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ земли, а потомъ развелъ съ нимъ, потому что у него былъ скверный, невыносимый характеръ, и создалъ ему изъ ребра Евву? Что же, ты тоже хочешь развестись со мною?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хочу.

— А я хочу.

— Пенинна! — молилъ Іегуда — не вырывай у меня изъ груди сердца! Вѣдь я ревную только изъ любви—а ты гнѣваешься!

— Я развожусь съ тобою.

— Да если я дамъ тебѣ разводное письмо. Но я не дамъ его.

— Къ чему мнѣ твое письмо? — спросила красавица, съ лукавой улыбкой смотря на него полузакрытыми глазами; — вѣдь я поступаю какъ мнѣ угодно, и если захочу, сегодня же, сейчасъ же выгоню тебя изъ моей комнаты, и будешь ты у меня слугой, какъ вся остальная прислуга, но не мужемъ. Слышалъ?

Іегуда, дрожа отъ смертельнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень комическаго страха, продолжалъ слезно упрашивать, какъ молитъ о пощадѣ приговоренный къ смерти.

— Что мнѣ съ тобой дѣлать?—сказала она съ злой улыбкой;— не могу же я наказать тебя такъ, какъ ты заслуживаешь! Но завтра утромъ изволь отправляться къ Калиновскому.

— Если ты желаешь, я къ самому сатанѣ отправлюсь.

Вечеромъ пріѣхалъ Калиновскій. Іегуда шмыгнулъ изъ лавки, гдѣ онъ вѣшалъ изюмъ, но въ поле на этотъ разъ не убѣжалъ. Присутствіе его въ домѣ однако нисколько не помѣшало Пениннѣ подняться съ Калиновскимъ въ комнатку верхняго этажа, наполненную благоуханіями, и бѣдный, мудрый, дурацки влюбленный Іегуда слышалъ ихъ веселый смѣхъ, и жутко становилось у него на душѣ отъ этого смѣха.

На слѣдующее утро жена приказала ему идти къ Калиновскому и при этомъ засмѣялась такъ, что у него кровь застыла въ жилахъ. „Иду, иду", сказалъ онъ—и отправился. Сперва онъ почти бѣжалъ, но когда завидѣлъ вершины тополей, окружавшихъ барскую усадьбу, то замѣнилъ галопъ мелкой рысью, а затѣмъ пошелъ медленнымъ шагомъ, такъ что отъ воротъ до подъѣзда дома двигался цѣлый часъ. Наконецъ онъ постучался въ дверь помѣщика.

— Войдите!

Калиновскій на этотъ разъ былъ повидимому въ самомъ привѣтливомъ настроеніи; онъ не переставалъ улыбаться все время, пока Іегуда тащился отъ двери до середины комнаты, а на это передвиженіе бѣдному, трепетавшему мудрецу понадобилось цѣлыхъ четверть часа. Но какъ только Іегуда очутился въ этомъ мѣстѣ комнаты, Калиновскій однимъ прыжкомъ отрѣзалъ ему отступленіе, заперъ двери и ключъ спряталъ въ карманъ.

— Боже праведный!—жалобно закричалъ Іегуда;—что панъ хочетъ дѣлать? Я буду кричать, буду кричать!

— Кричи, кричи!—со смѣхомъ говорилъ Калиновскій; — чѣмъ больше будешь орать, тѣмъ больше я буду забавляться...

— Чѣмъ забавляться?—спросилъ Іегуда, дрожа всѣмъ тѣломъ;—панъ опять плавать заставитъ?

— Панъ изъ тебя дурь выбьетъ, отвѣчалъ Калиновскій, взялъ коротенькій черешневый чубукъ и принялся страшнѣйшимъ образомъ колотить обезумѣвшаго отъ страха мудреца. Наконецъ онъ отперъ дверь и вытолкнулъ ногою Іегуду, больше мертваго чѣмъ живого.

— Ну, что?—спросила Пенинна, когда онъ вернулся домой;—какъ онъ тебя принялъ?

— Исколотилъ всего! Вотъ какъ принялъ!

— И будетъ еще долго колотить, пока не вылечитъ.

— Уже вылечилъ! уже вылечилъ! Ангелъ Метатронъ былъ по повелѣнію Божьему тоже побитъ всего одинъ разъ.

— А за что былъ побитъ Метатронъ?

— На обязанности архангела Метатрона лежитъ ежедневное записываніе въ книгу добрыхъ дѣлъ человѣческихъ, вслѣдствіе чего ему позволено сидѣть даже въ Божьемъ присутствіи. Когда же явился на небо Элиша бенъ-Абуя, прозванный „ахеръ“, и увидѣлъ тамъ двухъ сидящихъ—Бога и Метатрона, у него родилась мысль, что есть два Бога, и онъ отпалъ отъ еврейства. Разгнѣванный этимъ Богъ велѣлъ вывести Метатрона и дать ему шестьдесятъ ударовъ огненною розгой.

— Ну, вотъ видишь!—насмѣшливо сказала красавица:—Богъ наказалъ архангела Метатрона, несмотря на то, что онъ дѣлалъ только вещи, которыя позволялись ему; ты же не ангелъ, а я не Богъ, и поэтому тебя будутъ колотить до тѣхъ поръ, пока ты не станешь дѣлать только то, что я позволю тебѣ. Слышалъ?.. А хорошо онъ побилъ тебя сегодня?..

Іегуда сконфуженно усѣлся на скамейкѣ въ самомъ темномъ углу лавки и въ добавокъ ко всему долженъ былъ слушать, какъ издѣвалась надъ нимъ злая красавица-жена.

— Но ты позволишь мнѣ оставаться подлѣ тебя въ нашей комнатѣ? спросилъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— Пожалуй...

На слѣдующій день Іегуда опять пошелъ къ Калиновскому и опять былъ избитъ имъ, но утѣшался при этомъ мыслью объ архангелѣ Метатронѣ. „Однако—со вздохомъ думалъ онъ, возращаясь домой—огненная розга, я думаю, не больше жгла, чѣмъ этотъ проклятый черешневый чубукъ“! Между тѣмъ, чубукъ дѣйствительно начиналъ оказываться чудодѣйственнымъ. Іегуда сдѣлался факторомъ у Калиновскаго

и съ каждымъ днемъ обнаруживалъ все болѣе и болѣе рвенія къ работѣ, добросовѣстно помогалъ своей женѣ въ лавкѣ и переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, продавая и покупая разный товаръ. Не прошло года—его вѣчно согнутая спина выпрямилась, щеки зарумянились, глаза получили свѣжій, здоровый блескъ; при этомъ деньги рѣкой лились въ его кассу, а красавица Пенинна кормила своего перваго ребенка великолѣпною грудью, точно выточенною изъ слоновой кости.

Предсказаніе чудотворнаго раввина сбылось.

Но совершенно разстаться съ возлюбленной каббалой Іегуда былъ не въ силахъ и потому, уѣзжая по торговымъ дѣламъ, онъ каждый разъ тайно бралъ съ собой маленькаго Баруха и поучалъ его всему тому, что самъ онъ скрывалъ теперь отъ людей, какъ таинственное, ангелами охраняемое, сокровище.

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ВОДОВОРОТѢ *.

ПОВѢСТЬ

I.

Сенсація, произведенная на мѣстное общество арестомъ Ватмана и неизвѣстнаго Розенвальда, еще болѣе увеличилась распространившимся по городу извѣстіемъ объ исчезновеніи дочери Смирнова. Многіе вовсе не хотѣли вѣрить, другіе подходили къ этой новости осторожно, конечно не вслѣдствіе особеннаго нравственнаго такта, а просто руководствуясь тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ истинные гастрономы не сразу проглатываютъ устрицу, а завзятые пьяницы долго удерживаютъ во рту глотокъ спирта. Но когда фактъ былъ констатированъ и такъ сказать, сталъ достояніемъ всего общества, тогда стали доискиваться причинъ. Провинціальная фантазія превосходила самое себя, не смотря на самыя точныя показанія жандармскихъ чиновъ, и всѣ подъ конецъ пришли къ тому заключенію, что дочь Смирнова страшная политическая преступница. Это послѣднее убѣжденіе нашло себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ двусмысленныхъ отвѣтахъ Анны Николаевны, которая, не смотря на всѣ нравственныя страданія, естественно пережитыя ею въ эти дни, не могла отказаться отъ того нервнаго щекотанья, которое она ощущала при намекѣ, что ея дочь вовсе не жертва простой любовной интриги. Но, съ другой стороны, было довольно рисковано долго поддерживать подобный слухъ. Тайный совѣтникъ Промскій, отъ имени губернатора, сдѣлалъ

---

* См. повѣсть „Разныя теченія“ „Восходъ“ 1882 г. кн. VII—XII.

Смирнову конфиденціальный запросъ. По этой же причинѣ было отложено на неопредѣленное время и назначеніе Павла. Вообще эта грустная исторія произвела страшный переполохъ въ семействѣ Смирновыхъ. Павелъ страдалъ больше всѣхъ. Съ одной стороны, онъ сознавалъ свою вину предъ Ватманомъ и не разъ приходила ему мысль пойдти куда слѣдуетъ и раскрыть истину, но его удерживало отъ этого скорѣе отсутствіе смѣлости, чѣмъ истиннаго желанія; съ другой стороны, его тревожила участь Лиды, которую онъ сильно любилъ. Его сердце разрывалось на части, но онъ былъ безпомощенъ и ничего не могъ предпринять. Когда на семейномъ совѣтѣ былъ возбужденъ вопросъ, что дѣлать, онъ предложилъ сейчасъ же отправиться въ Петербургъ. Но на вопросъ Анны Николаевны, что они тамъ будутъ дѣлать, онъ запнулся и не зналъ, что сказать. Не смотря на это, все-таки рѣшено было ѣхать. Но Анна Николаевна, точно угадывая мысли сына, на отрѣзъ отказалась взять его съ собою, а когда онъ сталъ настаивать, она прибѣгла къ помощи Любы, зная хорошо, какое сильное вліяніе имѣетъ на него эта дѣвушка. Люба, дѣйствительно, блестящимъ образомъ выполнила свою задачу и Павелъ остался; но онъ успѣлъ уговорить Долинскаго сопровождать Анну Николаевну. Уговорить послѣдняго было далеко не такъ трудно, какъ показалось Павлу. При первомъ же намекѣ онъ сейчасъ согласился, тѣмъ болѣе, что его личныя дѣла вызвали его въ Петербургъ. Были ли у него такія дѣла, или нѣтъ, это неизвѣстно; но Анна Николаевна не допытывалась истины и даже не поблагодарила его за участіе. Она только распорядилась, чтобы какъ можно скорѣе уложить нужныя вещи и въ тотъ же день уѣхала, не забывъ оставить нужныя инструкціи Петру Сергѣевичу и Павлу.

Послѣднему она запретила писать отдѣльно Лидѣ и вообще совѣтовала быть воздержнымъ въ выраженіяхъ. Только когда они отъѣхали нѣсколько станцій, Анна Николаевна стала вдругъ разсыпаться въ благодарностяхъ предъ Долинскимъ: она вовсе не такъ наивна, чтобы не понимать великодушнаго поступка, только истинные герои (какихъ, къ сожалѣнію, теперь нѣтъ, а есть какіе-то задорные мальчишки) способны на такую жертву;

она съумѣетъ это оцѣнить по достоинству—и не только она, но и ея заблудшая дочь, которая вовсе не такая грѣшница, какой онъ, можетъ быть, ее себѣ представляетъ.

Долинскій хотѣлъ что-то возразить, но она закрыла ему ротъ рукой.

— Не говорите, не говорите: я знаю, что ваше великодушіе не имѣетъ границъ. Она виновата предъ вами, глубоко виновата; она не поняла васъ. Но будемъ справедливы; можно ли это ей ставить въ вину... Кто же изъ насъ не увлекается идеею, кто же изъ насъ не готовъ ради нея жертвовать собою... Этотъ задорный мальчишка выставилъ себя героемъ, руководителемъ чуть ли не цѣлаго тайнаго общества, пригласилъ ее вступить въ члены... Ну, у кого же голова не закружится... мы съ вами люди трезвые, положительные, и то бы, можетъ быть, не устояли... А ея горячую натуру вы вѣдь знаете... Мы съ вами конечно знаемъ, что тутъ не было и не могло быть никакой романической подкладки — (при этомъ Анна Николаевна такъ близко нагнулась къ Долинскому, что онъ почувствовалъ на себѣ ее дыханіе)—но что же? Пусть дураки въ родѣ Пронскаго тѣшатся этой мыслью... Все же это лучше, чѣмъ попасть въ число неблагонамѣренныхъ. Вы понимаете... И она дружески положила свою пухлую руку къ нему на колѣни и такъ посмотрѣла ему въ лицо, что Долинскому ничего болѣе не осталось, какъ поцѣловать ручку и увѣрить ее, что его привязанность къ ихъ семейству никогда не ослабнетъ. Послѣ этого интереснаго разговора оба замолчали и уже больше не тревожили другъ друга вплоть до самаго Петербурга.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Долинскій, по порученію Анны Николаевны, сейчасъ же отправился въ адресный столъ, чтобы узнать адресъ д-ра Ватмана, послѣ чего она сама отправилась къ нему, въ надеждѣ, что встрѣтитъ тамъ и дочь. Вопреки ожиданіямъ, докторъ вовсе не былъ пораженъ ея внезапнымъ появленіемъ, что сразу заставило ее перемѣнить мажорный тонъ на минорный.

— Вы меня встрѣчаете, точно ждали меня, сказала Анна Николаевна, принужденно улыбаясь.

— Я васъ не ждалъ, но зналъ, что вы пріѣдете, отвѣтилъ хладнокровно докторъ.

— Какъ вы знали?

— Не безпокойтесь, у меня нѣтъ шпіоновъ; успокоилъ ее докторъ,—но мнѣ подсказало благоразуміе. Напротивъ, было бы въ высшей степени странно, еслибы вы послѣ всего, что случилось, оставались спокойно на мѣстѣ.

— Такъ вы признаете, наконецъ, что поступили безчестно? воскликнула Анна Николаевна.

— Сударыня, вы совершенно превратно поняли мои слова, какъ можно спокойно замѣтилъ докторъ; — я и не думаю дѣлать такое признаніе, во первыхъ потому, что я ничего не совершилъ такого, что могло бы считаться безчестнымъ, а во вторыхъ...

— Послушайте, прервала его, все болѣе и болѣе возвышая тонъ, Анна Николаевна.—Я не пришла къ вамъ для состязанія въ краснорѣчіи; я знаю, что вы идеальный человѣкъ; но вы все-таки поступили подло. Вы совратили мою дочь съ истиннаго пути, вы уговорили ее оставить домъ, отца и мать, вы опутали ее адской сѣтью и заставили совершить преступленіе. Это вамъ даромъ не пройдетъ.—И она задыхалась отъ сильнаго волненія, грудь ея сильно поднималась, губы ея дрожали, на покраснѣвшемъ лбу выступили капли пота.

— Прошу васъ только объ одномъ—умолялъ ее докторъ.— Не говорите мнѣ ничего... Вы ничего хорошаго мнѣ не скажете. Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ явились ко мнѣ?

— Чтобы вы возвратили мнѣ мою дочь! въ запальчивости вскричала Анна Николаевна.

Докторъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы говорите о Лидіи Петровнѣ точно о какой-нибудь вещи, которую можно брать и возвращать по желанію. Я столько же властенъ надъ вашей дочерью, сколько—извините мнѣ за выраженіе—надъ вами.

Анна Николаевна удивленно посмотрѣла на него.

— Вы умная женщина—продолжалъ докторъ—и отлично понимаете, что на такую натуру, какъ ваша дочь, ни я, ни вы, и еще десятки такихъ людей не могли и не могутъ имѣть

никакого вліянія. Такія личности сами создаютъ себѣ жизнь, сами прокладываютъ себѣ дорогу, и если встрѣчаютъ препятствія, то разрушаютъ ихъ или сами погибаютъ.... Такіе люди не руководствуются рутиной, шаблонной моралью, установившимися обычаями и предразсудками. Но то, предъ чѣмъ мы съ вами трепещемъ, то что мы чтимъ какъ святыню, или презираемъ какъ порокъ, то для нихъ мертвый балластъ.... Это живой, могучій горный потокъ, котораго никакія искуственныя плотины не въ состояніи удержать... А вы своими слабыми руками, своею отжившею моралью, своими гнилыми преградами, хотѣли удержать этотъ потокъ... Если же необходимо кого нибудь обвинять, такъ обвиняйте не меня, и не себя, пожалуй, вообще не сваливайте вину на отдѣльныхъ личностей: увѣряю васъ, они не причемъ. Тутъ есть причины поглубже...

Анна Николаевна молчала, а докторъ продолжалъ:—Ваша дочь оставила вашъ домъ, бѣжала отъ васъ, разрушила всѣ ваши планы; она причинила вамъ большое горе, она въ вашихъ глазахъ безсердечное существо, преступница... Но отчего вы не подумаете, что́ ее заставило совершить это преступленіе? Назовете ли вы преступницею птичку, вырвавшуюся изъ клѣтки, чтобы летать на просторѣ? Вы думаете, что молодое неиспорченное сердце руководствуется въ своихъ чувствахъ вашими гнилыми предразсудками? Человѣкъ обязанъ подчиняться только неизмѣннымъ и вѣчнымъ законамъ природы; все же прочее—гниль, которая только разъѣдаетъ его организмъ и ведетъ къ вырожденію. Вотъ вы преслѣдуете свою дочь за то, что она увлеклась человѣкомъ по вашимъ понятіямъ неподходящимъ для нея. Скажите, не насиліе ли это надъ самымъ чистымъ, самымъ нѣжнымъ чувствомъ человѣческаго сердца? Вы ее считаете преступницею, а между тѣмъ сами совершаете самое гнусное преступленіе.

Анна Николаевна вспыхнула; густая краска покрыла все ея лицо, подбородокъ задрожалъ.

— Прошу васъ не читать мнѣ нотацій; проговорила она глухимъ голосомъ;—я эту мораль знаю не хуже васъ...

— Очень жалко, что я раньше этого не зналъ—сказалъ,

успокоившись, докторъ.—Чего же вы, собственно, отъ меня хотите?

Анна Николаевна не сразу отвѣчала. Она была слишкомъ взволнована, мысли слишкомъ путались въ ея головѣ, чтобы прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Чего она въ самомъ дѣлѣ отъ него хочетъ? Какія требованія она можетъ ему предъявить? Еще за полчаса передъ тѣмъ, казалось, у нея было все такъ расчитано, все было ясно, каждое слово должно было попадать въ цѣль. А теперь...

Докторъ вывелъ ее изъ затрудненія.

— Постараемся понять другъ друга—проговорилъ онъ какъ можно мягче:—Вы обратились ко мнѣ, полагая, что я дѣятельный участникъ этой катастрофы, или вѣрнѣе, главный подстрекатель. Скажу вамъ прямо: нѣтъ; я не способствовалъ, но и не производилъ давленія. Я поступалъ только такъ, какъ мнѣ подсказывало мое человѣческое, а не кастовое чувство. Остается еще два дѣйствующихъ лица: это ваша дочь и мой племянникъ. Хотите считаться съ нимъ? Я вамъ не препятствую; напротивъ, я вамъ буду служить чѣмъ могу. Предупреждаю только, мой племянникъ въ заточеніи...

Въ эту самую минуту дверь быстро растворилась и на порогѣ показалась Лида. Ея неожиданное появленіе произвело сильный переполохъ. Анна Николаевна сильно поблѣднѣла и подалась назадъ. Лида стояла какъ вкопанная и своими широко раскрытыми глазами смотрѣла на мать. Докторъ тоже смѣшался; неожиданность повліяла на него. Настала тяжелая, непріятная пауза. Докторъ первый овладѣлъ собою и подойдя къ Лидѣ, взялъ ее за руку и подвелъ къ матери.

— Пусть эта неожиданная встрѣча дастъ вамъ и неожиданный сюрпризъ—примиреніе, прибавилъ онъ, взглянувъ на обѣихъ женщинъ.—Вотъ все, что я вамъ съ своей стороны могу совѣтовать. Объ всемъ остальномъ переговорите сами; я вамъ мѣшать не буду.—И онъ быстро направился къ дверямъ.

Но Анна Николаевна ему перегородила дорогу.

— Вы слишкомъ великодушны, докторъ, сказала она, гордо выпрямившись, при чемъ глаза ея заблистали злой ироніею;—но я бы васъ попросила остаться, если ваши ужъ черезъ чуръ

слабые нервы не могутъ выносить подобныхъ сценъ, то вините не меня.

Лида попрежнему стояла молча и едва дыша. Какое-то тяжелое, тоскливое оцѣпенѣніе охватило все ея существо, и она не могла ни двинуться, ни говорить; только въ груди клокотало что-то безконечно грустное, а сердце сдавливала щемящая боль. Вотъ, вотъ эта боль вырвется наружу, брызнетъ изъ глазъ, заговоритъ рыдающимъ голосомъ. Слова матери вывели ее изъ оцѣпенѣнія.

— Мама—проговорила она слегка дрожащимъ голосомъ;—зачѣмъ вы удерживаете доктора? онъ тутъ совершенно посторонное лицо и вовсе не обязанъ разыгрывать роль въ предстоящей драмѣ.

Анна Николаевна только раскрыла ротъ отъ изумленія.

— Ты дерзкая дѣвченка! проговорила она—не будучи въ состояніи удерживать себя; я тебя заставлю говорить съ матерью повѣжливѣе. Это уродъ, а не женщина... Въ кого она уродилась!.. Я ничуть не завидую вашему племяннику, прибавила она, обращаясь къ доктору;—пусть онъ нянчится съ ней, я же отнынѣ умываю руки. Меня только одно удивляетъ, что ты еще на свободѣ.

— Ничего удивительнаго нѣтъ, такъ какъ я не успѣла испытать на себѣ геройство вашего сына и моего брата...

— Ты клевещешь на Павла! вскричала Анна Николаевна;—ты не достойна называться его сестрою.

Докторъ тоже съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я объ этомъ не спорю.

— У него бы не хватило столько жестокости, чтобы бросить мать и отца и погнаться за призракомъ...

— Я за призракомъ не гоняюсь—гордо произнесла Лида;—во первыхъ я люблю Адольфа и никто не можетъ мнѣ поставить въ вину, что я послѣдовала за любимымъ человѣкомъ; а во вторыхъ... Она замолчала, потупилась, глубокое страданіе выражало ея блѣдное, безкровное лицо; она вся дрожала.

— Что же во вторыхъ?—вызывающимъ тономъ вскричала Анна Николаевна;—говори, ты все равно потеряла стыдъ...

— Во вторыхъ, я хотѣла искупить то преступленіе, которое

Павелъ совершилъ и благодаря которому Адольфъ теперь томится въ душной тюрьмѣ.—Голосъ ея вдругъ оборвался и задрожалъ. Но это было одно мгновеніе. Она быстро оправилась и попрежнему прямо и смѣло смотрѣла на стоявшихъ предъ нею съ вытянутыми отъ изумленія лицами, мать и доктора.

Наступила мучительная пауза. Всѣ трое находились въ какомъ-то напряженномъ состояніи, точно роковая вѣсть съ минуты на минуту готова была вырваться изъ чьихъ либо устъ. Всѣмъ троимъ было крайне тяжело и всѣ они это чувствовали.

Анна Николаевна прервала молчаніе.

— Да говори же до конца, что же ты запнулась, не бойся! проговорила она глухимъ голосомъ и стараясь не смотрѣть на доктора.

— Простите—проговорила Лида;—я сознаюсь, что поступила не хорошо; я выдала чужую тайну и безъ позволенія того, кому она принадлежитъ; но вѣдь вы меня сами вызвали на это. Впрочемъ, такъ лучше, это вамъ не безполезно знать.—И она вкратцѣ разсказала причину ареста Адольфа.

Какъ ни умѣлъ докторъ владѣть собой, но онъ не могъ скрыть свое волненіе и выступившія на глазахъ слезы.

Анна Николаевна тоже была сильно потрясена. Она теперь совсѣмъ раскисла, и грозное негодующее выраженіе, которымъ до сихъ поръ дышали ея черты, смѣнилось вдругъ какимъ-то трогательно-заискавающимъ, точно она собиралась просить прощенья.

— Не можетъ быть, не можетъ быть! говорила она едва слышно.

Растерянный видъ Анны Николаевны произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Лиду. Она быстро подошла къ ней и обвила ее своими дрожащими отъ волненія руками.

— Мама—тихо произнесла она, наклонившись къ ней.—Видите, что не слѣдуетъ быть слишкомъ строгимъ судьею. Давайте, помиримся!—И она стала осыпать поцѣлуями похолодѣвшее лицо матери.

У Анны Николаевны показались на глазахъ слезы.

II.

Дни проходили, а между тѣмъ Анна Николаевна еще не думала уѣзжать, не смотря на то, что Петръ Сергѣевичъ ее бомбардировалъ ежедневно письмами. Съ дочерью она окончательно примирилась и даже переѣхала къ ней на квартиру, взявъ еще впрочемъ смежную комнату, которая служила имъ пріемной. Отношенія между дочерью и матерью установились самыя дружескія, и едва ли даже самому опытному глазу удалось бы открыть въ нихъ какую нибудь фальшиво звучащую нотку. Напротивъ, никогда Анна Николаевна не ухаживала такъ за Лидой, никогда она такъ не предупреждала ея малѣйшаго желанія, какъ теперь; она во всемъ соглашалась съ дочерью, одобряла всѣ ея поступки и даже согласилась, чтобы Лида записалась въ слушательницы одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лида была очень довольна подобнымъ положеніемъ вещей, хотя въ душѣ она не совсѣмъ довѣряла матери. Къ этому имѣла много поводовъ. Прежде всего она не могла понять, зачѣмъ мать послѣ всего того, что произошло, старалась помирить ее съ Долинскимъ, который цѣлые дни проводилъ въ ихъ обществѣ.

Сначала Лида чувствовала себя крайне неловко въ присутствіи этого человѣка, но потомъ перестала обращать на него вниманіе и оставляла его съ матерью каждый разъ, когда ей нужно было уходить. Но не столько это ее тревожило, сколько отношенія матери къ доктору и къ положенію Адольфа. Каждый разъ, когда Лида собиралась на свиданіе съ Адольфомъ, Анна Николаевна старалась ее удерживать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

Сначала Лида поддавалась просьбамъ матери; но замѣтивъ, что это дѣлается систематически, съ расчетомъ, она стала осторожнѣе. Разъ, собираясь идти на свиданіе, она вскользь спросила Анну Николаевну, не желаетъ ли она сопровождать ее. Анна Николаевна смѣшалась и не сразу могла отвѣтить на предложеніе дочери.

— Нѣтъ, благодарю, у меня слишкомъ слабые нервы, сказала она наконецъ, — да и тебѣ я удивляюсь.

— Напротивъ, это самое лучшее средство для укрѣпленія нервовъ, сказала, принужденно улыбаясь Лида, и потомъ прибавила: — а слѣдовало бы вамъ навѣстить Адольфа; вы еще другъ другу не сказали слова примиренія.

Едва замѣтная презрительная улыбка скользнула по лицу Анны Николаевны.

— Ты забываешь, Лида, каковы наши отношенія! сказала она строго взглянувъ на дочь.

— Ваши отношенія къ нему должны были измѣниться съ той минуты, какъ вы мнѣ протянули руку примиренія, съ достоинствомъ сказала Лида.

— Ты моя дочь...

— А онъ вамъ развѣ чужой?..

Наступила минутная пауза. И мать и дочь смотрѣли другъ на друга, одна съ затаянной злобой въ душѣ, другая—проникнутая любовью и глубокимъ чувствомъ сострадания.

— Я никогда ему не протяну руки... первая, прибавила Анна Николаевна, замѣтивъ, что дочь сильно измѣнилась въ лицѣ. Лида вздохнула свободно.

— Онъ этого и не требуетъ, сказала Лидія;—но не забудьте, что онъ лишенъ свободы и не можетъ придти къ вамъ первый.

Анна Николаевна не отвѣчала. Въ эту минуту вошелъ Долинскій. Лида извинилась, что ей нѣкогда и тотчасъ-же ушла; мать ее не удерживала. Съ тѣхъ поръ Лида избѣгала всякаго разговора съ матерью объ Адольфѣ и положеніи его дѣла. Анна Николаевна тоже ни разу не спрашивала, а если приходилъ къ ней докторъ, что впрочемъ случалось чрезвычайно рѣдко, она старалась говорить съ нимъ обо всемъ, только не объ Адольфѣ; когда же докторъ самъ начиналъ о немъ говорить, она отдѣлывалась самыми отдаленными и безъучастными вопросами. Такое отношеніе выводило изъ себя Лиду и она даже вскользь это высказала доктору.

Онъ успокоилъ ее насколько могъ, замѣтивъ ей, что она слишкомъ пристрастна; но въ душѣ онъ былъ вполнѣ съ нею согласенъ и только спрашивалъ себя, къ чему поведетъ такая политика.

Лида угадала его мысль.

— Не увѣряйте меня, что все обстоитъ благополучно, сказала она ему разъ; — я вѣдь сама отлично все вижу; я не могу однако понять, зачѣмъ это мама все дѣлаетъ; неужели она думаетъ на меня подѣйствовать?

Докторъ не отвѣчалъ; онъ только съ безпредѣльнымъ участіемъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и въ этомъ взглядѣ она нашла для себя успокоеніе.

Прошло опять нѣкоторое время. Разъ, когда Анна Николаевна была занята своимъ туалетомъ, а Долинскій уговаривалъ Лиду бросить книжки и пойдти съ нимъ гулять, въ комнату, запыхавшись, вбѣжалъ докторъ.

— Розенвальда освобождаютъ! воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

Всѣ трое бросились къ доктору. Лида отъ сильнаго волненія не могла произнести ни слова и хотя она ясно слышала одно имя Розенвальда, но хоть на одно мгновеніе хотѣла забыться въ пріятномъ обманѣ и не рѣшалась разспрашивать.

Такое же ощущеніе, но противоположнаго свойства, охватило и Анну Николаевну и Долинскаго. И они ясно слышали только имя Розенвальда, и тоже боялись разспрашивать.

— Только одного Розенвальда? рѣшился наконецъ спросить Долинскій.

— Пока только; съ той-же сіяющею улыбкой сказалъ докторъ.

— А я думала, что вашего племянника... напрасно у меня сердце такъ забилось... Посмотри Лида, какъ бьется... И Анна Николаевна, дѣйствительно задыхаясь отъ волненія, взяла руку Лиды и приложила къ своей груди.

Долинскій тоже успокоился и, закуривъ сигару, принялся, какъ юристъ, разспрашивать о подробностяхъ.

Одна Лида не могла еще придти въ себя отъ охватившаго ее волненія; какъ она въ душѣ ни радовалась этому извѣстію, но какое-то тайное чувство, чувство зависти парализовало ея радость и она не могла побороть себя, заставить себя улыбнуться, хоть на перекоръ этимъ людямъ, которые въ душѣ

тоже радовались, но радовались совершенно по другимѣ причинамъ.

Докторъ между тѣмъ охотно разсказывалъ Долинскому подробности дѣла. По самымъ точныхъ свѣдѣніямъ, собраннымъ чиновниками—свѣдѣніямъ, которыя вполнѣ подтвердили показанія Ватмана, оказалось, что Розенвальдъ не причастенъ къ этому дѣлу и попался только благодаря случайности.

— Этотъ фактъ уже вполнѣ выяснился и завтра онъ будетъ свободенъ! радостно заключилъ докторъ.

— Адольфъ еще не знаетъ? тихо спросила Лида.

— Нѣтъ.

— Нужно ему дать знать; это доставитъ ему большую радость.

— Я думаю, что ему было бы пріятнѣе, если вы бы принесли ему извѣстіе, что его освобождаютъ, вставилъ свое замѣчаніе Долинскій.

— Вы говорите непреложныя истины, холодно и рѣзко проговорила Лида.—Но я думаю, что Адольфъ будетъ не менѣе радъ освобожденію Розенвальда, чѣмъ собственному.

Въ первый разъ еще, послѣ ихъ вторичной встрѣчи, ея слова звучали такой рѣзкостью, въ первый разъ въ его присутствіи она называла Ватмана по имени. Она прямо и смѣло смотрѣла на него, и отъ этого взгляда онъ какъ-то странно съежился и подался назадъ. Онъ теперь понялъ, что ему тутъ нечего дѣлать. Анна Николаевна тоже измѣнилась въ лицѣ, она хотѣла что-то сказать, но Лида повернулась къ доктору и стала его о чемъ-то разспрашивать.

Въ тотъ же вечеръ между Долинскимъ и Анной Николаевной происходилъ довольно откровенный разговоръ.

— Вы знаете, Анна Николаевна, что на дняхъ кончится срокъ моего отпуска, заявилъ онъ между прочимъ и при этомъ такъ задымилъ своею регаліею, что сѣрые ароматные клубы дыма совсѣмъ закрыли его лицо.

— Что такъ скоро? удивилась Анна Николаевна. И спустя минуту прибавила: — Вы развѣ уже со всѣми дѣлами покончили?

— Почти со всѣми.

Наступила продолжительная пауза.

— Вы бы, право, еще остались немного тутъ, ну хоть ради меня.

— Съ удовольствіемъ бы, но что прикажете дѣлать.

— Ну, ужь будто нельзя оттянуть! Вѣдь не такъ страшно; скажитесь больнымъ.

— Я здѣсь не хочу болѣть; кстати у меня попутчикъ будетъ, не скучно будетъ въ дорогѣ, прибавилъ онъ и принужденно засмѣялся.

— Какой попутчикъ? спросила Анна Николаевна.

— А Розенвальдъ?

Аннѣ Николаевнѣ стало неловко.

— Вотъ ужь несчастный человѣкъ! проговорила она, лишь бы что нибудь сказать.

— Кто, Розенвальдъ? Чѣмъ же онъ несчастенъ! съ оживленіемъ произнесъ Долинскій.

— Помилуйте, человѣкъ ни за что ни про что пострадалъ.

— Ну, ужь и страдалъ! Посидѣлъ, отдохнулъ. За то же и героемъ станетъ, и не одна впечатлительная дѣвица будетъ посылать ему пламенные взгляды.

— Что вы, что вы! невольно засмѣялась Анна Николаевна. — Вотъ уже на героя не похожъ; къ тому же онъ вѣдь женатъ.

— Это ничего не значитъ; нынче уже мода такая. Прежде, чтобы сдѣлаться героемъ, нужно быо совершить какой нибудь подвигъ, ну хоть убить десятокъ турокъ, а теперь достаточно посидѣть въ тюрьмѣ...

Голосъ его становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ, желчнымъ; онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; потомъ опять сѣлъ и еще энергичнѣе прежняго сталъ сосать свою сигару.

Анна Николаевна молча и только отъ времени до времени искоса поглядывала на него.

— А вы еще долго тутъ пробудете? вдругъ обратился къ ней Долинскій.

— Право не знаю—замялась Анна Николаевна;—мужъ бом-

бардируетъ письмами каждый день; я сама еще не знаю, что дѣлать; посмотрю...

— Вѣроятно уже подождете, пока и Ватмана освободятъ...

Анна Николаевна вспыхнула.

— Вы сегодня несносны, Долинскій—проговорила она тономъ болѣе капризнымъ, чѣмъ строгимъ.—Ну, отчего вы на меня нападаете? Вы вѣдь отлично знаете, насколько я всему этому симпатизирую.

— Я вовсе не знаю—рѣзко перебилъ ее Долинскій.—Я только знаю, что Лидія Петровна дѣлаетъ все, что хочетъ, а вы... Впрочемъ—спохватился онъ—по какому праву я вамъ это говорю? Вы лучше меня знаете, что дѣлаете.—И онъ взялся за шляпу.

Анна Николаевна его не удерживала. Что она могла ему сказать!.. Онъ вѣдь не зналъ того, что знала она.

На другой день Розенвальда дѣйствительно освободили, прочитавъ ему предварительно очень строгую нотацію, изъ которой онъ только вынесъ, что онъ страшный преступникъ, но его все-таки освобождаютъ съ тѣмъ, чтобы онъ уговорилъ «*своихъ*» не заниматься политикой.

— Это не ваше дѣло, сказалъ ему грозный начальникъ; а потомъ спросилъ:—Вы чѣмъ занимаетесь?

— Я учитель, отвѣчалъ Розенвальдъ.

— Вотъ то-то и плохо—произнесъ со вздохомъ начальникъ.—Отчего вы торговлею не занимаетесь? Это ваша сфера. А теперь идите и скорѣе уѣзжайте домой.

Все это Розенвальдъ дословно и съ особенной таинственностью передалъ доктору и Лидѣ, которые ждали его въ пріемной.

Несчастный бѣднякъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на себя какъ на тяжкаго преступника, хотя ни тогда, когда его арестовали, ни теперь, когда ему опять дали свободу, онъ не зналъ за что провелъ столько времени въ заключеніи.

— Что, пріятно чувствовать себя на свободѣ? спросила его Лида, когда они усѣлись въ экипажъ, который ждалъ ихъ у подъѣзда.

Розенвальдъ только подвинулъ выше свои очки и какъ-то болѣзненно засмѣялся.

— Это все за ваше стремленіе въ Палестину! съострилъ докторъ, чтобы развеселить его.

— Но вашъ племянникъ въ Палестину не стремился, тихо замѣтилъ Розенвальдъ.

Докторъ вмѣсто отвѣта только вздохнулъ.

— А когда его освободятъ? еще тише спросилъ Розенвальдъ.

Докторъ переглянулся съ Лидіею.

— Вѣроятно тоже скоро, какъ можно спокойнѣе проговорила Лида.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!

— Это я думаю можно будетъ устроить. Вѣдь вы же не такъ скоро отъ насъ уѣдете?? Пріемный день будетъ черезъ три дня.

— Мнѣ бы очень хотѣлось... повторилъ Розенвальдъ.

Однако желанію Розенвальда не суждено было осуществиться, потому что въ тотъ же вечеръ, въ ту минуту, когда они съ докторомъ собирались къ Аннѣ Николаевнѣ, которая изъявила желаніе посмотрѣть на Розенвальда, въ комнату вошелъ полицейскій офицеръ и предъявилъ отъ градоначальника предписаніе, по которому учитель Розенвальдъ долженъ былъ чрезъ 24 часа оставить столицу и отправиться непремѣнно на родину.

Розенвальдъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, но когда полицейскій офицеръ объяснилъ ему, что это такое правило, къ тому же онъ, какъ еврей, не имѣетъ права проживать въ столицѣ, онъ сталъ умолять доктора, чтобы тотъ его скорѣе отправилъ.

— Я не хочу тутъ оставаться, ни за что не хочу! не переставалъ онъ повторять, не смотря на увѣренія доктора, что это лишь одна формальность, что онъ можетъ безопасно прожить цѣлую недѣлю.

— Оно, точно формальность одна, подтвердилъ и полицейскій;—у насъ евреи живутъ годами, конечно нужно полицію ублаготворить...

Докторъ сунулъ ему бумажку. Полицейскій вѣжливо рас-

шаркался, сказавъ:—Не извольте безпокоиться, дворникъ не тронетъ.

Но Розенвальдъ все стоялъ на своемъ.

— Какой же вы чудакъ, вы вѣдь слышали, что полицейскій сказалъ! выходилъ изъ себя докторъ.

— Вы не хорошо сдѣлали, что заплатили ему, прямо сказалъ Розенвальдъ,—этимъ мы поддерживаемъ наше униженное положеніе.

— Ну это ужъ наивно—не удержался докторъ,—но въ тоже время ему самому стало почему-то неловко за свой поступокъ.— Такъ вы рѣшительно не хотите остаться? спросилъ онъ?

— Рѣшительно, съ упорствомъ произнесъ Розенвальдъ.

— Въ такомъ случаѣ вы съ Адольфомъ не увидитесь.

— Я надѣюсь, что онъ скоро будетъ освобожденъ.

Докторъ больше не отвѣчалъ.

Анна Николаевна, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ждала Розенвальда. Она, конечно, далеко не интересовалась его личностью, но хотѣла его прозондировать—знаетъ ли онъ въ подробностяхъ причины ареста Адольфа. Это ей было очень важно знать. Она уже по этому поводу попробовала вскользь заговорить съ Лидіею, но та отдѣлалась общими фразами, и Анна Николаевна не могла составить себѣ объ этомъ вопросѣ никакого понятія. Она встрѣтила Розенвальда болѣе чѣмъ любезно и два, три вопроса, искусно предложенные, убѣдили ее, что Розенвальдъ дѣйствительно ничего не знаетъ и ничего не подозрѣваетъ. Она вздохнула свободно.

— Онъ слишкомъ наивенъ, чтобы даже подозрѣвать что нибудь, шепнула она Лидѣ.

— Слишкомъ честенъ, поправила ее Лида.

Вскорѣ пришелъ Долинскій и объявилъ, что онъ завтра ѣдетъ.

— Вотъ вамъ и попутчикъ, сказала Анна Николаевна.

— И вы ѣдете завтра! обратился онъ къ Розенвальду и прибавилъ, поклонившись: „почту за честь“.

Розенвальдъ покраснѣлъ, а докторъ и Лида отвернулись, чтобы скрыть свое смущеніе, вызванное безтактной выходкой Долинскаго.

Долинскій это замѣтилъ и внутренно остался доволенъ; онъ рѣшился вызвать Лиду на какую нибудь выходку противъ него и потому выбралъ несчастнаго Розенвальда предметомъ своихъ шутокъ. Но Лида, какъ на зло, не обращала вниманія на его остроты, которыя не переставали сыпаться на голову бѣднаго учителя. Это его еще больше раздражало.

Когда всѣ уже собирались уходить, Долинскій на прощанье обратился къ Аннѣ Николаевнѣ:

— Что вы передадите домой?

— Что скоро пріѣду, сказала Анна Николаевна.

— И вы тоже?

— Если освободятъ Ватмана, прямо сказала ему Лида.

— Буду просить объ этомъ въ своихъ молитвахъ, проговорилъ онъ и торопливо вышелъ.

Лида и Анна Николаевна остались однѣ. На другой день Долинскій и Розенвальдъ уѣхали.

Докторъ и Лида провожали послѣдняго, и ей еще разъ пришлось встрѣтиться съ Долинскимъ.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.—Мы теперь прощаемся съ вами на всегда, проговорилъ онъ, какъ можно спокойнѣе;—я уже примирился съ этой мыслью. Но все таки я вамъ скажу, вы поступаете не хорошо, что переходите въ другой лагерь.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю—сказала Лида.

— Меня не трудно понять; вы стали на почву отрицанія народнаго антагонизма; всѣ ваши поступки доказываютъ это, а между тѣмъ вы ошибаетесь: никогда эти два народа не сольются въ одно цѣлое.

Лида хотѣла возразить, но раздался третій звонокъ, Долинскій вскочилъ въ вагонъ и исчезъ.

Въ тоже время Розенвальдъ говорилъ доктору:—И послѣ всего этого, что теперь дѣлается съ нами, вы еще вѣрите, что мы когда нибудь добьемся признанія за нами человѣческихъ правъ? Вотъ вамъ и равноправіе; спасаетъ ли оно нашихъ заграничныхъ братьевъ?

— Это временное волненіе—скорѣе партійное, чѣмъ народное, замѣтилъ докторъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, это ненависть одного народа къ другому. Различные народы никогда не сольются вмѣстѣ,— и мы не сольемся.

Третій звонокъ помѣшалъ доктору возразить.

Раздался пронзительный свистокъ, поѣздъ тронулся, увозя съ собою двухъ людей, столь различныхъ по своему общественному положенію и воспитанію, но столь сходныхъ въ своихъ сокровенныхъ чувствахъ.

Спустя двѣ недѣли уѣхала и Анна Николаевна. Внезапный отъѣздъ былъ вызванъ письмомъ Петра Сергѣевича; главнымъ же образомъ коротенькой припиской Павла, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Всѣ подробности пишетъ вамъ папа, я же могу только прибавить, что ваше присутствіе было бы для меня весьма и весьма полезно въ настоящую минуту. Шлю безсчетное число поцѣлуевъ милой Лидѣ, пусть она будетъ снисходительнѣе къ сильно любящему и сочувствующему ей во всемъ брату».

Въ письмѣ же, послѣ довольно длиннаго вступленія—(Петръ Сергѣевичъ, хотя и причислялъ себя къ новому поколѣнію, но въ письмахъ придерживался старины)—говорилось о томъ, что Долинскій подалъ въ отставку и перемѣнилъ государственную службу на земскую. Такимъ образомъ мѣсто его осталось вакантнымъ, и теперь только весь вопросъ въ томъ, кому оно достанется, такъ какъ есть много кандидатовъ. «Все зависитъ отъ Пронскаго—говорилось далѣе въ письмѣ—стоитъ ему только захотѣть, и Павелъ будетъ утвержденъ, но онъ что-то помалчиваетъ и, вообще съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала, онъ пересталъ у насъ бывать. Ты на него всегда магически вліяла, и если бы ты теперь была дома, Павелъ былъ бы давно уже утвержденъ» и т. д. въ томъ же духѣ. Анна Николаевна нѣсколько разъ прочла письмо; потомъ показала его Лидѣ.

— Что же, поѣзжайте! сказала она, прочитавъ письмо.

— И ты это такъ спокойно говоришь, съ упрекомъ проговорила Анна Николаевна?

— Я не вижу причины волноваться, замѣтила Лида.

— Тебѣ все равно, уѣду ли я, или останусь?

— Меня право удивляетъ, зачѣмъ вы мнѣ задаете подобные вопросы—серьезно сказала Лида.—Какой отвѣтъ я вамъ могу на нихъ дать. Вы сами лучше меня понимаете, гдѣ ваше присутствіе необходимѣе въ данную минуту. Что же до меня, то я тоже думаю, что вамъ необходимо ѣхать; отъ этого вѣдь зависитъ участь Павла.

Анна Николаевна какъ-то странно смотрѣла на дочь, она не знала, порицать ли ее, или удивляться ей, назвать ли ее бездушной, или отдать полную дань ея трезвому взгляду и неиспорченнымъ чувствамъ. Сама она привыкла совсѣмъ иначе думать и чувствовать, и когда дочь замолчала, она только и нашлась, что воскликнуть:—Какъ же ты то тутъ одна останешься?

Лида не могла удержаться отъ улыбки.—Вы серьезно меня спрашиваете? спросила она, взглянувъ на мать.

Анна Николаевна покраснѣла и растерялась; она, видно, совсѣмъ не то думала сказать.

— Лида—сказала она послѣ продолжительной паузы,—намъ нужно поговорить серьезно. Я до сихъ поръ молчала и не высказывала всего того, что меня тревожитъ; но теперь это необходимо; ты, я думаю, сама это сознаешь и не будешь за это на меня въ претензіи. Предупреждаю я буду говорить правду.

— Правда лучше всего—сказала спокойно Лида.

— Ты знаешь нашъ взглядъ на твой поступокъ, начала снова Анна Николаевна;—я не буду объ этомъ распространяться; скажу только, что я его не измѣнила и никогда не измѣню. Назови меня, какъ хочешь и чѣмъ хочешь, но я себя передѣлать не могу, даже если бы и желала. То, что привито съ дѣтства, то, что передано по наслѣдству отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери, не можетъ измѣниться въ одно мгновенье, по одному только желанью. Можетъ быть это не хорошо, но это такъ; поэтому ты не можешь меня осуждать, если я такъ противлюсь твоему поступку; тутъ не только одинъ капризъ или личность, тутъ болѣе серьезная причина—я это тебѣ говорю, потому что долго объ этомъ думала и пришла наконецъ къ такому заключенію. Но ты иначе думаешь. Ты слишкомъ сильна для того, чтобы мы тебя могли побороть — видишь, я все знаю. Я про-

бовала это сдѣлать, употребила все, отъ меня зависящее, но не имѣла успѣха. Дальше бороться будетъ глупо и мнѣ приходится уступить тебѣ поле. Но я не хочу оставить тебя, не увѣрившись, дѣйствительно ли ты такъ тверда въ своихъ убѣжденіяхъ, не есть ли все это увлеченье, въ которомъ ты сама послѣ будешь раскаяваться? Ты увлеклась человѣкомъ, который до сихъ поръ былъ тебѣ чуждъ по воспитанію, привычкамъ, семейнымъ традиціямъ, религіи и даже, можетъ быть, стремленіямъ. Онъ еврей, а ты христіанка. Тысячелѣтія отдѣляютъ васъ; тысячелѣтія образовали между вами глубокую пропасть, перешагнуть которую не такъ легко, а можетъ быть и невозможно. Его стремленія не могутъ быть твоими стремленіями, вы никогда не поймете другъ друга, какъ сытый не можетъ понять голоднаго. Его сердце разбито, онъ сынъ несчастнаго и всѣми презираемаго народа; если онъ и лучше своихъ предковъ и не страдаетъ ихъ пороками, то все же онъ вышелъ изъ ихъ среды и его будетъ вѣчно тянуть къ своимъ. Онъ, можетъ быть, будетъ тебя сильно любить, но онъ тебѣ никогда не проститъ, что ты его заставила измѣнить его народу, отречься отъ его религіи; онъ не забудетъ, что онъ стоитъ ниже тебя и долженъ былъ уступить тебѣ. Ты ищешь счастья въ союзѣ съ любимымъ человѣкомъ, ты ради него совершила слишкомъ смѣлый поступокъ, но будешь ли ты въ самомъ дѣлѣ счастлива? Помни, что вы чуждые другъ друга люди; что вы дѣти двухъ различныхъ народовъ, одинъ изъ которыхъ всѣми презираемъ. По заслугамъ ли онъ презираемъ? Я не хочу тебѣ высказать свое убѣжденіе, ты пожалуй скажешь, что я пристрастна, но достаточно сказать, что это презрѣніе длится тысячелѣтія и не намъ его искоренить. Обсуди и обдумай хорошенько. Это мои послѣднія слова, больше я никогда въ жизни съ тобою объ этомъ говорить не буду; поступай такъ, какъ понимаешь. Но помни и пѣняй на себя.

И Анна Николаевна вдругъ умолкла, на глазахъ показались слезы, подбородокъ слегка задрожалъ отъ волненія. Лида подошла къ матери и взяла ее за руку.

— Я думала, что мы уже давно покончили съ этимъ вопросомъ—сказала она полушутя, полусерьезно;—я не знала,

что вы такая непримиримая. Но лучше, что такъ случилось; теперь, по крайней мѣрѣ, между нами недоразумѣній не будетъ; я знаю всѣ ваши мысли и чувства, вы знаете и мои, хотя я вамъ о нихъ и не распространялась; о нихъ вамъ краснорѣчиво говоритъ мой поступокъ. Не бойтесь, мама, я не раскаюсь и не буду плакаться на свою судьбу уже потому одному, что всѣ мои поступки имѣютъ подъ собою твердую почву. Это не та почва, о которой вы говорите, почва, пропитанная гнилыми міазмами человѣческихъ предразсудковъ, варварства, нетерпимости и преслѣдованій. Я стою на почвѣ будущаго; она мнѣ улыбается, приглашаетъ меня смѣло довѣрить ей свои стопы, она не поколеблется подо мной... Вы имѣете за собою тысячелѣтія; вѣками созданы ваши убѣжденія и предразсудки. Но вы посмотрите на фундаментъ, на которомъ они построены, притроньтесь къ балкамъ, которыя поддерживаютъ это вѣковое строеніе и вы съ ужасомъ отскочите; вездѣ гниль, все червь съѣлъ... Дунетъ сильный вѣтеръ и все рухнетъ... Вы удивляетесь; вамъ кажется, что это пустыя фразы, вы не можете себѣ представить, какъ исчезнетъ то презрѣніе къ несчастному народу, которое, по вашему разсчету, старше этого самого народа. Но какъ же исчезло рабство? Вѣдь оно не моложе своей сестры? А оно вѣдь разомъ исчезло, какъ по повелѣнію Всевышняго исчезла тьма и явился свѣтъ...—Лида остановилась на минуту, но затѣмъ продолжала:—Не думайте мама, что я желаю вамъ навязывать свои мысли, свои убѣжденія и надежды; я и не въ претензіи на васъ, что вы ихъ не имѣете—оно вполнѣ естественно; одного только мы имѣемъ право требовать отъ васъ, не становитесь намъ поперегъ дороги; не препятствуйте нашему шествію; вы все равно не остановите насъ, мы вѣдь и моложе и сильнѣе васъ... Я тоже вамъ все сказала и, надѣюсь, мы никогда больше не возвратимся къ этому вопросу... А теперь вы моя мама, моя дорогая мама...

И она припала къ груди Анны Николаевны и покрыла ее поцѣлуями, изрѣдка прерываемыми глухими рыданіями. И Анна Николаевна дала волю своему сердцу.

На другой день она уѣхала.

Время шло. Дождливая осень смѣнилась такой же зимой. Короткіе сѣверные дни казались еще короче отъ постоянныхъ тумановъ и мрачнаго сѣраго неба, одинъ видъ котораго способенъ былъ наводить тоску. Не веселѣе глядѣли и улицы столицы съ ихъ громаднымъ, точно крѣпости, зданіями, съ ихъ жидкой грязью и снующими по панелямъ многочисленными прохожими. Жительницѣ юга не могли нравиться прелести сѣверной столицы и Лида чувствовала себя какъ-то не хорошо. Этому конечно много способствовали и чисто нравственныя причины. Не смотря на то, что уже прошло такъ много времени, дѣло Адольфа не подвинулось еще впередъ. Отъ него требовали того, чего онъ не могъ дать, и дѣло откладывалось и конца ему не предвидѣлось. Но больше всего тревожило Лиду состояніе его здоровья, на которомъ лишеніе свободы не могло не отразиться, и хотя онъ увѣрялъ ее и доктора, что прекрасно себя чувствуетъ, но это нисколько ихъ не успокоило. Лида добилась того, что ей позволили лишній разъ въ недѣлю, противъ установленнаго, видаться съ заключеннымъ. Это была цѣлая эпоха въ жизни обоихъ молодыхъ людей. Какое значеніе имѣетъ лишній часъ тамъ, гдѣ считаются минуты! Она со слезами на глазахъ передавала ему радостную вѣсть, а онъ молча благодарилъ ее и не могъ нахвалиться ея энергіей. Въ эти тяжелыя минуты, среди не менѣе тяжелой обстановки мрачной тюрьмы, они были вполнѣ счастливы, они забывали всѣхъ и все, они жили своимъ собственнымъ міромъ, своими интересами.

Лида умѣла быть веселой и ни однимъ взглядомъ, ни жестомъ не выдавала своихъ, подчасъ очень тяжелыхъ чувствъ.

— Слѣдующее наше свиданіе будетъ уже не здѣсь, а у меня на квартирѣ, весело говорила она каждый разъ на прощанье.

— Это напоминаетъ мнѣ одинъ обычай у евреевъ, — замѣтилъ разъ на это Адольфъ;—въ праздникъ Пасхи, въ первый вечеръ по окончаніи обычныхъ церемоній, представляющихъ избавленіе отъ рабства, глава семейства обращается къ своимъ домочадцамъ съ слѣдующимъ пожеланіемъ: «въ настоящемъ году еще здѣсь, а въ будущемъ—въ Іерусалимѣ». Но въ твоемъ при-

сутствіи мнѣ и здѣсь хорошо, прибавилъ онъ тихо, пожавъ ея руку.

Лида сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе, чтобы сохранить веселое настроеніе духа, но когда она очутилась на улицѣ, какая-то давящая, глубокая тоска охватила ее и она не могла удержаться отъ слезъ. Сколько еще тяжелыхъ и мучительныхъ дней придется пережить, прежде чѣмъ ея завѣтная мечта сбудется—и сбудется ли она еще? Но Лида не долго останавливалась на подобныхъ мрачныхъ мысляхъ. Ея живая натура не могла довольствоваться однимъ констатированіемъ грустнаго факта и проливаніемъ слезъ. Она искала исхода изъ этого положенія, и если ей каждый разъ приходилось терпѣть фіаско, она все-таки не теряла надежды и послѣ каждаго пораженія съ новой энергіей бралась за хлопоты, какъ ни тяжело было ей подчасъ обращаться къ лицамъ, которыя ей внушали мало симпатіи. Но она утѣшалась тѣмъ, что это дѣлаетъ для спасенія любимаго человѣка, и одной этой мысли было довольно, чтобы все забыть. Въ неменѣе тревожномъ состояніи находился и докторъ. Участь Адольфа его еще больше безпокоила, чѣмъ Лиду, хотя онъ это и не высказывалъ. Онъ проще смотрѣлъ на вещи, у него естественно не могло быть такихъ фантастическихъ надеждъ, которыя поддерживали бодрость духа молодыхъ людей. Онъ смотрѣлъ прямо на вещи, онъ зналъ всякія времена и потому не поддавался увлеченіямъ. Но онъ тоже не терялъ надежды, въ особенности послѣ того, что онъ узналъ отъ Лиды. Онъ и прежде очень хорошо зналъ, что Адольфъ тутъ ни причемъ, онъ вполнѣ вѣрилъ своему племяннику, когда тотъ ему заявилъ, что исполняетъ только долгъ человѣка и товарища. Но теперь, когда вся тайна, о которой онъ не имѣлъ права разспрашивать Адольфа, раскрылась сама собой, и его племянникъ оказался еще менѣе причастнымъ, чѣмъ онъ самъ предполагалъ, какая-то смутная надежда примѣшалась къ тому горькому чувству, которое не покидало его ни на минуту. Подобная надежда закрадывается въ душу каждаго, кто вѣритъ въ правоту своего дѣла и въ торжество истины.

И доктору, вопреки всему ходу дѣла и всѣмъ разочарованіямъ, которыя онъ, подобно Лидѣ, испытывалъ при столкно-

веніяхъ по этому дѣлу, эта надежда являлась, правда, въ туманѣ, робко, но все-таки являлась и поддерживала его въ самыя критическія минуты, когда онъ готовъ былъ потерять и послѣдній остатокъ вѣры.

Вся окружающая жизнь, всѣ текущія событія, слой за слоемъ, ложились на немъ, давили его душу и безжалостно рвали въ клочки его затаенныя чувства. Какая-то дикая, неистовая пляска, какое-то вавилонское столпотвореніе чувствъ и мыслей совершались предъ его глазами.

Казалось, люди закрыли глаза, заткнули уши и окончательно потеряли ясное представленіе объ окружающемъ.

Ему даже подчасъ жутко становилось, и невольно онъ задавалъ себѣ вопросъ—не отъ того ли представляется ему все это въ такомъ свѣтѣ, что онъ самъ потерялъ точку опоры? Не боленъ ли онъ? Но совершающіяся передъ ними событія говорили ему о противномъ. Каждый разъ газеты приносили новыя свѣдѣнія о возникшемъ на западѣ антисемитизмѣ. Этотъ своеобразный вопросъ, выдвинутый изъ мрака и по видимому дерзкой, сильной рукой, сдѣлался вопросомъ дня и отодвинулъ на задній планъ всѣ остальные вопросы и интересы. Казалось, передовое человѣчество нашло исходный пунктъ для разрѣшенія всѣхъ волнующихъ его вопросовъ, корень накопившагося въ обществѣ зла, тайну всѣхъ бѣдъ и несчастій современнаго человѣка—съ такой стремительностью и непонятною быстротою онъ охватывалъ всѣ слои западнаго общества. Доктору это казалось непостижимымъ и непонятнымъ явленіемъ и волею-неволею къ нему въ голову закрадывалась мысль о больномъ, гниломъ западѣ... Только на больномъ, разслабленномъ организмѣ можетъ съ такой силой отразиться такая, сравнительно пустая болѣзнь, невольно думалось ему, и отъ больнаго запада онъ мысленно переходилъ къ себѣ, въ свой домъ, въ свое отечество... И здѣсь уже кое-гдѣ сталъ раздаваться подземный гулъ, и здѣсь слышались глухіе раскаты, но почва была еще тверда, она питалась еще той живительной росой чуднаго утра, которое съ такой пышностью загорѣлось надъ родной землей и обѣщало чудный день... Докторъ вѣрилъ въ этотъ день на столько, на

сколько онъ вообще вѣрилъ въ прогрессъ, — но теперь тайныя предчувствія стали закрадываться и въ его душу.

Этотъ простакъ Розенвальдъ съ его скорѣе мастическимъ, чѣмъ трезвымъ взглядомъ на событія, впустилъ каплю яда въ его душу. Изъ головы его не выходили слова, сказанныя этимъ послѣднимъ на вокзалѣ желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что событія повидимому оправдывали его прорицанія, если не въ такой формѣ, какъ онъ говорилъ, то все же оправдывали. Объ эмансипаціи, которая еще такъ недавно волновала умы всѣхъ и которая, казалось, была уже совсѣмъ готова вылупиться изъ яйца, совершенно почти забыли; она, точно дымъ, разсѣялась, оставивъ только ѣдкое чувство. Съ этой стороны еврейскій вопросъ былъ совсѣмъ забытъ. Да и не до него было теперь. Если и провинція еще иногда интересовалась имъ и находила время для его обсужденія, то столица совсѣмъ вычеркнула его. Другіе интересы, болѣе жгучіе, болѣе отвѣчающіе событіямъ дня, охватили столичное общество. Наступило бурное лихорадочное время, каждый день ознаменовывался чѣмъ-то новымъ, небывалымъ; общество переживало страшную болѣзнь съ ежедневными, ежечасными угрожающими приступами—однимъ сильнѣе другаго. Съ замираніемъ сердца каждый прислушивался къ біенію общественнаго пульса, съ лихорадочнымъ трепетомъ каждый смотрѣлъ на дѣйствія врачей, принявшихъ на себя леченіе страшной болѣзни... И докторъ Ватманъ былъ охваченъ этой волной, этой всепоглощающей лихорадкой общественнаго организма; съ чуткостью врача онъ прислушивался къ біенію сердца больнаго, и жутко становилось у него на душѣ, морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Не до интересовъ своей общины, не до личныхъ тревогъ было теперь. Онъ о нихъ почти совсѣмъ забылъ, и только письма изъ провинціи отъ времени до времени напоминали ему о нихъ.

То Гринблатъ, то Розенвальдъ отъ времени до времени писали ему о положеніи дѣлъ общины. Розенвальдъ, какъ всегда, видѣлъ все въ дурномъ свѣтѣ, проливалъ горькія слезы и звалъ его на помощь къ погибающему народу. Гринблатъ, наоборотъ, бодрился и съ чувствомъ сытаго человѣка веселѣе смотрѣлъ въ глаза будущему. Но и въ его письмахъ подчасъ звучала

грустная нотка. Это былъ уже не тотъ Гринблатъ, который съ увѣренностью утверждалъ, что теперь уже немыслимъ поворотъ, въ особенности послѣ того, какъ кругленькая сумма изъ его кассы перешла въ руки Пронскаго и Смирнова. Въ особенности его разочаровали послѣдніе выборы.

„Громъ въ ясную погоду среди безоблачнаго неба, слыхали ли вы это? писалъ онъ доктору,—и кто могъ ожидать, что меня забаллотируютъ, меня, котораго еще въ послѣдній разъ выбрали единогласно. Никто этому не вѣритъ, слышите-ли, не вѣритъ... А между тѣмъ, это фактъ. Не знаменіе ли это времени?.. Меня, Гринблата, забаллотировать!" И затѣмъ слѣдовало самое подробное описаніе баллотировки, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ моментовъ съ самыми мельчайшими подробностями. Всѣ, какъ и всегда, ожидали, что Гринблатъ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, будетъ выбранъ въ гласные, но уже до начала новыхъ выборовъ на засѣданіяхъ стали отъ времени до времени возбуждаться вопросы, задѣвавшіе интересы еврейскаго населенія города. Эти вопросы сталъ возбуждать новый членъ думы, Долинскій. Сначала на него не обращали никакого вниманія и даже нѣкоторые надъ нимъ подсмѣивались, но мало по малу его стали выслушивать сначала безъ ропота, затѣмъ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ рѣчахъ своихъ высказывалъ крайній либерализмъ, ссылаясь во всемъ на примѣры запада. Онъ сталъ очень смѣлъ въ своихъ рѣчахъ, и еслибъ дѣло не касалось евреевъ, мѣстный жандармскій полковникъ навѣрно усмотрѣлъ бы въ нихъ зловредныя идеи. „Я его ничуть не боялся—писалъ далѣе Гринблатъ,—потому что онъ глупости говорилъ, и я былъ убѣжденъ, что меня выберутъ. И вдругъ, представьте себѣ, со всѣхъ сторонъ черные шары... И это не потому, что меня нашли недостойнымъ, нѣтъ... Мнѣ потомъ объяснили, что меня бы охотно выбрали, еслибъ я не былъ евреемъ... Но я не унываю, наше дѣло все-таки выгоритъ. Однако я уже теперь осторожнѣе.

„Недавно Пронскій пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ открыть ему кредитъ въ виду предстоящей эмансипаціи. Я ему вѣжливо отказалъ. Онъ уѣхалъ не въ духѣ, хотя увѣрялъ, что онъ искренній другъ евреевъ... Можетъ быть, я и не хорошо сдѣ-

лалъ, что отказалъ ему, потому что чрезъ нѣсколько дней администрація вспомнила, что нашъ городъ лежитъ въ 50 верстахъ отъ границы... Вы можете себѣ представить, какой переполохъ вызвало это извѣстіе. Я къ Пронскому не хотѣлъ отправиться, а поѣхалъ къ Смирнову. Представьте же, что онъ мнѣ сказалъ: „Мы исполнители закона; что написано, то и исполняемъ".

„Но почему же вы его столько лѣтъ не исполняли"? спросилъ я его.

„То было одно, а теперь другое".

„Но вѣдь это безчеловѣчно".

„Законъ долженъ строго исполняться", оборвалъ онъ сухо.

„Что вы на это скажете? Положимъ, уладилось; мы снова открыли кредитъ Пронскому и законъ припрятали, но на долго ли"?

Все грустнѣе и грустнѣе становилось на душѣ у доктора. Вся окружающая жизнь принимала такой мрачный, нехорошій видъ, въ атмосферѣ накоплялись такіе вредные пары, что становилось невыносимо душно. Эти, сами по себѣ не столь еще грозныя извѣстія, почему-то казались ему роковыми, это не были факты, касавшіеся лишь одной части населенія; онъ видѣлъ въ нихъ роковое проявленіе общаго недуга, охватившаго общество. Подобно тому, какъ на основаніи часто незамѣтныхъ и неуловимыхъ явленій врагъ ставитъ діагнозъ страшной болѣзни, такъ и Ватманъ съ замираніемъ сердца ставилъ свой діагнозъ... А тучи надвигались, одна страшнѣе другой и заволакивали небо; въ атмосферѣ становилось невыносимо душно, зловѣщія птицы кружились въ воздухѣ и предвѣщали грозу. Гроза разразилась.

***

Въ одно утро, когда Лида, окончивъ свои занятія, собиралась уходить, къ ней въ комнату вбѣжалъ докторъ. Онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ.

— Что случилось, ради Бога скажите? испуганно спросила Лида.

Докторъ, вмѣсто отвѣта, подалъ ей свѣжій листъ газеты.

— Читайте вотъ тутъ, сказалъ онъ, замѣтивъ, что Лида смотритъ на него съ недоумѣніемъ.

Лида громко, но не безъ внутренняго волненія прочла:

«Вчера въ N христіанское населеніе напало на евреевъ и начало разорять ихъ дома и лавки. Въ городѣ страшная паника, евреи разбѣжались. Погромъ продолжается».

Газета выпала изъ рукъ Лиды; она въ недоумѣніи посмотрѣла на доктора.

— Что это значитъ? спросила она.

— Я столько же знаю, сколько и вы, мрачно отвѣтилъ докторъ.

— Вѣроятно, какое нибудь незначительное столкновеніе; попробовала заговорить Лида.

— Вы думаете? сказалъ докторъ и сомнительно покачалъ головой.—Мнѣ сдается—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія,—что это начало цѣлаго ряда бѣдствій; это только первый раскатъ грома.

— Зачѣмъ вы такъ мрачно смотрите на вещи? съ упрекомъ сказала Лида;—я не вижу причины опасаться...

— Вы не видите причины?.. вырвалось у доктора,—развѣ вы не замѣчаете, что вотъ уже сколько времени идетъ систематическая травля... Я опасался, давно опасался, но я все вѣрилъ въ здравый разсудокъ народа, я думалъ, что онъ понимаетъ, что источникъ его бѣдственнаго положенія вовсе не тамъ, гдѣ его мнимые друзья ему указываютъ... Къ сожалѣнію...—Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Это извѣстіе сильно огорчитъ Адольфа, сказалъ онъ, вдругъ остановившись передъ Лидою.

Лида встрепенулась; ей уже давно пора было уйти. Адольфъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, а она теряетъ время.

— Поспѣшимъ—сказала она громко,—мы уже и такъ запоздали. И потомъ прибавила рѣшительно: Не нужно ему ничего говорить.

— Но вѣдь онъ самъ прочтетъ въ газетѣ! замѣтилъ докторъ.

Лида задумалась.

— Сдѣлайте по крайней мѣрѣ видъ, что это васъ не особенно тревожитъ, сказала она, когда они вышли на улицу.

Докторъ съ благодарностью посмотрѣлъ на нее.

Когда они вошли въ мрачную, полуосвѣщенную пріемную съ двойнымъ рядомъ разставленныхъ другъ противъ друга

рѣшетчатыхъ клѣтокъ, предназначенныхъ одна для арестанта, а другая для пришедшаго къ нему на свиданіе, тамъ было уже много посѣтителей. Нѣкоторыя клѣтки были уже заняты заключенными и ихъ родственниками и родственницами.

Слышенъ былъ глухой говоръ, отъ времени до времени, прерываемый замѣчаніями жандармовъ, стоявшихъ рядомъ съ разговаривающими.

Докторъ и Лида въ ожиданіи очереди усѣлись на одной изъ разставленныхъ вдоль стѣнъ скамеекъ, занятыхъ посѣтителями. Имъ обоимъ было не по себѣ; мрачный видъ комнаты съ неменѣе мрачными лицами посѣтителей еще болѣе усиливалъ ихъ грустное настроеніе. На этотъ разъ однако имъ не пришлось долго ждать. Дежурный офицеръ ихъ тотчасъ замѣтилъ, но вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, пойти за заключеннымъ, онъ направился къ нимъ. У обоихъ какъ-то тревожно забилось сердце отъ этого необычайнаго явленія, и они, точно уговорившись, привстали къ нему на встрѣчу.

— У васъ сегодня свиданія не будетъ, сухо проговорилъ офицеръ и поклонился имъ въ знакъ того, что имъ больше нечего тутъ дѣлать.

Лида сильно поблѣднѣла, она хотѣла что-то спросить, но слова замерли у нея на губахъ; она чувствовала, что силы ее оставляютъ.

Докторъ былъ не менѣе пораженъ этимъ извѣстіемъ, но онъ не потерялъ присутствія духа.

— Не можете ли вы намъ сообщить причину такого распоряженія? обратился онъ къ офицеру.

— Я вамъ только передалъ то, что мнѣ приказано, больше я ничего не могу вамъ сообщить, сказалъ офицеръ и отвернулся отъ нихъ. Но взглянувъ случайно на Лиду и замѣтивъ ея поблѣднѣвшее лицо, онъ снова приблизился къ нимъ и уже болѣе мягкимъ голосомъ прибавилъ:—Подождите немного, я сейчасъ узнаю въ чемъ дѣло,—и съ этими словами онъ исчезъ изъ пріемной. Чрезъ минуты двѣ онъ снова явился и таинственно сообщилъ имъ, что сегодня Ватмана куда-то повезли, должно быть на допросъ, и послѣ этого начальникъ приказалъ лишить его сегодня свиданія.

По тому выраженію, которое теперь было на лицахъ его обоихъ слушателей, офицеру не трудно было понять, какое впечатлѣніе произвело на нихъ его извѣстіе. Не смотря на свое самообладаніе, Лида была близка къ обмороку; не въ лучшемъ состояніи находился и докторъ.

— Это часто у насъ бываетъ, вамъ не изъ-за чего такъ безпокоиться, попробовалъ утѣшить ихъ офицеръ, прежняя суровость котораго смягчилась теперь теплымъ участіемъ, какъ будто дѣло шло объ участи близкихъ ему людей.

— Но вѣдь это съ нимъ первый разъ, должно быть произошло что нибудь очень серьезное... сказалъ докторъ.

— Вовсе нѣтъ; онъ вѣроятно не такъ отвѣтилъ начальнику, какъ тому хотѣлось, вотъ и легкое наказаніе. Не стоитъ такъ и безпокоиться.

— Но нельзя ли все таки какъ нибудь добиться свиданія? нерѣшительно произнесла Лида.

Офицеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.—Вы знаете какъ у насъ строго, тутъ ничего нельзя сдѣлать, едва слышно проговорилъ онъ.

— Но это для насъ такъ важно. Нельзя ли сходить къ начальнику?.. Я сама пойду къ нему, вы только укажите куда, съ твердою рѣшимостью въ голосѣ произнесла Лида.

— Это ни къ чему не поведетъ.

— Проводите меня къ начальнику, твердо настаивала Лида.

— Я не могу этого сдѣлать; мнѣ не приказано.

— Неужели вы хоть разъ не можете сдѣлать исключеніе? съ горечью перебила его Лида; но въ этихъ словахъ было столько молодаго обаянія, столько глубины, что молодой офицеръ вдругъ измѣнился въ лицѣ. Онъ взглянулъ на красивое, дышавшее рѣшимостью лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки, и эта рѣшимость передалась ему.

— Одну минуту подождите, произнесъ онъ тихо и какъ въ первый разъ незамѣтно исчезъ въ какія-то потайныя двери.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, которыя Лидѣ показались вѣчностью.

— Сомнѣваюсь, чтобъ мы добились свиданія, мрачно произнесъ докторъ.

— Не будемъ отчаяваться; можетъ быть удастся—утѣшала его Лида.

Но въ эту минуту снова появился офицеръ и сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за нимъ. Докторъ тоже хотѣлъ идти вслѣдъ за ними, но офицеръ его остановилъ.

— Вамъ нельзя—шепнулъ онъ ему и скрылся вмѣстѣ съ Лидою за дверью. Докторъ остался одинъ.

По выходѣ изъ пріемной, Лида и офицеръ очутились въ темномъ и узкомъ корридорѣ.

— Слѣдуйте за мной—сказалъ ей офицеръ.

— Я ничего не вижу; тутъ совсѣмъ темно.

— Это съ непривычки, ступайте стѣной, не бойтесь вотъ мы и пришли. Съ этими словами онъ открылъ дверь и впустилъ Лиду въ небольшую четырехъ-угольную комнату тускло освѣщенную единственнымъ, находившимся на верху, окномъ. Но благодаря рѣзкому контрасту съ корридоромъ, свѣтъ, падавшій сверху, показался Лидѣ очень яркимъ. Въ комнатѣ, кромѣ небольшаго стола и двухъ стульевъ, ничего не было, голыя, выкрашенныя въ сѣрую краску стѣны смотрѣли непривѣтливо; вся комната производила тяжелое впечатлѣніе.

— Посидите тутъ, а я пойду за заключеннымъ,—тихо сказалъ офицеръ и вслѣдъ затѣмъ оставилъ Лиду.

Невольный страхъ напалъ на нее. Не смотря на радостное чувство, охватившее ее при мысли о близкомъ свиданіи съ Адольфомъ, она въ тоже время чувствовала непонятную робость, точно тысячи подозрительныхъ глазъ смотрѣли на нее съ этихъ сѣрыхъ стѣнъ, съ потолка, съ пола; невольное оцѣпенѣніе охватило всѣ ея члены, и она боялась двигаться, дышать.

Но въ эту минуту за ея спиной раздался знакомый ей голосъ. Она обернулась, передъ нею стоялъ Адольфъ.

Онъ протянулъ ей руку, она молча подала свою. Невольный трепетъ охватилъ ихъ обоихъ и они не могли сказать ни слова другъ другу.

Стоявшій тутъ же офицеръ отвернулся, и подойдя къ двери, громко произнесъ:—Я подожду въ сосѣдней комнатѣ, надѣюсь вы не будете говорить ничего такого... Онъ не кончилъ и заперъ за собою дверь.

Въ первый разъ, послѣ столькихъ мѣсяцевъ, они были одни съ глазу на глазъ. Въ первый разъ они могли подать другъ другу руку.

Адольфъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку.—Я самому себѣ не вѣрю—сказалъ онъ;—я готовъ бы принять все это за сонъ, если бы не чувствовалъ, что ты такъ близко отъ меня.

Лида ему разсказала все, какъ было, какимъ образомъ они добились такого исключительнаго свиданія и въ заключеніе прибавила:—Я не знаю, кому я этимъ обязана: великодушію ли этого офицера, или чему нибудь другому; во всякомъ случаѣ, намъ надо воспользоваться этимъ свиданіемъ и разъ навсегда рѣшиться на что нибудь. Ты долженъ быть свободенъ, Адольфъ.

— Но какъ этого достигнуть?

— Нужно раскрыть дѣло...

— Лида, и ты это мнѣ можешь совѣтовать! съ укоромъ въ голосѣ произнесъ Адольфъ.—Мы столько терпѣли, потерпимъ еще немного, я увѣренъ, что мое дѣло скоро кончится.—И онъ разсказалъ ей о сегодняшнемъ допросѣ.

Оказалось, что господинъ, которому Адольфъ далъ пріютъ у себя, попался теперь въ руки полиціи.

Сегодня у нихъ была очная ставка, они признали другъ друга, но больше не позволили имъ говорить и на этотъ разъ они такъ разстались.—Меня сегодня хотѣли лишить свиданія вѣроятно для того, чтобъ я не имѣлъ возможности передать что либо чрезъ своихъ,—прибавилъ онъ;—теперь вѣроятно только пойдутъ допросы. Я боюсь, чтобъ онъ не проболтался.

— Но вѣдь это тебѣ только въ пользу пойдетъ, ты вѣдь его не зналъ совсѣмъ до роковой встрѣчи—сказала Лида.

— Не я, но Павелъ можетъ пострадать.

— Но нужно же разъ навсегда найти исходъ—рѣшительно сказала Лида.

— Нужно выгородить Павла и онъ, вѣдь, въ сущности, тутъ ни причемъ, сказалъ Адольфъ.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Я объ этомъ все утро думалъ—проговорилъ Адольфъ.— Знаешь,—произнесъ онъ—тихо, «онъ» тоже сидитъ тутъ, но я не знаю, въ какомъ этажѣ и въ какой камерѣ; еслибы это

можно было узнать, я бы поговорилъ съ нимъ... У насъ вѣдь это практикуется. Но еще лучше, еслибъ ему можно было передать черезъ его родственниковъ или друзей, которые его посѣщаютъ. Это было бы самое лучшее. Пусть онъ не упоминаетъ имени Павла.

— Но что же будетъ тогда съ тобою? тревожно проговорила Лида,—они все взвалятъ на тебя.

— Совсѣмъ нѣтъ, еще немного подержатъ и выпустятъ.

— Ты слишкомъ легко смотришь на это—серьезно сказала Лида.—Они тебя не выпустятъ, если ты будешь скрывать. Мнѣ кажется, что Павлу тутъ не грозитъ никакой опасности; онъ послалъ его къ тебѣ, но и онъ его не зналъ и ничего общаго не имѣлъ съ нимъ раньше. Такъ бы вы всѣ освободились.

— Это невозможно, Лида,—рѣшительно сказалъ Адольфъ.

— Подумай, чѣмъ ты рискуешь, Адольфъ — продолжала Лида;—наконецъ ты долженъ это сдѣлать ради другихъ, твой дядя сильно страдаетъ...

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь, Лида! глухимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ Адольфъ.—Развѣ мое сердце не обливается кровью при мысли, что изъ-за меня страдаютъ другіе, что я нарушилъ мирную жизнь двухъ, самыхъ дорогихъ мнѣ существъ? Развѣ я не объ этомъ думаю въ длинныя безсонныя ночи, когда голова, кажется, готова разорваться отъ напора грустныхъ мыслей!.. Я знаю, что я виноватъ предъ вами, предъ тобой. Но какъ мнѣ быть?...

— Рѣшайся.

— Это невозможно...

— Твой дядя просилъ меня передать отъ его имени...

— Я ни за что этого не сдѣлаю.—И подойдя ближе къ Лидѣ, онъ сказалъ:—Лида, если ты уважаешь меня, не будемъ никогда больше говорить объ этомъ. У меня хватитъ твердости вынести все, а у тебя...

И онъ съ грустью посмотрѣлъ на нее.

Лида вмѣсто отвѣта крѣпко пожала ему руку.

Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ на друга.

— Отчего дядя не пришелъ? спросилъ наконецъ Адольфъ.

— Онъ здѣсь, въ пріемной, только офицеръ не разрѣшилъ ему идти сюда.

— Такъ близко отсюда, и я его не могу видѣть! грустно произнесъ Адольфъ.

Дверь тихо скрипнула, и сквозь узкую щель раздалось роковое: «пора».

— Когда мы еще такъ свидимся! съ грустью произнесъ Адольфъ.

— Скоро, надѣйся, какъ можно тверже выговорила Лида, между тѣмъ какъ сердце ея разрывалось на части.

Когда она снова вошла въ пріемную, докторъ побѣжалъ ей на встрѣчу. Онъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ и теперь буквально засыпалъ ее вопросами.

Она разсказала ему, на сколько это позволяли условія, все, о чемъ она говорила съ Адольфомъ.

Докторъ только грустно покачалъ головой и когда Лида кончила, онъ, какъ-бы про себя, произнесъ:

— Что же мнѣ съ нимъ дѣлать, онъ все-таки правъ!—И потомъ, спохватившись, торопливо прибавилъ: — А знаете, мнѣ кажется, что мы сейчасъ же могли бы исполнить его просьбу. Когда я тутъ сидѣлъ одинъ, возлѣ меня сѣла какая-то молодая женщина съ какимъ-то господиномъ. Они тихо разговаривали между собою, но я ясно слышалъ, какъ она нѣсколько разъ произнесла фамилію виновника всей этой исторіи. Можетъ быть...

— Можетъ быть, она еще здѣсь... Ради Бога поспѣшимъ! въ волненіи воскликнула Лида.

Докторъ сталъ оглядываться кругомъ, какъ будто отыскивая кого-то. Потомъ онъ вдругъ сдѣлалъ знакъ Лидѣ остаться и, отдѣлившись отъ нея, быстро направился къ выходнымъ дверямъ. Тамъ стояли мущина и женщина. Мущина взялся уже за ручку двери, когда докторъ подошелъ къ нимъ.

— Могу я у васъ попросить минуту времени? обратился онъ къ молодой женщинѣ.

Незнакомка какъ-то странно посмотрѣла на доктора и затѣмъ неохотно спросила:

— Чѣмъ могу служить?

— Мнѣ раньше показалось, — началъ докторъ,—что вы въ разговорѣ съ своимъ знакомымъ нѣсколько разъ повторяли фамилію ***.

Молодая женщина бросила на него подозрительный взглядъ.

— Ну такъ что же изъ того?—насмѣшливо проговорила она,— можетъ быть, и произносила... Я думаю, вамъ до этого дѣла нѣтъ...

Докторъ растерялся.

— Прошу извиненія, — началъ онъ нерѣшительно,—но это намъ очень важно знать и для вашего знакомаго не безразлично.

Молодая женщина еще разъ окинула доктора пытливымъ взглядомъ и, какъ бы смягчившись, спросила:

— Позвольте узнать, кто вы?

Докторъ назвалъ себя и прибавилъ:

— Вотъ та молодая дѣвушка, которая стоитъ у окна, сообщитъ вамъ все, если вамъ угодно.

Молодая женщина кивнула своему знакомому и послѣдовала за докторомъ.

— Вы имѣете мнѣ что нибудь сообщить? прямо обратилась незнакомка къ Лидѣ.

— Да, если вы хорошая знакомая ***, сказала Лида.

— Я его родственница, произнесла она, нѣсколько смутившись.

— То, что я имѣю вамъ сообщить, касается не столько его, сколько участи тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе.

И Лида передала ей желаніе Адольфа.

— Это очень трудно сдѣлать, — сказала, выслушавъ Лиду, молодая женщина. — Вы вѣдь знаете, при какихъ условіяхъ происходятъ свиданія.

— Постарайтесь, вы сами понимаете на сколько это важно, сказала Лида.

— Я сдѣлаю все, что возможно будетъ; но это будетъ не раньше слѣдующаго свиданія.

— А если его раньше станутъ допрашивать? замѣтила Лида.

— Тогда не мы будемъ виноваты, значитъ, судьба такая. Во всякомъ случаѣ я вамъ сообщу результатъ. Будемъ знакомы.

И взявъ у Лиды адресъ, она поспѣшила къ ожидавшему ее у дверей господину. Докторъ и Лида тоже направились къ выходу.

С. Я.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Предлагаемый историческій этюдъ принадлежитъ въ высшей степени талантливому перу Джемса Дарместетера, одного изъ выдающихся ученыхъ современной Франціи, профессора санскрита при Collège de France *. Авторъ счастливо соединяетъ въ себѣ глубокія знанія, широту мысли, крупный обобщающій умъ и блестящій, нерѣдко возвышающійся до поэзіи стиль. Этюдъ этотъ появился въ недавно вышедшемъ сборникѣ Essais Orientaux **, и помимо своихъ неоцѣнимыхъ внутреннихъ достоинствъ, онъ прямо, какъ фактъ, представляетъ собою очень отрадное явленіе. Глубокая вѣра въ жизненную силу іудаизма какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, которою проникнутъ весь этотъ этюдъ, имѣетъ для насъ особенно важное значеніе потому, что она живетъ въ душѣ не юнаго мечтателя, не воспламененнаго фанатика, а человѣка глубокаго ума и глубокихъ знаній, посвятившаго всю свою жизнь чистой наукѣ, страстно имъ любимой. И со своими взглядами авторъ выступаетъ не передъ темной публикой, не передъ ограниченнымъ кружкомъ, а передъ всѣмъ міромъ европейскихъ ученыхъ, которые слѣдятъ за нимъ, какъ за восходящею звѣздою. Да, то обстоятельство, что человѣкъ знакомый, такъ ска-

* Это самое высшее научное учрежденіе Франціи, гдѣ преподаются всѣ высшія науки всѣми ея свѣтилами, какъ Э. Ренанъ, Леруа-Болье, Ранвье и др.

** Essais Orientaux par James Darmesteter: Paris, 1883.

зать, съ послѣднимъ словомъ науки, далекій отъ какихъ бы то ни было національныхъ идей, послѣ основательнаго изученія, могъ отнестись съ такимъ благоговѣніемъ, съ такой любовью, а главное—съ такой твердой вѣрой къ еврейскому народу и іудаизму—это обстоятельство можетъ намъ служить большимъ утѣшеніемъ въ прошломъ, давать намъ бодрость въ настоящемъ и урокъ для будущаго. Съ одной стороны, мы должны убѣдиться, что только глубокое невѣжество и отсутствіе какихъ бы то ни было понятій о іудаизмѣ могутъ пѣть отходную этому послѣднему, какъ и его представителямъ; съ другой стороны, мы должны постоянно помнить, что noblesse oblige. Дармстетеръ могъ бы закончить свой „Взглядъ на исторію еврейскаго народа" тѣми же прекрасными словами, которыми онъ заключаетъ другой свой превосходный этюдъ „l'Orientalisme en France": „Il n'ya pas de là à tirer une leçon d'orgueil pour le passé, mais une leçonde devoir pour l'avenir. La noblesse scientifique est comme toutes les autres: elle ne se conserve qu'en se recréant sans cesse de nouveau" *.

Мало указывать съ гордостью на свое прошедшее, какъ бы справедлива и основательна ни была эта гордость, а надо оказаться достойнымъ этого прошлаго; въ противномъ случаѣ, оно только послужитъ къ умаленію нашему, и чѣмъ выше и блистательнѣе оно, тѣмъ болѣе жалкими и мизерными покажемся мы. „Какъ малъ кажется Синай, когда Моисей стоитъ на немъ!" восклицаетъ Гейне, пораженный и ослѣпленный необъятнымъ величіемъ законодателя. И если у насъ будетъ только та гордость, та слава, что Моисей стоялъ среди насъ, если его великое ученіе насъ также мало измѣняетъ, какъ и гору, на которой оно намъ было дано, то какими же микроскопическими малыми покажемся мы! „Всякое дѣяніе носитъ только имя того, который его завершаетъ" **. Только

* „Изъ сказаннаго слѣдуетъ извлечь не урокъ гордости своимъ прошедшимъ, а урокъ объ обязанностяхъ въ будущемъ. Знатность въ наукѣ подобно всякой другой знатности, сохраняется только помощью безпрерывнаго нарожденія новыхъ силъ". Essais Orientaux, p. 102.

** Не помню, говоритъ ли это самъ Раши, или же приводитъ, какъ изреченіе мудрецовъ.

тогда мы будемъ имѣть право на наше великое прошлое, когда наше настоящее тѣсно съ нимъ будетъ связано, составляя его прямое продолженіе, когда среди насъ будетъ жить его мощный духъ, когда завѣщанное имъ наслѣдіе будетъ нами не только тщательно сохранено, но и значительно улучшено. Само собою разумѣется, что для того, чтобы продолжать великое дѣло, начатое нашими предками тысячелѣтія тому назадъ, надо прежде всего уяснить себѣ, въ чемъ состояла ихъ дѣятельность, въ чемъ она выразилась, какъ обнаружилась, словомъ, необходимо основательно изучить прошедшее, которое одно можетъ намъ служить указаніемъ и руководствомъ въ будущемъ. Къ величайшему несчастью, въ этомъ отношеніи у насъ очень мало, даже можно сказать ничего не сдѣлано. А между тѣмъ прежде чѣмъ рѣшить, чѣмъ мы можемъ и должны быть, намъ надо раньше знать, чѣмъ мы были и чтб представляемъ теперь. Безъ знанія пройденнаго пути нельзя двигаться ни впередъ, ни назадъ; для того, чтобы знать, на что годенъ данный матеріалъ, надо хорошенько знать его составъ. А теперь именно, больше чѣмъ когда либо, намъ предстоитъ самымъ категорическимъ образомъ рѣшить вопросъ: „чѣмъ намъ быть въ будущемъ?“ Ибо если мы его сами не рѣшимъ, за насъ его рѣшатъ другіе. Конечно, только близорукіе и ограниченные умы могутъ полагать или твердо даже вѣрить, что однимъ законодательнымъ способомъ можно устранить весь еврейскій вопросъ. Еврейскій вопросъ—вопросъ культурный, т. е. слишкомъ обширный и глубокій, чтобы съ нимъ покончить помощью разныхъ коммиссій и т. п. Культурные вопросы разрѣшаются самимъ народомъ, а не канцелярскими регламентами.

I.

Еще далекъ тотъ моментъ, когда станетъ возможна попытка написать такую исторію еврейскаго народа, которая прослѣдила бы за нимъ во все продолженіе его развитія, т. е. отъ начала его происхожденія до нашихъ дней и во всемъ объемѣ его развитія, т. е. въ его ре-

лигіи, философіи, языкѣ и въ событіяхъ его матеріальной судьбы. Въ томъ обновленіи исторической науки, которое составитъ несомнѣнную славу нашего вѣка, исторія еврейскаго народа будетъ занимать постепенно все болѣе и болѣе широкое мѣсто по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя открытія въ различныхъ областяхъ, будучи соединены и согласованы между собой, дадутъ возможность лучше узнать развитіе арійско-семитическаго міра. Что дѣйствительно на взглядъ историка составляетъ особенный интересъ еврейской національности — это то, что только ее одну между всѣми народами онъ находитъ во всѣ историческіе моменты и что, слѣдуя за ея судьбами, историкъ видитъ себя перенесеннымъ въ центръ всѣхъ почти великихъ цивилизацій, всѣхъ почти великихъ религіозныхъ идей, которыя, начиная съ разсвѣта исторіи, до настоящаго времени отмѣтили собою цивилизованный міръ. Онъ видитъ, какъ по пути Израиля выступаютъ по очереди: кочевыя племена политеистовъ—первые потомки семитовъ, Египетъ съ его жреческими кастами, Сирія съ ея богами, Нинѣвія и Вавилонъ, Киръ и маги, Греція и Александръ, Александрія съ ея философскими школами, Римъ съ его легіонами, Христосъ съ евангеліемъ. Наконецъ, когда національное единство разбивается и несчастье бросаетъ евреевъ во всѣ стороны, по всѣмъ угламъ міра, историкъ, слѣдуя за ними въ Аравію, Египетъ и во всѣ западныя страны Европы, видитъ передъ собою Магомета и исламъ, Аристотеля, схоластиковъ и ихъ философію, всю науку и всю торговлю среднихъ вѣковъ, гуманистовъ и возрожденіе, реформацію и великую революцію. Исторія еврейскаго народа такимъ образомъ подразумѣваетъ и предполагаетъ исторію всего того міра, который окружаетъ Средиземное море, отъ его перваго до послѣдняго дня. И очень рѣдко и совершенно случайно тутъ дѣло идетъ объ исторіи политической или матеріальной, а всегда объ исторіи идей, религій, явленій соціальныхъ, словомъ объ исторіи всѣхъ живительныхъ силъ человѣчества.

Исторія всѣхъ другихъ народовъ, даже тѣхъ, которые обнаружили самое продолжительное и самое отдаленное дѣйствіе, простирается

на одну только эпоху, на одно только мѣсто; всякій изъ этихъ народовъ появляется и исчезаетъ; его судьба имѣетъ одно только время, онъ присутствуетъ только при своей исторіи. Еврейскій же народъ существовалъ всегда, онъ былъ свидѣтелемъ судьбы всѣхъ великихъ явленій, которыя имѣли свой часъ; это вѣчный міровой свидѣтель, и не нѣмой, пассивный, но тѣсный, связанный, какъ дѣятельный участникъ, со всѣми почти историческими драмами какъ своею дѣятельностью, такъ и своими страданіями. Въ два различные историческіе момента онъ возрождаетъ міръ: міръ европейскій — посредствомъ Христа, міръ восточный — посредствомъ ислама: мы не говоримъ уже о вліяніяхъ болѣе медленныхъ, болѣе скрытыхъ, но быть можетъ не менѣе могущественныхъ и не менѣе продолжительныхъ, которыя онъ оказалъ, въ средніе вѣка, на образованіе новѣйшей мысли.

Эта великая исторія не могла быть воспроизведена, ни даже охвачена раньше настоящаго столѣтія. Для этого необходимы были два условія, которыя раньше нашихъ дней не могли быть осуществимы. Одно изъ этихъ условій — нравственнаго, другое матеріальнаго характера. Съ одной стороны, такъ какъ эта исторія прежде всего религіозная и вслѣдствіе этого, при настоящемъ настроеніи умовъ, постоянно вызываетъ и возбуждаетъ самыя сильныя страсти, то необходимо было, чтобы свобода мышленія проникла нетолько въ законы, не только въ нравы, но, что труднѣе всего, въ понятія самихъ ученыхъ; необходимо было, чтобы изслѣдованіе перестало искажаться духомъ сектантства или любомудрія, чтобы исторія религій перестала быть полемъ битвы.

Конечно, занимающіеся этого рода изслѣдованіями не всѣ еще достигли той степени безпристрастія, которое должно руководить ученымъ, когда онъ изучаетъ явленія для того, чтобы знать какими они были въ дѣйствительности, и возноситъ свою мысль до той высоты, которая не позволяетъ диктовать напередъ заключенія изъ-за какихъ нибудь мелкихъ, преходящихъ интересовъ политики, правовѣрія или

метафизики. Но нѣкоторые до этого возвысились, и это для науки достаточно.

Съ другой стороны надо было, чтобы рядъ послѣдовательныхъ открытій, неслыханныхъ и неожиданныхъ, пополнилъ глубокіе пробѣлы въ исторіи евреевъ и освѣтилъ ея безчисленныя, темныя мѣста. Для трехъ періодовъ этой исторіи—одинъ отъ начала происхожденія народа до возвращенія изъ плѣненія, второй отъ возвращенія изъ плѣненія до потери самостоятельности, третій отъ потери самостоятельности до великой французской революціи — для каждаго изъ всѣхъ этихъ трехъ періодовъ, какъ и историческія свидѣтельства, имѣлись только неполные или недоступные документы. Для исторіи перваго періода существовала одна только библія—произведеніе отдаленной древности, составленное изъ отрывковъ, изъ разрозненныхъ листковъ, гдѣ часто одна строчка, одно слово есть единственный остатокъ цѣлаго вѣка. Для исторіи втораго періода существовалъ одинъ только хаотическій талмудъ, въ которомъ могли рыться одни только евреи, и гдѣ однако эти послѣдніе искали и черпали лишь основы благочестія и казуистики, а не историческія данныя. Для третьяго періода, наконецъ, существуетъ огромная масса произведеній среднихъ вѣковъ, по большей части забытыхъ самими евреями и похороненныхъ въ пыли библіотекъ. Это положеніе вещей измѣнилось вслѣдствіе начавшагося двойнаго движенія — одного внутренняго, другаго внѣшняго. Внутри это движеніе выразилось въ томъ, что еврейскіе ученые стали прилагать историческій методъ къ непосредственному изученію еврейскихъ источниковъ. Внѣ оно обнаружилось въ открытіи и примѣненіи нееврейскихъ источниковъ, которые освѣтили и дополнили первые.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ новыхъ наукъ, недавно только зародившихся, какъ ассирологія, египтологія, наука о финикійскихъ надписяхъ—приходитъ на помощь для истолкованія библіи, которая, въ свою очередь, платитъ имъ тѣмъ же *. Вавилонъ и Ниневія выходятъ

* Еврейскій языкъ служилъ долгое время, да теперь еще служитъ ключемъ къ финикійскимъ и ассирійскимъ надписямъ.

изъ подъ земли со своими великими страницами исторіи, начертанными Салманасарами, Навуходносорами, и являются, чтобы засвидѣтельствовать вѣрность сказаннаго въ Книгѣ Царей и въ Пророкахъ *. Египетъ снимаетъ покровъ со своихъ іероглифовъ, и новый огненный столпъ является, чтобы освѣтить Исходъ евреевъ **. Финикійская почва доставляетъ намъ комментарій книги Левита, засвидѣтельствованный кареагенскими правителями ***. Финикійскій и ассирійскій пантеонъ снова воздвигается на обломкахъ исчерченныхъ камней и снова представляетъ намъ своихъ Астартъ и всѣхъ тѣхъ Вааловъ, которые вступали въ борьбу противъ Элогима *†. Изсякшая почва Іудеи доставляетъ намъ тріумфальный гимнъ Моаба, писанный во времена Елисея и который пророкъ могъ читать своими собственными глазами †**. И вотъ мы словно слышимъ крикъ библейскихъ воиновъ, доносящійся до насъ изъ глубины двадцати семи вѣковъ, вокругъ насъ словно раздается снова шумъ войнъ Предвѣчнаго.

Достигши втораго періода, того, когда стали приводить въ порядокъ хаосъ талмудической литературы, Мишну, Гемару и ихъ безчисленныя дополненія †***, нашли, что эта громадная компиляція, составленная повидимому безъ всякаго порядка и безъ всякой тѣни исторической мысли, представляетъ тѣмъ не менѣе для исторіи неисчерпаемый кладъ и даетъ возможность прослѣдить развитіе еврейскаго и до извѣстной степени восточнаго духа вообще въ продолженіе шести вѣковъ, именно въ продолженіе той эпохи, которая была свидѣтельницей зарожденія христіанства, т. е. въ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ цивилизаціи, когда совершался поворотъ исторіи.

Въ тоже самое время, всѣ работы, которыя наука, свѣтская или теологическая, католическая или протестантская, совершила для изслѣ-

* Rawlinson, Oppert, Holény, Schrader, Lenormant, Smith etc.

** Brugch, Chabas, Lepsius, Marielle, Maspero etc.

*** Munk.

*† Moners, Renan, Vogué, Clermont-Cejannean, Berger etc.

†** Памятная колонна Мешо или Месхо въ Луврѣ, въ Іудейской залѣ.

†*** Rappaport, Geiger, Derenbourg, Frankel, Iost, Graets, Fürst Zunz etc.

дованія происхожденія христіанства, показали, что вопросъ о христіанствѣ сводится къ вопросу о еврействѣ, и привели къ тому двойному заключенію, что невозможно ни понять образованіе христіанства, не зная прежде всего іудаизма перваго вѣка, ни понять іудаизмъ во всемъ его объемѣ безъ знакомства съ той его вѣтвью, которая называется первоначальнымъ христіанствомъ. Все то, что наука пріобрѣла для исторіи происхожденія христіанства, есть также пріобрѣтеніе для исторіи іудаизма; и такимъ образомъ, рядомъ съ талмудической литературой заняла мѣсто эта обширная апокрифическая литература, съ каждымъ днемъ обогащающаяся новыми открытіями и которой характеръ до того неопредѣлененъ, что часто спрашиваешь себя, имѣешь ли дѣло съ произведеніемъ еврея или христіанина *.

Что касается третьяго періода, періода разсѣянія, то его изслѣдованіе распадается до безконечности, вмѣстѣ съ судьбами еврейскаго народа. Въ каждой вѣтви этого періода исторіи представляется тотъ же самый фактъ: изслѣдованіе расширяется вслѣдствіе неожиданной встрѣчи двухъ міровъ. Съ одной стороны, необходимо было найти и изучить всѣ эти столь различныя произведенія, возникшія на различныхъ пунктахъ еврейскаго горизонта въ теченіе среднихъ вѣковъ **. Съ другой стороны, необходимо было, чтобы было завершено или по крайней мѣрѣ начато изученіе исторіи всѣхъ тѣхъ народовъ, мусульманскихъ и христіанскихъ, среди которыхъ евреи были брошены случаемъ. Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны работа едва только начинается. Такимъ образомъ здѣсь еще разъ оба міра, еврейскій и нееврейскій, все больше соединяются между собой, и по мѣрѣ того, какъ проникаешь въ самую глубь этой исторіи, все больше и больше приходишь къ сознанію того, какъ невозможно ихъ отдѣлить другъ отъ друга, даже понять одинъ безъ другаго. Тутъ еще разъ историкъ еврейскаго наро-

---

* Сибиллинскіе оракулы, 4-тая книга Эздры, Вознесеніе Моисея, Псалтырь Соломона, книга Эноха и т. д.

** Zunz, Neubauer, Steinschneider, Institut de Francc (Histoire des rabbins-français dansl'Histoire littéraire, par M. Ernest Renan).

да принужденъ сдѣлаться историкомъ арабовъ и Европы, а историкъ арабовъ или Европы, почти при всѣхъ великихъ перемѣнахъ въ области мысли, наталкивается на какое либо еврейское вліяніе, то блестящее и очевидное, то глухое и скрытое. Такимъ образомъ исторія еврейскаго народа шествуетъ повсюду за всемірной исторіей на всемъ ея протяженіи и переплетается съ нею тысячами нитей. Она открываетъ такимъ образомъ изслѣдованію обширное поле, богатое какъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ, такъ и своимъ удивительнымъ единствомъ, и представляетъ исторической психологіи такой интересъ, какаго не представляетъ никакая исторія въ такой степени; ибо она являетъ собою самый длинный рядъ историческихъ опытовъ, какой когда либо былъ внесенъ въ лѣтописи исторіи, опытовъ, сдѣланныхъ въ самыхъ различныхъ сферахъ на единой и одной и той же человѣческой силѣ, извѣстной и постоянной. Назовемъ тутъ же нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ задачъ, какія представляетъ намъ эта исторія.

II.

Въ началѣ передъ нами племя номадовъ семитической расы. Послѣ долгихъ странствованій черезъ долины Месопотаміи, Сиріи и Египта, это племя водворяется среди ханаанскихъ народовъ, по сосѣдству съ финикіянами. Исторія матеріальной судьбы еврейскаго народа за этотъ періодъ очень темна, исторія его религіи еще темнѣе, ибо направленіе, по которому странствовали евреи, можно еще прослѣдить по легендамъ, которыя они о немъ сохранили, между тѣмъ какъ не осталось ни одного яснаго слѣда, который могъ бы указать направленіе ихъ мысли. Единственное, что извѣстно и признано — это то, что первоначально евреи были идолопоклонниками и политеистами, какъ и всѣ народы той расы, отъ которой они ведутъ свое происхожденіе. Но нѣтъ возможности опредѣлить особенности, свойственныя миѳологіи собственно евреевъ, и въ чемъ эта послѣдняя сходится или же различается, въ различныя эпохи этого перваго періода, отъ миѳологіи ихъ

братьевъ семитовъ. Каковы были ихъ вѣрованія, ихъ культъ до перехода въ Египетъ? Что они въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи религіи, оставили въ Египтѣ и что оттуда вынесли? Что они въ Ханаанѣ заимствовали у боговъ сосѣднихъ имъ народовъ, съ которыми они очутились въ дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ? Все это вопросы, на которые если библія и отвѣтитъ когда либо, то только тогда, когда Египетъ скажетъ свое послѣднее слово, когда сравнительная исторія семитическихъ религій разъ навсегда будетъ установлена на строгихъ хронологическихъ данныхъ, и когда цѣлыя поколѣнія толкователей надписей заставятъ говорить всю эту массу свидѣтелей, которые въ настоящій моментъ еще похоронены въ развалинахъ Карѳагена, Ниневіи, Хамоса, Сабы и на всемъ пространствѣ древней семитической территоріи.

Послѣ водворенія въ Палестинѣ и послѣ того какъ евреи образуютъ собою самостоятельную націю, начинаетъ совершаться медленное преобразованіе въ ихъ первобытныхъ языческихъ вѣрованіяхъ; и это преобразованіе религіозное идетъ рядомъ съ преобразованіемъ политическимъ. По мѣрѣ того какъ евреи формируются въ народъ, они создаютъ себѣ постепенно національнаго бога, заключаютъ съ нимъ союзъ, противоставляютъ его національнымъ богамъ другихъ народовъ. Этотъ національный богъ, этотъ элогимъ въ сущности еще не отличается отъ боговъ сосѣднихъ народовъ, ни своими атрибутами, которые ему приписываются, ни культомъ. который ему воздается; онъ не есть еще отрицаніе другихъ боговъ, это еще не богъ міра, а богъ Израиля. Когда начинается это измѣненіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ? Съ того ли момента, когда Израиль получаетъ сознаніе своей національной индивидуальности, т. е. послѣ исхода изъ Египта, или же когда онъ окончательно утвердилъ свое національное существованіе, т. е. съ образованія царства? И это имя Моисея, которое историческія воспоминанія Израиля связываютъ съ исходомъ изъ Египта и съ первой организаціей народа—слѣдуетъ ли его также отнести къ эпохѣ перваго движенія въ преобразованіи религіозныхъ идей, или же надо

полагать, что уже позже, когда движеніе религіозное было завершено, инстинктъ легенды перенесъ это имя обратно и связалъ его съ первымъ моментомъ того политическаго движенія, которое дало первый толчекъ мысли Израиля? Какъ бы то ни было, это религіозное движеніе совершалось медленно и продолжалось въ теченіе вѣковъ. Вся исторія царства представляетъ безпрерывную борьбу, часто кровавую, между національнымъ богомъ и богами инородническими, которые, въ продолженіе очень долгаго періода времени, * подъ своими именами скрываютъ названія борющихся партій — національной и чужеземной. Эта борьба, съ которой связаны великія имена древнихъ пророковъ **, оканчивается побѣдой еврейскаго бога въ моментъ паденія царства. Національный богъ торжествуетъ въ тотъ именно моментъ, когда національное единство, которое онъ долженъ былъ создать, разбивается. Но въ тоже самое время и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, при приближеніи катастрофы, самыя понятія о богѣ подвергаются глубокому измѣненію. Это ужъ больше не тотъ національный богъ, на подобіе другихъ, который представляется народному воображенію и боготворяется какъ Кемошъ или Милькомъ. Если еврейскій богъ есть только богъ національный, если это тотъ же Кемошъ Израиля, Милькомъ Іуды, то Израиль былъ жестоко обманутъ; и царь Вавилона, подвигая свои боевыя колесницы подъ стѣны Іерусалима, могъ бы въ свою очередь воскликнуть, не опасаясь однако, какъ нѣкогда ассиріецъ, получить въ отвѣтъ то же: „гдѣ цари Арнода, Хамоса, Сепорваима: гдѣ тотъ народъ, который его богъ когда либо спасъ изъ моихъ рукъ?“ Въ эпоху народныхъ бѣдствій понятія о Богѣ стали выше, и Богъ Израиля становится Богомъ всемірнымъ, Единымъ, Богомъ Исаи и пророковъ, Богомъ Деколога, Іеговой, который есть всегда. Онъ, правда, все еще богъ Израиля, такъ какъ Онъ открылся одному ему, такъ какъ одинъ Израиль могъ Его постигнуть; но это

* До того момента, когда Вавилонъ выступаетъ на сцену.

** Пророковъ, отъ которыхъ остались одни имена.

Богъ, не имѣющій себѣ подобнаго, это уже не ревнивый Богъ временъ возникновенія мозаизма, не Богъ элогистовъ, который жаждетъ жертвъ и приношеній и наказываетъ за грѣхи отцовъ до четвертаго поколѣнія; нѣтъ—это Богъ правды и любви, который желаетъ чистыхъ сердецъ, а не полныхъ рукъ, который имѣетъ отвращеніе къ жертвоприношеніямъ и къ внѣшнимъ обрядамъ * и который не хочетъ больше, чтобъ говорили: „Отцы ѣли кислый виноградъ, а зубы дѣтей должны быть набиты оскоминой" **. И такъ какъ народъ, который его искалъ и обрѣлъ, находится въ угнетеніи и истекаетъ кровью, то, нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленномъ будущемъ его ждетъ блестящая великая награда: тѣ самые народы, которые его терзаютъ, прійдутъ и пріймутъ изъ рукъ Іуды истину, и счастье и правосудіе будутъ царствовать на всей землѣ во имя Бога Израиля. Такимъ образомъ, за нѣсколько времени до изгнанія, при призывѣ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и цѣлой фаланги пророковъ, начинается историческая миссія Израиля; его великій догматъ найденъ и въ то же время начинается его великая надежда: Единый Богъ утвержденъ въ сердцахъ и начинается зарожденіе мессіанизма.

Во время плѣненія и по возвращеніи изъ него, этотъ новый элементъ сливается съ древнимъ національнымъ, іеговизмъ—съ элогизмомъ, и религія Израиля получаетъ свою опредѣленную форму, и именно іудаизма. Изъ древняго національнаго элемента остаются обряды, церемоніи, нѣкоторые особенные законы—странное наслѣдство стараго семитическаго идолопоклонства—которые принимаютъ новое направленіе съ преобразованіемъ религіи и которые вначалѣ служили свидѣтелями союза между Богомъ и его народомъ, а потомъ стали служить свидѣтельствомъ тѣсной связи между самими евреями, союзомъ единства въ общемъ народномъ несчастьѣ; это тотъ элементъ, который отдѣляетъ евреевъ отъ другихъ и служитъ имъ охраной противъ унич-

* Исаія 1.
** Іезекіиль XVIII, Іеремія XXXI.

тожѣнія. Новый, всемірный элементъ, элементъ іеговизма, даетъ евреямъ тѣ двѣ идеи, посредствомъ которыхъ они возрождаютъ міръ. Такимъ образомъ образуется религія, въ одно и тоже время самая узкая и самая широкая изъ всѣхъ, религія совершенно исключительная по своему внѣшнему культу и необычайно широкая по своей идеѣ; религія, тѣмъ болѣе могущественно вліяющая своею идеею, чѣмъ сильнѣе поддерживается ея энергія внѣшнею исключительностью—условіе превосходное, чтобъ вліять и сохраняться и обратить весь міръ къ своимъ принципамъ, не подаваясь самъ ничему, не дѣлая никакихъ уступокъ или необходимыхъ для даннаго момента компромиссовъ, съ цѣлью пропаганды.

Съ этого дня народъ еврейскій, одинъ между всѣми его окружающими народами, имѣетъ философію исторіи, которая имъ руководитъ; въ міровой драмѣ для него есть раціональный планъ, который развивается согласно установленному закону и который завершится для блага всѣхъ.

Вотъ какимъ образомъ посреди послѣдовательнаго владычества Вавилоніи, Персіи, Греціи, Египта, Рима, которыхъ воины проходили черезъ Израиля, сильно его придавливая, но не поглощая, среди этого перемѣнчиваго владычества образуется національность съ исключительно религіознымъ характеромъ, которая переживаетъ временную политическую національность, возстановленную при Маккавеяхъ.

Въ это именно время древній міръ, утомленный культомъ, воздававшимся имъ своимъ поблекшимъ богамъ, и своими безсильными философскими системами, жадно и безпрерывно искавшій нравственности, болѣе высокой чѣмъ та, какую ему могли давать жрецы, и упованій болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, какія ему осмѣливались указывать его философы—этотъ древній міръ былъ настежъ открытъ для перваго слова, откуда бы оно ни пришло, которое дышало бы вѣрой и указало бы надежду и наполнило бы болѣзненную пустоту современной совѣсти.

Послѣднія конвульсіи Іудеи, находившейся въ родильныхъ мукахъ, наканунѣ появленія Мессіи, въ ожиданіи наступленія временъ,

предвѣщанныхъ пророками—эти конвульсіи Іудеи даютъ міру тотъ толчекъ, котораго онъ ждетъ такъ напряженно. Между множествомъ эфемерныхъ Мессій, которыя появляются и исчезаютъ на пророческомъ полѣ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда, нашелся одинъ, который оставилъ такое глубокое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ, близко знавшихъ его евреевъ, что эти послѣдніе вмѣсто того чтобы продолжать говорить: „Мессія прійдетъ“, стали говорить: „Мессія пришелъ, что онъ снова прійдетъ судить живыхъ и мертвыхъ“. Это новое вѣрованіе, это упованіе имѣло очень мало привлекательной прелести для еврейской массы, которая въ то время была преисполнена мечтаній о своемъ земномъ отечествѣ и слишкомъ ясно знала, чего хочетъ, чего ожидаетъ, чтобы принять то, что ей предлагалось взамѣнъ ея пламенныхъ надеждъ. Но это новое вѣрованіе и ожиданіе имѣли обаятельную прелесть для массъ языческихъ, которымъ они приносили прекрасную вѣсть о томъ, что наступаетъ конецъ злу, что какое-то необычайное существо, преисполненное правосудія и кротости, утвердитъ царство мира и счастія; эти массы въ первый разъ слышали проповѣдывавшіяся имъ великія нравственныя идеи Гиллеля и гагадистовъ, идеи, о которыхъ, конечно, никогда и не думали жрецы Юпитера и какихъ имъ не принесли ни педанты разныхъ школъ, ни надменные ораторы Портика. Современемъ, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительность заставила первыхъ христіанъ отдалить моментъ завершенія обѣщаннаго будущаго въ самую отдаленную глубину временъ, и личность Христа должна была измѣниться—должна была также вмѣстѣ съ тѣмъ образоваться еще болѣе глубокая пропасть между новымъ ученіемъ и Израилемъ. Между тѣмъ какъ іудео-христіане, обращаясь къ библіи, чтобы найдти въ ней опору своей вѣрѣ, начали объясненіемъ библіи помощью Христа и кончили объясненіемъ Христа помощью библіи, и преобразовали его личность въ идеальный типъ при помощи символическихъ толкованій, христіане изъ язычниковъ, съ другой стороны, приспособляли новое ученіе къ тѣмъ средамъ, гдѣ они его насадили, дѣлая каждый разъ все болѣе и болѣе ши-

ровія заимствованія изъ миѳологіи Греціи и Сиріи и изъ современной имъ метафизики. Отсюда изъ компромиссовъ между прошедшимъ и будущимъ вышла смѣшанная религія и побѣдила весь міръ, которому принесла много добра и много зла; много добра, потому что подняла упадшій нравственный уровень человѣчества; много зла, ибо она остановила его умственный ростъ тѣмъ, что снова возродила миѳическій духъ и прикрѣпила на многіе вѣка метафизическій идеалъ Европы къ грезамъ времени паденія александрійскихъ школъ и къ послѣднимъ мудрствованіямъ впавшаго въ дѣтство эллинизма. Исторія христіанства принадлежитъ еврейской исторіи именно до момента торжества этого миѳологическаго и метафизическаго направленія, т. е. до момента окончательнаго разрыва между этими двумя ученіями, словомъ, до того дня, когда христіанство перестаетъ уже быть еврейской сектой, чтобы стать новой вѣтвью старой аріо-семитической миѳологіи. Исторія представляется такимъ образомъ двойная задача: изучать іудаизмъ и въ самомъ еврейскомъ народѣ, и внѣ его. Каждая изъ этихъ задачъ осложняется до безконечности. Для второй очень трудно найти предѣлъ, ибо граница, отдѣляющая явленія исключительно еврейскія отъ явленія исключительно христіанскаго крайне неустойчива и измѣнчива, и только наукѣ предстоитъ строго установить эту границу вездѣ, гдѣ дѣло касается догмы и предметовъ вѣры. Первая же изъ названныхъ задачъ точна и ясна. На первомъ планѣ на сцену выступаютъ безчисленныя превратности въ политической драмѣ, отъ плѣненія до полнаго уничтоженія независимости. Возрожденіе при Кирѣ и Хашменидахъ; первое распространеніе внѣ предѣловъ отечества при Александрѣ; водвореніе въ Александріи, Египтѣ и на островахъ; борьба съ Селевкидами, національное пробужденіе при Маккавеяхъ; первые союзы и первыя враждебныя столкновенія съ Римомъ; страсти междуусобицъ; Иродъ и его династія; Іерусалимъ, бросающій вызовъ Риму и въ теченіе четырехъ лѣтъ разбивающій силы имперіи о свои стѣны; разрушеніе святого города, храмъ объятый пламенемъ и послѣдняя агонія при Беттарѣ. Позади драмы политической, драма умствен-

ная: столкновеніе еврейскаго духа съ духомъ инородническимъ, навѣяннымъ изъ Халдеи, Персіи и Греціи; его заимствованія у религій однихъ и философіи другихъ; образованіе среди іудаизма посторонней миѳологіи, строго подчиненной абсолютному, надъ всѣмъ владычествующему монотеизму, и въ которой въ различныхъ пропорціяхъ соединились: воспоминанія изъ древней національной миѳологіи, старыя заимствованія, сдѣланныя до и во время плѣненія изъ миѳологіи Сиріи и Вавилоніи, и новыя заимствованія, сдѣланныя послѣ плѣненія въ Вавилоніи и Персіи; іудаизмъ, посвященный въ тайны греческой философіи; его вліяніе на эту послѣднюю; возникновеніе еврейскаго эллинизма и согласованіе библіи съ Платономъ; образованіе сектъ и школъ; аристократическая религія Садукеевъ, демократическая и прогрессивная религія фарисеевъ, и наконецъ религія аскетизма и отреченія ессеевъ; твердое установленіе традиціоннаго развитія закона; ученые, которые въ преніяхъ школъ снова начинаютъ работу народнаго спасенія тамъ, гдѣ оказались безсильными пламенныя сатиры составителей Апокалипса и кинжалъ непримиримыхъ; потомки мессіанистовъ и ревнителей, создающіе наконецъ вокругъ священной книги, послѣдней святыни народа, недоступной для поджигательныхъ факеловъ римлянъ, эту тройную непроходимую ограду—талмудъ. Въ шестомъ вѣкѣ нашей эры закончена эта громадная энциклопедія, куда занесены съ абсолютнымъ безпристрастіемъ всѣ выраженныя мнѣнія во всѣхъ отрасляхъ знанія и вѣрованія въ теченіе шести вѣковъ, въ школахъ Палестины и Вавилоніи,—произведеніе, не имѣющее внѣшняго единства, такъ какъ оно воспроизводитъ безконечные контрасты мнѣній различныхъ направленій, которыхъ оно есть сумма; произведеніе, отличающееся по очереди, смотря потому, кто говоритъ, то странной узостью, то широтой, не имѣющей себѣ подобной; то безцвѣтное, то блестящее, то закрытое, то открытое для науки; обнаруживающее то страхъ, то необычайную смѣлость въ мысли, — но все насквозь проникнутое теплымъ дыханіемъ вѣры и надежды, которыя вносятъ единство въ этотъ хаосъ,—вѣры въ Бога Единаго и надежды на водвореніе правды на землѣ. Поверхност-

ное наблюденіе часто видѣло въ этой книгѣ только бредъ утонченной казуистики, вздорную кучу суевѣрій, поддерживаемыхъ искуснымъ резонерствомъ; оно не замѣтило преобладающаго въ ней жизненнаго принципа, благодаря которому еврейская мысль могла пройти всѣ средніе вѣка, не потухнувши ни разу въ теченіе этой безконечно темной ночи для всякаго умственнаго движенія; не могло оно, это поверхностное наблюденіе, также понять, что внѣшній культъ не составляетъ всего іудаизма, что онъ не больше какъ внѣшній и переходящій признакъ, матеріальный и условный знакъ, по которому узнаютъ другъ друга получившіе на храненіе истину; что этотъ внѣшній знакъ совершенно различенъ отъ этой хранимой истины, вѣчной и мировой, которая должна принадлежать всѣмъ и которая нѣкогда сдѣлается общимъ достояніемъ. Основная мысль, ясно выдѣляющаяся изъ этой книги, которая вся посвящена охраненію культа—именно та, что всѣ обряды еврейской религіи прекратятся, когда ея истины будутъ всѣми признаны *.

Эта именно плодотворная мысль, ясно выраженная учеными среднихъ вѣковъ, закрѣпила за преслѣдуемымъ племенемъ привилегію усиленной дѣятельности въ то именно время, когда свѣтъ повсюду сталъ потухать и когда, отъ одного конца Европы до другаго, церковь водворяла новое ученіе въ заснувшихъ умахъ. Евреи могли быть разсѣяны по всему міру, но ихъ нравственное единство твердо установилось, и національная жизнь такимъ образомъ обезопасена. Это единство до того сильно, что книга, которая его освящаетъ самымъ положительнымъ образомъ, выработывается не въ Іерусалимѣ, а внѣ предѣловъ отечества, въ Вавилоніи **. Отсюда именно талмудъ распространяется между всѣми евреями, гдѣ бы они ни были разсѣяны, и

* Даже раньше этой эпохи, еврей, въ случаѣ преслѣдованія или другой опасности, освобождается отъ всѣхъ предписаній закона, исключая трехъ, воспрещающихъ идолопоклонство, безнравственность и убійство.

** Талмудъ Іерусалимскій мало былъ распространенъ и игралъ неважную роль въ ср. вѣка.

предписанія амораимовъ получаютъ силу закона для ихъ братьевъ, отъ береговъ Нила до береговъ Оды *. Нѣкоторые, именно караимы, хотятъ сбросить это иго; они возвращаются къ Библіи, какъ къ единственному источнику единаго закона. Такъ какъ они не поняли, что іудаизмъ — религія, не застывшая, неподвижная, но прогрессивная и допускающая постоянное измѣненіе, то ихъ возмущеніе противъ ига талмудическаго іудаизма только повело ихъ къ медленному самоубійству; желая уничтожить цѣлыхъ шесть вѣковъ жизни въ своемъ прошедшемъ, они этимъ самимъ осудили себя на разрывъ съ будущимъ, и не имѣютъ больше никакой доли въ дальнѣйшемъ движенія мысли. Такимъ образомъ караиство, не смотря на таланты своихъ первыхъ основателей, послѣ первыхъ успѣховъ, которыми оно обязано своему кажущемуся либерализму, стало прозябать въ безличіи, ничего не создавши.

Тутъ мы вступаемъ въ третій періодъ, періодъ разсѣянія, котораго начало, впрочемъ, не имѣетъ ни опредѣленной эпохи, ни опредѣленнаго момента, ибо разсѣяніе начинается гораздо раньше окончательнаго распаденія національнаго единства, и исторія евреевъ открывается во многихъ мѣстахъ раньше, чѣмъ заключается исторія еврейскаго государства; она открывается гораздо раньше появленія христіанства, въ Египтѣ, Малой Азіи, Италіи, Римѣ, въ Южной Галліи, гдѣ отпавшіе отъ синагоги образуютъ ядро первыхъ церквей. Еще въ очень раннюю эпоху, еврейскія колоніи направились въ Аравію, обратили тамъ нѣкоторыя племена, образовали государства. Ихъ пропаганда, возникшая скорѣе отъ обмѣна идей, ежедневныхъ торговыхъ столкновеній, чѣмъ отъ какаго нибудь обдуманнаго плана, пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ и оказываетъ вліяніе даже на тѣхъ, которыхъ не обращаетъ: арабы-язычники принимаютъ изъ рукъ евреевъ библейскія и раввинскія преданія и измѣняютъ свои генеалогическія легенды согласно съ разсказами книги Бытія. Позже присоединяется дѣятельность

* Aude—небольшая рѣка въ юго-западной Франціи; вытекающая изъ Восточныхъ Пиринеевъ и впадающая въ Средиземное море. Тутъ жили преимущественно французскіе евреи въ средніе вѣка.

іудео-христіанскихъ сектъ, вытѣсненная впослѣдствіи зарождающимся правовѣріемъ. Магометъ черпаетъ въ школахъ евреевъ и іудео-христіанъ идеи для своего ислама, котораго догматизмъ есть догматизмъ еврейскій, только перенесенный въ болѣе ограниченные умы, и котораго миѳологія существенно раввинская и іудео-христіанская. Такимъ образомъ, начиная съ седьмаго вѣка двѣ колоніи іудаизма покрываютъ собою всю область человѣческой мысли—колоніи, находящіяся въ вѣчной войнѣ съ своею метрополіею, которую онѣ предаютъ проклятію и не хотятъ вовсе признать. Это нежеланіе признать свою метрополію выражается не только въ томъ, что ее преслѣдуютъ своею ненавистью, но, что гораздо важнѣе и опаснѣе для самихъ колоній, еще въ томъ, что онѣ, каждая на свой манеръ, искажаютъ полученные ими отъ нея принципы. Христіанскій западъ сохраняетъ изъ своего прошлаго весь миѳическій элементъ, который онъ дѣлаетъ еще болѣе фатальнымъ, ибо вноситъ его въ свое ученіе, какъ основной догматъ; этимъ онъ осуждаетъ науку или на молчаніе, или же на богохульство, Арабскій востокъ дѣлаетъ изъ своего Бога высшую волю, вмѣсто того, чтобъ признать въ Немъ высшій разумъ, а это должно было повести его къ тому, чтобы безъ всякой причины пожертвовать наукой и мыслью, не имѣя даже въ оправданіе нарушенія догматовъ, какое имѣетъ христіанство. Въ теченіе одного или двухъ вѣковъ присутствующій въ коранѣ элементъ разума торжествуетъ и ведетъ къ разцвѣту блестящей цивилизаціи, которая, въ теченіе среднихъ вѣковъ, предохраняла человѣческій умъ отъ окончательнаго помраченія. Евреи принимаютъ въ этомъ движеніи двойное участіе: и личнымъ воздѣйствіемъ, и тѣмъ, что проводятъ эту цивилизацію среди христіанъ. Заглохнувши у арабовъ, движеніе это переходитъ въ Европу и ведетъ къ первому возрожденію—тому, которое составляетъ собою конецъ схоластики и подготовляетъ второе возрожденіе.

Литература, философія, наука оживаютъ или же заново зарождаются. Литература обогощается новой вѣтвью вслѣдствіе возникновенія ново-еврейской поэзіи, которая беретъ свой образецъ у арабской по-

эзіи, но въ Испаніи возвышается до истинной оригинальности. Послѣдніе гаоны, вышедшіе изъ тѣхъ самихъ школъ, гдѣ выработался талмудъ, основываютъ раціональную теологію и изгоняютъ сверхъестественный элементъ изъ религіи, которая, по ихъ взглядамъ, есть не больше, какъ сжатое выраженіе истинъ, могущихъ быть потвержденными доказательствами и которая признаетъ разумъ за высшій критерій. Въ то же самое время кабала открываетъ воображенію свои прекрасныя таинственныя аллеи, по которымъ впослѣдствіи, во время его юности, будетъ часто блуждать мысль Спинозы. При дворѣ Альмомуна, * евреи, въ союзѣ съ изгнанными несторіанцами, бросаютъ въ потокъ арабской мысли обломки греческой философіи, которые оттуда впослѣдствіи направятся въ Европу. Наконецъ, дѣятельностью евреевъ, говорящихъ по арабски, въ семитическомъ мірѣ возникаетъ сравнительная грамматика за восемь столѣтій раньше Боппа. ** Единственные посредники между арабами и христіанами, ибо они одни говорятъ на языкѣ тѣхъ и другихъ, и еще потому что торговля и преслѣдованія постоянно бросаютъ ихъ изъ страны въ страну—евреи въ теченіи трехъ вѣковъ являются передатчиками мысли между западомъ и востокомъ. Средніе вѣка, замкнутые въ тѣсный, узкій кругъ догматизма, не будучи въ состояніи создать что бы то ни было, исключая области искусства и политики, получаютъ отъ востока его науку и его философію, которыя къ нимъ доходятъ черезъ руки „гетто". Вся арабская философія и часть философіи Аристотелевой, проникаютъ въ схоластическія школы помощью сдѣланныхъ евреями латинскихъ переводовъ по переводамъ еврейскимъ, которые, въ свою очередь, сдѣланы или съ арабскаго, или же съ самихъ оригиналовъ.

Наука, какъ и философія, является изъ того же источника. Рожеръ Бэконъ учится подъ руководствомъ раввиновъ; вся медицина въ ихъ рукахъ. Англійскій король Ричардъ изгоняетъ евреевъ, а заболѣвъ,

* Сынъ Гарунъ-аль-Рашида.

** Знаменитый нѣмецкій филологъ (1791—1867), первый написавшій сравнительную грамматику санкритскаго съ греческимъ, латинскимъ и т. д.

призываетъ Маймонида. Наконецъ цѣлая литературная вѣтвь выходитъ изъ гетто—именно разсказы и новеллы. Изъ рукъ евреевъ, помощью ихъ переводовъ, Франція получаетъ свое знакомство съ древними индійскими баснями, возникшими еще во время Будды на берегахъ Ганга и имѣвшими впослѣдствіи такой блестящій успѣхъ на берегахъ Сены, откуда онѣ уже расходятся по всей Европѣ. За этими явственными вліяніями, является вліяніе глухое, скрытое, также несознаваемое ни тѣми, которые его оказываютъ, ни тѣми, которые его испытываютъ, и которое позднѣе отчасти объясняетъ ненависть церкви къ евреямъ. Это незамѣтное вліяніе обнаруживается въ религіозныхъ диспутахъ, которые часто подтачиваютъ католицизмъ. Политика церкви по отношенію къ евреямъ всегда отличалась робостью и нерѣшительностью, которыхъ она никогда не обнаруживала ни по отношенію къ разнымъ другимъ религіямъ, ни по отношенію къ еретикамъ. Ненависть народной массы противъ евреевъ есть дѣло церкви *; между тѣмъ она одна защищаетъ ихъ противъ дикихъ страстей, которыя сама же возбудила. Все это происходитъ оттого, что она въ одно и тоже время и нуждается въ евреѣ, и боится его. Нуждается она въ немъ, ибо на его книгѣ построено все зданіе ея ученія; боится его, ибо онъ одинъ владѣетъ секретомъ этой книги, онъ одинъ поэтому можетъ судить о вѣрованіяхъ своихъ судей; и очень часто, по одной его улыбкѣ, по случайно сорвавшемуся у него слову видно, что онъ ихъ осудилъ, что онъ внутри чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ обнаружить ихъ заблужденія, ихъ ошибки,—это, словомъ, демонъ, владѣющій ключами отъ святыни. Отсюда вѣчно лелѣемая мечта священника: не сжечь еврея, а обратить его. Только за нѣкоторыми исключеніями его сжигаютъ—только тогда, когда нѣтъ никакой надежды его обратить. Обратить тысячи язычниковъ или сарациновъ—это еще ровно ничего не значитъ и ничего не доказываетъ; но обратить одного еврея, заставить наслѣдника старой, основной вѣры признать законность новой—вотъ истинное тор-

* См. ниже.

жество, вотъ истинное подтвержденіе, вотъ высшее неопровержимое свидѣтельство! Пока остается хоть одинъ членъ древней церкви, который не признаетъ новой, эта послѣдняя чувствуетъ себя неувѣренной въ обладаніи своимъ наслѣдствомъ. Отсюда всѣ эти торжественныя религіозныя состязанія, вызываемыя постоянно церковью, гдѣ внѣшняя побѣда принадлежитъ всегда этой послѣдней и влечетъ за собой для евреевъ проклятія, изгнаніе, костры; на самомъ же дѣлѣ, церковь, сама этого не сознавая, выходитъ изъ этихъ диспутовъ значительно поколебленной; ибо смиренный, робкій отвѣтъ обвиняемаго находитъ то тутъ, то тамъ, за стѣной монастыря, ухо, которое ему внимаетъ, или смущенную сомнѣніемъ душу, куда онъ западаетъ и начинаетъ тамъ свою работу.

Но еще хуже съ мірянами. Людовикъ Святой, приведенный въ ужасъ результатами диспутовъ, выражаетъ желаніе, чтобы міряне состязали сь съевреями только ударами меча *. Но далеко не одинъ изъ этихъ мірянъ, зашедшій въ какой нибудь грязный домъ гетто, чтобы отнести туда свой залогъ или же узнать тамъ свой гороскопъ, засиживаясь тамъ поздно вечеромъ въ бесѣдѣ о таинственныхъ явленіяхъ, выходитъ оттуда съ смущенной душою и годный для костра. Еврей ревностно раскрываетъ слабыя стороны церкви, для чего ему приходитъ на помощь, кромѣ пониманія священныхъ книгъ, страшная прозорливость, свойственная угнетенному. Онъ является врачемъ невѣрующихъ, къ нему доходятъ всѣ возмущенія ума, совершаются они въ тѣни, или же подъ открытымъ небомъ. Его можно найти за работой въ громадной мастерской безвѣрія императора Фридриха Великаго и королей Швабіи

* «(Большую глупость совершилъ онъ), собравъ такой диспутъ; ибо еще раньше чѣмъ этотъ диспутъ былъ доведенъ до конца, тамъ было большое множество добрыхъ христіанъ, которые ушли оттуда всѣ невѣрующими, ибо они не хорошо поняли евреевъ.... Такимъ образомъ говорю я вамъ, сказалъ король, что никто, если онъ не очень хорошій теологъ, не долженъ съ ними (евреями) диспутировать; но мірянинъ когда услышитъ, что оскорбляютъ христіанскую религію, не долженъ защищать христіанскую религію ничѣмъ инымъ, какъ только мечемъ, который онъ долженъ воткнуть ему въ животъ (чтобъ онъ туда зашелъ на столько), на сколько можетъ зайти“. (Joinville, 53.).

или Арагоніи; это онъ куетъ весь этотъ убійственный арсеналъ умствованій и ироніи, который онъ передаетъ впослѣдствіи скептикамъ эпохи возрожденія, вольнодумцамъ великаго восемнадцатаго вѣка, и иной сарказмъ Вольтера есть ничто иное, какъ громко отдающееся эхо слова, шопотомъ произнесеннаго, за шесть вѣковъ раньше, въ мрачной тѣни гетто или, пожалуй, еще раньше, во времена Целъза и Оригена * у самой колыбели зародившейся новой вѣры **.

Два раза встревоженная церковь замѣчаетъ опасность, и чтобы разомъ покончить, она не находитъ лучшаго средства, какъ сжечь всѣ еврейскія книги. Въ первый разъ при Людовикѣ Святомъ это ей удается, и тѣмъ же ударомъ она уничтожаетъ еврейскія школы во Франціи и останавливаетъ развитіе библейской экзегетики, зародившейся тамъ за пять вѣковъ до Ричарда Симона. Во второй разъ церковь возобновляетъ свои гоненія на еврейскія книги уже у самаго порога шестнадцатаго вѣка. Но подымается Рейхлинъ и за нимъ вся Европа; великое дуновеніе эпохи возрожденія тушитъ уже готовый зажечься костеръ факелъ доминиканца, и на горизонтѣ вспыхиваетъ реформація. Одна только Испанія избѣгаетъ опасности, предпринявъ изгнаніе евреевъ массою, но она этимъ величественно вступаетъ на путь пожирающей ее агоніи.

Реформація имѣетъ для евреевъ два послѣдствія. Съ одной стороны, хотя не будучи еще эмансипированы, они снова находятъ покой, отъ котораго были отучены въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Духъ истребленія обращается противъ другихъ жертвъ, потоки крови направляются теперь по другому руслу. Съ другой стороны возрожденіе и реформація выдвигаютъ изученіе древне-еврейскаго языка и еврейской науки на первый планъ. Раввины обучаютъ древне-еврейскому языку Европу и обратившихъ ихъ католиковъ и протестантовъ.

---

* Первый—философъ, извѣстный своими нападками на христіанство; второй—ученый представитель церкви. Оба жили во второмъ вѣкѣ.

** См. контръ-евангеліе 1-го вѣка.

Библія Лютера имѣетъ свое начало въ коментаріяхъ Раши; кабала сбрасываетъ свой таинственный покровъ и овладѣваетъ пламенными умами, которые она отуманиваетъ своими парами, но поднимаетъ выше предразсудковъ и дѣлаетъ способными на смѣлую борьбу, ибо евреи одни познали истиннаго Бога *. Возрожденіе духа пророковъ возноситъ духовныя силы Европы до высоты, какой до того времени она не знала. Ветхій завѣтъ укрѣпляетъ новый въ чистыхъ и твердыхъ сердцахъ; онъ даетъ Франціи Колиньи, д'Обинье, Дюплеси-Морнея и всю эту удивительную фалангу мучениковъ и героевъ; онъ даетъ Англіи пуританъ и республику и устанавливаетъ тамъ демократическую традицію. Благодарный Кромвель открываетъ евреямъ двери своей страны. Наконецъ, наступаетъ великій вѣкъ свободной мысли: вольтеріанизмъ, зародившійся еще въ эпоху Цельза и еврейскихъ контръ-евангелистовъ, укрывавшійся въ теченіе среднихъ вѣковъ за стѣнами гетто, откуда онъ иногда робко выступалъ, появлявшійся среди нѣкоторыхъ монаховъ или новеллистовъ, торжествуя по временамъ при какомъ нибудь полуязыческомъ дворѣ, выступаетъ теперь рядомъ съ реформаціею, проскальзываетъ подъ оффиціальную религію великаго царствованія ** и наконецъ ярко вспыхиваетъ, появляясь вмѣстѣ съ Вольтеромъ и философами. Великая французская революція, исполняя декреты философовъ, даетъ евреямъ полныя права и дѣлаетъ Францію истиннымъ для нихъ отечествомъ. Ея примѣру слѣдуютъ всѣ цивилизованныя страны: Италія, Англія, Голландія, Данія, Сербія, Греція, Швейцарія, Австрія. Французская революція открываетъ іудаизму во всѣхъ странахъ, куда она проникаетъ, и въ самой Франціи новую эру двухъ родовъ—нравственную и матеріальную. Съ одной стороны разбивая ограду, отдѣлявшую еврея отъ христіанина, она этимъ кладетъ конецъ исторіи евреевъ ***. Начиная съ 28 сентября 1791 года, во Франціи нѣтъ больше мѣста исторіи евреевъ: есть только исторія

* Рейхлинъ.

** Царствованія Людовика XIV.

*** Разумѣется, французскихъ.

французскаго іудаизма, точно также какъ есть исторія французскаго кальвинизма или лютеранства, но ничего другаго и ничего больше. Удивительная быстрота, съ какой еврей становится членомъ великой французской родины не только по праву и по имени, но на дѣлѣ, кроется, между прочимъ, въ причинахъ гораздо болѣе отдаленныхъ и, быть можетъ, гораздо болѣе глубокихъ, чѣмъ порывъ благороднаго энтузіазма однихъ и чувство благодарности другихъ. Франція для евреевъ не импровизированное отечество, подаренное имъ въ моментъ лихорадочныхъ порывовъ великодушія, а отечество вновь обрѣтенное. Дѣйствительно, тутъ преграда, воздвигнутая между евреями и христіанами, была искусственная, придуманная и позднѣйшая; ненависть къ евреямъ массы не была тутъ старой народной традиціею, и мы видимъ въ первые вѣка новой эры людей обоихъ исповѣданій, живущихъ вмѣстѣ на правахъ полнаго равенства, въ полной взаимной терпимости и въ чувствахъ взаимнаго уваженія. Это положеніе вещей сильно возмущаетъ епископовъ того времени, которые однако долго чувствуютъ себя безсильными. И только восторжествовавшій феодализмъ, который опрокидываетъ всякую власть, исключая власть церкви, отдаетъ евреевъ на жертву ненависти, разсчитанной и корыстной, которая съ высоты каѳедры проникаетъ въ сердца массъ. Такимъ-то образомъ зарождаются и закипаютъ въ среднихъ вѣкахъ въ невѣжественномъ, глубоко несчастномъ народѣ темныя чувства отвращенія и ненависти, которыя освящаются религіею и крестовыми походами раздуваютъ въ страшное пламя. Религіозная эпопея среднихъ вѣковъ открывается массовымъ истребленіемъ евреевъ, „богоубійцъ". Къ религіи, освящающей эту ненависть, скоро присоединяется и другая причина, которая ее дѣлаетъ законной. Еврей, по очереди изгоняемый изъ политической жизни, устраняемый отъ всѣхъ должностей, всѣхъ либеральныхъ профессій, отъ владѣнія недвижимостью, отъ всего того, что связываетъ матеріальной связью съ почвой и духовной—съ родиной—былъ загнанъ въ торговлю и ростовщичество церковными канонами и финансовой политикой королей, которые такимъ образомъ зна-

ли, куда направить свои хищническія руки въ случаѣ пустоты государственной кассы. Съ этого момента народъ видитъ въ евреѣ только человѣка, обдѣлывающаго дѣла его сеньера и его короля, живое проклятое олицетвореніе его несчастья; и такимъ образомъ два самыхъ угнетенныхъ элемента среднихъ вѣковъ, народъ и евреи, поставлены враждебно другъ противъ друга, и одинъ брошенъ въ добычу другому. Между тѣмъ, въ минуты самаго страшнаго отчаянія, въ своемъ гетто, куда его загоняютъ законъ, презрѣніе и ненависть, угнетенный живетъ мыслью и жизнью своихъ мучителей; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы выбраться изъ стѣнъ своей тюрьмы и подышать воздухомъ Франціи; родной языкъ этого парія не какой-нибудь древнееврейскій жаргонъ, а языкъ французскій, на которомъ говоритъ вся Франція, и самая древняя, быть можетъ, самая прекрасная элегія изъ всѣхъ, какія были сложены на французскомъ языкѣ, была написана въ гетто, при свѣтѣ пылающаго костра *. Возрожденіе и реформація, направивъ религіозную ненависть въ другую сторону и расширивъ умственный горизонтъ, ускорили духовное соединеніе. Предразсудки начинаютъ ослабѣвать раньше XVIII вѣка, который имъ наноситъ послѣдній ударъ, и революціи, голосомъ Мирабо и аббата Грегуара, остается только преодолѣть предубѣжденія аббата Мори **. Даже сама эмансипація евреевъ имѣетъ свои прецеденты раньше 89-го года. Евреи Бордо и Комитата *** состоятъ гражданами еще съ 1776-го года. Но французская революція, положивши въ основу общій принципъ религіознаго равенства, проведши этотъ принципъ изъ жизни въ государственный законъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и сдѣлавъ это съ такой возвышенностью чувствъ и такимъ блескомъ, что данный ею примѣръ становится закономъ для всего цивилизованнаго міра, всѣмъ этимъ отмѣчаетъ собою самую высокую, самую знаменательную эру въ лѣтописяхъ еврейскаго народа. Эта эра,

* Elégies du Vatican sur l'aut-do-fé de Froyes.

** Извѣстный прелатъ и ораторъ, членъ національнаго Собранія.

*** Теперь входитъ въ составъ департамента Воклюзъ, а прежде (отъ 1274 до 1791-го г.) вмѣстѣ съ Авиньономъ принадлежалъ папамъ.

которая полагаетъ конецъ матеріальной исторіи еврейскаго народа и открываетъ новую и удивительную эпоху въ исторіи его мысли. Въ первый разъ теперь эта мысль находится въ согласіи, а не въ борьбѣ съ совѣстью человѣчества. Іудаизмъ, который съ перваго момента своего возникновенія находился въ безпрерывной борьбѣ съ господствовавшими религіями, была ли то религія Ваала, Юпитера, или же религія рыцарей и папъ — дожилъ наконецъ до такого момента, когда мысль достигла такого развитія, что онъ могъ съ нею мирно уживаться, ибо въ ней онъ узнаетъ свои прежніе инстинкты, свои старыя традиціи. Революція на самомъ дѣлѣ есть только отголосокъ въ мірѣ политическомъ движенія гораздо болѣе обширнаго и гораздо болѣе глубокаго, которое совершенно преобразовываетъ мысль и ведетъ въ области спекулятивной къ научному воззрѣнію на міръ, вмѣсто прежняго миѳическаго; въ области же практической—къ познанію справедливости и къ прогрессу... Іудаизмъ же, какимъ онъ выработался въ теченіе вѣковъ, менѣе всего пострадаетъ, и ему менѣе всего грозитъ опасность... Обрядность іудаизма никогда не была ни средствомъ для вѣры, ни орудіемъ къ подавленію дерзкой мысли; это только дорогой обычай, фамильный знакъ, имѣющій временное значеніе, который. долженъ современемъ исчезнуть, когда будетъ только одна семья во всемъ мірѣ, исповѣдующемъ одну истину. Отбросьте всѣ чудеса, всю обрядность, и послѣ всего этого разрушенія и уничтоженія, остается два великихъ догмата, которые, начиная съ пророковъ, составляютъ всю сущность іудаизма: единство Божье и мессіанизмъ, т. е. единство закона въ мірѣ и торжество справедливости и гуманности. Это тѣ два догмата, которые въ настоящее время освѣщаютъ человѣчеству путь въ его шествіи по области знанія и области соціальной, и которые на новѣйшемъ языкѣ называются, одинъ—единствомъ силъ, а другой—вѣрой въ прогрессъ. Вотъ почему іудаизмъ, одинъ между всѣми религіями, никогда не находился и никогда не могъ находиться въ борьбѣ ни съ наукой, ни съ соціальнымъ прогрессомъ, и всегда смотрѣлъ безъ страха на ихъ завоеванія. Для него это не враждебныя силы, которыя онъ принимаетъ и съ которыми мирится изъ терпимости или изъ разсчетливо-

сти, чтобы помощью компромисса съ ними спасти хоть остатки своего могущества. Нѣтъ—для него это старые дружескіе голоса, которые онъ узнаетъ и радостно привѣтствуетъ; ибо еще за нѣсколько вѣковъ онъ уже слышалъ ихъ, какъ они отдавались въ аксіомахъ его свободнаго разума и въ воплѣ его страдальческаго сердца. Вотъ почему во всѣхъ странахъ, которыя бросились на новый путь, евреи приняли свою долю, и не малую долю, участія во всѣхъ великихъ трудахъ цивилизаціи, на ея тройномъ поприщѣ: науки, искусства и практической дѣятельности, и это участіе обнаружилось такъ быстро, какъ это никогда не бываетъ съ тѣми, которые стали свободны только наканунѣ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что іудаизмъ можетъ лелѣять честолюбивыя мечты и что онъ долженъ думать объ осуществленіи когда-нибудь идеи о „незримой церкви будущаго", которую нѣкоторые призываютъ и страстно желаютъ? Это было бы иллюзіею сектанта или мечтателя. Что однако правда—это то, что еврейскій духъ можетъ еще работать въ мірѣ для высшей науки и прогресса до безконечности, и что роль библіи еще не окончена. Библія нисколько неотвѣтственна за неуспѣхъ христіанства въ проведеніи его идей, чему причиной то обстоятельство, что его первые организаторы дѣлали слишкомъ много компромиссовъ, горя рвеніемъ побѣдить и обратить языческій міръ, который ихъ самихъ обратилъ. Но все то, что христіанство получило по прямой линіи отъ іудаизма, живетъ и будетъ вѣчно жить. Посредствомъ христіанства іудаизмъ посѣялъ въ старомъ политеистическомъ мірѣ великое чувство единства и стремленіе къ водворенію милосердія и справедливости, которыя не потухнутъ въ немъ до конца вѣковъ. Царство библіи и другихъ ученій, насколько они непосредственно ею вдохновлены, можетъ только утверждаться, по мѣрѣ того, какъ практическія религіи, съ нею связанныя, потеряютъ свое значеніе. Великія религіи переживаютъ свои алтари и своихъ священнослужителей. Павшій эллинизмъ имѣетъ теперь меньше невѣрующихъ, чѣмъ во времена Сократа и Анаксагора; боги Греціи вымирали уже въ то время, когда Фидій вырѣзывалъ ихъ изображенія на паросскомъ мраморѣ, но теперь они

владычествуютъ въ распущенныхъ нравахъ, въ мысли и сердцѣ Европы. Святыня могла пасть во прахъ, но нѣсколько словъ были произнесены въ тѣни Галлилеи, словъ, которыхъ эхо будетъ вѣчно отдаваться въ совѣсти человѣчества. И если бы даже раса и культъ народа, который создалъ библію, когда-нибудь исчезли, не оставивъ на землѣ никакого видимаго слѣда своего странствованія по ней, ихъ глубокіе корни однако прочно будутъ сохраняться въ самой глубинѣ сердца наростающихъ поколѣній. Эти послѣднія могутъ и ничего не знать объ исчезнувшемъ народѣ, но они тѣмъ не менѣе всегда будутъ жить тѣмъ наслѣдіемъ, которое имъ оставилъ этотъ народъ. Человѣчество, какимъ его желаютъ видѣть тѣ, которые хотятъ, чтобъ ихъ называли свободномыслящими, можетъ устами отрицать библію и все совершенное ею, но сердцемъ оно ихъ отрицать не можетъ безъ того, чтобы не вырвать изъ себя всего того, что есть въ немъ прекраснаго, а именно, вѣры въ единство и надежды на водвореніе правды — безъ того, чтобы не отступить назадъ на тридцать вѣковъ въ періодъ миѳологіи и права сильнаго.

Дж. Дарместетеръ.

ИЗЪ ДАВНО МИНУВШАГО.

Матеріалы и замѣтки по исторіи русскихъ евреевъ).

I.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ И ЕВРЕИ.

Разбросанность еврейскаго племени дѣлаетъ особенно труднымъ изученіе его внѣшней—политической—исторіи. При крайней сложности внѣшнихъ вліяній, которымъ евреи постоянно подвергались, трудно отыскать въ ходѣ ихъ исторической жизни опредѣленный, регулирующій законъ; трудно дѣлать ясныя и точныя обобщенія и сводить къ нимъ всѣ многообразные факты еврейской исторіи. Евреи, со времени утраты своей самостоятельности, сдѣлались мячемъ въ рукахъ народовъ, среди которыхъ они живутъ; на ихъ положеніе вліяютъ событія, въ подготовкѣ которыхъ они или совсѣмъ не участвовали, или, по крайней мѣрѣ, не принимали ближайшаго участія. Семисотлѣтняя борьба испанцевъ съ маврами развила въ первыхъ фанатизмъ и власть духовенства, что было причиной изгнанія евреевъ изъ Испаніи, изгнанія, имѣвшаго такое громадное вліяніе на всю послѣдующую эпоху еврейской исторіи и навсегда опредѣлившаго положеніе евреевъ въ Европѣ.

Ненормальность государственнаго организма древней Польши, разсѣкшая грань между магнатствомъ и шляхтой съ одной стороны и холопствомъ съ другой и, слѣдовательно, отсутствіе матеріала для выдѣленія средняго сословія,—а можетъ быть дѣйствительно неспособность польской націи къ торговлѣ и промышленности, какъ думаютъ другіе,—была причиной сосредоточенія почти половины еврейскаго племени въ восточной Европѣ

и рѣзкаго различія между евреями этой послѣдней и евреями западной Европы.

Необычайное умственное движеніе во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка и французская революція положили начало эмансипаціи евреевъ и открыли новую страницу въ исторіи еврейства.

Такимъ образомъ еврейская исторія имѣетъ своимъ предметомъ повѣствованіе о судьбахъ народа, положеніе котораго не всегда составляетъ результатъ его личной внутренней дѣятельности, но чаще всего опредѣляется вліяніями извнѣ. Извѣстенъ афоризмъ, что положеніе евреевъ среди какого нибудь народа вполнѣ опредѣляетъ степень культуры этого послѣдняго; съ такой же достовѣрностью можно сказать, что степень культуры какого нибудь народа вполнѣ опредѣляетъ положеніе среди него евреевъ.

Но такъ какъ въ цѣломъ еврейская исторія, по характеру своему, трудно поддается прагматическому изложенію, то мы, по крайней мѣрѣ, должны себя вознаградить прагматизмомъ и систематическимъ изложеніемъ отдѣльныхъ ея частей, т. е. исторіи евреевъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, такъ, чтобы совокупность этихъ частей хоть до извѣстной степени составляла бы одно цѣлое, связанное общимъ колоритомъ, общей тенденціей.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ препятствіемъ. Характеръ большинства историческихъ матеріаловъ всѣхъ народовъ, такъ сказать, внѣшній, военный и дипломатическій, иногда церковный, или касается только «избранныхъ»; внутренняя жизнь массы, внутреннія отношенія всегда стоятъ у лѣтописца на заднемъ планѣ: онъ всегда говоритъ о нихъ вскользь, какъ бы случайно. Тѣмъ менѣе мы можемъ отъ него ожидать какихъ нибудь извѣстій о евреяхъ. Но тамъ, гдѣ евреи жили вполнѣ осѣдло, имѣли правильно организованныя общины съ раввинами и учеными—они оставляли намъ нѣкоторыя извѣстія о своемъ внутреннемъ бытѣ и внѣшнемъ положеніи въ своихъ сочиненіяхъ, куда эти извѣстія проникали, не смотря на исключительно богословскій или научный характеръ этихъ сочиненій.

Не то было въ Россіи Суздальской и Московской. Если даже

допустить—мы для этого не имѣемъ твердаго основанія—что евреи *всегда* были въ Россіи, что они, изгоняемые изъ одного мѣста появлялись въ другомъ, часто «выдавая себя за людей другаго племени» (Костомаровъ), то во всякомъ случаѣ это пребываніе имѣло всегда характеръ «проживанія», для временныхъ торговыхъ операцій, исключая развѣ единичныхъ случаевъ. Великороссійскій народъ — мы не говоримъ о массѣ — всегда противился поселенію евреевъ въ своей странѣ. И это не удивительно; здѣсь, кромѣ общихъ причинъ — религіозныхъ, племенныхъ и т. д. — главную роль играло еще слѣдующее экономическое соображеніе. Значеніе евреевъ въ средневѣковой Европѣ главнѣйшимъ образомъ сводится къ ихъ вліянію, какъ единственныхъ представителей средняго сословія. Первая половина среднихъ вѣковъ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ культуры западно-европейскихъ народовъ, когда они, доросши до необходимости широкаго обмѣна своихъ произведеній и даже для обработыванія ихъ, насколько это было возможно въ то время, не были однакожъ въ состояніи выдѣлить изъ себя торговое сословіе. Это вакантное мѣсто заняли евреи *. Не то было въ Россіи. По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе, отъ большихъ до малыхъ, чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія и сами посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлею. Русскіе сановники, говоритъ Мейербергъ, продаютъ, покупаютъ и мѣняютъ, не замѣчая, что унижаютъ этимъ свое достоинство. (Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Современ. 1857 г. № 12, стр. 102); „самъ царь—первый торговецъ въ Россіи" (Коллинсъ. О состояніи Россіи. Москва 1846 г., стр. 25).

Такимъ образомъ евреи не могли быть — если можно такъ выразиться—въ средневѣковой Россіи тѣмъ, чѣмъ они были въ средневѣковой Европѣ, т. е. подготовителями національнаго

---

* См. Рошера. «Евреи съ точки зрѣнія торговой политики въ средніе вѣка». Еврейская Библіотека, томъ VI.

средняго сословія, удовлетворявшими первой народившейся потребности мѣнять и обработывать произведенія страны.

Извѣстны борьба русскаго купечества съ англичанами и средства, которыя оно употребляло, чтобы уничтожить привиллегіи англійской компаніи. Въ этомъ причина постоянной неохоты великороссовъ допускать евреевъ въ свою страну, что, въ соединеніи съ ненавистью религіозной, племенной и т. д. сдѣлало въ древней Руси ненавистнымъ имя еврея.

Павелъ Іовій, посѣтившій Россію въ княженіи Василія III, свидѣтельствуетъ, что въ его время русскіе ненавидѣли евреевъ, содрогались даже при одномъ ихъ имени и не впускали ихъ въ свои предѣлы, какъ людей презрѣнныхъ и вредныхъ *. Въ 1550 году пріѣхалъ въ Москву посолъ Сигизмунда-Августа, Станиславъ Едровскій, черезъ котораго король велѣлъ сказать Іоанну: «Докучаютъ намъ подданные наши жиды, купцы государства нашего, что прежде означало при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами *ходить и торговать*, а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство твое въѣзжать». Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы къ тебѣ, король, писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили... такъ тебѣ бы, брату нашему, не годилось и писать объ нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла». (Соловьевъ, VI, 145; Карамзинъ, VIII, 116; Гретцъ, IX, 464).

Англійскій посланникъ, графъ Карлейль, бывшій въ Россіи въ 1661 г., пишетъ, что «католики и жиды подвергаются изгнанію». (Костомаровъ, Очеркъ торговли и т. д. Совр. 1857, № 9, стр. 50). Католики и жиды, пріѣзжавшіе изъ Литвы въ Москву, не пользовались ни благосклоннымъ пріемомъ правительства, ни расположеніемъ народа: ихъ не терпѣли москвитяне. (Ibid, № 11, стр. 90); имъ представлялась торговля единственно въ порубежныхъ городахъ (Пол. Соб. Зак. I, 912) и потому ихъ часто изгоняли изъ Москвы (Ibid, Соловьевъ VI, 145, изд. 1877 г.).

---

* Приведено у Б. Р. Ц. «День», органъ рус. евреевъ 1870 г., стр. 314.

Хотя всѣ эти извѣстія относятся къ времени, сравнительно позднѣйшему, къ XVI и XVII вѣкамъ, но это только потому, что отъ этой эпохи у насъ осталось больше источниковъ, и мы не имѣемъ причинъ думать, что раньше было иначе.

Вотъ почему намъ особенно нужно дорожить всякимъ извѣстіемъ о евреяхъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнѣйшихъ источникахъ русской исторіи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, отдѣльно взятые, можетъ быть и не имѣютъ почти никакого значенія; но, старательно собранныя и обработанныя, они въ совокупности, безъ сомнѣнія составятъ богатѣйшій вкладъ въ до крайности скудную источниками исторію евреевъ въ Россіи.

Послѣ этого вступленія, хотя можетъ быть прямо и не относящагося къ предмету статьи, но объясняющаго главную цѣль какъ этой, такъ и другихъ замѣтокъ, которыя я надѣюсь помѣстить подъ общимъ заглавіемъ «Изъ давно минувшаго»,—я обращаюсь къ предмету настоящей замѣтки.

Принадлежность къ княжеской дружинѣ въ древней Руси не обусловливалась никакой національностью (Бестужевъ-Рюминъ, Исторія Россіи, т. I, отд. II, стр. 114). Дружина была сборная, разноязычная, *разновѣрная* и вполнѣ свободная (Забѣлинъ, Исторія рус. жизни, II, 421) *. Эта главная характеристичная черта княжеской дружины удержалась и при Андреѣ Боголюбскомъ, хотя «дружина» при немъ уже потеряла большую часть своего прежняго значенія, и члены ея превратились въ людей служебныхъ, подчиненныхъ княжеской волѣ. Но такъ какъ въ періодъ до Боголюбскаго христіанство успѣло достаточно укрѣпиться въ древней Руси, то естественно, что дружина уже не имѣла вполнѣ прежней религіозной свободы, и въ дружинники принимались большею частью перекрещенцы.

Андрей охотно принималъ пришельцевъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимірѣ, чтобы иновѣрцы видѣли, какъ выражается лѣтописецъ, «истинное христіанство и крестились».

За христіанскіе подвиги, за «обращеніе многихъ болгаръ и

* Срав. Погодинъ, Изслѣд., лекціи и замѣтки, VII, 124—5.

евреевъ» лѣтописецъ всего больше и хвалитъ Боголюбскаго (Карамзинъ, III, 30). Въ числѣ этихъ новообращенныхъ иноземцевъ находился также нѣкто *Анбалъ*, который принялъ участіе въ заговорѣ на жизнь Боголюбскаго (1174 г.).

Обращаемся къ разсказу лѣтописца. Убивъ Андрея Боголюбскаго, заговорщики выбросили его тѣло въ огородъ. Его стерегъ вѣрный слуга княжескій, Козьма Кіевлянинъ. Когда мимо прошелъ княжескій ключникъ Анбалъ Яссинъ, Козьма попросилъ его подать коверъ, чтобы прикрыть князя, на что тотъ отвѣтилъ: «не трогай, хотимъ выбросить псамъ». «*Еретикъ*!— отвѣчаетъ Козьма, хочешь псамъ выбросить! Помнишь-ли, *жидъ*, въ какомъ платьѣ ты пришелъ, а теперь ходишь въ аксаматѣ, а князь лежитъ нагъ; прошу, брось что нибудь!» Тотъ бросилъ коверъ. Козьма покрылъ князя и понесъ въ церковь, положилъ его на паперти и началъ оплакивать. «Бывало, сказалъ онъ, придетъ гость изъ Царя-града или изъ иной какой нибудь страны, изъ Руси-ли (т. е. южной Россіи, Кіева), латинецъ, христіанинъ или поганый (этимъ именемъ обыкновенно обозначалися кочевые народы южной Россіи; иногда магометане и евреи), прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу— пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало,—крестилось много; болгары и *жиды* и всякая погань, видѣвшіе славу Божію и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ, а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить» *.

---

* Соловьевъ, II, 258, Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея глав. дѣятелей I, 91; Бестужевъ-Рюминъ, Андрей Боголюбскій, Энциклопедическій словарь, состав. рус учен. и литерат. IV, 363—4, въ сокращеніи Карамзина, III, 26—9.

Привожу текстъ лѣтописи... «И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «Господине мой! како еси не очютимъ скверныхъ вороговъ своихъ? или како еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжаа полкы паганыхъ Болгаръ? И тако плакася; и пріиде Аньбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ: *тотъ бо ключь дрьжаше у всего дому княжа, и надо всѣмъ ему волю далъ бяше*; и рече: възрѣвы нань, Кузмище: Аньбале вороже! сверзи коверъ или что либо подослати, или чѣмъ прикрыти Госпóдина нашего. И рече Аньбалъ: иди прочь; мы хочемъ вывересчи псомъ. И рече Кузмище: о, *еретиче*! помнишь-ли, *Жидовине*, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяше? ты нынѣ въ оксамите (бархатъ) стоиши, а князь лежитъ

Въ заговорѣ участвовалъ также нѣкто Ефремъ *Мойзовичъ* (Мойзичъ. Карамзинъ, III, 26), приближенный князя, котораго отчество «указываетъ на еврейское происхожденіе» (Соловьевъ, II, 255) *.

Такимъ образомъ мы имѣемъ достовѣрное историческое извѣстіе о двухъ евреяхъ — приближенныхъ Боголюбскаго.

Прозвище *Яссинъ* одного изъ нихъ, Анбала, указываетъ, что онъ пришелъ изъ страны *Кавказскихъ Яссовъ* ** (Бестужевъ-Рюминъ, Ibid, 296). Полагаютъ, что это осетинцы (Аланы, Карамзинъ, IV, 44, прим. 4), или же кабардинцы (Костомаровъ, ibid, 89). Это извѣстіе даетъ намъ возможность сдѣлать еще одинъ шагъ къ рѣшенію вопроса: откуда пришли первые еврейскіе поселенцы, какъ южной, такъ и сѣверной Россіи, изъ южныхъ-ли странъ—Крыма и Кавказа—или съ запада — Германіи и Польши? Этотъ основной и капитальнѣйшій вопросъ исторіи русскихъ евреевъ еще не рѣшенъ положительно. Чацкій (Rosprawa o żydach, § III, стр. 3839, изданіе 1860 г.) стоитъ за первое мнѣніе, особенно настаивая на Крымѣ; къ подобному же результату пришелъ, совершенно независимо отъ Чацкаго, г. Гаркави въ многихъ мѣстахъ своихъ образцовыхъ трудовъ и между прочимъ въ „изслѣдованіяхъ", напечатанныхъ въ еврейскомъ журналѣ „Гакармель" (годъ IV и V). Кармоли, издатель и комментаторъ на французскомъ языкѣ путешествія Беньямина Тудельскаго, склоняется къ мнѣнію объ ихъ кав-

---

нагъ; но молю ти, сверзи ми что любо — и съверже къверъ и корзно, и обвилъ его и несе въ церковь. И рече Кузмище: уже тебе, господине, паробци твои не знаютъ. Иногда бо еси я гость приходилъ изъ Царя-Города и отъ иныхъ странъ изъ Русския земли, если латининъ, и до всего христіанства, и до всея погани, и рече (ты): въведете и въ церковь и на полаты, да видять истинное христіанство и крестятся — яко же и бысть: и крести и Болгаре и *Жидове* и вся поганы. И ти больше плачють по тобѣ, а сіи ни въ церковь не велять вложити» (Изъ Кіевской лѣтописи. Карамзинъ III, примѣч. 23).

* Въ пятницу 28 іюня собрался совѣтъ въ домѣ Кучкова зятя, Петра. Было тамъ человѣкъ 20 и въ числѣ ихъ... *еврей Ефремъ Моизичъ* (Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея глав. дѣят. I, 89).

** Лѣтописецъ прямо говоритъ: *родомъ Ясинъ*.

казскомъ происхожденіи, а Гретцъ (Geschichte der Juden VI, 69) рѣшительно не согласенъ съ этимъ *. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ требуетъ еще много работы, и приведенное доказательство по нашему мнѣнію имѣетъ нѣкоторое значеніе для окончательнаго его рѣшенія **.

I. Берхинъ.

---

* Впрочемъ, относительно первой еврейской общины въ Кіевѣ, Гретцъ предполагаетъ, что она «вѣроятно переселилась изъ Крыма».

** Ср. замѣтку А. Я. Гаркави объ Андр. Боголюбскомъ. «Гакармель» 1865 г. № 10. *Ред.*

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕАКЦІИ.

Романъ.

Часть третья. *

VI.

На слѣдующій день графъ Гвидо отправился къ г. Франку, домъ котораго находился не вдалекѣ отъ замка. Банкиръ принялъ его съ величайшей любезностью и предупредительностью и повелъ его въ свою гостиную, въ которой принимались только особенно почетные гости. Эта высокая, свѣтлая комната, составлявшая гордость г-жи Франкъ, производила такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ и самъ хозяинъ. Все устройство ея свидѣтельствовало о зажиточности и благосостояніи, но было чуждо всякой роскоши, столь свойственной выскочкамъ. Диванъ и стулья, обтянутые краснымъ плюшемъ, были сдѣланы по тогдашней, новогреческой модѣ. Въ одномъ изъ угловъ стоялъ шкафъ, наполненный серебромъ, а надъ ними висѣли старинные, но цѣнные часы. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько хорошихъ гравюръ, въ томъ числѣ портреты Спинозы, Лессинга, Мендельсона; а на высокихъ полкахъ, закрывавшихся зелеными занавѣсками, размѣщалась небольшая, но избранная библіотека, состоявшая изъ нѣмецкихъ, еврейскихъ и латинскихъ сочиненій, подобную которой не часто можно было встрѣтить въ квартирѣ коммерсанта-еврея. Вся квартира отличалась изысканной простотой. На мебели, ков-

---

* См. „Восходъ“, кн. V—VI.

рахъ и цвѣтныхъ скатертяхъ не было ни пылинки; занавѣсы соперничали бѣлизною съ свѣже-выпавшимъ снѣгомъ. Это было дѣло рукъ г-жи Розель Франкъ, которая не знала больше удовольствія, какъ мыть, чистить и выколачивать по цѣлымъ днямъ, надъ чѣмъ любилъ подтрунивать ея мужъ.

Вѣжливо пригласивъ графа сѣсть, г. Франкъ, безъ всякой назойливости, спросилъ его, чему онъ обязанъ честью его посѣщенія. Тотъ объяснилъ ему въ краткихъ словахъ финансовыя затрудненія князя. Уставивъ свои умные, проницательные глаза на гостя, банкиръ слушалъ его съ видимымъ вниманіемъ и интересомъ, не прерывая его рѣчи. Графъ думалъ про себя, что г. Франкъ соображаетъ только свои выгоды и высчитываетъ проценты, но вскорѣ, къ великому своему удивленію, замѣтилъ, что онъ ошибся, такъ какъ банкиръ немного времени спустя заговорилъ о совершенно другомъ вопросѣ, чѣмъ о замышляемомъ графомъ займѣ.

— Извините, г. графъ,—сказалъ онъ, слегка улыбнувшись— если я прежде всего позволю себѣ предложить вамъ вопросъ, касающійся лично васъ. Я желалъ бы знать, не сынъ ли вы графа Эбергарда фонъ-Гохштейна, съ которымъ вы имѣете поразительное сходство?

— Да, я его сынъ—отвѣтилъ графъ съ замѣтнымъ удивленіемъ.—Но скажите мнѣ, пожалуйста....

— О, я тотчасъ же догадался, что вы его сынъ—перебилъ его банкиръ, замѣтно взволнованный.—Я имѣлъ честь знать вашего покойнаго родителя. Онъ никогда не говорилъ вамъ о старомъ Франкѣ?

— Я былъ еще очень молодъ, когда онъ умеръ; но тѣмъ не менѣе я теперь вспоминаю, что часто слышалъ отъ него это имя. Поэтому-то оно показалось мнѣ такъ знакомымъ, когда главный управляющій рекомендовалъ мнѣ васъ.

— Смѣю сказать, что отецъ вашъ былъ мнѣ другъ, котораго я никогда не забуду. Вонъ тамъ: между Спинозой и Лессингомъ виситъ портретъ его, который онъ мнѣ подарилъ.

Только теперь графъ Гвидо узналъ черты лица и по-

черкъ своего отца; а такъ какъ ему было извѣстно, съ какимъ разборомъ отецъ его дарилъ свои портреты, то онъ ни на минуту не могъ усомниться въ томъ, что г. Франкъ дѣйствительно былъ другомъ его отца. Онъ невольно протянулъ руку сидѣвшему противъ него еврею и сказалъ: „Я надѣюсь, что вы перенесете ваше расположеніе и на сына вашего друга".

— Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, г. графъ. При видѣ васъ, я живо вспоминаю о томъ времени, когда я имѣлъ счастіе быть знакомымъ съ вашимъ отцомъ. Какой это былъ благородный и прекрасный человѣкъ! Я храню, какъ святыню, письма, которыя онъ писалъ мнѣ, и строки, написанныя имъ въ моемъ альбомѣ, когда онъ уѣзжалъ изъ Биркенштедтеля. Одному вамъ я покажу это сокровище.

Со свойственой его расѣ подвижностью, г. Франкъ подошелъ къ большому шкафу, въ которомъ хранились важныя и цѣнныя бумаги, открылъ одинъ изъ его ящиковъ, подавивъ потайную пружину, и вынулъ изъ открывшагося ящика переплетенный въ черный бархатъ альбомъ, который онъ передалъ графу съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ бы святыню, указавъ ему на пожелтѣлый листокъ бумаги. Графъ прочелъ на немъ слѣдующее:

„Въ тиши живетъ и процвѣтаетъ скромная община, невидимая церковь, соединяющая въ себѣ исповѣдниковъ всѣхъ религій. Ея Евангеліе—Богъ и природа; ея догматъ—любовь; предметъ ея поклоненія—истина, красота и свобода; ея жрецы—учителя человѣчества; ея идеалъ—осуществленіе царства Божьяго на землѣ; ея упованіе—прогрессъ и безсмертіе".

Пока Гвидо читалъ, глаза г. Франка свѣтились воодушевленіемъ и восторгомъ. „Вотъ какъ мыслилъ и писалъ вашъ отецъ — сказалъ онъ, наконецъ, взволнованнымъ голосомъ. — А мнѣ нынѣ выпало на долю неожиданное счастіе видѣть у себя въ гостяхъ его сына, наслѣдника его возвышеннаго духа".

— Вы конфузите меня, г. Франкъ.

— Нѣтъ, я знаю, что вы поступаете въ его духѣ. Учитель Маркъ Леви и подруга моей дочери разсказали мнѣ, что вы, г. графъ, были спасителемъ ихъ и защитили ихъ отъ ярости невѣжественной толпы. Я узнаю въ васъ сына благороднаго графа Эбергардта.

— Я только исполнилъ мой долгъ.

— Нѣтъ—возразилъ г. Франкъ—вы сдѣлали болѣе того: вы не устрашились опасности, вы пренебрегли предразсудками и не побоялись даже навлечь на себя гнѣвъ ближайшихъ родственниковъ вашихъ. Это доказываетъ, что и вы также—членъ той невидимой церкви, къ которой принадлежалъ и вашъ отецъ.

— Его исповѣданіе—и мое исповѣданіе—торжественно произнесъ Гвидо. Наше Евангеліе—Богъ и природа; нашъ догматъ—любовь; предметы нашего поклоненія—истина, красота и свобода.

— А жрецы наши—учителя человѣчества; идеалъ нашъ—царство Божье на землѣ; наша надежда—прогрессъ и безсмертіе, присовокупилъ г. Франкъ взволнованнымъ голосомъ.

Гвидо остался въ домѣ Франка гораздо дольше, чѣмъ онъ намѣревался, такъ какъ чувствовалъ къ хозяину невольное влеченіе. При такихъ обстоятельствахъ и дѣло о займѣ устроилось очень быстро и безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ Франкъ изъявилъ готовность ссудить необходимую сумму, какъ онъ выразился, изъ расположенія къ графу, за что тотъ сталъ его благодарить.

— Оставимте эти пустяки—улыбнувшись пошутилъ банкиръ.—Я вовсе не такъ безкорыстенъ, какъ вы полагаете. Я имѣю въ виду будущность и разсчитываю на дальнѣйшее знакомство съ г. графомъ. Моя казна, мой домъ и мое сердце—всегда къ вашимъ услугамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вы выдали мнѣ вексель на вашу дружбу, а вмѣсто процентовъ—удостоивали бы меня возможно чаще вашимъ посѣщеніемъ.

Графъ не могъ бы противустоять такому любезному приглашенію даже въ томъ случаѣ, если бы Франкъ не заинтересовалъ его въ такой мѣрѣ, какъ это случилось въ

дѣйствительности. Будучи чуждъ всякихъ предразсудковъ, Гвидо столь же мало думалъ о различіи вѣроисповѣданія и общественнаго положенія, какъ и о послѣдствіяхъ этого знакомства, которое, понятно, не могло понравиться его аристократическимъ родственникамъ. Не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, графъ сталъ повторять свои визиты въ домѣ банкира, въ которомъ онъ вскорѣ сдѣлался частымъ и дорогимъ гостемъ. Мало по малу онъ познакомился также съ семействомъ и съ друзьями Франка и привязался къ нимъ. Чѣмъ чаще онъ приходилъ, тѣмъ болѣе исчезало то стѣсненіе, которое вызывало сначала его присутствіе, тѣмъ пріятнѣе и непринужденнѣе чувствовалъ онъ себя въ кругу этихъ образованныхъ людей, тѣмъ болѣе онъ свыкался съ ихъ мыслями, взглядами, особенностями. Господствовавшія здѣсь веселость и непринужденность, соединеніе ума и радушія, нѣмецкой глубины ума и еврейскаго остроумія, красоты женщинъ и любезности мужчинъ, въ особенности же та гуманность и терпимость, которыя онъ здѣсь встрѣчалъ, составляли рѣзкій контрастъ съ религіозными и политическими предубѣжденіями ближайшихъ его родственниковъ, съ нетерпимостью фанатическаго патера, съ мнительностью и меланхоліей слабохарактернаго князя, съ бездушной холодностью княгини и съ благочестивымъ ханжествомъ Цециліи. Здѣсь онъ могъ свободно и не стѣсняясь высказывать свои мысли и опасенія, не опасаясь оскорбить слишкомъ смѣлымъ словомъ непривыкшія къ истинѣ уши, или быть невѣрно истолкованнымъ; здѣсь онъ пользовался счастіемъ общенія съ одномыслящими друзьями; здѣсь онъ находилъ ту свободу мнѣній и убѣжденій, которой недоставало ему въ замкѣ; здѣсь онъ, наконецъ, обрѣлъ дружбу и уваженіе достойныхъ мужчинъ и симпатичныхъ женщинъ.

Его знакомство съ семействомъ банкира пришлось какъ разъ въ политически-смутное время. Безсмысленная и безстыдная реакція, наступившая послѣ войнъ за освобожденіе, не могла не вызвать протеста и противодѣйствія либеральной партіи. Особенно сильна была реакція во Фран-

ціи, гдѣ ограниченныя ханжи Бурбоны отмѣнили конституціонныя учрежденія и гдѣ всесильные іезуиты самымъ невыносимымъ образомъ стѣсняли свободу совѣсти. Борьба, возгорѣвшаяся сначала во Франціи, сильно интересовала всѣ образованные классы и тѣсный дружескій Биркенштедтелевскій кружокъ слѣдилъ за ней съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что въ маленькомъ княжествѣ повторялось тоже самое, хотя и въ болѣе миніатюрныхъ размѣрахъ. Поэтому не было недостатка ни въ сопостановленіяхъ, ни въ жалобахъ и обвиненіяхъ, направленныхъ преимущественно противъ зловредной дѣятельности іезуитовъ и противъ приписывавшейся имъ религіозной нетерпимости.

„Трудно повѣрить“—говорилъ бургомистръ, принадлежавшій однако самъ къ католическому исповѣданію—„какое неисчислимое зло причинилъ міру этотъ орденъ въ сравнительно короткое время своего существованія. Тридцатилѣтняя война, разъединенность Германіи, застой въ Австріи, упадокъ Испаніи и Италіи, безпорядки во Франціи—все это результатъ его интригъ.

— Но это еще не все—вставилъ свое слово аптекарь—Вы забыли всѣ заговоры, покушенія на жизнь монарховъ и преслѣдованія, которыя должны быть приписаны на счетъ черной братіи.

— А еще печальнѣе—замѣтилъ смотритель копей—вліяніе іезуитовъ на общество и на семейство. Всюду, гдѣ бы они ни появлялись, они, своими интригами и нетерпимостью, сѣятъ раздоры, нарушаютъ общественный миръ, разрушаютъ счастіе, а порой и благосостояніе цѣлыхъ семействъ.

— Просто позорно и совершенно непонятно для меня—присовокупилъ городской врачъ, что правительства и прежде всего нѣмецкій народъ еще терпятъ, послѣ всѣхъ этихъ опытовъ, этотъ орденъ, что они уже давно не постарались освободиться отъ нихъ, что на родинѣ Лютера и Лессинга допускается ихъ зловредная дѣятельность.

— А меня болѣе всего удивляетъ—сказалъ графъ Гвидо—необыкновенное могущество этого ордена, которымъ онъ

отнюдь не обязанъ исключительно своей образцовой организаціи и своей строгой дисциплинѣ. Сознаюсь откровенно, что я не могу объяснить себѣ этого явленія.

— Мнѣ кажется—замѣтилъ, улыбаясь, г. Франкъ, что я нашелъ ключь къ разъясненію этой загадки. Всеобщая ложь и лицемѣріе въ дѣлѣ религіи, неискренность образованныхъ классовъ и невѣжество толпы, въ сущности и составляютъ силу іезуитовъ.. Общество требуетъ отъ каждаго изъ своихъ членовъ, чтобъ онъ принадлежалъ къ извѣстному, признанному или, по крайней мѣрѣ, терпимому имъ вѣроисповѣданію. Поэтому цѣлыя тысячи людей видятъ себя вынужденными примыкать для виду къ какой-нибудь религіи, чуждой ихъ сердцу, высказывать извѣстное вѣроисповѣданіе, несовмѣстное съ ихъ разсудкомъ и убѣжденіемъ. Поэтому опасеніе неизбѣжныхъ столкновеній съ властями, страхъ огласки, разныя семейныя, гражданскія и общественныя отношенія заставляютъ многихъ скрывать истинныя свои убѣжденія и дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ на религіозное сознаніе. По моему мнѣнію, „всеобщій іезуитизмъ“ является лучшимъ союзникомъ и лучшей опорой іезуитовъ.

— Сознаюсь откровенно—сказалъ главный управляющій—что я не вполнѣ понимаю васъ. Не объяснитесь ли вы опредѣленнѣе, любезный г. Франкъ.

— Очень охотно; мнѣ кажется, что я въ состояніи буду точнѣе выразить мою мысль. Извѣстно, что протестантизмъ, введя принципъ свободы изслѣдованія, немало содѣйствовалъ къ поколебанію основъ старинной церкви. Но съ теченіемъ времени онъ неизбѣжно долженъ былъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и отрѣшиться отъ своей же сути, когда въ нѣдрахъ его возникла партія, старавшаяся подавить и исказить свойственный ему духъ свободы. Такимъ образомъ раздвоившійся, впавшій во внутреннее противорѣчіе, пріостановившійся въ исполненіи великой своей задачи и отрекшійся отъ своей сути, протестантизмъ очутился лицомъ къ лицу съ единой, твердой, имѣющей передъ собою опредѣленную цѣль римской церковью, которая съ замѣчательной ловкостью и послѣдовательностью воспользо-

валась слабостями противниковъ, извлекла пользу изъ всеобщей лжи и лицемѣрія и побѣдоносно поднимаетъ голову. Она протягиваетъ боязливымъ противникамъ руку для подавленія свободы; она льститъ сильнымъ и богатымъ, искусно приноравливаясь къ ихъ взглядамъ и желаніямъ; она даетъ честолюбцу широкое поприще и заманчивыя перспективы, благочестивому мечтателю—неистощимый запасъ милостей, человѣку индифферентному—безграничное снисхожденіе, если только онъ согласится подчиниться внѣшнимъ формамъ, образованному человѣку — эстетическія и художественныя наслажденія, народу—удовлетвореніе его незатѣйливыхъ духовныхъ потребностей. Можно ли удивляться при такихъ обстоятельствахъ, что іезуитизмъ въ послѣднее время дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи?

— Вы, значитъ, требуете, чтобы государство ни мало не заботилось о религіи, избѣгало всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, словомъ вы требуете полнаго отдѣленія свѣтской и духовной власти.

— Безъ сомнѣнія; я требую только того, что Фридрихъ Великій высказалъ въ словахъ: „въ моемъ государствѣ всякій можетъ стремиться къ блаженству на свой манеръ.“

— Но я боюсь только—возразилъ главный управляющій—чтобы лекарство не оказалось болѣе опаснымъ, чѣмъ сама болѣзнь. Безъ религіи государство погибнетъ, народъ одичаетъ и развратится.

— Развѣ я требую упраздненія религіи? Я считаю подобное требованіе безсмысленнымъ, такъ какъ пока будетъ стоять міръ, будутъ существовать и вѣрующіе люди. Я требую только, чтобы гражданское положеніе человѣка было совершенно независимо отъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, чтобы никого не принуждали принадлежать къ той или другой религіозной общинѣ, чтобы самимъ общинамъ предоставлены были право и обязанность устраивать по своему свои вѣроисповѣдныя дѣла и оплачивать свое духовенство, и, главнымъ образомъ, чтобы школа свободно развивалась внѣ всякой зависимости отъ церкви, какъ это давно уже и практикуется въ Америкѣ и у насъ, евреевъ.

— И вы полагаете, что мы тогда избавимся отъ іезуитовъ?

— Не отъ іезуитовъ, а отъ іезуитизма, отъ лицемѣрія, лжи и обскурантизма, тормозящихъ прогрессъ человѣчества. Вмѣстѣ съ причиной исчезнутъ и послѣдствія; сорная трава сама собой засохнетъ, когда у нея отнимутъ питающую ее почву. Истина и свобода—вотъ единственные пути къ нашему спасенію.

Эти серьезныя, отчасти религіозныя бесѣды смѣнялись веселыми разговорами, въ которыхъ принимали участіе и женщины, въ особенности умная и живая Сарра. Ея красота и любезность невольно очаровали графа, находившаго въ ней съ каждымъ днемъ все новыя и новыя совершенства, между тѣмъ какъ ее увлекалъ его благородный характеръ и ей льстило его почтительное ухаживанье. Взаимное влеченіе ихъ усиливалось еще воспоминаніемъ объ извѣстномъ приключеніи, которое сблизило ихъ обоихъ болѣе, чѣмъ это было бы возможно при иныхъ обстоятельствахъ. Начавшееся при такой своеобразной обстановкѣ знакомство вскорѣ перешло въ искреннюю дружбу, представлявшую для нихъ обоихъ, и въ особенности для одинокаго Гвидо, извѣстную опасность.

Само собою разумѣется, что частыя посѣщенія имъ дома банкира, вызываемыя столько же любезностью всего семейства Франка, сколько красотою Сарры, вскорѣ стали извѣстны въ замкѣ, хотя онъ самъ какъ-то совѣстился говорить объ этомъ съ своими родными. Но у патера Урбана всюду были свои шпіоны, представлявшіе ему обстоятельныя донесенія; графъ Гвидо, самъ о томъ не зная и не подозрѣвая, былъ окруженъ соглядатаями, выслѣживавшими каждый его шагъ, каждое его слово. Вскорѣ достойный патеръ собралъ обстоятельныя свѣдѣнія не только о каждомъ изъ посѣтителей дома банкира, но и о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою. Особенно интересовался онъ красивой Саррой и онъ не замедлилъ узнать черезъ своихъ шпіоновъ объ установившейся между нею и графомъ дружбѣ, что преисполнило его великой радости. Ничто на свѣтѣ не могло болѣе способ-

ствовать его планамъ, какъ это сближеніе, которое должно было оскорбить Цецилію и поссорить Гвидо съ княземъ.

Патеръ Урбанъ прежде всего хлопоталъ о томъ, чтобы помѣшать столь ревностно желаемому княземъ браку графа съ Цециліей, но до сихъ поръ его старанія оставались довольно безуспѣшны. Его слова и убѣжденія, правда, взволновали и смутили Цецилію, но тѣмъ не менѣе еще не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Въ ея сердцѣ продолжалась борьба любви ея къ молодому человѣку и ея благочестивыхъ предубѣжденій, надеждъ на безмѣрное счастіе со страхомъ, вызываемымъ угрозами патера. То она всецѣло отдавалась сжигавшей ее страсти, то ее страшила мысль лишиться вѣчнаго блаженства, если она уступитъ преступному влеченію. Вѣра и любовь, земныя желанія и духовныя вожделѣнія то и дѣло смѣнялись въ ея сердцѣ; невыразимое блаженство и неописуемыя мученія наполняли ея душу. Для нея одинаково трудно было какъ послѣдовать своему влеченію, такъ и навсегда отказаться отъ него.

Патеру, отъ котораго не укрылась внутренняя борьба, происходившая въ сердцѣ Цециліи, казалось, что теперь онъ нашелъ желанное средство, чтобы положить конецъ ея колебанію. Хитрый знатокъ человѣческаго сердца разсчитывалъ на ревность Цециліи и на ея оскорбленную гордость. Ему хорошо были извѣстны слабости человѣческія вообще, и слабости женскаго сердца въ частности, и онъ ловко пользовался тѣми и другими для своихъ цѣлей. Поэтому онъ нимало не сомнѣвался въ томъ, что Цецилія никогда не проститъ своему двоюродному брату любви его къ другой женщинѣ, а тѣмъ паче къ еврейкѣ. Для того же, чтобы сообщить ей это, столь важное для него и для княгини открытіе, онъ рѣшился подождать того момента, когда она прійдетъ къ нему въ исповѣдальню, что, по его убѣжденію, должно было случиться очень скоро, такъ какъ Цецилія, безъ сомнѣнія, будетъ искать въ исповѣди облегченія для своего смятеннаго сердца. И вотъ патеръ Урбанъ сталъ караулить въ своей часовнѣ Цецилію, какъ паукъ караулитъ муху.

Исповѣдальня была для него Діонисіевымъ ухомъ, которымъ онъ подслушивалъ всѣ тайны, всѣ самыя сокровенныя семейныя отношенія, Прокрустовымъ ложемъ, на которое онъ вытягивалъ смущенную совѣсть, неистощимымъ арсеналомъ, дававшимъ ему ежедневно все новое и новое оружіе противъ враговъ церкви, оплотомъ его власти надъ трусливыми и сомнѣвающимися умами, столь же страшной, какъ и успѣшной ареной его неутомимой дѣятельности. Здѣсь онъ узнавалъ все, что ему было нужно, здѣсь онъ допытывался всего, что могло служить его цѣлямъ; отсюда онъ управлялъ, съ помощью религіи, преданными церкви душами вѣрующихъ. Ничто не оставалось скрытымъ для него—ни самыя сокровенныя складки человѣческаго сердца, ни малѣйшія побужденія совѣсти. Первая, едва сознаваемая любовь молодой дѣвушки, тайны супружеской жизни, проступки жены, невѣрности мужа, малѣйшія вины и величайшія преступленія—все раскрывалось здѣсь передъ его испытующимъ взоромъ. Одно слово, раздавшееся изъ его устъ, могло осчастливить или осудить, раскрыть передъ исповѣдующимся небесное блаженство или низвергнуть его въ адъ. Жизнь и смерть, радость и отчаяніе -- все это зависѣло отъ одного его слова. Отъ имени непогрѣшимой церкви онъ могъ отпустить грѣхи кающемуся или же отказать ему въ отпущеніи. Его повелѣній долженъ былъ слушаться каждый вѣрующій, его приказанія онъ обязанъ былъ исполнять безпрекословно, если онъ желалъ, чтобы ему въ удѣлъ досталось блаженство. Власть священника въ исповѣдальнѣ была неограниченна.

Вокругъ него царило глубочайшее молчаніе, молчаніе страха и благоговѣнія, лишь изрѣдка прерываемое тихимъ шопотомъ благочестивыхъ молельщиковъ, преклонявшихъ колѣна передъ алтаремъ, прежде чѣмъ подойти къ исповѣдальнѣ. Но вотъ раздались мелкіе шаги; патеръ, сидя за рѣшеткой, наклонилъ къ ней свою голову, чтобы выслушать съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшуюся имъ исповѣдь Цециліи.

Но уже первыя слова, донесшіяся до его слуха, доказали ему, что онъ ошибся. По грубому голосу онъ узналъ

старую служанку банкира Франка, сообщавшую ему отъ времени до времени о томъ, что происходило въ домѣ послѣдняго; поэтому онъ сталъ слушать ее съ большимъ вниманіемъ.

Покаявшись ему въ нѣкоторыхъ небольшихъ отступленіяхъ отъ седьмой заповѣди, она объявила ему, что, состоя членомъ находящагося подъ покровительствомъ княгини общества св. Маріи, она затрудняется оставаться долѣе въ услуженіи у еврейскаго семейства, хотя вообще она не можетъ жаловаться ни на обращеніе съ нею, ни на какія либо стѣсненія, а напротивъ должна, по совѣсти, похвалить своихъ господъ. Патеръ Урбанъ, по весьма понятнымъ причинамъ, старался успокоить старую служанку относительно ея религіозныхъ сомнѣній, укрѣпляя ее въ то же время въ ея религіозномъ рвеніи. „Конечно—говорилъ онъ—для добраго католика не легко жить и служить въ домѣ еврея. Но бываютъ такіе исключительные случаи, когда не только дозволяется, но даже повелѣвается общеніе съ невѣрными, какъ намъ доказываетъ примѣръ апостола Павла и многихъ святыхъ“.

— Значитъ, ваше преподобіе дозволяете мнѣ остаться служить у теперешнихъ моихъ господъ?—спросила обрадованная служанка, которой, не смотря на ея религіозныя сомнѣнія, очень жаль было разставаться съ хорошимъ мѣстомъ.

— Да, но только подъ извѣстными условіями и съ необходимой осторожностью, чтобы не попасть въ когти сатаны.

— Скажите же мнѣ, ваше преподобіе, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, чтобы не погубить свою душу.

— Во первыхъ, ты должна ежедневно прочитывать по два раза „Отче нашъ“ и по три раза „Пресвятую Богородицу“, и, при всякой порученной тебѣ работѣ, помышлять о спасеніи твоей души, какъ подобаетъ благочестивой, христіанской служанкѣ. Утромъ, вставая, ты должна молить Господа о томъ, чтобъ Онъ благословилъ твои труды; одѣваясь, ты должна вспоминать о томъ, какъ одѣвали Спасителя, ведя его на крестъ; обуваясь — вспоминай о томъ, какъ Спаситель ходилъ босикомъ; причесываясь — о томъ,

какъ Онъ носилъ терновый вѣнецъ; выметая комнаты — о грязи, которою забрасывали его евреи; разводя плиту и ставя на нее горшки—о томъ, какъ Петръ отрекся отъ него; таская дрова—о томъ, какъ Онъ несъ крестъ; беря въ руки ножъ или топоръ—о копьѣ, которымъ прободали его бокъ; когда закипитъ вода—вспоминай объ адскомъ огнѣ, на которомъ жарятся грѣшники; когда выколачиваешь платье—о наносившихся ему ударахъ; а когда ты вечеромъ ложишься въ постель—вспоминай о положеніи тѣла Христова во гробѣ.

— Постараюсь исполнить все это, хотя я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы мнѣ удалось запомнить все это.

— Я дамъ тебѣ записку, на которомъ все это напечатано, чтобы ты постоянно могла имѣть ее передъ глазами. Если ты будешь исполнять, что я тебѣ сказалъ, то и самъ дьяволъ ничего не въ состояніи будетъ подѣлать съ тобой, хотя бы ты и осталась служить у еврея.

— Вы слишкомъ добры, отецъ мой, для бѣдной служанки.

— Но за то ты должна внимательнѣе наблюдать и сообщать мнѣ обо всемъ, что происходитъ въ домѣ твоихъ господъ. Что молодой графъ часто посѣщаетъ васъ?

— Да, по крайней мѣрѣ раза два въ недѣлю. Онъ очень добрый господинъ и каждый разъ даетъ мнѣ не менѣе 10 грошей на чай.

— И ты думаешь, что онъ любитъ красивую еврейскую дѣвушку, эту Сарру Вольфъ или Оренштейнъ, какъ ее тамъ зовутъ?

— Безъ сомнѣнія; это видно даже по глазамъ его. Когда онъ разговариваетъ съ нею, все лицо его свѣтится радостью. Къ тому же они постоянно о чемъ-то между собою шепчутся.

— А ты никогда не слышала, о чемъ они разговариваютъ между собою?

— Слышать-то слышала, но я какъ-то не могла взять этого въ толкъ. Одно вѣрно, что оба они влюблены другъ въ друга. На счетъ этого меня не проведешь. Намедни онъ подарилъ ей хорошенькую книжечку; она такъ обрадовалась,

что чуть не кинулась ему при всѣхъ на шею. А на прошлой недѣлѣ, когда наша барышня вышла на минутку, и они остались вдвоемъ, я видѣла собственными своими глазами...

— Что онъ обнялъ и поцѣловалъ ее—докончилъ за нее патеръ.

— Не то, чтобы поцѣловалъ, а что-то въ этомъ родѣ, такъ какъ она вся вспыхнула и засмѣялась отъ удовольствія. Она протянула ему руку и онъ держалъ ее въ своей рукѣ до тѣхъ поръ, пока не возвратилась наша барышня.

— Хорошо моя дочь—сказалъ патеръ—я доволенъ тобою и отпускаю тебѣ всѣ грѣхи твои, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ты исполняла твой долгъ. Не забывай же прочитывать ежедневно по два „Отче нашъ" и по три „Богородицы". Кромѣ того, ты за маленькія прегрѣшенія твои должна поститься по одному разу въ недѣлю.

Обрадованная тѣмъ, что она отдѣлалась такъ дешево, старая служанка съ сіяющимъ лицомъ вышла изъ исповѣдальни, между тѣмъ какъ патеръ съ возростающимъ нетерпѣніемъ сталъ поджидать Цецилію.

VII.

Наконецъ послышался легкій, своеобразный шелестъ шелковаго платья: на этотъ разъ патера не обманулъ его слухъ. Возлѣ него стала на колѣна несчастная Цецилія, раздираемая сомнѣніями и душевной болью. Ея блѣдное, впалое лицо скрывалось за чернымъ вуалемъ; когда она откинула его назадъ, оказалось, что глаза ея были переполнены слезами.

Тихимъ, дрожащимъ голосомъ она стала каяться патеру въ мнимыхъ прегрѣшеніяхъ любящаго женскаго сердца, раскрывать передъ нимъ свою внутреннюю душевную борьбу. По временамъ она запиналась, одолѣваемая стыдомъ и страхомъ; но патеръ немилосердно заставлялъ ее продолжать свою исповѣдь и повѣрять ему самые сокровенные свои помыслы, самыя святыя ощущенія, обращаясь къ ней по временамъ съ вопросомъ, покрывавшимъ щеки ея яркимъ ру-

мянцемъ. Безъ всякаго милосердія, безъ вниманія къ ея невинности онъ принуждалъ ее выворачивать передъ нимъ всѣ тайны своего сердца. Грубою рукою онъ разрывалъ тотъ нѣжный покровъ, подъ которымъ имѣетъ обыкновеніе скрываться первая любовь, безжалостно рылся въ самыхъ глубокихъ складкахъ ея сердца, до тѣхъ поръ, пока она, близкая къ обмороку, не открыла ему всего, что онъ хотѣлъ узнать отъ нея.

— Дѣло не шуточное—сказалъ патеръ, послѣ нѣкоторой паузы.—Меня очень огорчаетъ, дочь моя, что вы слушались искусителя, что ваше сердце преисполнено грѣховной страсти, недостойной любви, что вы желаете принадлежать не небесному жениху, а земному человѣку, который къ тому же и недостоинъ васъ, что вы все еще колеблетесь между блаженствомъ и погибелью.

— Простите, достопочтенный отецъ—пробормотала Цецилія.—Я знаю моего двоюроднаго брата съ ранней юности, мы вмѣстѣ выросли и онъ всегда былъ лучшимъ другомъ моимъ. Онъ прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ нашей церкви. Мой дядя любитъ его и желаетъ нашего брака. Я поэтому не думала, чтобы я грѣшила, любя Гвидо.

— Но вы забываете, дочь моя, что графъ не только еретикъ, но и извѣстный вольнодумецъ, и что, наконецъ, наша церковь запрещаетъ браки между такими близкими родственниками.

— Сколько мнѣ извѣстно—возразила она—бракъ между католиками и протестантами дозволенъ; къ тому же дядя намѣренъ испросить разрѣшенія папы для нашего брака.

— Я сомнѣваюсь,—отвѣтилъ патеръ, иронически улыбаясь—чтобы святой отецъ далъ это разрѣшеніе, такъ какъ вы, дочь моя, уже дали обѣщаніе сдѣлаться монахиней.

— Да, дѣйствительно было время, когда я ничего больше не желала, какъ удалиться отъ міра въ монастырь и посвятить себя нашему Спасителю.

— Въ то время, дочь моя, вы находились въ томъ счастливомъ настроеніи, когда невѣста ожидаетъ своего небес-

наго жениха. Вы представляли собою сосудъ, готовый для воспринятія божественной любви.

— Но съ тѣхъ поръ я болѣе зрѣло обдумала свое рѣшеніе, и я сознаюсь, достопочтенный отецъ, что по серьезномъ размышленіи я стала сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли я призвана для поступленія въ монастырь. Я боюсь, что у меня не хватитъ силы на то, чтобы навсегда отказаться отъ міра; къ тому же, мнѣ кажется, у женщины есть другое призваніе, кромѣ того, чтобы замуроваться на вѣки въ монастырѣ. Свѣтъ, котораго я въ то время еще не знала, вовсе не кажется мнѣ такимъ испорченнымъ и дурнымъ, какимъ изображали его мнѣ благочестивыя монахини. Я нахожу въ немъ радости, которыхъ я никогда не подозрѣвала, наслажденія, которыхъ я никогда не представляла себѣ. Разговоры съ моимъ двоюроднымъ братомъ и другими образованными людьми, съ которыми я познакомилась, чтеніе книгъ, которыя я достала за послѣднее время, дали мнѣ совершенно иное воззрѣніе на жизнь. Я ежедневно вижу женщинъ, которыя находятъ величайшее счастіе въ бракѣ и въ семействѣ, которыхъ любятъ ихъ мужья, обожаютъ ихъ дѣти, которыхъ всѣ уважаютъ и почитаютъ за ихъ добродѣтели. Отчего бы и мнѣ не испытать такого счастія?

— Несчастная!—гнѣвно воскликнулъ патеръ.—Вы поддаетесь искушенію дьявола! Радости міра сего преходящи и кажущееся счастіе жизни ведетъ къ раскаянію и скорби. Подумайте о печальной судьбѣ вашихъ родителей, о ихъ трагической кончинѣ!

— Я надѣюсь, что милосердый Богъ проститъ имъ, и что для спасенія ихъ не потребуется жертвы съ моей стороны, такъ какъ Христосъ умеръ за насъ всѣхъ и милость его распространится и на нихъ.

— Что я слышу!—съ ужасомъ произнесъ патеръ.—Это въ высшей степени зловредные, почти еретическіе взгляды. Для грѣшника, умершаго безъ покаянія, безъ отпущенія грѣховъ, нѣтъ милосердія, нѣтъ прощенія. Одна церковь можетъ избавить его отъ заслуженнаго имъ наказанія, въ силу предоставленной ей отъ Бога власти. Вы должны безъ ропота,

безъ противорѣчія, принести ту жертву, которой она отъ васъ требуетъ, если вы желаете спасти вашихъ родителей отъ вѣчнаго мученія. Этого требуетъ вашъ долгъ по отношенію къ родителямъ вашимъ.

— Богъ не можетъ требовать этого—простонала Цецилія,—эта жертва слишкомъ тяжела для меня.

— Слишкомъ тяжела! Развѣ Господь Богъ не ниспослалъ своего сына для мученія людей, развѣ Авраамъ поколебался принести въ жертву Господу своего любимаго сына?—а вы еще колеблетесь. Въ сравненіи съ этими жертвами, та, которая требуется отъ васъ—ничто. Вмѣсто того, чтобы роптать, вамъ бы, дочь моя, слѣдовало радоваться тому, что вы удостоиваетесь такой милости. Развѣ можетъ быть большее счастіе, какъ называться невѣстой Христа, посвятить ваше сердце Господу? Можетъ ли міръ представить вамъ что нибудь лучшее, чѣмъ ожидающее васъ блаженство? Я умственнымъ взоромъ уже вижу васъ украшенною небеснымъ вѣнцомъ, въ хорѣ избранныхъ, второю святою Терезой, преисполненною божественной любви, обрученной Спасителю, который протягиваетъ къ вамъ свои руки.

— Но я считаю себя недостойною принадлежать ему, такъ какъ я уже люблю другаго человѣка.

— О, дочь моя,—воскликнулъ патеръ,—вырвите изъ вашего сердца это грѣховное влеченіе къ недостойному человѣку, который самымъ гнуснымъ образомъ обманываетъ васъ. Вы предлагаете вашу чистую любовь человѣку, не стоющему васъ, жалкому соблазнителю.

— Не забывайте, достопочтенный отецъ, что вы говорите о моемъ двоюродномъ братѣ, о человѣкѣ, который, какъ мнѣ хорошо извѣстно, не способенъ солгать или совершить какой нибудь другой подлый поступокъ.

— А все же онъ обманываетъ васъ, бѣдное дитя мое. Притворно выказывая вамъ дружбу и любовь, онъ состоитъ въ преступной связи съ другою, стоящею гораздо ниже васъ дѣвушкой—съ еврейкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Это клевета! Я лучше знаю его.

— Вы заставляете меня сообщить вамъ то, о чемъ я предпочелъ бы умолчать, чтобы избавить васъ отъ такого тяжкаго разочарованія.

— Умоляю васъ, отецъ мой, сказать мнѣ правду—сказала Цецилія дрожащимъ голосомъ.

— Вы вѣроятно помните—началъ патеръ—что нѣсколько недѣль тому назадъ графъ своимъ вмѣшательствомъ спасъ одну молодую еврейку, насмѣхавшуюся надъ нашей священной религіей, отъ вполнѣ заслуженнаго наказанія. Ну такъ вотъ, эта самая дѣвушка, извѣстная въ околодкѣ подъ именемъ красавицы Сарры—возлюбленная графа.

— О Боже мой! Это невозможно! Представьте мнѣ доказательства.

— Я узналъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что между графомъ и этой еврейкой установились интимныя отношенія, что онъ имѣетъ съ нею тайныя свиданія, что онъ дѣлаетъ ей подарки, словомъ, что онъ ее любитъ.

— Это ужасно! — воскликнула Цецилія, закрывая свое блѣдное лицо руками.

Пораженная въ самыхъ святыхъ и чистыхъ своихъ чувствахъ, обуреваемая чувствами ревности и оскорбленной гордости, бѣдная Цецилія не смѣла сомнѣваться въ истинѣ этого ужаснаго открытія, такъ какъ она, воспитанная въ глубочайшемъ уваженіи къ религіи, не могла допустить, чтобы такое почтенное лицо, какъ священникъ, способно было на наглую ложь, она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы патеръ могъ осквернить храмъ Божій, исповѣдальню, алтарь Господень и свой высокій санъ гнусною ложью. Кромѣ того онъ сообщилъ ей на ея разспросы такія обстоятельныя свѣдѣнія относительно отношеній графа къ красивой еврейкѣ, встрѣченной имъ въ домѣ Симона, что она не могла долѣе сомнѣваться. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на ея страданія, патеръ наблюдалъ за впечатлѣніемъ, производимымъ его словами, съ тѣмъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ которымъ анатомъ или хирургъ разсматриваетъ трепещущіе нервы и мускулы человѣческаго организма, безжалостно бередя ея раны и разрушая послѣднія ея надежды, въ пол-

ной увѣренности, что онъ, подобно врачу, дѣлаетъ доброе дѣло, спасая душу, какъ тотъ спасаетъ тѣло.

— Хотя—безжалостно продолжалъ онъ—графъ и старается скрывать отъ другихъ свою интригу, но тѣмъ не менѣе о ней говоритъ весь городъ. И княгинѣ она давно уже извѣстна, и камердинеръ Липпертъ знаетъ такія интересныя подробности о ней, о которыхъ я, щадя васъ, долженъ умолчать, такъ какъ они слишкомъ скандалезнаго свойства.

— Однакоже дядя, не далѣе какъ вчера, говорилъ о Гвидо самымъ сочувственнымъ образомъ и особенно распространялся о его заслугахъ по управленію княжествомъ.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, дочь моя, что ближайшіе друзья и родные всегда узнаютъ подобныя непріятныя вещи позднѣе, чѣмъ посторонніе и чужіе. Въ виду слабаго здоровья вашего дяди, княгиня до сихъ поръ не хотѣла сообщать ему о недостойномъ образѣ дѣйствій его племянника. Вы, вѣроятно, подобно мнѣ, оцѣните деликатность и доброту вашей тетушки и постараетесь послѣдовать ея примѣру. Впрочемъ, если вы пожелаете поговорить съ нею объ этомъ, она, безъ сомнѣнія, только подтвердитъ то, что я вамъ сказалъ.

— Въ этомъ нѣтъ надобности — сказала Цецилія, съ трудомъ подавляя свои слезы.—Я вѣрю вамъ, отецъ мой, и убѣждена въ томъ, что вы желаете мнѣ только добра.

— Конечно—подтвердилъ патеръ.—Что же иное могло бы иначе побудить меня выступать съ обвиненіями противъ графа. Для меня лично совершенно безразлично, любитъ-ли онъ, или не любитъ еврейку, якшается-ли, или не якшается съ завѣдомыми вольнодумцами. Но я отвѣчаю передъ Богомъ, дочь моя, за вашу душу, я принимаю близко къ сердцу ваше благополучіе, и поэтому, какъ это ни тяжело для меня, я долженъ исполнить по отношенію къ вамъ мою обязанность. Подобно доброму пастырю, я не долженъ страшиться ни трудовъ, ни опасностей, для того чтобы не дать упасть въ бездну ввѣренной мнѣ овцѣ и чтобы привести ее обратно къ нашему Спасителю.

— Благодарю васъ, отецъ мой, за то, что вы еще свое-

временно открыли мнѣ глаза, какъ ни грустно для меня то, что я узнала. Имѣйте снисхожденіе къ моей слабости.

— Вамъ слѣдуетъ благодарить не меня, а Господа Бога, который ниспослалъ вамъ это испытаніе для того, чтобы спасти вашу душу. Оно убѣдитъ васъ въ томъ, какъ нечисты всѣ радости этого грѣховнаго міра и не станете долѣе откладывать исполненіе вашего обѣта, послѣ того какъ Онъ, по своей милости, избавилъ васъ отъ искушеній лукаваго. Въ стѣнахъ святой обители вы найдете, дочь моя, истинную любовь, то внутреннее удовлетвореніе, то невыразимое блаженство, которое ниспосылаетъ Господь своимъ слугамъ. Тамъ васъ ожидаетъ вашъ божественный другъ, который никогда болѣе не покинетъ васъ. Въ его объятіяхъ вы спокойно будете спать, возлѣ его сердца вы будете согрѣваться, къ его устамъ вы прильнете. его поцѣлуями упиваться.

Этими полу-мистическими, полу-чувственными рѣчами, вполнѣ разсчитанными на воспламенѣніе воображенія мечтательной молодой дѣвушки, патеръ старался убѣдить все еще колеблющуюся Цецилію возвратиться въ монастырь, до тѣхъ поръ, пока, подъ впечатлѣніемъ обманутой любви и ревности, потрясенная воспоминаніемъ о несчастныхъ своихъ родителяхъ, отуманенная нарисованными имъ образами, она не дала ему слова навсегда отказаться отъ міра и отъ влеченія своего сердца. Только тогда патеръ согласился дать ей желаемое отпущеніе грѣховъ, которое она выслушала молча, между тѣмъ какъ по ея щекамъ текли обильныя слезы. Съ разбитой душою, съ тяжелымъ сердцемъ, съ низко склоненной головою, она вышла изъ исповѣдальни, казавшейся ей въ настоящую минуту мрачной могилой, въ которую она опустила навсегда свою молодость, всѣ свои надежды, всѣ свои радости жизни.

Бѣдная Цецилія, пошатываясь, возвращалась черезъ паркъ въ замокъ. Ноги ея подкашивались, и пройдя нѣсколько шаговъ, она почувствовала такую слабость, что принуждена была опуститься на одну изъ стоявшихъ близъ дорожки скамеекъ.

Былъ прекрасный, весенній день. На голубомъ, безоб-

лачномъ небѣ ярко свѣтило солнце и оживляло все окружающее. Шепчущей листвой деревьевъ игралъ легкій вѣтерокъ, раскачивая древесныя вѣтви, подобно тому, какъ нѣжная мать баюкаетъ свое любимое дитя. Цвѣты распространяли вокругъ себя благоуханіе, а жужжащія пчелы и пестрыя бабочки жадно пили изъ нихъ сладкій нектаръ. На каждой былинкѣ, на каждой травкѣ, можно было замѣтить разныхъ козявокъ и букашекъ, радовавшихся своему эфемерному существованію; въ воздухѣ носились красивые жучки и другія крылатыя насѣкомыя. Обаятельно звучало чириканіе птицъ, воркованіе дикихъ голубей, дразнящее кукованіе кукушки, и въ особенности пѣніе соловья, то сладкое и манящее, какъ нѣжное искательство, то торжественное и радостное, какъ ликованіе осчастливленнаго сердца, то жалобное, какъ вздохъ несчастнаго любовника.

Издали доносился громкій смѣхъ рѣзвящихся дѣтей, вившихъ недалеко отъ ручья вѣнки изъ незабудокъ и взаимно украшавшихъ другъ друга ими. Дѣвушки забирали изъ колодцовъ воду и шутили съ молодыми садовниками, брызгая и обливая ихъ холодной влагой. Поселяне въ праздничныхъ одеждахъ направлялись къ часовнѣ, сопровождая молодую парочку, шедшую къ вѣнцу; невѣста, съ вѣнкомъ ландышей на головѣ, стыдливо опустила взоры въ землю, женихъ, съ большимъ букетомъ въ петлицѣ, сіялъ радостью; обоихъ ихъ окружала толпа друзей и родныхъ. Подъ тѣнью роскошнаго буковаго дерева отдыхала бѣдная поденщица, дававшая грудь ребенку и старавшаяся успокоить этимъ маленькаго крикуна, котораго она держала на рукахъ.

Словомъ, всюду, куда ни падалъ взоръ, господствовали радость и счастіе—и въ природѣ, и среди людей. Еще никогда міръ Божій не казался Цециліи такимъ прекраснымъ, какъ именно въ этотъ день, когда ей предстояло навсегда проститься съ нимъ. Казалось, будто къ ней протягивались невидимыхъ сотни рукъ, чтобъ удержать ее, будто жизнь развертываетъ передъ нею всѣ свои чары, чтобъ удержать ее. Казалось, будто и голубое небо, и лѣтнее солнце, и шепчущія деревья, и благоухающіе цвѣты, и ще-

бечущія птички, и разноцвѣтныя бабочки, и смѣющіяся дѣти, и счастливая брачная чета, и рѣзвящіяся дѣвушки, и младенецъ у груди своей матери—казалось будто все это хоромъ кричало ей: „Зачѣмъ ты хочешь покинуть насъ? Жизнь такъ хороша, и мы всѣ любимъ ее, любимъ также и тебя“.

Она невольно вздрогнула при мысли, что ей вскорѣ придется промѣнять эти смѣющіяся нивы, этотъ великолѣпный паркъ и этихъ радостныхъ людей, на высокія монастырскія стѣны, душныя кельи и скучное общество монахинь. Ея молодое сердце судорожно сжималось и ея умъ инстиктивно протестовалъ противъ требуемой отъ нея жертвы. Подобно тому, какъ пламя, прежде чѣмъ погаснуть, еще разъ ярко вспыхиваетъ, какъ у умирающаго съ удвоенной силой пробуждается желаніе жить, такъ и бѣдная Цецилія хваталась за этотъ прекрасный міръ, который ей предстояло навсегда покинуть.

Но особенно тяжело, горше смерти, была для нея сознаніе обманутой любви, несбывшейся надежды. То обстоятельство, что Гвидо покинулъ ее, пожертвовалъ ею для еврейки, обманулъ и оболгалъ ее, заставляло ее сомнѣваться въ людяхъ и даже въ Богѣ. Его образъ, внушавшій ей одновременно и любовь, и ненависть, преслѣдовалъ ее подобно призраку. Куда бы она ни взглянула, всюду она видѣла его—тамъ, подъ тѣми деревьями, подъ которыми она гуляла подруку съ нимъ, между тѣми цвѣтами, которые она рвала для невѣрнаго. Все напоминало ей его—и перепархивающая съ цвѣтка на цвѣтокъ бабочка, и дѣтскій смѣхъ, напоминавшій его смѣхъ, и счастливая парочка, шедшая къ вѣнцу, и очаровательная пѣснь соловья, которой она такъ часто внимала вмѣстѣ съ нимъ. Она невольно закрывала глаза, какъ бы желая тѣмъ изгнать его образъ изъ своей души—но образъ этотъ не покидалъ ее, а пріобрѣталъ лишь все болѣе и болѣе опредѣленныя формы и твердыя очертанія. Она чувствовала, какъ онъ все ближе и ближе подходилъ къ ней, наклонялся надъ нею, она слышала, какъ онъ

еще издали привѣтствовалъ ее голосомъ, заставившимъ вздрогнуть ея сердце.

Нѣтъ, это не былъ обманъ, не была игра разгоряченнаго воображенія. Когда она подняла голову, она узнала графа, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее своимъ яснымъ взоромъ. Она хотѣла вскочить, чтобы бѣжать отъ него, но у нея не хватило на то силъ, и, какъ бы парализованная, она снова опустилась на скамейку. Ея порывистыя движенія, блѣдность ея лица, заплаканныя глаза ея заставили его, противъ ея воли, понять, что она чѣмъ то огорчена.

— Что съ тобою?—ласково спросилъ онъ, взявъ ее руку, которую она пыталась отнять у него.

— Ничего, ничего—пробормотала бѣдная дѣвушка.

— Ты плакала, ты чѣмъ-то огорчена. Я уже давно желалъ спросить тебя о причинѣ твоей печали, но боялся показаться навязчивымъ. Зачѣмъ ты избѣгаешь меня, почему я лишился твоего довѣрія? Развѣ я не самый лучшій другъ твой?

Она покачала головой, не глядя на него. Стыдъ и страхъ сковывали ея уста, такъ что она не чувствовала въ себѣ силы отвѣчать ему, хотя бы отъ этого зависѣла даже ея жизнь.

— Какъ! — воскликнулъ онъ, оскорбленный ея молчаніемъ — ты сомнѣваешься въ искренности моей любви? Чѣмъ я заслужилъ твое недовѣріе? Чѣмъ я оскорбилъ тебя?

— Я не обвиняю тебя—отвѣтила она тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

— Да и я не знаю за собою никакой вины. Но я боюсь, что ты подчиняешься чужимъ, очень хорошо извѣстнымъ мнѣ вліяніямъ и вѣришь другимъ людямъ болѣе, чѣмъ мнѣ. Я уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нахожу, что ты сильно измѣнилась въ отношеніяхъ твоихъ ко мнѣ, и я конечно не ошибусь, приписавъ благочестивому патеру Урбану твое непонятное поведеніе, твою холодность и сдержанность. Не правъ ли я Цецилія?

Цецилія опустила глаза въ землю и промолчала, такъ

какъ она, съ одной стороны, не хотѣла сказать неправды, а съ другой—нарушить тайну исповѣди. Одного слова было бы, можетъ быть, достаточно, чтобы разсѣять всѣ ея сомнѣнія и подозрѣнія и чтобъ опровергнуть клеветы патера, но она была убѣждена, что совершила бы тяжкій грѣхъ, разсказавъ о томъ, что она узнала на исповѣди.

— Я очень хорошо знаю—продолжалъ Гвидо—что патеръ меня не любитъ и желалъ бы перессорить меня со всѣми моими родными, что онъ не щадитъ никакихъ средствъ для того, чтобъ устранить меня, что онъ употребляетъ все свое вліяніе на то, чтобъ отнять у меня расположеніе моего дяди и твою любовь.

— Безъ моей любви—отвѣтила она съ горькой ироніей—ты легко обойдешься и съумѣешь утѣшиться въ потерѣ ея.

— Цецилія!—воскликнулъ онъ—ты несправедлива ко мнѣ и огорчаешь меня. Я этого не заслужилъ.

— Ты долженъ меня забыть и забудешь меня, такъ какъ я черезъ нѣсколько дней возвращаюсь въ монастырь съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ навсегда.

Гвидо безмолвно уставился на Цецилію, какъ бы не довѣряя своимъ ушамъ. Ея неожиданное рѣшеніе, повидимому, сильно потрясло и взволновало его. Выраженія печали и гнѣва, состраданія и изумленія смѣнялись на его лицѣ. Она видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, какъ онъ не въ состояніи былъ скрыть своего волненія. Ея лицо приняло болѣе мягкое выраженіе. Въ головѣ ея промелькнула мысль: а что, если въ самомъ дѣлѣ невиновенъ, если патеръ обманулъ ее, злоупотребилъ великимъ дѣломъ исповѣди?

— И ты это скрыла отъ меня!—произнесъ онъ съ упрекомъ.—Развѣ ты необѣщала мнѣ предварительно переговорить со мною объ этомъ и не дѣлать такого важнаго шага безъ моего вѣдома? Я этого не ожидалъ отъ тебя.

— Извини меня, милый Гвидо—отвѣтила она кроткимъ голосомъ,—но я не думала, чтобъ судьба моя еще до такой степени интересовала тебя. И къ тому же я только сегодня, всего нѣсколько часовъ тому назадъ, сама отдала

себѣ ясный отчетъ въ томъ, что для меня лучше всего возвратиться къ добрымъ монахинямъ и посвятить себя Господу. Жизнь не представляетъ для меня ничего привлекательнаго и я стремлюсь изъ міра, полнаго фальши и лжи, къ тому миру и спокойствію, которое я надѣюсь найти въ монастырѣ.

— Цецилія! прошу и умоляю тебя, будь откровенна сама съ собой и со мной и сообщи мнѣ, что побудило тебя принять такъ внезапно такое важное рѣшеніе, которое требуетъ однако зрѣлаго размышленія. Какія причины могутъ побуждать тебя отказаться отъ міра и похоронить себя въ монастырскихъ стѣнахъ? Я содрагаюсь при одной мысли объ этомъ.

Ей снова пришлось вынести тяжелую внутреннюю борьбу. Она хотѣла высказаться, но опасеніе обнаружить любовь и нарушить тайну исповѣди сковало ея языкъ. Только ея слезы и тихое, судорожное всхлипываніе, котораго она не въ состояніи была удержать, выказывали противъ ея воли ея глубокое горе, ея тяжкія страданія.

— Пощади меня!—молила она, поднявъ руки.—Не настаивай! Я не могу, я не смѣю сказать тебѣ то, что составляетъ тайну между мною и моимъ Спасителемъ.

— Понимаю—проговорилъ онъ, бросивъ недовольный взоръ на находившіеся въ ея рукахъ молитвенникъ и четки, ты только что была на исповѣди у благочестиваго патера, который, понятно, ближе стоитъ къ тебѣ, къ которому ты питаешь больше довѣрія, чѣмъ къ ближайшимъ твоимъ родственникамъ и друзьямъ. Онъ можетъ знать то, что ты скрываешь отъ меня, отъ него у тебя нѣтъ тайны, какъ отъ меня.

— Прекратимъ—сказала Цецилія, поднимаясь со скамейки — разговоръ, который можетъ только отравить немногіе часы нашего совмѣстнаго пребыванія здѣсь.—Я дала обѣтъ, котораго я не желаю и не могу нарушить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Подобный обѣтъ есть грѣхъ передъ Богомъ и природой, онъ хуже самоубійства. Человѣкъ созданъ не для того, чтобы похоронить себя живьемъ. Ты же-

стоко ошибаешься, если надѣешься принести этимъ угодную небу жертву. Мы имѣемъ иныя, болѣе высокія обязанности относительно насъ самихъ, нашего семейства и свѣта. Всеблагой Создатель не можетъ желать, чтобы мы отказывались отъ счастія, отъ влеченій нашего сердца, чтобы мы разрывали всѣ дорогія для насъ узы, чтобы мы отреклись отъ всѣхъ радостей существованія. Онъ желаетъ, чтобы мы приносили посильную пользу въ отведенной намъ сферѣ дѣятельности, чтобы мужчина боролся и стремился къ разъ поставленной себѣ цѣли, чтобы жена съ любовью помогала ему, какъ вѣрнѣйшій другъ, какъ мать его дѣтей. Если мы творимъ добро, если мы служимъ правдѣ, помогаемъ нашимъ ближнимъ, мы дѣлаемъ болѣе богоугодное дѣло, чѣмъ если мы изнуряемъ наше тѣло постомъ и молитвою.

— Во всѣ времена были благочестивые люди, чувствовавшіе въ себѣ призваніе къ тому, чтобы посвятить себя небу, и которыхъ мы, за ихъ добродѣтели, должны почитать, какъ благодѣтелей человѣчества.

— Они принадлежали другой культурной эпохѣ и жили при другихъ обстоятельствахъ. Современность не раздѣляетъ того ужаснаго предъубѣжденія, что міръ такъ испорченъ, суетенъ и ничтоженъ, что его слѣдуетъ презирать и избѣгать. Наше образованіе, наше знаніе освободили насъ отъ мрачныхъ вѣрованій среднихъ вѣковъ, избавили насъ отъ тѣхъ мрачныхъ призраковъ, которые въ теченіе столѣтій давили человѣчество, какъ кошмаръ. Мы уже не страшимся ада, насъ не пугаетъ искуситель, бродящій, аки левъ рыкающій и алчущій поглотить бѣдныхъ грѣшниковъ. Нашъ Богъ уже не гнѣвный, строгій, карающій судья, а Богъ любви и милосердія, не требующій подобныхъ жертвъ.

— Но монастырь и доселѣ остается убѣжищемъ несчастныхъ, находящихъ въ немъ миръ и успокоеніе.

— Успокоеніе смерти и миръ могилъ развѣ, да и то врядъ-ли. Бываютъ и мнимо-умершіе, заживо-погребенные, которые затѣмъ просыпаются и тщетно стараются выйти изъ могилы. Кто можетъ счесть слезы, проливаемыя здѣсь втайнѣ? Кто можетъ измѣрить муки тѣхъ несчастныхъ, ко-

торые страдаютъ здѣсь втихомолку? Кто слышалъ тѣ стенанія, безслѣдно оглашающія монастырскія стѣны? Я содрогаюсь при мысли о томъ, что тебя можетъ постигнуть подобная судьба.

Каждое его слово только усиливало и безъ того невыносимыя мученія его. Она чувствовала себя слишкомъ безсильной, чтобы дальше противустоять ему и боялась поколебаться еще въ послѣднюю минуту. Только поспѣшное бѣгство могло спасти ее отъ искушенія, избавить ее отъ опасности.

— Нѣтъ, мнѣ нельзя оставаться—сказала она, напрягая послѣднія свои силы.—Намъ нужно разстаться. Прощай, будь счастливъ.

— Цицилія! воскликнулъ онъ—подумай о томъ что ты дѣлаешь!

— Мое рѣшеніе твердо и непоколебимо.

— Я желаю тебѣ только одного—чтобы ты никогда не раскаялась въ немъ.

— А я каждый день буду молить Спасителя о томъ, чтобъ Онъ просвѣтилъ тебя.—Блѣдная, какъ смерть, она протянула ему на вѣчную разлуку руку, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока она съ плачемъ и рыданіемъ не вырвала ея у него. Она еще разъ оглянулась на него—и затѣмъ изчезла, подобно видѣнію, за деревьями парка, скрывшими ее отъ его взоровъ.

VIII.

Предстоявшее избраніе новаго архіепископа привело въ величайшее волненіе не только соборный капитулъ, но и весь городъ и даже провинцію. Партіи готовились къ предстоящей борьбѣ и заранѣе мѣряли свои силы. Съ теченіемъ времени и при данныхъ обстоятельствахъ образовались двѣ группы, изъ которыхъ каждая съ нетерпѣніемъ ожидала исходъ выборовъ.

На одной сторонѣ стояли друзья Рима и іезуитовъ, безусловно подчинявшіеся власти папы и непогрѣшимой церкви

и не признававшихъ иныхъ авторитетовъ, кромѣ предписаній папы и конклава̀. Къ этой партіи принадлежала значительная часть высшаго духовенства, недовольное провинціальное дворянство, сельское населеніе и строго-католическое городское населеніе, болѣе или менѣе зависѣвшее отъ капитула и жившее его интересами.

Къ другой партіи, придерживавшейся болѣе либеральнаго направленія, въ смыслѣ покойнаго архіепископа, примыкала болѣе образованная часть католиковъ, нѣсколько университетскихъ профессоровъ, извѣстныхъ своей ученостью, приверженцъ такъ называемаго гермесіанскаго ученія, нѣсколько духовыхъ лицъ, которыхъ безпокоили и приводили въ негодованіе притязанія Рима и гибельные происки іезуитовъ, и большая часть независимыхъ гражданъ.

Среди обѣихъ этихъ партій колебалась индифферентная масса, не желавшая портить своихъ отношеній ни къ той, ни къ другой, помышлявшая только о томъ, чтобъ жить въ полномъ мирѣ и спокойно проживать свои доходы, всегда готовая стать на сторону побѣдителя, слишкомъ слабая и безпечная, чтобъ имѣть собственное свое мнѣніе, но могущественная и вліятельная по своей численности.

Обѣ стороны выказывали, какъ въ тиши, такъ и публично, самую усиленную дѣятельность, чтобы провести избраніе своего кандидата. Согласно сдѣланнымъ распоряженіямъ, капитулъ долженъ былъ принять въ соображеніе желаніе протестантскаго правительства и включить въ свой списокъ только такихъ лицъ, которыя могли представить правительству необходимыя гарантіи примирительнаго и умѣреннаго образа дѣйствій.

Изъ трехъ, преимущественно имѣвшихся въ виду кандидатовъ, одинъ считался истинно-благочестивымъ, глубоковѣрующимъ, добросовѣстнымъ и высокой нравственности священникомъ, но человѣкомъ довольно ограниченнаго ума, не стоявшимъ на высотѣ своей задачи. Но тѣмъ не менѣе покуда всѣ шансы успѣха были на его сторонѣ, такъ какъ за него стояли всѣ индифферентные, да къ тому же ему благопріятствовала и часть крайней католической партіи, въ

предположеніи, что онъ сдѣлается послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ и что имъ можно будетъ воспользоваться для ея цѣлей.

Другой кандидатъ былъ самымъ задушевнымъ другомъ и повѣреннымъ покойнаго архіепископа, одушевленный, подобно ему, духомъ терпимости, противникъ іезуитовъ и въ душѣ сторонникъ школы профессора Гермеса, на столько же пріятный правительству, насколько непріятный римской куріи. Но такъ какъ жизнь его была вполнѣ безупречна и его правовѣрность, его преданность дѣламъ церкви и церковной дисциплинѣ стояли внѣ всякаго сомнѣнія, и такъ какъ, къ тому же, онъ пользовался величайшею популярностью среди низшаго духовенства, то и его имя попало, безъ всякихъ затрудненій, въ списокъ кандидатовъ.

Наконецъ, третьимъ соискателемъ являлся извѣстный уже читателямъ соборный деканъ, имѣвшій въ средѣ своихъ духовныхъ товарищей столь же фанатическихъ приверженцевъ, какъ и противниковъ. Многіе опасались его чрезмѣрной гордости и честолюбія, другіе же считали его интриганомъ и пройдохой. Либеральная партія упрекала его за прежде выказанную имъ нетерпимость; ортодоксы же были недовольны двусмысленною ролью, которую онъ игралъ по отношенію къ правительству, такъ что въ удѣлъ ему досталась обычная судьба всѣхъ двуличныхъ людей — презрѣніе обоихъ сторонъ. Самъ онъ, повидимому, мало или даже вовсе не заботился и жилъ, по возвращеніи своемъ изъ Биркенштедтеля, еще уединеннѣе прежняго, держась, какъ казалось, въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ интригъ и происковъ и занимаясь исключительно обязанностями своей службы и дѣлами благотворенія. Послушать его—такъ можно было подумать, что все это дѣло нимало не занимало его лично, а лишь какъ члена католической церкви. Онъ доказывалъ необходимость подавать голоса только за такихъ людей, отъ которыхъ можно было ожидать живѣйшаго интереса къ дѣламъ церкви и истинно-христіанскихъ чувствъ; при этомъ онъ, повидимому, имѣлъ преимущественно въ виду кандидата ортодоксальной партіи, хотя онъ и не называлъ его прямо

по имени. Поэтому всѣ были увѣрены въ томъ, что деканъ самъ сомнѣвался въ своемъ избраніи и не имѣлъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Общественное мнѣніе уже видѣло въ ортодоксальномъ кандидатѣ будущаго архіепископа; онъ самъ былъ очень доволенъ предупредительностью декана, видя въ ней одинъ изъ признаковъ несомнѣннаго успѣха своего. Преклоняясь передъ выдающимся умомъ новаго своего друга, этотъ добродушный, но ограниченный прелатъ вполнѣ отдался руководительству умнаго декана, который такъ открыто и безкорыстно поддерживалъ его выборъ. Оба они часто навѣщали другъ друга и, повидимому, находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Любезный собратъ мой,—сказалъ однажды деканъ своему коллегѣ,—вамъ извѣстно, насколько я желаю вамъ добра и что мнѣ ближе всего интересъ нашей возлюбленной церкви. Я поэтому ежедневно молю Бога о томъ, чтобъ Онъ умудрилъ нашъ капитулъ и направилъ его выборъ на достойнѣйшую главу. Мы болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждаемся въ пастырѣ, который былъ бы кротокъ, яко голубь, и мудръ, яко змій, который соединялъ бы въ своей личности рвеніе св. апостола Петра съ твердою вѣрою св. апостола Павла.

— Я съ этимъ вполнѣ согласенъ,—отвѣтилъ польщенный кандидатъ, воображавшій, что онъ обладаетъ названными качествами и принявшій этотъ намекъ на свой счетъ.

— Къ сожалѣнію,—продолжалъ деканъ,—не вся братія раздѣляетъ наши взгляды. Среди ея есть немало такихъ, которые изъ мірскихъ соображеній, изъ опасеній передъ правительствомъ, ради мира и добраго согласія, готовы были бы предпочесть такого человѣка, относительно нравственности котораго я ничего не имѣю возразить, но который, однакоже, хотя, правда, и втайнѣ, склоняется къ зловредному ученію профессора Гермеса. Излишнѣе было бы говорить вамъ, уважаемый другъ мой, какъ прискорбенъ и нѣсколько даже опасенъ для церкви былъ бы подобный выборъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что этотъ Гермесъ выставляетъ слѣдующій, почти критическій принципъ, сомнѣніе и иска-

ніе доказательствъ есть корень и условіе истинной вѣры, подобно тому, какъ истинная вѣра есть корень и необходимѣйшее условіе всякой добродѣтели, далѣе, что богослову, для того, чтобъ идти вѣрнымъ путемъ, нужно прежде всего положить въ основу своихъ построеній философскій фундаментъ и что онъ долженъ слѣдовать только принципамъ чистаго разума.

— Да вѣдь это ужасно!

— По этому-то намъ и вдвойнѣ необходимо быть насторожѣ и позаботиться о томъ, чтобы не былъ избранъ индифферентъ или приверженецъ этого пагубнаго ученія, что, какъ я опасаюсь, легко могло бы случиться, еслибы мы не постарались своевременно предотвратить эту опасность отъ церкви.

— Но что же слѣдуетъ дѣлать, чтобы предотвратить отъ нашей церкви и отъ нашей епархіи подобное несчастіе?

— Для этого есть только одно, но за то вѣрное средство: нужно сдѣлать невозможнымъ избраніе нашего противника.

— Этого не такъ-то легко будетъ достигнуть, такъ какъ ему нельзя сдѣлать никакого серьознаго упрека. Если-бы мы выступили обвинителями его, то общественное мнѣніе приписало бы намъ корыстные, личные мотивы.

— По этому-то намъ и слѣдуетъ направить наши нападенія не противъ него лично, а противъ ученія профессора Гермеса. Какъ вамъ извѣстно, въ Римъ уже отправленъ былъ доносъ, который, къ сожалѣнію, ни къ чему не привелъ, такъ какъ тамъ хотѣли пощадить покойнаго нашего архіепископа, друга и защитника этихъ заблужденій, — да проститъ ему то Господь! Но послѣ его смерти это соображеніе совершенно отпадаетъ, и не трудно будетъ добиться отъ св. отца строгаго осужденія, если высокоуважаемый и строго-вѣрующій человѣкъ, какъ вы, напримѣръ, войдетъ съ представленіемъ по этому предмету и снова возбудитъ этотъ полузабытый вопросъ.

— Но почему же вы сами не желаете взяться за это и сдѣлать въ Римѣ необходимые шаги?

— Потому что я теперь уже не пользуюсь тамъ такимъ же довѣріемъ и высокимъ авторитетомъ, какъ вы, — отвѣтилъ деканъ съ кажущейся откровенностью. — Меня тамъ подозрѣваютъ въ томъ, будто я вошелъ въ компромиссъ съ правительствомъ, хотя я въ этомъ отношеніи и не знаю за собой никакой вины. Меня считаютъ за честолюбиваго интригана, который желаетъ остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими партіями, хотя я ничего такъ пламенно не желаю, какъ жить въ мирѣ и согласіи съ небомъ и съ свѣтскою властью. Я вполнѣ сознаю, насколько я недостоинъ принять на себя такую обузу, которая слишкомъ тяжела для моихъ слабыхъ плечъ, и молю Бога о томъ, чтобы Онъ призвалъ къ тому такого человѣка, который имѣлъ бы достаточную силу и святость, чтобы нести это важное званіе.

— Но въ Римѣ, пожалуй, потребуютъ доказательствъ, основательнаго изложенія гермесіанской системы, которою я между тѣмъ занимался лишь очень поверхностно.

— Это предоставьте ужъ мнѣ. Мой частный секретарь, патеръ Игнатій, котораго я при этомъ случаѣ рекомендую вамъ, охотно избавитъ васъ отъ труда заниматься этими еретическими ученіями и доставитъ вамъ необходимыя доказательства, опроверженія и весь матеріалъ къ формальному обвиненію, такъ какъ онъ давно уже занятъ писаніемъ сочиненія по этому предмету. Я же ручаюсь вамъ за его молчаливость.

При такихъ обстоятельствахъ, благочестивый, правовѣрный кандидатъ изъявилъ согласіе послѣдовать совѣту безкорыстнаго друга своего, въ полной увѣренности, что онъ тѣмъ оказываетъ величайшую услугу церкви, провинціи и себѣ самому. Уже нѣсколько времени спустя появилось, какъ совершенно вѣрно предвидѣлъ умный соборный деканъ, извѣстное папское посланіе, въ которомъ писанія профессора Гермеса торжественно осуждались и провозглашались достойными сожалѣнія лжеученіями.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ папскимъ посланіемъ, было громадное и сразу уничтожило всѣ надежды свободномыслящей партіи, такъ какъ папскія постановленія уже въ

то время считались непогрѣшимыми и принимались всѣмъ католическимъ міромъ за внушенія и повелѣнія святаго духа. Понятно, что послѣ этого не могло быть и рѣчи объ избраніи сторонника и защитника лжеученія. Всѣ нейтральные, которые заботились о спасеніи своей души, а еще болѣе о сохраненіи своихъ должностей и синекуръ, отшатнулись отъ него и даже друзья его оказались вынужденными отступиться отъ его кандидатуры.

Но съ другой стороны, и благочестивый, правовѣрный кандидатъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, какъ онъ слишкомъ поздно въ томъ убѣдился. Правительство, покровительствовавшее гермесіанцамъ, съ негодованіемъ встрѣтило папское посланіе, считая его направленнымъ противъ него, и поэтому рѣшилось, менѣе чѣмъ когда-либо, допустить избраніе противника. Несмотря на всю осторожность и молчаливость заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ о секретномъ доносѣ и о всѣхъ его подробностяхъ, и всѣ стали называть, какъ публично, такъ и въ тайнѣ, имя виновника его, отъ котораго по этому отступилось и правительство, и собственная его партія. При такихъ обстоятельствахъ на избирательной аренѣ остался одинъ только деканъ Клеменсъ, который теперь сталъ пожинать плодъ своего ловкаго образа дѣйствій.

Такимъ образомъ и онъ самъ, и вся провинція считали его избраніе обезпеченнымъ, какъ въ самую послѣднюю минуту возникли неожиданныя препятствія со стороны вліятельнаго губернатора. Хотя послѣдній, благодаря посредничеству Гавріила, простилъ декану прежнія его нападки, и между ними произошло извѣстное сближеніе, однако онъ все же продолжалъ питать какое-то инстинктивное недовѣріе къ честолюбивому прелату, которое увеличилось еще вслѣдствіе послѣдняго событія въ семействѣ Гавріила.

Вообще очень терпимый въ дѣлахъ вѣры губернаторъ открыто выражалъ свое неодобреніе тому, что Гавріилъ, окрестивъ послѣдняго своего младшаго сына въ католическую вѣру, оскорбилъ этимъ протестантское населеніе, и въ особенности своихъ товарищей. Въ тоже время онъ счелъ

нужнымъ предупредить его противъ скрытаго вліянія декана на его тещу и жену. Эти серьозныя представленія благорасположеннаго къ нему начальника заставили Гавріила обратить вниманіе на этотъ предметъ и подтвердили давно уже таившіяся въ его душѣ подозрѣнія относительно тещи своей, которой онъ давно уже не безъ основанія приписывалъ вину въ этихъ, крайне непріятныхъ для него, религіозныхъ раздорахъ въ собственномъ его семействѣ. А разъ его подозрѣніе было возбуждено, онъ сталъ смотрѣть съ бóльшимъ вниманіемъ на то, что творилось въ нѣдрахъ его семейства. При этомъ онъ прежде всего съ прискорбіемъ замѣтилъ, что подросшій тѣмъ временемъ мальчикъ, какъ въ рѣчахъ своихъ, такъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, обнаруживалъ рѣшительную наклонность къ католической религіи, что было вполнѣ естественно при данныхъ обстоятельствахъ. Для десятилѣтняго Фридриха не было бóльшаго удовольствія, какъ отправляться съ бабушкой, къ которой онъ за послѣднее время особенно привязался, въ католическій соборъ, гдѣ онъ становился подлѣ нея на колѣни и молился.

Учителя его стали жаловаться на невниманіе, а въ особенности на нежеланіе его изучать лютеранскій Законъ Божій; но за то онъ выказывалъ большой талантъ къ рисованію, въ особенности католическихъ иконъ, которыя онъ тщательно копировалъ съ подаренныхъ имъ бабушкой и деканомъ картинъ духовнаго содержанія. Огорченный этимъ неожиданнымъ открытіемъ, Гавріилъ сталъ серьозно подумывать объ удаленіи своего сына изъ подъ этихъ вредныхъ вліяній. Но такъ какъ всѣ его усилія въ этомъ отношеніи остались безполезны и не повели къ желаемому результату, то для него не оставалось ничего инаго, какъ удалить мальчика изъ теперешней его обстановки и отдать его въ пансіонъ, на что, однако, ему не такъ легко было рѣшиться въ виду нѣжной привязанности жены его къ сыну; онъ, впрочемъ, не отказывался отъ этого плана и велъ по этому предмету письменные переговоры съ другомъ своимъ Готшалькомъ.

Деканъ тотчасъ же узналъ объ этихъ, далеко не входившихъ въ его планы, намѣреніяхъ изъ секретныхъ донесеній преданной ему г-жи Фонъ-Утенговенъ. Хотя онъ вообще очень мало заботился о мнѣніяхъ и о семейныхъ дѣлахъ совѣтника, но онъ именно въ это время опасался вліянія губернатора, который своими дѣйствіями могъ помѣшать почти несомнѣнному избранію его. Въ этомъ своемъ затрудненіи онъ обратился къ княгинѣ Гохштейнъ-Биркенштедтель, чтобы напомнить ей о ея обѣщаніи и обезпечить за собою ея поддержку. Въ этихъ видахъ онъ написалъ ей слѣдующее шифрованное письмо, условный ключъ къ которому былъ извѣстенъ ей одной.

„Любезный другъ! Настало время, когда вы можете оказать величайшую услугу церкви, вашему покорному слугѣ и себѣ самой. Для этого вамъ только необходимо немедленно отправиться ко двору. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что королевское семейство встрѣтитъ васъ съ распростертыми объятіями, въ особенности, если князь согласится сдѣлать нѣкоторыя незначительныя уступки. Король, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, находится въ болѣе примирительномъ настроеніи, чѣмъ когда-либо; принцъ *, и въ особенности принцесса ** открыто принимаютъ вашу сторону. Вы найдете въ послѣдней единомышленницу и друга, втайнѣ раздѣляющаго ваши религіозные взгляды. Кромѣ того среди особъ, окружающихъ короля, есть вліятельныя лица, какъ, напр., генералъ Т., министръ Ст., графиня В., которыя, частью завѣдомо, частью безотчетно, работаютъ въ нашу пользу. Этимъ разсѣяннымъ членамъ недостаетъ только главы, которая руководила бы всѣми ихъ дѣйствіями. Кто бы могъ быть лучшимъ вождемъ, какъ не наша умная и любезная княгиня, которую само небо призвало къ великому дѣлу—водруженія знамени нашей святой церкви въ самомъ лагерѣ ожесточенныхъ враговъ ея, поборенія въ столицѣ нашей невѣрія и уничтоженія гибельнаго вліянія новѣйшей философіи. Уму моему теперь уже представляется, уважаемый другъ мой, какъ церковь наша будетъ чествовать и благословлять въ васъ вторую Изабеллу Испанскую.—

Что касается избранія моего, то оно въ послѣднее время снова сдѣлалось сомнительнымъ, такъ какъ губернаторъ нашей провинціи открыто высказался противъ него. Вы, дорогой другъ мой, единственная моя опора, послѣдняя моя надежда. Кромѣ Бога, я разсчитываю только на вашу поддержку. Мнѣ извѣстно ваше благочестивое рвеніе и тѣ могущественныя средства, которыя вы, если вы того пожелаете, можете пустить въ ходъ; поэтому-то я и не падаю духомъ. Вы посвящены въ наши секретные планы, и вамъ лучше всего извѣстно, что тутъ дѣло идетъ не о моихъ личныхъ интересахъ, а о будущности церкви въ этой протестантской странѣ. Если, какъ я опасаюсь, будетъ выбранъ индифферентный, пріятный правительству, кандидатъ, то всѣ наши труды пойдутъ прахомъ; гермесіанство снова подниметъ голову, ересь распространится и невѣріе будетъ торжествовать,—отъ чего да избавитъ насъ Господь Богъ. Употребите поэтому все ваше вліяніе, чтобъ отвратить отъ насъ этотъ ударъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, не трудно будетъ убѣдить короля, что меня оклеветали. Вы смѣло можете поручиться за вполнѣ правительственные взгляды мои, конечно, съ тою оговоркой, что я не могу забыть моихъ обязанностей по отношенію къ святой нашей церкви и къ намъ. При случаѣ упомяните о настроеніи провинціи и о томъ, что мѣстное дворянство, среди котораго у меня, какъ извѣстно, немало родныхъ и друзей, очень обрадуется моему избранію и немало будетъ польщено имъ. Прежде всего вамъ слѣдуетъ постараться склонить на нашу сторону принцессу *** и принцессу ****. Принцъ, какъ вамъ извѣстно, рѣшительный врагъ бюрократіи и презираетъ узкій протестантскій раціонализмъ; онъ увлекается средневѣковымъ романтизмомъ и мечтаетъ о всеобщей церкви съ католической обрядностью, что, между нами будь сказано, чистѣйшая нелѣпость. Но тѣмъ не менѣе поддерживайте его въ этомъ заблужденіи, дѣлайте видъ, будто вы относитесь серьозно къ его непрактичнымъ идеямъ и страннымъ выдумкамъ, будто вы раздѣляете его мистически-эстетическія мечтанія; дѣлайте видъ, будто вы въ восторгѣ отъ нихъ и обѣщайте ему лично войти въ сношенія

съ папой, котораго онъ глубоко уважаетъ, въ видахъ достиженія подобнаго религіознаго единенія, о чемъ, разумѣется, и думать нечего.—Считаю, впрочемъ, нужнымъ напомнить вамъ о томъ, что намъ нельзя терять времени и слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ эпоха выборовъ приближается. Я надѣюсь, что мнѣ вскорѣ удастся *на дѣлѣ* доказать вамъ, насколько я вамъ буду благодаренъ. Я ежедневно и ежечастно молю Бога о томъ, чтобъ Онъ исполнилъ ваше, повѣренное вами мнѣ желаніе, и совершилъ для васъ такое же чудо, какое Онъ совершилъ для Сары и Анны. Пресвятая Дѣва, о непорочномъ зачатіи которой вы постоянно должны думать, услышитъ наши горячія моленія и ниспошлетъ на васъ свою благодать, для того чтобы вы, освободившись отъ всякихъ земныхъ заботъ, могли посвятить себя исключительно служенію церкви. Полагайтесь на Матерь Божію и на друзей вашихъ!

„Мы достигли уже многаго и достигнемъ еще большаго, если вы будете слѣдовать нашему совѣту. Съ особымъ удовольствіемъ узналъ изъ вашего послѣдняго письма и изъ одновременно полученныхъ мною донесеній патера Убрана, о важныхъ событіяхъ въ Биркенштедтелѣ, о возвращеніи графини въ монастырь и о постоянно увеличивающемся неудовольствіи князя противъ своего племянника. Намъ, конечно, не слѣдуетъ торжествовать слишкомъ рано и складывать руки, но, съ другой стороны, намъ не слѣдуетъ также слишкомъ торопиться. Прежде всего — осторожность, любезный другъ мой. Графиня до сихъ поръ еще не выдержала годичнаго искуса и не приняла постриженія. Сердце человѣка, и въ особенности сердце женщины, измѣнчиво, какъ вѣтеръ и какъ волна. Поэтому слѣдуетъ не выпускать Цециліи изъ глазъ и зорко слѣдить за нею, что охотно приметъ на себя хорошо знакомая съ патеромъ Урбаномъ настоятельница монастыря. Что касается графа Гвидо, то я вамъ совѣтую пока ничего не предпринимать противъ него. Чѣмъ болѣе онъ скомпрометируетъ себя сношеніями своими съ еврейкой и съ биркенштедтельскими атеистами, тѣмъ легче будетъ устранить его и довести дѣло до неизбѣжнаго разрыва. Если

онъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно любитъ молодую дѣвушку и серьозно помышляетъ о бракѣ съ нею,—на что я считаю способнымъ этого молодаго безумца,—то игра наша выиграна, такъ какъ онъ, вслѣдствіе подобнаго неровнаго брака, утратитъ всѣ свои наслѣдственныя права и свои притязанія на маіоратъ.—Кстати я могу сообщить вамъ относительно этой еврейки, которая называется, если я не ошибаюсь, Сарра Вольфъ, чрезвычайно интересную новость, которую я узналъ вслѣдствіе счастливой случайности. Дѣвушка эта — дочь отъ перваго брака дружнаго съ нашимъ губернаторомъ совѣтника Нейдека, крещеннаго еврея, который женился на католичкѣ, г-жѣ фонъ-Утенговенъ, скрывъ отъ нея свое происхожденіе и существованіе этой своей дочери. Обладаніе этой тайной, которую я васъ, однако, попрошу пока не разглашать, обезпечиваетъ за мною большое вліяніе на это семейство, и я думаю при удобномъ случаѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ интересахъ нашего дѣла.

„Во всемъ этомъ, очевидно, сказывается милосердіе неба, которое указываетъ намъ пути и средства, съ помощью которыхъ мы, не смотря на всяческія препятствія, достигнемъ нашей цѣли, если только мы будемъ слушаться велѣній церкви. Такъ посвятимъ же оба сообща наши силы великому дѣлу и будемъ дѣлать все, что можемъ, во славу и величіе Божіи. Если мы будемъ стойки и доведемъ дѣло до конца, награда будетъ немалая. Спаситель нашъ приметъ васъ подъ особое свое покровительство, а я не перестану молиться за васъ и просить небо объ исполненіи вашего желанія. Преданный вамъ *Климентій*".

Послѣ того, какъ княгиня прочла это, чрезвычайно интересное и важное для нея письмо, она тотчасъ же стала торопиться къ отъѣзду въ столицу. Князь пробовалъ было дѣлать различныя возраженія противъ предположенной поѣздки, указывая главнымъ образомъ на значительные расходы, сопряженные съ продолжительнымъ пребываніемъ при дворѣ; княгинѣ однако безъ особаго труда удалось устранить своими доводами сомнѣнія своего супруга. Не объясняя ему истинной причины своей поѣздки, она такъ ясно и

настоятельно указала ему на необходимость примиренія съ королевскимъ семействомъ и на проистекавшія отсюда выгоды, а главнымъ образомъ на желательность скорѣйшаго окончанія непріятнаго и дорого-стоющаго процесса, который велъ князь, что послѣдній наконецъ согласился и, по ея совѣту, назначилъ на ея поѣздку часть недавно занятой для улучшенія горнаго дѣла въ своемъ княжествѣ суммы, въ твердой увѣренности, что онъ служитъ этимъ своимъ интересамъ, а не инымъ, совершенно посторроннимъ, цѣлямъ. Уже черезъ нѣсколько дней княгиня была въ состояніи извѣстить декана объ отъѣздѣ своемъ въ столицу, куда она и не замедлила благополучно прибыть, вмѣстѣ съ княземъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ числѣ которой была и особенно преданная ей камеристка Симони.

IX.

Какъ совершенно вѣрно предсказалъ имѣвшій всегда самыя точныя свѣдѣнія деканъ, пріемъ, оказанный князю и княгинѣ ихъ августѣйшими родственниками превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. Холодный и сдержанный въ своихъ манерахъ, ненавидѣвшій всякія эксцентричности король обладалъ, однако, мягкой и любящей душой, которой лишь немногіе подозрѣвали у него.

„Все забыто и прощено“—сказалъ онъ съ свойственной ему манерой говорить отрывочными фразами, — „Хотя я и врагъ всякихъ увлеченій, но я умѣю уважать чужія убѣжденія. Я полагаю, что во всякой религіи могутъ быть хорошіе и добросовѣстные люди. Словомъ, не будемъ объ этомъ спорить. Радъ тому, что снова увидѣлъ васъ послѣ такого долгаго промежутка времени. Много кое о чемъ намъ нужно переговорить. Желаю, чтобы вы остались у насъ подольше“.

— Ваше величество слишкомъ добры,—отвѣтилъ князь;— но обстоятельства наши не позволяютъ намъ....

— Я слышалъ, что графъ Гольштейнъ принялъ на себя управленіе вашими имѣніями. Говорятъ, что это очень не

глупый молодой человѣкъ, только немножко фантазеръ. Впрочемъ съ годами вѣроятно обойдется. Молодость любитъ новизну, а старики—старину. Не такъ-ли, любезной князь?

— Я вполнѣ согласенъ съ вашимъ величествомъ. Чѣмъ болѣе я старѣюсь, тѣмъ труднѣе для меня становится свыкаться съ новѣйшими реформами.

— Это я знаю,—сказалъ король серьознымъ, но ласковымъ голосомъ. — Но, любезный князь, не слѣдуетъ стоять и на одномъ мѣстѣ. Я не люблю крайностей. Правды всегда слѣдуетъ искать по срединѣ. Всѣмъ намъ приходится дѣлать уступки, и мнѣ первому. Надѣюсь, что мы съ вами столкуемся и оговоримся. Я буду очень радъ устраненію недоразумѣній. Очень вамъ благодаренъ за то, что вы вошли ко мнѣ на встрѣчу.

Еще лучше установились отношенія княгини къ умному, но нѣсколько увлекающемуся наслѣдному принцу, который во многихъ отношеніяхъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ своимъ трезвымъ, не любившимъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ отцомъ. Его возвышенный, склонный ко всему идеальному умъ, его благородное, преисполненное истиннаго благочестія сердце не только легко вдавались въ обманъ, такъ какъ онъ никакъ не могъ допустить совмѣщенія истинной вѣры съ мірскими интересами, возвышенныхъ принциповъ, отданныхъ на служеніе эгоистическимъ цѣлямъ. Одушевленный самымъ искреннимъ стремленіемъ къ правдѣ, онъ считалъ и окружающихъ его не способными ко лжи. Ему антипатичны были бездушный механизмъ исполнительной, но безъидейной бюрократіи, поверхностность и мелочность заурядннаго раціонализма, трезвость протестантскаго богослуженія и споры политическихъ и церковныхъ партій; неудовлетворенный дѣйствительностью, онъ старался бѣжать изъ нея въ романтическое прошлое, въ которомъ онъ надѣялся найти поэзію, единство вѣры и жизни, разнообразіе и обиліе интересовъ и явленій.

Особенно интересовался принцъ религіозными вопросами, въ которыхъ онъ, съ своей точки зрѣнія, видѣлъ разрѣшеніе всѣхъ великихъ задачъ своего вѣка. Для него вѣра яв-

лялась основнымъ условіемъ всего существованія, всякаго индивидуальнаго, государственнаго и общественнаго развитія, одинаково важнымъ какъ для монарха, такъ и для народа. Онъ усматривалъ въ религіи спасительницу и избавительницу человѣчества, единственный вѣрный оплотъ противъ политическихъ и соціальныхъ революцій, приближеніе которыхъ онъ уже видѣлъ въ умѣ своемъ. Поэтому онъ съ особымъ рвеніемъ стремился къ пробужденію засыпавшей вѣры, къ оживленію религіознаго сознанія. Хотя онъ всей душою былъ преданъ протестантизму, убѣжденъ въ его непреложности и необходимости, онъ, съ другой стороны, удивлялся единству и могуществу, сплоченности и твердости католической церкви, господствовавшему въ ней духу аскетизма и самоотреченія и торжественности его богослуженія. Даровитый, но къ сожалѣнію болѣе мечтательный, чѣмъ энергичный, принцъ поставилъ себѣ цѣлью сліяніе обоихъ этихъ противуположныхъ элементовъ—духа протестантской правды съ католической формой и организаціей, свободы совѣсти съ властностью церкви.

Уже въ одинъ изъ ближайшихъ дней княгиня получила отъ него любезное приглашеніе на его интимныя вечернія собранія, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе собирать въ своемъ дворцѣ единомышленныхъ друзей своихъ. Въ этомъ интересномъ обществѣ, сосредоточивавшемъ въ себѣ все, что было въ столицѣ наиболѣе выдающагося въ умственномъ отношеніи, умная княгиня встрѣтила не только наилучшій пріемъ, но и желанное поле для своей дѣятельности. Большинство присутствовавшихъ раздѣляло, или по крайней мѣрѣ дѣлало видъ будто раздѣляетъ романтическіе взгляды и религіозныя убѣжденія умнаго принца. Не отступая отъ ученія протестантизма, они все же выказывали нѣкоторую наклонность къ католическимъ учрежденіямъ и къ эстетическимъ наслажденіямъ во вкусѣ католицизма. Одинъ извѣстный, какъ своимъ мистицизмомъ, такъ и своею образованностью, генералъ съ восторгомъ отзывался о писаніяхъ средневѣковыхъ мистиковъ, въ особенности о проповѣдяхъ знаменитаго Таулера. Только что возвратившійся изъ Италіи

выдающійся художникъ показывалъ свои рисунки на религіозныя темы, между тѣмъ какъ богобоязненный графъ X..... съ величайшимъ одушевленіемъ описывалъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Іерусалимъ и къ Святымъ Мѣстамъ.

Это избранное, хотя и нѣсколько оригинальное общество относилось къ переходу княгини въ католицизмъ съ величайшею сдержанностью и деликатностью. Благородный принцъ, чуждый всякой подозрительности, вѣрилъ въ безкорыстіе ея мотивовъ и искалъ ихъ въ влеченіи ея сердца и въ стремленіи къ болѣе положительной религіи. Хотя онъ и не вполнѣ одобрялъ этого ея шага, но онъ все же видѣлъ въ немъ лишь заблужденіе недюжинной натуры, возвышающейся надъ всѣмъ заурряднымъ, которую нельзя было мѣрить обычнымъ масштабомъ. Ему были одинаково сампатичны и наружность ея, и ея манеры и складъ ея ума; она же, съ своей стороны, послѣдовала совѣту декана, и пустила въ ходъ всякія средства для того, чтобы расположить къ себѣ довѣрчиваго къ людямъ принца. Она играла свою роль съ замѣчательнымъ искусствомъ и приводила его въ восхищеніе, какъ той легкостью, съ которою она схватывала всѣ его мысли и идеи, такъ и обѣщаніемъ своимъ расположить лично знакомаго ей папу и находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ къ ней высшихъ сановниковъ католической церкви въ пользу любимаго имъ плана объединенія церквей. При удобномъ случаѣ она заговорила съ принцемъ о деканѣ, имя котораго не было неизвѣстнымъ первому, выставляя этого прелата наиболѣе подходящимъ посредникомъ и человѣкомъ, одушевленнымъ тѣми же стремленіями, что, повидимому, нѣсколько удивило принца.

— А мнѣ, — сказалъ онъ съ изумленіемъ, — его описали въ совершенно иномъ свѣтѣ. Судя по донесеніямъ стараго, честнаго губернатора, мнѣнія котораго король и спросилъ въ виду предстоящихъ выборовъ, деканъ принадлежитъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ противниковъ правительства. Его здѣсь считаютъ честолюбцемъ и человѣкомъ ненадеж-

нымъ, и опасаются столкновеній и усложненій въ случаѣ если онъ будетъ призванъ на эту высокую и важную должность.

— А я его лучше знаю,— отвѣтила княгиня, — и могу увѣрить ваше высочество, что о немъ судятъ ошибочно. Губернаторъ, достоинства котораго я вполнѣ признаю, въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ личнаго предъубѣжденія противъ декана, который, правда, въ прежнія времена протестовалъ противъ различныхъ захватовъ въ бюрократіи......

— Чего эти господа терпѣть не могутъ,— улыбаясь замѣтилъ принцъ;—для нихъ кепріятенъ всякій, кто не подчиняется ихъ бездушному формализму и не приходитъ въ восхищеніе отъ ихъ бумагомаранія. Они желаютъ устроить весь міръ по своему шаблону и относятся безъ всякаго уваженія къ выдающимся по своему положенію личностямъ, къ историческимъ правамъ, къ провинціальнымъ и мѣстнымъ особенностямъ, которыя слѣдуетъ не уничтожать, а щадить.

— Ваше высочество,—восторженно воскликнула княгиня, — обладаетъ Соломоновымъ перстнемъ, который даетъ вамъ господство надъ умами и открываетъ вамъ малѣйшіе помыслы. Вы совершенно правы — деканъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ обыкновенныхъ натуръ, которыя способны приноровиться ко всякимъ обстоятельствамъ. Для того, чтобы вѣрно оцѣнить его, нужно знать его внутреннюю жизнь, его задушевныя стороны. Подобно блаженному Августину, котораго онъ поставилъ себѣ образцомъ, онъ нашелъ истину на пути заблужденій, онъ боролся и сражался со зломъ, пока не побѣдилъ его. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ живетъ вдали отъ міра, въ строгомъ уединеніи, занимаясь только дѣлами христіанскаго милосердія, строгій къ самому себѣ и снисходительный по отношенію къ другимъ, истинный служитель Господа, ухаживая за больными, подобно св. Викентію, утѣшая умирающихъ, не ощущая почти никакихъ человѣческихъ потребностей, никакихъ земныхъ желаній.

— И вы полагаете, что деканъ былъ бы готовъ усвоить себѣ наши взгляды?

— Я ручаюсь за него, такъ какъ я настолько счастли-

ва, что мнѣ знакомы истинные его помыслы. Никто не сожалѣетъ глубже и искреннѣе о религіозной распрѣ, чѣмъ мой другъ. Будучи преисполненъ удивленія къ могуществу и величію своей церкви, онъ однако отлично понимаетъ слабыя и дурныя стороны устарѣлыхъ учрежденій. Передъ нимъ, какъ передъ вашимъ высочествомъ, носится идеалъ единой, великой церкви, единаго стада, пастыремъ котораго долженъ быть самъ Христосъ. Только въ видахъ осуществленія этой своей мысли, только для содѣйствія тому, онъ рѣшился бы покинуть свое уединеніе и принять выборъ, хотя, какъ онъ мнѣ пишетъ, онъ принесъ бы этимъ величайшую жертву. Его не соблазняютъ блага и почести этого міра, отъ котораго онъ навсегда отказался, чтобы всецѣло посвятить себя Богу.

— Дѣйствительно, въ наше время подобный человѣкъ представляется рѣдкостью. Я положительно отказываюсь понимать, почему губернаторъ предостерегалъ насъ противъ него.

— А потому, что онъ своимъ трезвымъ, бюрократическимъ умомъ не въ состояніи понять такого страннаго явленія, которое поэтому кажется ему подозрительнымъ, какъ все выдающееся изъ ряда вонъ, не подлежащее классификаціи и регистраціи. Бюрократъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и честенъ, никогда не въ состояніи понять такого человѣка, которому мѣсто въ высшемъ мірѣ, а отнюдь не въ полицейскомъ государствѣ. Только геній въ состояніи понять родственный геній, только вѣра въ состояніи понять чудо, только благочестивый умъ оцѣнить святыню, только историческое чутье отнесется по достоинству къ историческому развитію.

— Я лично поговорю съ королемъ,—сказалъ польщенный словами княгини принцъ,—хотя я и знаю, что нелегко будетъ переубѣдить его, такъ какъ онъ очень полагается на мнѣніе старика-губернатора.

— Быть можетъ, ваше высочество, было бы полезно указать на настроеніе вновь пріобрѣтенныхъ провинцій, на связи декана съ историческимъ дворянствомъ. Подобный вы-

боръ, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, произведетъ наилучшее впечатлѣніе и было бы желательно даже и въ политическомъ отношеніи.

Послѣ такихъ увѣреній принцъ нисколько не стѣснялся рекомендовать самымъ горячимъ образомъ избраніе декана, аскетическое направленіе котораго вызывало полнѣйшее его сочувствіе. Но справедливый и осторожный король потребовалъ вѣрныхъ гарантій относительно будущаго. Поэтому онъ поручилъ министру духовныхъ дѣлъ предварительно потребовать отъ кандидата самаго категорическаго отвѣта на слѣдующій вопросъ: „намѣренъ ли онъ, въ качествѣ будущаго епископа, не только уважать и соблюдать состоявшее между правительствомъ и римской куріей соглашеніе, и вообще дѣйствовать въ смыслѣ внушившаго его примирительнаго духа?" Деканъ отвѣтилъ на этотъ запросъ, что онъ остережется отъ всякихъ нападокъ или посягательствъ на это соглашеніе, и, напротивъ, будетъ примѣнять его въ своей епархіи въ духѣ любви и примиренія.

Послѣ этого категорическаго и совершенно опредѣленнаго заявленія, со стороны правительства не могло уже встрѣтиться ни малѣйшаго препятствія предположенному выбору. Въ назначенный для того день собрался соборный капитулъ и почти единогласно избралъ декана Климентія архіепископомъ провинціи. Партія ортодоксовъ, іезуитовъ и католической аристократіи ликовала, тѣмъ болѣе, что старикъ-губернаторъ, оскорбленный игнорированіемъ его предостереженій, раздраженный веденными за его спиной интригами и убѣдившись въ тщетности своихъ стараній воспрепятствовать этому выбору, счелъ нужнымъ подать въ отставку.

Папа, понятно, не замедлилъ утвердить этотъ выборъ и уже черезъ нѣсколько недѣль совершена была съ большою торжественностью хиротонія новаго епископа. Старинный, высокій соборъ едва могъ вмѣстить въ себѣ громадную толпу, собравшуюся для того, чтобы взглянуть на эту величественную церемонію. Среди аристократическихъ гостей можно было замѣтить между прочимъ князя и княгиню Гохштейна-

Биркенштедтель, покинувшихъ столицу, для того чтобы присутствовать при торжествѣ своего друга. Изъ Рима было прислано, въ качествѣ папскаго легата, одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ католической церкви для рукоположенія новаго епископа. Въ качествѣ представителя и коммиссара высшаго, протестантскаго правительства, присутствовалъ новый губернаторъ, вполнѣ раздѣлявшій взгляды наслѣднаго принца. Вообще зрѣлище было величественное. Высокій соборъ былъ залитъ свѣтомъ тысячъ свѣчей; органъ торжественно гудѣлъ, пѣніе великолѣпнаго хора оглашало своды. Лицо новаго архіепископа сіяло торжествомъ, а его высокая, статная фигура, облеченная въ богатую ризу, съ посохомъ въ правой рукѣ и съ золоченной митрой на головѣ невольно приковывала къ себѣ взоры. Онъ шелъ сквозь толпу, съ скромно опущенными взорами, но все же съ сознаніемъ своего величія во всей своей фигурѣ, между тѣмъ какъ всѣ торжественно преклонялись передъ нимъ. Гордое его сердце вздымалось отъ радости при видѣ колѣнопреклоненнаго народа, гордыхъ аристократовъ, красивыхъ женщинъ и даже протестантскихъ властей, склонявшихъ головы передъ его могуществомъ и сотенъ и тысячъ людей, толпившихся къ нему, чтобы принять его благословеніе и облобызать его руку.

Въ числѣ зрителей находилось, понятно, и семейство совѣтника Нейдека, желавшее полюбоваться почетомъ, оказываемымъ его родственнику и духовнику. Благочестивая Ульрика горячо молилась о ниспосланіи всевозможныхъ благъ дорогому духовному пастырю, хотя она въ послѣднее время очень рѣдко видѣлась съ нимъ, отчасти потому, что ея мужъ, послѣ послѣдняго разговора своего съ губернаторомъ, считалъ нужнымъ прервать дружественныя отношенія къ президенту, частью потому, что самъ деканъ былъ слишкомъ занятъ. Вслѣдствіе этого Ульрика обратилась къ другому духовнику, и притомъ, по желанію Гавріила, съ которымъ она посовѣтовалась объ этомъ, къ почтенному канонику, который до выборовъ былъ кандидатомъ либеральной партіи.

Но за то г-жа фонъ-Утенговенъ тѣмъ искреннѣе и крѣпче привязалась къ духовному другу своему, избраніе котораго

она поддерживала всѣми находившимися въ ея распоряженіи средствами, такъ какъ она видѣла въ этомъ избраніи оказываемую ея семейству честь и гордилась имъ не меньше, если не больше самого декана. Поэтому она, по окончаніи церемоніи, поспѣшила принести ему свои поздравленія, которыя онъ принялъ съ милостивой улыбкой.

Но никто не былъ такъ потрясенъ всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, какъ странный, мечтательный мальчикъ, сынъ Гавріила, который, вмѣстѣ съ своей сестрой, присутствовалъ при церемоніи. Какое-то неописуемое благоговѣніе наполняло его душу при видѣ этого зрѣлища, въ которомъ земное великолѣпіе соединялось съ небеснымъ величіемъ. Между тѣмъ какъ восторженный взоръ его съ восхищеніемъ останавливался на блестящемъ алтарѣ, на золоченныхъ ризахъ, на таинственныхъ церемоніяхъ, на богатыхъ церковныхъ сосудахъ, его живая фантазія витала въ какихъ-то надземныхъ сферахъ, а его дѣтское сердце преисполнялось неземною радостью. Онъ смутно чувствовалъ величіе и могущество, которыми обладала католическая церковь и которыя она переносила на своихъ слугъ, видя новаго епископа, осыпаемаго такимъ почетомъ и уваженіемъ, шествующаго, въ сознаніи своего могущества, по собору, окруженнаго колѣнопреклоненной толпою и самыми знатными городскими мужчинами и женщинами. Съ непріятнымъ изумленіемъ Гавріилъ, нарочно державшійся вдали отъ всей этой церемоніи, услыхалъ изъ устъ возвратившагося изъ собора сына своего восторженное описаніе этого великолѣпнаго зрѣлища, которое, по его глубокому убѣжденію, составляло рѣзкій и нежелательный контрастъ съ апостольскою простотою и съ скромностью истиннаго христіанства.

Слишкомъ поздно озабоченный отецъ понялъ вредное вліяніе, подъ которымъ такъ долго находился восторженный, слишкомъ отзывчивый на такія впечатлѣнія мальчикъ. Лишь быстрое удаленіе изъ подобной обстановки, разлученіе съ окружавшимъ его католицизмомъ на болѣе продолжительное время могли удержать мечтательнаго мальчика отъ дальнѣйшихъ, нежелательныхъ увлеченій, и Гавріилъ рѣшилъ, что

ничто не удержитъ его отъ исполненія въ столь важномъ случаѣ своего долга. Онъ глубоко сожалѣлъ о выказывавшейся имъ до сихъ поръ снисходительности, и какъ онъ ни былъ готовъ щадить религіозныя чувства и даже предразсудки своей жены, онъ однако твердо рѣшилъ воспользоваться, даже вопреки ей, своей родительской властью и не поступаться своими убѣжденіями, рискуя даже огорчить или разсердить ее этимъ. Встревоженный послѣдними событіями, въ особенности отставкой высокоуважаемаго имъ губернатора, онъ не безъ основанія опасался все увеличивающагося могущества и интригъ новаго архіепископа, которому онъ совершенно справедливо приписывалъ вину за послѣднія прискорбныя событія и даже за нарушеніе его домашняго мира и спокойствія.

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ своего друга Готшалька, изъявившаго согласіе пріѣхать за мальчикомъ во время предстоящихъ каникулъ, Гавріилъ, со всевозможной осторожностью, сообщилъ женѣ о своемъ рѣшеніи, указывая ей на необходимость отдать своего сына, научное воспитаніе котораго было нѣсколько запущено, въ домъ такого близкаго друга и опытнаго педагога, такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточно времени, чтобы, какъ слѣдуетъ, заняться его воспитаніемъ. Хотя Ульрика и не скрыла отъ него, что ей очень не легко будетъ разстаться такъ надолго съ горячо любимымъ сыномъ и старалась представить ему рядъ возраженій, однако она не могла не согласиться въ концѣ концовъ съ основательностью его доводовъ и наконецъ дала, хотя и очень неохотно и съ тяжелымъ сердцемъ, свое согласіе на его планъ. Ее успокоивала прежде всего мысль, что сынъ ея будетъ находиться въ домѣ и подъ надзоромъ знакомаго ей Готшалька. Съ свойственной ей смѣсью кротости и твердости характера она превозмогла горе и заботливость материнскаго сердца, такъ какъ она была увѣрена въ томъ, что отецъ имѣлъ въ виду только пользу своего сына.

Тѣмъ сильнѣе за то было сопротивленіе г-жи фонъ-Утенговенъ, когда она узнала эту непріятную для нея новость.

Она, понятно, тотчасъ же поняла тѣ истинные мотивы рѣшенія Гавріила, о которыхъ онъ умолчалъ въ разговорахъ съ своей женой. Къ религіозному рвенію ярой католичкѣ присоединилась нѣжная любовь бабушки, у которой хотѣли отнять любимаго ея внука. Этого она не желала допустить, хотя бы пришлось довести дѣло до крайности. Прежде всего она постаралась возстановить свою дочь противъ Гавріила, котораго она стала называть домашнимъ тираномъ, безсердечнымъ отцомъ, и даже избивающимъ младенцевъ Иродомъ, пока наконецъ Ульрика кротко, но рѣшительно, попросила ее воздержаться отъ подобныхъ оскорбительныхъ выраженій и отъ вмѣшательства въ ихъ домашнія дѣла, что, понятно, еще болѣе усилило гнѣвъ благочестивой дамы. Она стала потихоньку подстрекать мальчика, которому и безъ того не хотѣлось уѣзжать изъ родительскаго дома; но и по отношенію къ нему Ульрика выказала ту кроткую твердость, то высокое уваженіе къ волѣ ея мужа, которыя она старалась внушить и своимъ дѣтямъ. Ея благоразумнымъ доводамъ, ея въ то же время нѣжнымъ и твердымъ наставленіямъ удалось на время успокоить плачущаго Фридриха, который обѣщалъ ей повиноваться отцу, хотя въ душѣ своей мальчикъ и сердился на него.

Но это вовсе не входило въ планы г-жи фонъ-Утенговенъ. Она все еще не теряла надежды на то, что ей удастся воспрепятствовать отъѣзду внука съ помощью сдѣлавшейся ей извѣстною тайны, пригрозивъ Гавріилу оглашеніемъ его прежняго положенія. Ее удерживала пока только весьма естественное опасеніе послѣдствій этого, какъ она сама отлично сознавала крайне рискованность шага, отъ котораго прежде всего должна была пострадать ея дочь, и она колебалась прибѣгнуть къ этому средству, не посовѣтовавшись съ своимъ другомъ-архіепископомъ. Въ этихъ видахъ она отправилась къ нему. Онъ принялъ ее вѣжливо, но далеко не такъ любезно, какъ прежде. Замѣтно разсѣянный, едва скрывая нетерпѣніе, онъ просилъ ее быть по возможности болѣе краткой, такъ какъ у него пропасть дѣлъ. Столь же

мало соотвѣтствовалъ ея ожиданіямъ его неясный, двусмысленный совѣтъ.

— У меня,—сказалъ онъ,—въ настоящее время множество гораздо болѣе важныхъ дѣлъ. Предоставьте мальчика Промыслу Божьему и храните вашу тайну до болѣе удобнаго времени, на которое я вамъ, когда нужно будетъ, укажу. Когда плодъ созрѣетъ, онъ самъ свалится съ дерева. Я же не забуду мальчика и буду молиться за его скорое обращеніе.

Съ этимъ слабымъ утѣшеніемъ и съ своимъ благословеніемъ гордый прелатъ отпустилъ свою самую горячую поклонницу, какъ бы забывая о давнишней ихъ дружбѣ и объ оказанныхъ ею ему услугахъ. На той высотѣ, на которую онъ взобрался, онъ сталъ уже забывать о ступенькахъ, по которымъ онъ дошелъ до нея, и о прежнихъ своихъ связяхъ и отношеніяхъ, и равнодушно относиться ко всему, кромѣ церкви и данной ему ею власти. Подобно Григорію VII, архіепископъ Клементій сталъ уже мечтать теперь о всемірномъ владычествѣ папы надъ всѣми царствами, престолами и народами земли; ему уже казалось, что онъ уже есть, или что по крайней мѣрѣ ему суждено быть вторымъ Гильдебрандомъ. Онъ мечталъ о новой Каноссѣ и въ умѣ уже видѣлъ себя побѣдителемъ надъ протестантскимъ государствомъ.

Легкій стукъ въ дверь пробудилъ его отъ честолюбивыхъ его мечтаній. Передъ нимъ стояла княгиня фонъ-Гохштейнъ,— вторая маркграфиня Матильда, съ которой будущій Григорій VII долгое время бесѣдовалъ съ глазу на глазъ, ведя съ нею продолжительную, въ высшей степени важную для ея собственной будущности бесѣду.

X.

Послѣ возвращенія графини Цециліи въ монастырь урсулинокъ и отъѣзда князя, оставшійся одинъ Гвидо сталъ еще чаще бывать въ домѣ Франка и въ кружкѣ его друзей; однако Франкъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы приписывать

самому себѣ частыя посѣщенія графа. Онъ очень хорошо понималъ, какой магнитъ притягиваетъ въ его домъ восторженнаго молодаго человѣка. Во всемъ Биркенштедтелѣ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль только и было рѣчи, что объ отношеніяхъ графа въ красивой Саррѣ. Хотя Франкъ и не вѣрилъ этимъ преувеличеннымъ слухамъ, однако онъ счелъ своимъ долгомъ откровенно переговорить объ этомъ съ графомъ и предостеречь его, какъ ни тяжело ему было касаться этого щекотливаго вопроса. Такъ какъ онъ относился къ обоимъ съ почти отеческой любовью и серьозно интересовался ихъ участью, то онъ не замедлилъ заговорить съ графомъ объ этомъ предметѣ при одномъ изъ ближайшихъ своихъ свиданій.

— Извините, г. графъ, — сказалъ Франкъ, — если я, какъ другъ вашъ, какъ другъ вашего покойнаго отца, сочту нужнымъ сдѣлать вамъ непріятное сообщеніе. Вамъ извѣстно, какъ я польщенъ вашимъ знакомствомъ, вашими посѣщеніями моего дома, какъ я васъ уважаю и люблю и съ какимъ удовольствіемъ я вижу васъ у себя. Но, къ сожалѣнію, мнѣ приходится слышать съ разныхъ сторонъ, что вашей дружбѣ, которою я горжусь, приписываютъ другіе, и притомъ касающейся вашей и моей чести мотивы, что на васъ, какъ и на меня, набрасываютъ тѣнь подозрѣнія.

— Какъ!—воскликнулъ Гвидо съ негодованіемъ; — надѣюсь, что насъ съ вами не заподозрятъ въ томъ, что мы сообща эксплоатируемъ князя, и что наша дружба основывается на денежныхъ расчетахъ!

— Этимъ я бы всего менѣе огорчился, — отвѣтилъ Франкъ; — я, какъ еврей, привыкъ къ тому, что моимъ дѣйствіямъ приписываютъ разные низменные мотивы. Я ничего не могу дѣлать противъ того, что насъ всѣхъ, безъ исключенія, считаютъ жадными ростовщиками и кровопійцами; но я не могу допустить, чтобы мнѣ приписывали такое гнусное дѣйствіе, будто я поощряю ваше ухаживаніе, съ некрасивыми цѣлями, за Саррой Вольфъ.

Пораженный и возмущенный этой клеветой, Гвидо взгля-

нулъ на Франка такимъ сердитымъ взоромъ, какъ будто тотъ нанесъ ему самое тяжкое оскорбленіе.

— Надѣюсь!—воскликнулъ онъ,—что вы не считаете меня способнымъ на такую низость?

— Еслибъ я это сдѣлалъ, то я не говорилъ бы съ вами объ этомъ и давнымъ давно прекратилъ бы съ вами всякія сношенія и запретилъ бы моей дочери продолжать знакомство съ Саррой. Но я знаю васъ и убѣжденъ въ томъ, что сынъ моего друга Эбергарда не способенъ на низкій поступокъ. Но я опасаюсь, что въ основѣ этого гнуснаго слуха лежитъ, какъ обыкновенно бываетъ, хотя и искаженная и преувеличенная, но все же нѣкоторая доля истины.

— Я не признаю ни за кѣмъ права рыться въ моихъ помышленіяхъ и чувствахъ,—отвѣтилъ Гвидо, невольно покраснѣвъ.

— И я очень далекъ отъ этой мысли. Я самъ считаю нелѣпостью спорить съ кѣмъ бы то ни было, даже съ самымъ лучшимъ моимъ другомъ, о религіи и о любви, а тѣмъ паче требовать отъ него за то отвѣта. И та, и другая — самая сокровенная тайна души и коренятся въ природѣ личности. Въ большинствѣ случаевъ мы столь же мало знаемъ, почему мы любимъ ту или другую женщину, какъ и то, почему мы вѣримъ въ тотъ или иной догматъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда любовь превращается въ гибельную для другихъ страсть, и когда вѣра превращается въ слѣпой фанатизмъ и угрожаетъ серьезною опасностью государству, обществу, спокойствію и счастію семьи, мы обязаны протестовать противъ нихъ и стараться предотвратить бѣду.

— Но какое же дѣло вамъ и всему міру, люблю ли я, или не люблю Сарру!—воскликнулъ Гвидо.

— Вы забываете, г. графъ,—отвѣтилъ Франкъ съ грустной улыбкой,—что по нашимъ законамъ бракъ христіанина съ еврейкой считается недѣйствительнымъ, и что поэтому ваша любовь неизбѣжно приведетъ васъ въ столкновеніе съ закономъ, съ обществомъ и съ вашимъ собственнымъ семействомъ. Насколько мнѣ извѣстно, вы въ такомъ случаѣ

лишились бы вашихъ правъ на маіоратъ и на княжество; а между тѣмъ вы—ближайшій законный наслѣдникъ князя.

— Я твердо рѣшился не обращать ни малѣйшаго вниманія на всяческіе предразсудки и принести всевозможныя жертвы для достиженія моей цѣли.

— А чего вы достигнете цѣною всѣхъ этихъ большихъ жертвъ? Болѣе, чѣмъ сомнительнаго, и, во всякомъ случаѣ, очень скоропреходящаго счастія. И въ томъ отношеніи любовь очень походитъ на религію, что мы нерѣдко обманываемся насчетъ ея и что она часто сулитъ намъ такія блаженства, которыя на повѣрку оказываются мечтою.

— Вы говорите, какъ...

— Какъ старый человѣкъ и какъ еврей,—докончилъ его фразу Франкъ, съ горькой усмѣшкой.

— Извините меня, мой другъ,—отвѣтилъ Гвидо смутившись;—я отнюдь не желалъ оскорбить васъ.

— Вы совершенно правы. Еврей не способенъ къ той романтической любви, которая окружаетъ любимую женщину неземнымъ блескомъ и дѣлаетъ изъ нея предметъ поклоненія. Для него не существуетъ богинь, передъ которыми онъ бы преклонялся; но за то среди евреевъ и не встрѣчается разбитыхъ сердецъ, непонятыхъ женщинъ, жалующихся на свою судьбу и ищущихъ идеаловъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свой долгъ. У насъ любовь лишена всякой поэтичности, но за то она здорова и постоянна, и менѣе подвержена измѣнчивости и заблужденіямъ.

— Вы, повидимому, сомнѣваетесь въ искренности моей любви,—сказалъ Гвидо обидчивымъ тономъ.

— Я не позволю себѣ судить о вашихъ ощущеніяхъ, не поддающихся моему наблюденію. Я говорю только о любви вообще, которая, подобно всѣмъ страстямъ, дѣло темное и не поддается анализу. Я имѣю въ виду только вытекающія изъ нея послѣдствія. Я уже сказалъ, никто не обязанъ отвѣчать за свои помыслы и ощущенія, но всякій долженъ отвѣчать за свои поступки и дѣйствія, поскольку отъ нихъ могутъ пострадать другіе.

— Я никогда не совершу безчестнаго поступка,—отвѣтилъ Гвидо, поднимаясь съ мѣста.

— Въ этомъ я ни мало не сомнѣваюсь. Но я прошу и умоляю васъ, памятью вашего отца, моего друга, хорошенько обдумайте все, прежде чѣмъ вы совершите такой важный шагъ, который долженъ будетъ имѣть громадное вліяніе на всю вашу будущность, на всю вашу жизнь. Однажды уже гибельная страсть повела въ вашемъ семействѣ къ трагической катастрофѣ. Вспомните о печальномъ исходѣ того брака, окончившагося самоубійствомъ и съумасшествіемъ.

— Вы говорите про сестру моего отца, про родителей Цециліи, — сказалъ Гвидо, невольно заинтересовинный словами Франка.—Что вамъ объ этомъ извѣстно?

— Я хорошо зналъ обоихъ. Графиня Іоганна вышла замужъ, вопреки желанію своихъ родителей, за одного французскаго офицера, увлекшись его умомъ и любезностью. Она тайкомъ отправилась за нимъ въ Парижъ, такъ какъ ея дѣдъ не хотѣлъ допустить этого брака, не ожидая отъ него ничего путнаго, въ виду различія національностей и вѣроисповѣданій. Несмотря на то, что молодая графиня перешла въ католицизмъ, опасенія его оправдались слишкомъ скоро. Между обоими супругами, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, установилась со временемъ все болѣе и болѣе усиливавшаяся холодность, которая была тѣмъ больнѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ пламеннѣе была прежде любовь ихъ. Виконту вскорѣ надоѣла нѣжность и сантиментальность нѣмки, между тѣмъ какъ серьозная по природѣ своей жена его жаловалась на его легкомысліе и безхарактерность. Къ этому присоединилось ещё разстройство ихъ дѣлъ, такъ что жизнь ихъ сдѣлалась настоящей каторгой. Для довершенія несчастія виконтъ получилъ назначеніе при дворѣ вестфальскаго короля Жерома, въ Касселѣ, гдѣ не было недостатка въ развлеченіяхъ и соблазнахъ. Онъ запутался въ долгахъ и окончилъ жизнь самоубійствомъ, чтобъ избѣжать угрожавшаго ему позора.

— А моя бѣдная тетка сошла съ ума?

— Многіе упрекали одного молодаго аббата, жившаго въ то время при Кассельскомъ дворѣ, въ томъ, что онъ нарочно питалъ разладъ между обоими супругами и пользовался для своихъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ религіей, цѣлей мечтательностью графини. Вашъ отецъ былъ особенно сильно потрясенъ несчастіемъ своей сестры, которая и умерла на его рукахъ. Онъ, равно какъ и князь, заботились объ осиротѣвшей Цециліи, какъ о родной своей дочери. Если я не ошибаюсь, онъ и дядя вашъ отъ души желали, чтобы бракъ между вами и Цециліей положилъ конецъ этимъ семейнымъ разладамъ.

— Теперь объ этомъ не можетъ быть больше и рѣчи,— мрачно отвѣтилъ Гвидо, — такъ какъ Цецилія возвратилась въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься въ монахини.

— И теперь вы, г. графъ, увлекшись любовью къ еврейкѣ, желаете снова раздуть старыя распри и навсегда разсориться съ вашими родными! Вашъ дядя никогда не проститъ вамъ этого шага и лишитъ васъ наслѣдства. Вы разрушите не только всѣ ваши собственныя надежды, но и надежды всѣхъ благомыслящихъ людей, давая въ руки вашимъ врагамъ опасное оружіе. Если вы насъ покинете, то при дворѣ князя восторжествуютъ фанатизмъ и религіозная нетерпимость. Вы обязаны принести жертву ради самого себя, ради вашего положенія, ради благого дѣла.

Эти разсудительныя слова стараго еврея, напоминаніе о Цециліи и о заключенномъ при подобныхъ же обстоятельствахъ бракѣ ея родителей, обращеніе къ памяти его отца, указаніе на принятыя имъ на себя обязанности, дѣйствительно произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе на Гвидо; обуреваемый самыми различными ощущеніями, онъ задумался и сталъ колебаться.

— Прежде всего,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія,—мнѣ нужно переговорить съ Саррой; пускай она сама рѣшитъ мою судьбу. Хотя я и ни въ чемъ не сознаю себя виноватымъ относительно нея и хотя я могу дать вамъ клятвенныя увѣренія относительно чистоты нашихъ, до сихъ поръ только дружественныхъ, отношеній, но все же

гнусные слухи и клеветы, распускаемые на нашъ счетъ, побуждаютъ меня возстановить ея честь и предложить ей мою руку. Если она приметъ ее, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то я готовъ съ радостью отказаться отъ всѣхъ моихъ правъ и найду возлѣ нея счастіе.

— Хотя я вполнѣ цѣню благородство вашего поступка,—отвѣтилъ Франкъ, — однако я все же не могъ бы не пожелать, чтобю вы избавили и ее, и себя, отъ такого опаснаго искуса. Но такъ какъ дѣла уже зашли такъ далеко, то и я, къ сожалѣнію, не вижу инаго исхода.

— Но дайте мнѣ слово, что вы раньше не станете говорить объ этомъ съ Саррой и не постараетесь повліять на нее.

— Вотъ вамъ мое слово, какъ мнѣ ни тяжело давать его,—сказалъ Франкъ, протягивая графу руку.—Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за мою откровенность.

— Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ за нее, и каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, мы, я надѣюсь, останемся друзьями.

Съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ Гвидо изъ дома банкира, который тоже посмотрѣлъ ему вслѣдъ печальнымъ взглядомъ. На слѣдующій же день онъ нашелъ желанный случай поговорить съ Саррой съ глазу на глазъ. Онъ зналъ, что въ послѣднее время она имѣла обыкновеніе отправляться въ сумерки одна, безъ Марка, къ своей подругѣ, дочери Франка, и сталъ поджидать ее на улицѣ, съ сильно бьющимся въ груди сердцемъ, чтобы сдѣлать ей столь важное для него признаніе. Чѣмъ ближе подходила минута свиданія, тѣмъ большее онъ ощущалъ волненіе и безпокойство. Имъ невольно овладѣвалъ какой-то страхъ, какая-то неувѣренность, въ виду приближающейся развязки. Всѣ событія послѣдняго времени привели его въ какое-то лихорадочное волненіе. Въ душѣ его тѣснились самыя разнообразныя ощущенія, которыхъ онъ даже самъ не могъ хорошенько опредѣлить, странная смѣсь страстнаго влеченія и безкорыстной дружбы, которую мы, обманываясь нашей фантазіей, часто принимаемъ за любовь. Больныя и страждущія сердца часто увлекаются

какими-то странными миражами. Подобно тому, какъ изнемогающему отъ жажды въ пустынѣ путнику вдругъ представляются несуществующіе въ дѣйствительности оазисы, съ зелеными пальмами и студеными ключами, съ роскошными дворцами и цвѣтущими садами; такъ усталому на жизненномъ поприщѣ борцу представляются милые, соблазнительные образы, часто принимаемые за объекты любви, которой мы жаждемъ для того, чтобъ убѣжать отъ окружающихъ насъ непріятностей и пустоты. И затѣмъ мы уже слишкомъ поздно убѣждаемся въ томъ, что мы гонялись лишь за тѣнью, что мы были жертвой оптическаго обмана. Особенно подвержены такимъ заблужденіямъ молодые люди, испытавшіе тяжелую потерю. Тогда у нихъ къ печали присоединяется упрямство, къ отчаянію—надежда, и не закрывшаяся еще рана дѣлаетъ насъ тѣмъ болѣе чувствительными къ новой боли.

То же случилось и съ графомъ, котораго разлука съ кузиной его огорчила гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ себѣ хотѣлъ въ томъ сознаться. Разлука эта оставила въ его сердцѣ чувствительную пустоту, которую онъ думалъ было наполнить дружбой своей къ Саррѣ. Незамѣтнымъ образомъ, какъ это часто случается, это чувство дружбы, въ силу привычки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ красивой и умной дѣвушкой, приняло болѣе яркую, почти страстную окраску, хотя оба они сознательно никогда не переступали грани, отдѣляющей дружественное расположеніе отъ истинной любви. Но разговоръ съ осторожнымъ банкиромъ заставилъ Гвидо очнуться. Онъ въ данномъ случаѣ напоминалъ собою лунатика, который съ закрытыми глазами совершенно твердо ступаетъ на краю пропасти, но зашатается и готовъ бываетъ упасть, если его окликнуть и обратить его вниманіе на опасность. Еслибы никто не вмѣшивался въ его дѣла, онъ удовольствовался бы существовавшими отношеніями и мысль о бракѣ никогда не пришла бы ему въ голову; но теперь онъ чувствовалъ себя связаннымъ, тутъ дѣло шло о его чести; къ тому ожидаемое имъ противодѣйствіе его родныхъ

и его общества побуждало его смѣло выступить на бой съ ними.

Онъ, подобно Франку, самъ былъ увѣренъ въ томъ, что Сарра его любитъ. Ему казалось, что все ея поведеніе представляло ясныя тому доказательства: и замѣтное удовольствіе, которое доставляло ей бесѣда съ нимъ, и радость, съ которою она встрѣчала его, и безграничное довѣріе, съ которымъ она явно къ нему относилась, и легкое кокетство, которое она пускала въ ходъ по отношенію къ нему, все это ясно свидѣтельствовало о его чувствахъ. Но бывали и минуты, когда она позволяла ему глубже заглянуть въ ея душу, когда она невольно приводила его въ восторгъ и удивляла его то глубиной и серьозностью своего ума, то теплотою своего чувства. Когда въ такія минуты Сарра съ такою ласковостью смотрѣла на него своими умными и добрыми глазами, когда она въ сладкомъ забвеніи такъ тепло пожимала ему руку, когда она очаровывала и увлекала его своею, чисто-восточною, страстностью, которую, однако, въ обыкновенное время она умѣла сдерживать, то онъ вѣрилъ въ ея любовь и сгоралъ отъ желанія обладать ею.

Однако порою, когда онъ бывалъ въ ея обществѣ, на него нападало какое-то сомнѣніе, котораго онъ не въ состояніи былъ объяснить себѣ. Даже въ тѣ мгновенія, когда она, повидимому, всецѣло отдавалась своему чувству, она выказывала необыкновенное самообладаніе и умѣла сдерживать свои чувства. Когдя ей казалось, что Гвидо становился болѣе нѣжнымъ и страстнымъ, чѣмъ по обыкновенію, когда его страстный пылъ начиналъ сообщаться и ей, она умѣла безобидной, но все же расхолаживающей шуткой, пристальнымъ, почти даже строгимъ взглядомъ, полу-уклончивымъ, полу-умоляющимъ взоромъ возвратить его въ предѣлы дружбы, устранить готовое сорваться съ его устъ страстное признаніе, такъ что иногда даже она поражала его этимъ и навлекала на себя съ его стороны упреки въ кокетствѣ. Тогда передъ его взорами снова живо возставалъ скрытый въ глубинѣ сердца его образъ Цециліи; онъ сталъ вспоминать съ тихой грустью о подругѣ своей юности, душа ко-

торой была такъ же чиста и прозрачна, какъ кристаллъ, умъ которой, не будучи блестящъ, былъ однако достаточно глубокъ, и все существо которой не представляло для него загадки, какъ существо все еще непонятной и чуждой ему, не смотря на связывающую ихъ дружбу, Сарры.

Но всѣ эти сомнѣнія немедленно исчезли, какъ только онъ увидѣлъ стоявшую передъ собою милую, любезную дѣвушку, которая привѣтствовала его своей очаровательной улыбкой. Никогда еще она не казалась ему болѣе привлекательной, чѣмъ сегодня, когда онъ собирался предложить ей свою руку и сердце. Лицо ея привѣтливо улыбалось изъ-подъ полей соломенной шляпы, а черные глаза ея блестѣли радостью. Она протянула ему свою и крѣпко пожала его руку.

Съ свойственной ей наблюдательностью Сарра, однако, скоро замѣтила его волненіе и смущеніе, которыя одновременно удивили и обезпокоили ее, такъ что она невольно покраснѣла. Она женскимъ инстинктомъ своимъ угадала, еще прежде, чѣмъ онъ началъ говорить, что наступаетъ рѣшительная катастрофа, отъ которой зависѣла судьба ихъ обоихъ и которой она желала бы избѣжать. Она постаралась устранить угрожающую опасность, вступивъ съ Гвидо въ совершенно посторонній разговоръ и ускоривая шаги, для того чтобы поскорѣе добраться до сосѣдняго дома Франка. Но ей пришлось остановиться, когда Гвидо, немного не дойдя до двери, схватилъ ее за руку. Она взглянула на него изумленнымъ и даже строгимъ взглядомъ, но у нея не хватило рѣшимости оттолкнуть его.

— Сарра!—заговорилъ графъ дрожащимъ голосомъ, — я не могу и не хочу дольше молчать. Вы должны выслушать меня сегодня.

— Говорите, прошептала она еле слышнымъ голосомъ,— чего вы отъ меня желаете?

— Чтобы вы сказали мнѣ откровенно, любите ли вы меня, могу ли я надѣяться...

— Остановитесь,—сказала она взволнованнымъ, почти оскорбленнымъ голосомъ;—я не могу допустить васъ гово-

рить такимъ тономъ. Не выговаривайте слова, которое должно разлучить насъ навсегда. Хотя я только бѣдная еврейка, но во мнѣ достаточно гордости, чтобы не сдѣлаться любовницей графа Гохштейна. Я не ожидала этого отъ васъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ съ огорченіемъ,—и вы могли подумать, что я желалъ оскорбить васъ такимъ образомъ! Нѣтъ, нѣтъ, Сарра, я люблю васъ и желаю сдѣлать васъ моей женою, моей законною, передъ Богомъ и людьми, женою.

Молодая дѣвушка безмолвно, едва переводя дыханіе, уставилась глазами на графа. Легкая дрожь пробѣжала по ея членамъ, и, едва не лишившись чувствъ, она прислонилась къ его плечу, ошеломленная его словами. Ей казалось, что она бредитъ, что она ослышалась, но его нѣжный взоръ, озабоченное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дышавшее любовью выраженіе лица его, его извѣстная ей честность, не дозволяли ей болѣе сомнѣваться въ его правдивости и откровенности.

Въ душѣ ея происходила тяжелая, почти непосильная для нея борьба между чувствами радости и горя, гордости и самоотреченія, дружбы и любви; то она прислушивалась къ соблазнительному голосу женскаго тщеславія и честолюбія, отъ которыхъ и она не была совершенно свободна, то въ ней говорилъ разумъ, ея ясный, свѣтлый разсудокъ. Она была въ высшей степени польщена предложеніемъ графа, ее соблазнялъ титулъ его, она уважала его характеръ и удивлялась его уму и его аристократической красотѣ, къ которой она отнюдь не была нечувствительна.

Но все же она медлила и колебалась принять соблазнительное предложеніе и противилась искушенію, противъ котораго, вѣроятно, при данныхъ условіяхъ, не устояло бы большинство женщинъ. Даже въ минуту величайшаго волненія она сохранила самообладаніе, она снова нашла въ себѣ ту умственную силу, ту ясность ума, которая, правда, лишала ее не одной прекрасной иллюзіи, но за то и оберегала ее отъ многихъ горестныхъ заблужденій, И въ эту, тяжелую для нея, минуту, въ ней сказалась природная ея

проницательность, она постигла съ замѣчательнымъ умомъ, съ почти ясновидящимъ пониманіемъ всю опасность одинаково гибельнаго для нея и для графа заблужденія. Она лучше и яснѣе его самаго постигла не только свои собственныя и его чувства, самые сокровенные, ему самому невѣдомые, помыслы его, жёртву, которую онъ готовъ былъ принести, но которую ея гордость не позволяла ей принять отъ него, но она сразу же избрала единственное вѣрное средство для его и для своего собственнаго блага.

— Благодарю васъ,—сказала она, немного помолчавъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ,—благодарю васъ, другъ мой, за оказанную мнѣ великую честь. Но я не могу, я не смѣю сдѣлаться вашей супругой, какъ я васъ ни уважаю, и какъ для меня ни тяжелъ мой отказъ.

— Сарра!—воскликнулъ онъ оскорбленнымъ тономъ,—вы отталкиваете мою руку! Этого я никогда не ожидалъ!

— Не сердитесь на меня,—просила она его, не будучи въ состояніи удерживать своихъ слезъ. Богъ мнѣ свидѣтель въ томъ, какую тяжелую, внутреннюю борьбу я вынесла и какъ охотно я бы отдала вамъ мою руку, еслибы я не опасалась, что не въ состояніи буду доставить вамъ то счастіе, котораго вы заслуживаете.

— Вы меня не любите, вы любите другаго, — горячо воскликнулъ онъ.

— И какая же польза была бы въ томъ, еслибы даже я сказала вамъ, что люблю васъ?—отвѣтила она печальнымъ голосомъ. Подобное признаніе все же нимало не могло бы измѣнить моего рѣшенія, такъ какъ другія, важныя причины мѣшаютъ мнѣ сдѣлаться женой вашей.

— Кажется, я имѣю нѣкоторое право узнать отъ васъ эти причины.

— Извольте, я объясню ихъ вамъ, такъ какъ я не желаю имѣть отъ васъ тайны, о чемъ-либо умалчивать передъ вами; но только я прошу васъ спокойно выслушать меня и не сердиться на меня, въ случаѣ если я невольно очерчу васъ.

— Я обѣщаю вамъ хранить вашу тайну и не выказывать обидчивости.

— А я обѣщаю вамъ сказать всю истину, которая одна въ состояніи помочь намъ и спасти насъ. Я торжественно поклялась на могилѣ моей матери, что я никогда не сдѣлаюсь христіанкой, а, какъ еврейка, я не могу сдѣлаться вашей женой.

— Мы оба свободны отъ всякихъ религіозныхъ предразсудковъ, и есть такія страны, гдѣ различіе религіи не составляетъ препятствія для брака.

— Да, но я не могу принять такой жертвы, въ которой вы рано или поздно можете раскаяться. Я была бы недостойна вашего уваженія, вашей любви, если бы я допустила, чтобы вы ради меня разорвали всѣ узы, связывающія васъ съ вашимъ семействомъ, съ вашимъ сословіемъ и съ вашей родиной. Съ моей стороны это было бы преступленіемъ, такъ какъ я ничѣмъ не могла бы вознаградить васъ за это.

— Такъ не разсуждаетъ истинная любовь, которая не отступаетъ ни передъ какой жертвой.

— Вы видите,—сказала она съ печальной улыбкой, — что въ еврейкѣ, значитъ, даже противъ ея воли, сказывается еврейскій характеръ. Между нами становятся не только религія наша, но и нашъ образъ мыслей, наши житейскіе взгляды, образующіе между нами непроходимую пропасть. А вы еще желаете построить на такой гибкой почвѣ счастіе вашей жизни, ввѣрить свою будущность женщинѣ, натура которой такъ разнится съ вашей. Неужели вамъ не приходится опасаться, что любовь для меня имѣетъ иное значеніе, чѣмъ для васъ, что вы предъявите бóльшія ко мнѣ требованія, чѣмъ какія я въ состояніи исполнить, что мы навсегда останемся другъ для друга отчасти чужими, что сердца наши не въ состояніи будутъ понять другъ друга?

— Пожалуй, что вы и правы,—отвѣтилъ Гвидо не безъ горечи. Тотъ, кто способенъ такъ здраво разсуждать и такъ тщательно взвѣшивать въ такую минуту, тому незнакомо чувство истинной любви.

— Но, быть можетъ, ему тѣмъ болѣе знакомо чувство дружбы,—сказала Сарра съ кроткой улыбкой. Надѣюсь, что вы, по крайней мѣрѣ, сочтете еврейку способной на это менѣе страстное, но болѣе прочное чувство. Быть можетъ, наступитъ время, когда вы сознаете...

Слезы не дали ей договорить начатой фразы; она отвернулась, чтобы скрыть отъ него свое волненіе. Но вскорѣ она поборола въ себѣ это невольное проявленіе страстнаго влеченія, эту послѣднюю вспышку потухающаго пламени.

— Намъ слѣдуетъ забыть другъ о другѣ, — произнесла она съ печальною покорностью.

— Это для васъ будетъ легче, чѣмъ для меня,—отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Вы не справедливы ко мнѣ. Женщина отвергающая предложеніе любимаго человѣка, отказывающаяся отъ такого счастія, страдаетъ сильнѣе того, кого она отвергаетъ, такъ какъ она страдаетъ не только за себя, но и за него. Не сердитесь на меня, если я васъ заставила страдать, потому что иначе я была бы въ отчаяніи.

Еще больше, чѣмъ слова ея, тронули его блѣдность ея щекъ, дрожащій, хватающій за душу звукъ ея голоса, горе, которое можно было прочесть въ ея взглядѣ, безмолвное моленія ея наполненныхъ слезами глазъ. Это не былъ обманъ, кокетство; это была неприкрашенная правда, это былъ непритворный голосъ сердца, это было проявленіе самой чистой, безкорыстной любви. Съ его глазъ точно спала пелена и умъ его озарился яркимъ свѣтомъ. Теперь только онъ понялъ, что не онъ приносилъ жертву, а что Сарра приносила ему величайшую жертву, что она была великодушнѣе и благороднѣе его; теперь только онъ понялъ многое такое, что прежде казалось ему загадочнымъ въ ней, и онъ въ глубинѣ души раскаявался въ томъ, что не умѣлъ лучше понять ее. Теперь только онъ понялъ и оцѣнилъ ея нерѣдко шокировавшую его холодность и ея умную и строгую сдержанность, которую онъ въ своемъ ослѣпленіи принималъ за женское кокетство. Онъ преклонился передъ благородствомъ и возвышенностью характера этой рѣдкой дѣ-

вушки, душевная сила которой внушала самое глубокое уваженіе, подобное тому, которое мы ощущаемъ къ тѣмъ героическимъ женскимъ личностямъ Библіи, которыя не отступали ни передъ какой жертвой и были почти слишкомъ велики и святы для земной любви.

— Сарра! — воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи,— вы самая благородная, самая чистая, самая лучшая женщина, которую я когда-либо зналъ.

— Потише, другъ мой, — сказала она, улыбнувшись сквозь слезы; — вы еще готовы сдѣлать меня чванной.

— Нѣтъ, относительно васъ это невозможно. Мнѣ бы слѣдовало валяться передъ вами на колѣняхъ и просить у васъ прощенія. Можете-ли вы простить меня?

— Отъ всей души. Останемтесь же друзьями!

— Друзьями на всю жизнь.

VII.

Когда Сарра, вся блѣдная и взволнованная этой тяжелой сценой, возвратилась въ домъ своего дяди, ее ожидала тамъ траги-комическая сцена. Госпожа Гитель, вся раскраснѣвшаяся, съ съѣхавшимъ на сторону чепчикомъ,—что всегда служило предвѣстіемъ приближающейся бури, — сидѣла подлѣ добраго Іосифа, который старался ее успокоить.

— Нѣтъ, я больше не хочу терпѣть такихъ безпорядковъ—кричала гнѣвная хозяйка. Пора положить конецъ этой бѣготнѣ, а то мы еще дождемся срама и позора отъ этой дѣвушки.

— Ну, полно! — старался успокоить ее Іосифъ,—какъ можно говорить такія вещи! Дочь моей покойной сестры не совершитъ нехорошаго поступка, за это я тебѣ ручаюсь.

— Ты души не чаешь въ этой Саррѣ, но у меня есть глаза, чтобы видѣть. Съ какой стати она каждый вечеръ сиднемъ сидитъ въ домѣ старика Франка?

— Да вѣдь она же пріятельница его дочери, и какъ для Сарры, такъ и для насъ всѣхъ, величайшая честь, что

она посѣщаетъ такой хорошій и почтенный домъ, въ которомъ она встрѣчается съ такими знатными и почтенными людьми, какъ г. главноуправляющій, г. докторъ, г. аптекарь, наконецъ г....

— Г. графъ, — прервала Гитель запнувшагося мужа своего,—который кружитъ дѣвочкѣ голову и ни на шагъ не отстаетъ отъ нея.

— Но вѣдь она не виновата въ томъ, что нравится графу. Да и, наконецъ, какое же въ этомъ несчастіе? Она нравится и другимъ людямъ.

— Однако объ этомъ всѣ говорятъ и мнѣ этимъ прожужжали уже всѣ уши. Просто приходится умирать со стыда, когда слышишь, что люди толкуютъ объ этомъ.

— Я не вѣрю ни единому слову изо всего этого, болтаютъ только изъ зависти, потому что Сарра красива. Я лучше ее знаю и увѣренъ, что она не сдѣлаетъ ничего нехорошаго.

— Ты дуракъ, — сердилась Гитель, — и самъ влюбился въ ея хорошенькую мордочку. Дѣло не въ красотѣ, а въ добродѣтели и въ хозяйственности. Не одна красивая дѣвушка погибла изъ-за своего хорошенькаго личика. Долго-ли до грѣха. Ходитъ кувшинъ по воду, пока не разобьется, а что намъ тогда съ ней дѣлать!

— Гитель! — воскликнулъ добрякъ Іосифъ, начинавшій терять терпѣніе, — ты еще разсердишь меня! Я не допущу, чтобы ты такъ оскорбляла дочь моей покойной сестры.

— А что-же по твоему намъ слѣдуетъ дожидаться, пока на нее будутъ указывать пальцами? Снявши голову по волосамъ не плачутъ. Пока еще есть время, нужно переговорить съ дѣвушкой и образумить ее. А теперь довольно!

Когда эта рѣшительная женщина скажетъ бывало „довольно!“, то безполезно было дальше разсуждать съ нею; Іосифъ это зналъ и замолчалъ, чтобы не разсердить еще больше свою жену. Въ эту самую минуту вернулась бѣдная Сарра, надъ головою которой собралась домашняя гроза.

— Гдѣ ты такъ долго пропадала? — спросила очевидно

взволнованная тетка, чепчикъ которой сидѣлъ на головѣ ея еще болѣе косо, чѣмъ обыкновенно.

— Вѣдь ты знаешь,—отвѣтила Сарра, покраснѣвъ,—что я хотѣла навѣстить мою подругу.

— Пожалуйста не заговаривай мнѣ зубы. Знаю я, какъ ты навѣщаешь подругу свою. Ты ходишь къ ней, потому что встрѣчаешься тамъ съ графомъ.

— Гитель,—произнесъ добрякъ Іосифъ, — пожалуйста, сдѣлай мнѣ одолженіе...

— Оставь меня въ покоѣ!—прикрикнула она на него. Чѣмъ раньше проткнуть нарывъ, тѣмъ лучше. На одномъ краснобайствѣ далеко не уѣдешь. Пусть она знаетъ, что мы не позволимъ ей водить насъ за носъ. Мы тоже кое-что да понимаемъ. Нечего сказать, чуть не на улицѣ всѣ говорятъ о г. графѣ и о Саррѣ.

— Что мнѣ за дѣло до людскихъ толковъ!—гордо сказала Сарра, презрительно улыбнувшись.

— Но намъ есть до нихъ дѣло,—воскликнула разсерженная Гитель,—и до тѣхъ поръ, пока ты живешь въ нашемъ домѣ, ты должна отдавать намъ отчетъ въ твоихъ дѣйствіяхъ. Для насъ далеко не все равно, какъ и что говорятъ о тебѣ люди. Не бываетъ дыма безъ огня и шила въ мѣшкѣ не утаишь.

— Ты несправедлива ко мнѣ и по напрасну сердишься.

— По напрасну! А развѣ ты не видаешься ежедневно съ графомъ, развѣ онъ не строитъ тебѣ куры, развѣ ты не заслушиваешься его сладкихъ рѣчей, которыми онъ старается соблазнить тебя? Неужели ты станешь отрицать, что видаешься съ нимъ тайкомъ, что онъ слѣдуетъ за тобою по пятамъ, что онъ дѣлаетъ тебѣ подарки, что ты днемъ и ночью только и думаешь о немъ? Ну, что же ты молчишь?

— Я считаю ниже моего достоинства оправдываться отъ такихъ гнусныхъ обвиненій, защищаться противъ такой подлой лжи. Для тебя должно быть достаточно того, если я завѣряю тебя, что я не сознаю за собою никакой вины.

— Экая принцесса! — иронически воскликнула Гитель, Она, изволите-ли видѣть, слишкомъ горда, чтобъ оправ-

даться; мы для нея недостаточно знатны, недостаточно образованы. Конечно, когда имѣешь любовникомъ графа...

Яркій румянецъ покрылъ блѣдныя щеки возмущенной Сарры; она невольно вздрогнула, какъ будто ей нанесли ударъ по лицу. Не удостоивъ разъяренную Гитель ни единаго слова, даже, ни единаго взгляда, она, шатаясь, направилась къ двери, чтобъ уйти отъ новыхъ оскорбленій. Но прежде, чѣмъ она успѣла дойти до порога, она, подъ гнетомъ вынесеннаго въ этотъ день горя, разразилась громкими рыданіями.

При видѣ этого, даже добрый, флегматичный Іосифъ вышелъ изъ себя. Подобно раненному кабану, онъ пришелъ въ неописуемую ярость и сталъ жестикулировать, точно человѣкъ, одержимый бѣсомъ. Сначала онъ съ такой силой ударилъ кулакомъ по столу, что столъ задрожалъ и окна задребезжали, а затѣмъ онъ кинулся къ двери, чтобы поддержать зашатавшуюся Сарру.

— Я этого не допущу, я этого не допущу! — кричалъ онъ, то кидая на испуганную жену свою уничтожающіе взгляды, то гладя блѣдныя щеки плачущей дѣвушки; онъ былъ въ одно и тоже время и комиченъ, и величественъ, и смѣшонъ, и страшенъ.

Деспотическая Гитель никогда еще не видала мужа своего въ такомъ настроеніи; никогда еще ей не доводилось видѣть съ его стороны такой открытый бунтъ. Совершенно непривычное для него мужество, съ которымъ онъ осмѣлился сегодня заговорить съ ней, его неслыханная смѣлость преисполнили ее удивленія и почтенія. Она поняла, что перетянула струну, что зашла слишкомъ далеко, а такъ какъ она была настолько умна, чтобы понять свою ошибку, и имѣла въ сущности доброе сердце, то она постаралась поправить свою вину.

— Прости меня, — сказала она, протягивая плачущей Саррѣ руку. Я не желала оскорбить тебя. Ты вѣдь знаешь меня и тебѣ извѣстно, что я не имѣю привычки взвѣшивать каждое мое слово. Я охотно готова вѣрить тебѣ, что ты не знаешь за собой ничего дурнаго, и что люди бол-

таютъ больше, чѣмъ бы слѣдовало. Но нужно стараться избѣгать всякихъ поводовъ къ злословію, и молодой дѣвушкѣ слѣдуетъ особенно заботиться о своемъ добромъ имени. Я тоже когда-то была молода, и хотя я не была такъ красива, какъ ты, однако и у меня бывали обожатели и ухаживатели. Но все, что мнѣ говорили мужчины, входило у меня въ одно ухо и выходило въ другое. Отъ любви не бываетъ проку. Будь умницей и выкинь всю эту исторію изъ головы. И ты достанешь себѣ мужа, который понравится тебѣ и съ которымъ ты проживешь такъ же счастливо, какъ я съ моимъ старымъ дуракомъ.

Добрякъ Іосифъ забылъ о своей вспышкѣ, Сарра также вытерла слезы и отвѣтила на поцалуй раскаявшейся Гитель, которой она тотчасъ же простила всѣ ея оскорбленія. Но тѣмъ не менѣе только что случившаяся сцена оставила въ душѣ ея глубокое и горестное впечатлѣніе. Она снова почувствовала, и на этотъ разъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, свое одиночество, отсутствіе вокругъ нея любящаго семейства. Какъ она ни была благодарна доброму дядѣ, какъ она хорошо ни сознавала, что Гитель, при нѣкоторыхъ слабостяхъ, имѣетъ также и многія хорошія качества, однако имъ обоимъ, какъ она только что имѣла случай убѣдиться въ томъ, недоставало должнаго образованія, пониманія ея болѣе деликатной натуры и всякихъ умственныхъ интересовъ. Подлѣ нея не было никого, кому она могла бы безусловно довѣриться, съ кѣмъ она могла бы подѣлиться своимъ горемъ; даже подруга ея Генріетта была слишкомъ занята своими собственными дѣлами, такъ какъ она черезъ нѣсколько дней должна была выйти замужъ за своего двоюроднаго брата и уѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ.

Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ она могла бы сойтись ближе, былъ учитель Маркъ, но и онъ въ послѣднее время сталъ какъ-то сторониться отъ нее, въ чемъ, какъ она отлично понимала, она сама была виновата. Саррѣ приходилось убѣдиться къ величайшему своему прискорбію, что за послѣднее время ея хорошія отношенія къ прежнему ея другу замѣтно охладѣли; но еще болѣе огорчали ее его

печаль и дурное расположеніе духа, которыя не могли укрыться отъ нея. Она догадывалась, правда, о причинахъ ихъ, но какой-то дѣвическій стыдъ и опасеніе выдать свою тайну удерживали ее отъ того, чтобъ откровенно объясниться съ нимъ относительно этого предмета; однако ее вдвойнѣ огорчила мысль, что и добрый Маркъ относится къ ней несправедливо и вѣритъ гнусной, неосновательной клеветѣ. Онъ долженъ былъ лучше знать ее, и его уваженіемъ она дорожила больше, чѣмъ мнѣніемъ всего остальнаго свѣта. Она знала, что онъ страдаетъ изъ-за нея, но она не могла предложить ему никакого утѣшенія, пока ей приходилось еще бороться сама съ собою. Каждый разъ, когда она взглядывала на него, ей казалось, что она читаетъ въ его черныхъ глазахъ, на его блѣдномъ лицѣ, нѣмой упрекъ, хотя онъ и былъ всегда одинаково ласковъ къ ней и не позволялъ себѣ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго упрека. Только тогда, когда ему казалось, что его никто не замѣчаетъ, онъ глядѣлъ на нее такимъ печальнымъ взоромъ, который, какъ острый ножъ, вонзался въ ея сердце. При этомъ онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе худѣлъ, такъ что Гитель заботливо спрашивала его, не боленъ ли онъ, и посовѣтовала ему не заниматься такъ много.

Дѣйствительно онъ учился прилежнѣе, чѣмъ когда-либо, но онъ уже не говорилъ попрежнему съ Саррой о своихъ успѣхахъ и не разсказывалъ ей, чѣмъ онъ теперь занимается; а когда она сама спрашивала его о томъ, онъ хотя и отвѣчалъ, но спѣшилъ прекратить разговоръ, какъ бы не ожидая больше отъ нея никакого интереса къ этому предмету. Она узнала только отъ старой служанки и отъ дѣтей, что онъ почти вовсе не спитъ и что онъ часто читаетъ и пишетъ до самаго разсвѣта. Она слышала также отъ молодаго Франка, что Маркъ имѣетъ уже не меньшія, если не большія познанія, чѣмъ онъ, и что онъ готовится въ университетъ. Ее огорчало то, что онъ все это утаиваетъ отъ нея и дѣлаетъ изъ этого секретъ. Она съ сожалѣніемъ вспоминала о прекрасныхъ, проведенныхъ ими вмѣстѣ часахъ и о тѣхъ невинныхъ и чистыхъ наслажденіяхъ, которыми она

была обязана ему. Въ тѣ времена она еще пользовалась его довѣріемъ, она еще имѣла друга, который понималъ ее и которому она могла довѣриться. Она вспоминала о всѣхъ жертвахъ, которыя онъ приносилъ ей, о многочисленныхъ доказательствахъ самой безкорыстной любви его, о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ ими вмѣстѣ, о бесѣдкѣ, въ которой она читала вмѣстѣ съ нимъ „Натана Мудраго", о первой поѣздкѣ ихъ въ Биркенштедтель, словомъ, о золотыхъ дняхъ юности.

Теперь только она поняла, чѣмъ онъ былъ для нея, чего она въ немъ лишилась:—учителя своей юности, пробудившаго ея умъ, самаго лучшаго и надежнаго друга, который жилъ только для нея, твердой опоры, благороднѣйшаго сердца. По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ нея, онъ какъ будто росъ въ ея глазахъ, становился все выше и свѣтлѣе. Еще никогда она не ставила его такъ высоко, никогда не чувствовала такого влеченія быть въ его обществѣ, никогда не жаждала такъ сильно его умныхъ, разрѣшающихъ всякія сомнѣнія бесѣдъ, какъ въ эту минуту, когда она чувствовала себя столь покинутой и одинокой. Подобно тому, какъ раненый на полѣ сраженія радуется прибытію врача, какъ жаждущій въ пустынѣ путникъ приходитъ въ восторгъ при видѣ живительнаго источника, такъ Сарра привѣтствовала вѣрнаго Марка, когда онъ, какъ бы привлеченный какимъ-то скрытымъ магнетизмомъ, въ первый разъ послѣ долгаго времени самъ подошелъ къ ней и, какъ въ прежнее время, пригласилъ ее прогуляться съ дѣтьми въ паркъ, на что Гитель дала свое согласіе.

Оба они сначала шли рядомъ молча, такъ какъ присутствіе дѣтей мѣшало ихъ откровенной бесѣдѣ и къ тому же у нихъ было слишкомъ тяжело на сердцѣ, чтобы говорить о постороннихъ предметахъ. Лишь тогда, когда маленькая команда разбѣжалась по парку и стала играть, Маркъ направился съ Саррой къ стоявшей въ тѣни скамейкѣ, гдѣ они усѣлись подъ старымъ буковымъ деревомъ, листва котораго скрывала ихъ отъ взоровъ прохожихъ.

— Любезная Сарра,—сказалъ онъ, нѣсколько сконфу-

женнымъ, но искреннимъ, сердечнымъ голосомъ,—сегодня я, въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, опять пригласилъ васъ прогуляться со мною, потому что я имѣю сдѣлать вамъ важное сообщеніе и желалъ бы попросить вашего совѣта относительно лично касающагося меня дѣла. Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ и я могу откровенно говорить съ вами. Дѣло въ томъ, что я намѣренъ въ скоромъ времени отказаться отъ моего мѣста и уѣхать изъ Биркенштедтеля; но я желалъ бы раньше того выслушать ваше мнѣніе и изложить вамъ мои причины, для того, чтобы вы не перетолковали моего поступка въ дурную сторону и не сочли меня неблагодарнымъ.

Хотя Сарра, на основаніи словъ друга Марка, Виктора, и могла ожидать отъ него рано или поздно подобнаго рѣшенія, однако она не въ состояніи была скрыть своего удивленія и огорченія. Глаза ея невольно наполнились слезами и лицо приняло печальное выраженіе. Маркъ, отъ котораго не укрылось впечатлѣніе, произведенное его словами, также былъ настолько взволнованъ, что онъ не могъ продолжать своей рѣчи. Долгое время оба они безмолвно сидѣли на скамѣйкѣ и не осмѣливались даже взглянуть другъ на друга, чтобы не выдать тайны своихъ сердецъ. Подобно лицамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе и занесеннымъ бурей на необитаемый островъ, они грустно глядѣли передъ собою, скорбя о разбитыхъ своихъ надеждахъ. Сарра въ душѣ упрекала себя въ томъ, что она, по своей винѣ, сдѣлала его и себя несчастными, что она виновница всѣхъ его страданій, что она одна толкнула его на этотъ шагъ, что она огорчила этого добраго и вѣрнаго человѣка. Она чувствовала глубочайшее состраданіе, сильнѣйшее раскаяніе, но было уже слишкомъ поздно.

— Но обдумали ли вы хорошенько, что вы намѣрены сдѣлать?—спросила она, послѣ небольшой паузы, слабымъ голосомъ, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна.

— Мнѣ не остается инаго выбора,—отвѣтилъ онъ, печально улыбнувшись. — Я и безъ того боюсь, что зажился уже слишкомъ долго въ Биркенштедтелѣ.

— Вы стремитесь къ иному, болѣе широкому поприщу дѣятельности. Я слышала, что вы поступаете въ университетъ.

— Я намѣренъ сдѣлаться врачемъ, чувствуя къ этому большее призваніе, чѣмъ къ учительству. Г. Франкъ, которому я сообщилъ о моемъ планѣ, не только одобряетъ его, но даже обѣщалъ мнѣ свою поддержку; онъ хочетъ рекомендовать меня своимъ знакомымъ. Я и не скрываю отъ себя тѣхъ трудностей, съ которыми мнѣ прійдется бороться, такъ какъ я, сколько вамъ извѣстно, не имѣю никакихъ средствъ; но я надѣюсь, что съ помощью стойкости и терпѣнія мнѣ удастся преодолѣть ихъ и достигнуть моей цѣли. Вотъ о чемъ я желалъ сообщить вамъ и посовѣтоваться съ вами.

— А нѣтъ никакой другой причины, вслѣдствіе которой вы желаете покинуть насъ,—спросила она, вскинувъ на него свои черные глаза.

— Нѣтъ по крайней мѣрѣ такой, которая могла бы интересовать васъ,—отвѣтилъ онъ смутившись.

— Маркъ!—воскликнула она печальнымъ голосомъ, — почему вы лишаете меня своей дружбы, своего довѣрія? Вы скрываете отъ меня истину и хотите обмануть меня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—пробормоталъ онъ въ испугѣ. — Вы ошибаетесь, милая Сарра? Я не знаю...

— Но я знаю, что я васъ жестово обидѣла и оскорбила, что вы только ради меня отказываетесь отъ вѣрнаго мѣста, идете на встрѣчу неизвѣстной будущности, предпочитаете лучше жить въ нуждѣ и среди лишеній, чѣмъ жить возлѣ меня.

— Сарра! прошу, умоляю васъ...

— Да, я знаю,—продолжала она съ возростающимъ волненіемъ, — что вы уже не считаете меня достойной вашей дружбы, что вы избѣгаете меня, потому что не можете больше уважать меня, потому что всѣ, не исключая и моей тетки, осуждаютъ меня, потому что вы вѣрите тому....

— Сарра? — воскликнулъ онъ торжественнымъ голосомъ,—вы оскорбляете и меня, и себя. Клянусь вамъ всѣмъ,

что есть святаго для насъ обоихъ, что я никогда не сомнѣвался въ вашей невинности, не вѣрилъ въ эту жалкую ложь. Я знаю васъ лучше, чѣмъ другіе, и увѣренъ, что въ душѣ, въ сердцѣ вашемъ нѣтъ мѣста для нечистаго помысла, для нехорошаго чувства, что ангелъ небесный не можетъ быть чище васъ, что васъ самымъ гнуснымъ образомъ оклеветали. Я никогда не переставалъ уважать васъ, какъ я уважаю все великое, прекрасное, святое, хотя бы этотъ подлый свѣтъ и забрасывалъ его грязью.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, съ лица ея исчезало печальное и мрачное выраженіе. Каждое его слово казалось ей свѣтлой звѣздочкой на темномъ небѣ, живительнымъ дождемъ, освѣжающимъ засохшую ниву. Она снова свободно вздохнула и подняла опущенную голову съ такимъ взглядомъ, который преисполнилъ его сердце никогда неизвѣданнымъ блаженствомъ.

— Благодарю васъ,—сказала она съ сладкой, обворожительной улыбкой,—за то, что вы считаете меня достойной вашего уваженія, что я еще не утратила вашего довѣрія. Тѣмъ болѣе вы обязаны объяснить мнѣ истинную причину того, почему вы желаете покинуть насъ.

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ разспрашиваете?—отвѣтилъ онъ, покраснѣвъ.—Можетъ ли васъ интересовать...

— Но развѣ я не другъ вашъ и развѣ я не имѣю права дѣлить съ вами и горе, и радость. Я вижу, что вы страдаете, что ваше сердце въ теченіе послѣднихъ недѣль и мѣсяцевъ гложетъ какая-то тяжелая забота. Это меня огорчаетъ и я желала бы помочь вамъ. Тотъ, кто самъ страдаетъ, лучше всего умѣетъ утѣшать другихъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, забывая о собственномъ своемъ горѣ.—И вы страдаете, и вы несчастны, дорогая Сарра? И я только теперь узнаю объ этомъ! Но что же съ вами?

— Нѣтъ, теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что у меня есть еще другъ, я больше не страдаю. Я была больна и только сегодня выздоровѣла, я запуталась и только сейчасъ нашла опять настоящую дорогу; я боялась упасть, но

вѣрный человѣкъ удержалъ меня на краю бездны; я ослабѣла и стала колебаться, но сильная рука поддержала меня; я была слѣпа, но хорошій врачъ излечилъ меня и возвратилъ мнѣ зрѣніе.

— Вы смѣетесь надо мной, а это мнѣ больно.

— Нѣтъ, другъ мой, — сказала она и глаза ея засвѣтились радостью и счастіемъ;—я не насмѣхаюсь; я говорю только правду и откровеннѣе, чѣмъ вы, любезный Маркъ, хотя и догадываюсь о причинѣ вашего молчанія.

— А въ такомъ случаѣ вы должны знать и то, что я не имѣю права говорить и что я не долженъ дольше оставаться въ домѣ вашего дяди, — отвѣтилъ онъ съ грустной покорностью.

— И вы не сочли бы себя въ правѣ говорить даже, еслибы я сказала вамъ: Маркъ, ты самый благородный, самый лучшій человѣкъ въ мірѣ; я была глупа, найдя алмазъ и бросивъ его, только потому, что онъ не былъ ошлифованъ. Маркъ! я все еще нуждаюсь, и даже больше, чѣмъ когда-либо, въ опорѣ, въ твердой рукѣ, въ другѣ, въ преданномъ сердцѣ...

Онъ продолжалъ молчать, но сіявшее радостью лицо его говорило яснѣе, чѣмъ могли бы выразить слова, что онъ ее любитъ и любитъ страстно.

— Маркъ! —продолжала она робкимъ голосомъ,—я испытала себя, я боролась сама съ собою, пока я познала истину, самое себя, истинную, единственно возможную любовь. Она не похожа на мимолетное похмѣлье, за которымъ слѣдуетъ долгое и горькое раскаяніе, на минутный сонъ, за которымъ слѣдуетъ непріятное пробужденіе, на волны, тотчасъ же снова расплывающіяся; она вѣчна, непреходяща, непоколебима, какъ Богъ. Она не колеблется и не сомнѣвается, она стоитъ твердо и незыблемо, хотя бы рушился весь міръ, она остается при насъ, когда всѣ насъ покидаютъ.

Онъ не могъ долѣе противиться, сомнѣваться долѣе въ своемъ нежданномъ, негаданномъ счастіи. Подобно тому, какъ туманъ разсѣевается отъ лучей солнца, всѣ его со-

мнѣнія и опасенія разсѣялись передъ признаніемъ Сарры. Онъ забылъ все свое горе, всѣ муки и страданія послѣдняго времени, и сердце его преисполнилось невыразимымъ блаженствомъ, сознаніемъ, что она сказала правду.

— Сарра!—произнесъ онъ спокойнымъ и твердымъ голосомъ—такою я люблю тебя и буду любить вѣчно.

Они молча и счастливые сидѣли, рука въ руку, подъ сѣнью стараго буковаго дерева. Имъ не нужно было ни страстныхъ словъ, ни клятвъ, ни горячихъ поцѣлуевъ, чтобы признаться другъ другу въ любви. Они знали, что принадлежатъ другъ другу на-вѣки, что ихъ не разлучитъ ни время, ни пространство, ни даже сама смерть.

Чистое счастіе ихъ не омрачалось никакимъ земнымъ желаніемъ, никакимъ чувственнымъ вожделѣніемъ, никакою эгоистическою мыслью, никакой заботой относительно будущаго. Они, точно безплотные духи, чувствовали себя какъ-бы унесенными съ земли, свѣтлыми и ясными, какъ заходящее солнце, предвѣщающее еще лучшій разсвѣтъ, твердыми и увѣренными въ себѣ, какъ виднѣвшіяся вдали горы, лучезарными, какъ небесный сводъ, раскинувшійся надъ ними въ пурпурномъ сіяніи.

Максъ Рингъ.

Конецъ третьей части.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

XIII.

Препятствія къ открытію Екатериненскихъ колоній по неудовлетворительности строительныхъ матеріаловъ и неустройства домовъ.—Споръ о качествѣ лѣса и построекъ.—Дополнительныя правила о поселеніи евреевъ и объ управленіи ими.—Пріемъ попечительнымъ комитетомъ херсонскихъ колоній и описаніе ихъ состоянія.—Причины безуспѣшности постройки домовъ для Екатеринославскихъ поселенцевъ.—Измѣненіе системы постройки домовъ и увеличеніе издержекъ.—Улучшенное распредѣленіе земель между колонистами обѣихъ губерній.—Средства принужденія нерадивыхъ колонистовъ заниматься земледѣліемъ.—Открытіе: отдѣленія комитета попечительствъ надъ колоніями.

Твердо помня, какъ тяготился Федоровъ херсонскими колоніями, располагая точными о нихъ свѣдѣнія и сознавая, что отъ большаго или меньшаго, но во всякомъ случаѣ временнаго разногласія чиновниковъ, касательно „прежнихъ дѣлъ и отчетовъ"—колоніи не ухудшатся,—министерство не вмѣшалось въ пререканіе, возникшее по этому предмету, между губернаторскими и комитетскими чиновниками, такъ какъ предугадывало, что Федоровъ—для скорѣйшаго освобожденія себя отъ переписки по колоніямъ—самъ съумѣетъ привести чиновниковъ къ соглашенію, взаимными уступками. За то учреждавшимися екатеринославскими колоніями—какъ собственнымъ созданіемъ—министерство очень интересовалось и потому предписало Гану о всѣхъ его дѣйствіяхъ по пріему ихъ—непремѣнно доносить, чтобы своевременно направлять ихъ къ предрѣшенной цѣли—

* См. „Восходъ" 1882 г. кн. XI—XII.

организовать „образцовыя" колоніи. Предписаніе это въ связи съ затрудненіями, какія проявились при устройствѣ этихъ колоній—естественно отдаляли срокъ пріема ихъ, и это вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Гана: сперва—заручиться отдѣленіемъ, попечительствами и преподавателями-менонитами, а уже потомъ вступить въ управленіе колоніями на новыхъ началахъ и при свѣжихъ начальникахъ и распорядителяхъ. Затрудненія же были, къ тому же, не мелочныя, а самыя существенныя, безусловно оправдывавшія медленность комитета.

Такъ, смотритель маріупольскихъ нѣмецкихъ колоній, штабсъротмистръ баронъ фонъ-Штемпель, которому поручено было принять екатеринославскія еврейскія колоніи, донесъ Гану, что не смотря на его личныя настоянія—къ сдачѣ ему земель, строеній, матеріаловъ и денегъ еще не приступлено, почему онъ не въ состояніи былъ опредѣлить: „когда можно будетъ кончить постройки, да снабдить поселенцевъ скотомъ, сѣмянами и прочимъ хозяйствомъ", тѣмъ болѣе, что „на одномъ опредѣленномъ, для построекъ, мѣстѣ видѣлъ" онъ „четыре домика—безъ обмазки, крыши, дверей и оконъ; два—приводившіеся къ окончанію, пять—едва начатыхъ", а на другихъ участкахъ не нашелъ „никакихъ построекъ". Заготовленные же матеріалы и произведенные работы—призналъ онъ „*крайне не надежными*; дома устраивались изъ сыраго, мерзлаго лѣса, въ 20° морозы", а такіе дома *не могли*, казалось ему, „*служить для жилья*, даже на самое не продолжительное время: при наступленіи первыхъ жаровъ и вѣтровъ—они неминуемо разрушались, какъ подтвердили мастеровые".

Основываясь на этомъ донесеніи, Ганъ писалъ Гладкому, что если палата до зимы 1846—1847 гг. и до послѣдовавшаго повелѣнія о подчиненіи всѣхъ колоній комитету, не успѣла устроить для евреевъ домовъ, то ничто не обязывало ее кончать прерванныя зимнимъ временемъ работы, а еще менѣе того приступать къ постройкамъ зимою, ибо это не согласовалось ни съ повелѣніемъ о передачѣ поселеній комитету, ни съ предписаніями министра. Оттого Ганъ просилъ Гладкаго во 1-хъ, о „рѣшительномъ пріостановленіи всякихъ построекъ", ибо продолженіе и окончаніе ихъ съ 1847 г. относилось къ

обязанности колоніальнаго начальства, а во 2-хъ, о „неотложномъ начатіи сдачи“ Штемпелю земель, матеріаловъ, денегъ и условій, заключенныхъ съ оброко-содержателями назначенныхъ для евреевъ участковъ для уясненія—кто изъ нихъ вправѣ дальше остаться при участкахъ? Ганъ присовокупилъ Гладкому, что хотя для оцѣнки качества подлежавшихъ пріему предметовъ и слѣдовало бы образовать особую коммисію, но по неимѣнію свободныхъ чиновниковъ, „пригласилъ Корниса и двухъ свѣдущихъ менонитовъ (не подчиненныхъ Штемпелю, а стало быть и совершенно безпристрастныхъ экспертовъ)—„служить ему, при пріемѣ построекъ и матеріаловъ,—ассистентами“.

Гладкій отвѣтилъ Гану, что приказалъ сдѣлать слѣдующее: *Первое* — остатокъ отъ ассигнованныхъ для прибывшихъ въ 1846 г. 20,000 р.—передать Штемпелю, потому что комитетъ не распорядился самъ принять ихъ; изъ нихъ не вычелъ: а) 5,000 р., выданныхъ на матеріалы на постройку домовъ для евреевъ, которые прибудутъ въ 1847 г., ибо эта сумма взята изъ наличности палаты на счетъ источника на поселеніе евреевъ 1847 г.; б) деньги, употребленныя на путевое продовольствіе и леченіе евреевъ, такъ какъ эти деньги и тѣ, которыя употребятся еще для евреевъ, до передачи ихъ комитету,—удобнѣе будетъ удержать изъ 4,875 р., назначенныхъ, но еще не отпущенныхъ министерствомъ на переселенцевъ 1846 г. *Второе*—двѣ шнуровыя книги о приходѣ и расходѣ суммъ, полученныхъ на устройство колоній съ оправдательными документами,—поручилъ палатѣ обревизовать и потомъ увѣдомить комитетъ обо всемъ, что ему „нужно будетъ знать объ издержкахъ на дома и матеріалы для домовъ“. *Третье*—инженеру Гаупту и архитектору Свѣтловскому передать Штемпелю при депутатѣ: шесть, назначенныхъ для водворенія 285 семействъ, земельныхъ участковъ, съ подробнымъ ихъ описаніемъ, такъ какъ составленные топографами планы, съ намѣченными на нихъ 8 колоніями, отосланы въ Одессу къ агроному Гавелю, для правильнаго раздѣла между евреями земель; свѣдѣнія о сдѣланныхъ осенью 1846 г. самими евреями и въ ихъ пользу посторонними лицами,—посѣвахъ озимаго хлѣба; всѣ дома, съ планами и подробнымъ же описаніемъ: до какой степени доведена постройка

и въ какомъ видѣ предполагалось окончить дома во всѣхъ 8 колоніяхъ; всѣ заготовленные для домовъ матеріалы, съ означеніемъ ихъ цѣнности; договоренныхъ, для постройки домовъ, мастеровъ, съ заключенными съ ними условіями, а по наступленіи весны—и самихъ евреевъ, квартировавшихъ временно въ казенныхъ селеніяхъ, со списками наличнымъ семействамъ и душамъ. Наконецъ, *четвертое*—по сдачѣ Штемпелю евреевъ обязалъ Гаупта и Свѣтловскаго представить палатѣ счеты о выданномъ на посѣвъ и на продовольствіе ихъ хлѣбѣ и о другихъ издержкахъ, сдѣланныхъ на деньги и въ долгъ, за все время помѣщенія ихъ въ селеніяхъ, дабы палата могла принять мѣры къ возврату хлѣба и къ удовлетворенію заимодавцевъ.

Въ заключеніе всего, въ предупрежденіе споровъ о достоинствѣ матеріаловъ и о правѣ достроить дома, Гладкій разъяснилъ Гану, что матеріалы заготовлены были въ такомъ количествѣ и такого качества, какіе чиновники признали необходимыми, въ тѣ цѣны, какія опредѣлены были имъ, Гладкимъ, по соображенію съ отпущенною, на этотъ предметъ, суммою. Все это, увѣрялъ Гладкій Гана, было сдѣлано за долго до распоряженія о передачѣ колоній комитету, а какъ въ 5 пунктѣ предписанія министра комитету (отъ 16 ноября 1846 г. № 1333) было сказано, что заготовленные по его, Гладкаго, распоряженію матеріалы „должны быть приняты", то они и «не могутъ быть не приняты». Гладкій успокоивалъ, впрочемъ, Гана тѣмъ, что пріемъ не слагалъ съ чиновниковъ отвѣтственности, если матеріалы оказались бы не годными для домовъ, какіе предполагалось выстроить, или если бы цѣны матеріаламъ были не сообразны съ существовавшими, во время ихъ заготовленія, цѣнами. Но, въ обоихъ случаяхъ, предварялъ Гладкій, мнѣніе „частныхъ лицъ, къ Штемпелю прикомандированныхъ, не можетъ имѣть никакого вліянія, а споръ долженъ рѣшиться порядкомъ, закономъ установленнымъ", т. е. считалъ компетентными только спеціалистовъ инженеровъ и архитекторовъ, состоявшихъ на службѣ. Постройка домовъ, начатая, по словамъ Гладкаго, также за долго до распоряженія о передачѣ колоній комитету, производилась до 3 января 1847 г.

и къ этому времени было: оконченныхъ въ чернѣ домовъ—4; оканчивавшихся—2 и начатыхъ—75, а не 5, какъ заявилъ Штемпель, бывшій на мѣстахъ построекъ лишь 9 января. Гладкій находилъ также, что при благовременности найма мастеровыхъ—постройка домовъ могла бы быть остановлена въ такомъ только случаѣ, если бы Ганъ предварилъ о предположеніи сдѣлать въ ихъ устройствѣ существенныя измѣненія, а какъ онъ этого не сдѣлалъ, то дома строились и зимою, безъ малѣйшаго вліянія на ихъ прочность, за что ручалось наблюденіе Свѣтловскаго, знавшаго свое дѣло и свою отвѣтственность. Остановить постройки Гладкій считалъ невозможнымъ, потому что „всѣ начатые дома слѣдовало кончить въ такомъ видѣ, въ какомъ они были предположены, для выполненія 5 п. означеннаго предписанія министра, для скорѣйшаго доставленія евреямъ помѣщеній, а равно и для того, чтобы „время убѣдило: прежніе ли, или вновь предполагаемые дома будутъ прочнѣе дешевле и выгоднѣе для евреевъ, въ томъ составѣ семействъ, въ какой они приведены“. Наконецъ, на предупрежденіе Гана, что о задержкахъ вынужденъ будетъ доносить Киселеву,—Гладкій отозвался, что въ доказательство своей правоты—самъ представилъ Киселеву всю переписку по происшедшимъ недоразумѣніямъ.

Съ этого момента существовавшія между Ганомъ и Гладкимъ мирныя, казалось, отношенія—превратились въ непріязненныя, а какъ роль Гана—пріемщика была выгоднѣе, нежели сдатчика—Гладкаго, то первый и принялся жаловаться на послѣдняго министерству. Такъ, зная, что 285 семействъ получали продовольствіе въ долгъ, и что Гладкій спрашивалъ: слѣдуетъ ли возмѣстить этотъ долгъ изъ суммы, отпущенной на водвореніе евреевъ,—Ганъ, усмотрѣвъ изъ разсчета, что за вычетомъ изъ этой суммы почти $^{1}/_{3}$ части на путевое прокормленіе евреевъ,—ее оставалось крайне недостаточно, добивался, чтобы эти ссуды отнюдь не падали на счетъ суммы, опредѣленной на водвореніе евреевъ. Затѣмъ, изыскивая способы къ сокращенію издержекъ, онъ предпочиталъ строить дома не такіе, какіе строилъ Гладкій, а большаго размѣра и изъ двухъ отдѣленій, для помѣщенія въ каждомъ домѣ по два се-

мейства, въ томъ вниманіи, что при „*чрезвычайной бѣдности и слабости* евреевъ,—дома въ 2 отдѣленія соединятъ въ себѣ, во многихъ отношеніяхъ, несомнѣнное удобство и будутъ стоить несравненно менѣе двухъ, малаго размѣра домовъ". Ганъ докладывалъ также Киселеву, что пріемъ денегъ долженъ бы предшествовать пріему колоній, но Гладкій, не взирая на многократныя настоянія—этого будто бы не исполнилъ, почему работа и усложнилась.

Киселевъ предписалъ: Гладкому—ускорить сдачу денегъ, строеній, матеріаловъ и отчетности, а Гану—разсрочить евреямъ ссуду хлѣбомъ на 3—5 лѣтъ, со времени ихъ водворенія; въ остальномъ же держаться преподанныхъ правилъ. Ганъ этимъ не удовольствовался, а опять сообщилъ, что „пріемъ остановился за разногласіемъ сдатчиковъ съ пріемщиками, за лежавшими, на поляхъ, снѣгами и за сомнѣніемъ въ годности построекъ и матеріаловъ, возведенныхъ и купленныхъ по распоряженію Гладкаго".

На это донесеніе Киселевъ уже не обратилъ никакого вниманія: во первыхъ—неизбѣжно было ждать покамѣсть снѣгъ растаетъ, а во вторыхъ и главное—благихъ результатовъ надѣялся онъ получить лишь при введеніи новой организаціи быта евреевъ-земледѣльцевъ. Составленный объ этомъ проектъ, министерство внесло въ государственный совѣтъ, а Гану послало копію съ проекта для того собственно, чтобы онъ заблаговременно подготовилъ хорошихъ чиновниковъ, для проектировавшихся должностей. Ганъ же, ознакомившись съ проектомъ, поспѣшилъ указать на слабые его стороны. Именно, въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонской губерніи насчитывалось къ 1847 году 6,641 душа, а предположивъ, что всѣ онѣ будутъ платить на содержаніе одного для нихъ управленія вся выручка составила бы 1394 р., недостаточные на содержаніе одного даже только попечительства, на которое по штату полагалось 1570 руб. въ годъ. Потомъ, евреямъ колонистамъ Екатеринославской губерніи предоставлялась 10 лѣтняя льгота отъ всякихъ денежныхъ повинностей, почему сборъ съ нихъ на управленіе могъ начаться лишь по истеченіи этого срока (1 п. 42 ст. положенія 1844 года). Такъ, что значительнѣй-

шая часть расхода на содержаніе попечительствъ и отдѣленія въ комитетѣ—должна была пасть, по соображенію Гана, на счетъ доходовъ съ излишнихъ земель, которыхъ считалось въ херсонскихъ селеніяхъ—8,625 десят., приносившихъ доходу 1,137 р. 70 к., а при весьма значительномъ числѣ семействъ, домогавшихся поступить въ земледѣльцы (херсонскимъ губернскимъ правленіемъ была начата объ нихъ переписка)—большая часть и свободной земли подлежала распредѣленію въ надѣлъ. Затѣмъ въ Екатеринославской губерніи излишнихъ земель вовсе не предвидѣлось, ибо палатою были переданы колоніальному начальству только участки, необходимые для надѣленія водворявшихся 285 семействъ. Такимъ образомъ для покрытія расхода на содержаніе управленія, Ганъ ходатайствовалъ, чтобы херсонская и екатеринославская палаты немедленно передали комитету назначенные, для будущаго водворенія евреевъ, свободные участки и приносимые отъ нихъ доходы.

Сообразно приведеннымъ указаніямъ Гана, министерство, въ самомъ государственномъ совѣтѣ, исправило проектъ, который былъ Высочайше утвержденъ (5 марта 1847 г.) въ видѣ „*дополнительныхъ правилъ о поселеніи евреевъ и о управленіи колоніями*". По отношенію къ колоніямъ вѣдомства государственныхъ имуществъ „правила" вотъ что установляли:

„Казенныя земли для поселенія евреевъ министерство государственныхъ имуществъ обязывалось опредѣлять ежегодно, особымъ росписаніемъ, которое разсылать начальникамъ губерній для ихъ свѣдѣнія и распубликованія въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, посредствомъ городскихъ и земскихъ полицій и губернскихъ вѣдомостей. Земли, для поселенія евреевъ однажды предназначенныя, на другое употребленіе не могли быть обращены, а по Новороссійскимъ губерніямъ подлежали передачѣ попечительному комитету, который по соображеніи ихъ мѣстоположенія долженъ былъ составлять планъ въ какой постепенности онѣ подлежали заселенію, а до занятія ихъ евреями—отдавать въ оброчное содержаніе и обращать доходъ въ особый капиталъ на устройство еврейскихъ поселеній. Количество земли полагалось, въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Таврической отъ 20 до 30 и 40 десятинъ на семейство въ 6 ревизскихъ душъ, смотря по количеству земель. Евреямъ, желавшимъ поступить въ земледѣльцы это дозволялось *во всякое время*, безпрепятственно, если только ихъ семейства имѣли въ своемъ составѣ не менѣе трехъ работниковъ, или 6 ревизскихъ душъ въ каждомъ семействѣ и средства для содержанія себя во время пути

до поселенія и для пріобрѣтенія необходимаго рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій.

„Евреи, пожелавшіе переселиться, должны были подать о томъ просьбы начальникамъ губерній, съ объясненіями: о составѣ семействъ, собственными ли средствами намѣревались поселиться и въ губерніяхъ своего мѣстопребыванія, или въ другихъ. Начальники губерній, по полученіи просьбъ и по соображеніи ихъ съ свѣдѣніями о состояніи свободныхъ земель, — раздѣляли на непросившихъ пособія и просившихъ ихъ, при чемъ относительно послѣднихъ по удостовѣреніи, что ихъ семейства имѣли достаточное число членовъ и необходимыя средства для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ, — отлагали разрѣшеніе просьбъ до окончательнаго составленія на слѣдующіе годы смѣтъ коробочнаго сбора, при составленіи же этихъ смѣтъ; смотря по успѣхамъ возвышенія коробочныхъ доходовъ, назначали общую, по губерніи, сумму собственно на поселеніе евреевъ, и сообразно съ суммою, избирали къ поселенію надлежащее число семействъ, начиная всегда со старшихъ по числу душъ, а при ихъ равенствѣ выбирали по жеребью; но могли назначать въ Новороссійскій край до 100 семействъ ежегодно изъ каждой губерніи. Если же денежныя средства позволяли сдѣлать большее назначеніе, то о возможности поселенія того или другаго числа требовали, предварительно, свѣдѣнія отъ попечительнаго комитета, сообщая ему имянной списокъ евреямъ и суммъ на ихъ водвореніе, и прося увѣдомленія: къ какому времени приготовлены будутъ жилища для поселенцевъ, дабы сообразно съ тѣмъ назначить время ихъ отправленія. По полученіи извѣщенія комитета начальника губерній окончательно опредѣляли сборный пунктъ, для отправленія людей въ путь; порядокъ слѣдованія ихъ; благонадежныхъ чиновниковъ, для сопровожденія ихъ, или, въ случаѣ малочисленности переселенцевъ, — избирали, изъ ихъ среды вожатаго, снабжали чиновниковъ, или вожатыхъ открытыми предписаніями; относились ко всѣмъ попутнымъ губернаторамъ, объ оказаніи партіямъ всякихъ законныхъ пособій, о поданіи медицинской помощи и о принятіи больныхъ въ мѣстныя больницы. Попечительный комитетъ, по полученіи отъ начальниковъ губерній свѣдѣній о переселявшихся семействахъ и опредѣленныхъ на нихъ суммахъ, — немедленно распоряжался объ устройствѣ къ опредѣленному времени домовъ со всѣми принадлежностями; заготовлялъ для переселенцевъ сѣмяна, для посѣва и продовольствія до новаго урожая, на счетъ суммъ, въ ссуду для евреевъ назначенныхъ (1—3, 5—12 п.).

«Управленіе евреями въ Новороссійскихъ губерніяхъ подчинялось попечительному комитету, въ которомъ, *съ умноженіемъ* еврейскаго населенія въ краѣ, — учреждались: особое отдѣленіе, въ каждой изъ Новороссійскихъ губерній особый попечитель съ помощникомъ, а въ селеніяхъ приказы, на томъ же основаніи, на какомъ они существовали въ нѣмецкихъ колоніяхъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ колонистовъ, или изъ благонадежныхъ людей другаго званія. Еврейскія селенія, состоявшія между

иностранными колоніями, могли быть подчинены ближайшему смотрителю нѣмецкихъ колоній. Для привлеченія въ еврейскія поселенія нѣмецкихъ колонистовъ, которые примѣромъ своего хозяйства принесли бы пользу евреямъ и могли бы быть сельскими начальниками, — комитету разрѣшалось приглашать лучшихъ нѣмецкихъ хозяевъ перейти въ еврейскія поселенія, въ видѣ кортомниковъ, на продолжительный срокъ, съ предоставленіемъ имъ отъ 20 до 40 десятинъ земли каждому, въ первые 10 лѣтъ— наравнѣ съ евреями безплатно, а въ теченіи послѣдующихъ 10 лѣтъ,— съ уплатою половиннаго оброка; если же колонисты пожелаютъ остаться на сихъ участкахъ долѣе 20 лѣтняго срока, то должны будутъ платить полный оброкъ. (16—18 п.).

Денежное пособіе евреямъ полагалось на каждое семейство, для переселявшихся изъ Западнаго края въ Новороссійскій: на постройку домовъ— по 100 р. и въ ссуду, на пріобрѣтеніе скота, продовольствія, сѣмянъ и другія потребности — по 70 р. Ссуда эта производилась изъ еврейскаго поселенческаго капитала со времени поселенія евреевъ въ продолженіи первыхъ 4-хъ лѣтъ, но съ возвратомъ ея въ означенный капиталъ, впродолженіи 10-ти послѣдующихъ годовъ по ровну и безъ процентовъ. Евреямъ же Новороссійскаго края, поселявшимся въ мѣстахъ ихъ пребыванія, полагалось только на постройку домовъ по 100 р. Евреи, пожелавшіе учредить на казенныхъ земляхъ поселеніе своихъ единовѣрцевъ,— пріобрѣтали права: *личнаго почетнаго гражданства*, — буде устроятъ, на свой счетъ, дома со всѣми хозяйственными принадлежностями для 25 семействъ, а *потомственнаго почетнаго гражданства*,—за поселеніе 50 семействъ, съ соблюденіемъ, однако же, въ обоихъ случаяхъ общихъ правилъ для возведенія евреевъ въ помянутое званіе постановленныхъ (18—20 п.).

„Всякое еврейское семейство, поселенное на казенныхъ, или владѣльческихъ земляхъ, распоряженіемъ правительства, на свой или на счетъ своихъ единовѣрцевъ, обязывалось: на другой годъ своего поселенія—*завести огородъ* и обработать и *засѣять не менѣе одной десятины* въ полѣ; въ четвертый годъ — имѣть огородъ и по *двѣ десятины* въ полѣ, а въ 6 годъ—огородъ, по *три десятины* обработанной земли, достаточное количество рабочаго скота, земледѣльческаго орудія, сѣмяна и годовое продольствіе для себя и скота. Евреи эти также обязывались *сами обработывать земли, нанимать* работниковъ могли исключительно изъ среды своихъ *единовѣрцевъ*, но отнюдь не изъ христіанъ. Евреи, занимавшіеся хлѣбопашествомъ нерадиво и несоотвѣтственно съ опредѣленнымъ размѣромъ, подчинялись, въ ихъ хозяйствѣ, ближайшему надзору мѣстнаго сельскаго начальства; отлучки для промышленности имъ запрещались, доколѣ не исправятъ своего хозяйства, а за всякое нерадѣніе—подвергались сельскимъ приказомъ наказаніямъ, по сельскому судебному уставу. Если бы съ истеченіемъ 6 лѣтъ евреи не пріобрѣли означеннаго полнаго хозяйства и, такимъ образомъ, остались бы въ тягость общества по исполненію за нихъ разныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, то по

произведенномъ удостовѣреніи, что *упущеніе* послѣдовало *отъ ихъ нерадѣнія*, или отъ развратнаго поведенія, — то съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, они — подлежали исключенію изъ сельскаго состоянія; всѣ члены ихъ семействъ, способные къ военной службѣ,—отдачѣ въ рекруты, полученныя за нихъ квитанціи продажѣ, а вырученная сумма — пріобщенію къ общему капиталу, на поселеніе евреевъ предназначенному (21—23 п.).

Наконецъ, опредѣленные по штатамъ расходы на содержаніе отдѣленія — 4,591 р. 38 к. и каждаго отъ попечительствъ — 1,570 р. въ годъ были отнесены: во первыхъ — на сборъ съ евреевъ, наравнѣ со сборомъ, установленнымъ съ иностранныхъ поселенцевъ на ихъ управленія, а во вторыхъ — на доходы съ земель, которыя, до заселенія евреевъ, предписывалось отдавать въ оброчное содержаніе.

Заручившись правомъ дѣйствовать сообразно предположеннымъ мѣрамъ, вошедшимъ въ приведенный нами новый законъ, комитетъ вскорѣ же принялъ Херсонскія колоніи, а потомъ доставилъ Киселеву „описаніе состоянія этихъ колоній". Изъ этого „описанія" мы извлекаемъ наиболѣе интересныя данныя.

Колоній было: въ Херсонскомъ—13 и въ Бобринскомъ уѣздахъ—2; размѣщались онѣ на 10 отдѣльныхъ участкахъ; было въ нихъ земледѣльцевъ: муж. — 6076, а женщ. — 5207, итого 11,283 чел., въ томъ числѣ вышедшихъ изъ льготы: муж.— 3267, а женщ. — 2893 чел.; остававшихся на льготѣ: муж. — 2809, а женщ.—2314, итого 11283 чел.; на лицо было: муж.— 6659, а женщ. — 5753, итого 12412 чел., образовавшихъ 1749 ревизскихъ семействъ, на каждое изъ нихъ приходилось въ сложности по 4 мужскаго пола душъ. Общее количество казенной свободной и состоявшей подъ поселеніемъ евреевъ земли было: удобной—80286 дес. 114 саж., а неудобной—2577 дес. 1426 саж., всего же 82863 дес. 1540 саж., въ томъ числѣ: предоставленной въ пользованіе евреевъ: удобной — 67306 дес. и неудобной—2408, всего 69714 дес.; на каждое ревизское семейство почти по 40 дес., а на каждую ревизскую мужскую душу болѣе 11 десятинъ удобной земли. Затѣмъ свободной для будущаго надѣленія: удобной—12980 дес. 114 саж. и неудобной— 169 дес. 1426 саж., всего 13149 дес. 1540 саж., свободная земля находилась въ 5 участкахъ.

Окладныя денежныя повинности и сборы съ евреевъ-земле-

дѣльцевъ составляли: 1) подушныя, оброчныя на водяныя и сухопутныя сообщенія; 2) земскія повинности; 3) сборъ на колоніальное управленіе и 4) сборъ же въ пополненіе казеннаго, по водворенію долга. Всѣхъ окладныхъ денежныхъ повинностей и сборовъ съ колонистовъ причиталось въ 1846 г. 16626 р. 12 к., т. е. на каждую вышедшую изъ льготы ревизскую мужскую душу болѣе 5 р. въ годъ; дѣйствительно же поступило въ 1846 г. 7552 р. 94 к., т. е., на каждую подлежавшую платежу ревизскую мужскую душу по 2 р. 33 к.; недоимокъ по означеннымъ повинностямъ и сборамъ за прежніе годы со включеніемъ недобора за 1846 г. (9073 р. 18 к.) насчитывалось 123,957 р. 37½ к., или почти по 38 р. на ревизскую мужскую душу.

Въ 15 колоніяхъ было: а) жилыхъ домовъ: каменныхъ — 683; деревянныхъ — 3; чамурныхъ—743 и плетневыхъ — 99, итого 1532; въ томъ числѣ: удобныхъ для жительства — 782; безъ крышъ—160; полураскрытыхъ — 108 и развалившихся — 27; прочіе же требовали болѣе или менѣе значительныхъ исправленій. Имѣли колоніи: токовъ* — 966; конюшенъ и сараевъ — 323; загоновъ для скота — 1034; мельницъ вѣтренныхъ — 14; скота: коровъ—3193; воловъ—2508; молодаго—2764; лошадей: ѣзжалыхъ—526; кобылицъ и жеребятъ—61; овецъ: матокъ — 3117; барановъ—169; ягнятъ—466; козъ: старыхъ—242 и молодыхъ—84. Воловъ и лошадей приходилось по одной штукѣ на двѣ ревизскія мужскія души; плуговъ—309; ралъ—289; боронъ—550; возовъ—1500 и саней—474, на три семейства по одному пахатному орудію.

Въ 1846 г. посѣяли хлѣба: яроваго—1144 четверти на 1532 десят.; озимоваго—2269 четвертей на 2569 десят.; изъ посѣва причиталось на каждое семейство около 1½ четверти озимоваго и по 5 четвериковъ яроваго хлѣба. Сверхъ того посѣяли льну 96 четвертей на 163 десят. Огородничествомъ и садоводствомъ евреи не занимались; пчеловодство было въ 3 селеніяхъ — 51 улей. Ремесленниковъ считалось въ колоніяхъ 537 человѣкъ, въ томъ числѣ: каменщиковъ—78, кузнецовъ—17, портныхъ—265, сапожниковъ—152 и плотниковъ 25 чел.

* Въ гумнахъ полъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ цѣпами.

Для обезпеченія продовольствія было общественнаго запаснаго хлѣба: а) на лицо: озимоваго—1112 четв. и яроваго—385; менѣе 2-хъ четвериковъ на каждую ревизскую мужскую душу; б) въ ссудѣ: озимоваго—72 четв. и яроваго 2 четв. Для храненія общественнаго запаснаго хлѣба при старыхъ 9 колоніяхъ были каменные магазины, въ которыхъ могло помѣщаться до 2650 четвертей, а при трехъ новыхъ колоніяхъ хлѣбъ хранился въ пустыхъ сиротскихъ домахъ. Общественная запашка содержалась только въ 13 колоніяхъ, причемъ посѣяли: яроваго — 74 четверти на 110 десятинахъ, а озимоваго—109 четвертей на 122 десятинахъ, на каждую ревизскую мужскую душу по 2 гарнца посѣва и около $^1/_{30}$ десятины.

Состояніе здоровья колонистовъ было неудовлетворительно. Медиковъ и заведеній для пользованія больныхъ въ еврейскихъ колоніяхъ не было. Затѣмъ считалось: оспопрививателей—7, по одному на 1777 душъ; свѣдущихъ въ повивальномъ искуствѣ бабокъ — 47; младенцевъ безъ привитія оспы — 337; въ томъ числѣ: за болѣзнію—120; за недостиженіемъ опредѣленнаго возраста—166 и за неимѣніемъ оспенной матеріи—51, всего 337 чел. Благотворительныхъ заведеній въ колоніяхъ также не существовало, тогда какъ къ 1847 г. состояло: увѣчныхъ—16; умалишенныхъ—6; глухонѣмыхъ—4; бездомныхъ—216 и нищихъ 11, т. е., 253 чел. Опекъ надъ малолѣтними сиротами находилось 118, въ ихъ завѣдываніи сиротъ обоего пола было 189, а сиротскаго имущества въ капиталахъ, обращавшихся у частныхъ лицъ изъ процентовъ на 5727 р. Дѣйствія опекуновъ не подвергались отчету. Учебныхъ заведеній въ колоніяхъ тоже не было. Состояло подсудимыхъ: муж.—17 и женщ.—3; въ томъ числѣ: за неповиновеніе властямъ—1; за воровство—13; за бродяжничество и пристанодержательство—4 и за выдачу фальшивыхъ свидѣтельствъ—2 чел. Въ самовольной отлучкѣ находилось 378 чел., почти $^1/_{30}$ часть ревизскаго населенія. Питейныхъ заведеній было въ колоніяхъ 13, по одному на 954 обоего пола души.

Оброчныхъ статей, доходъ съ которыхъ употреблялся на общественныя надобности, къ 1847 г. состояло: въ оброчномъ содержаніи—36 и въ хозяйственномъ управленіи—2; статьи эти принесли дохода—4,046 р. 48 к. Общественныхъ строеній было

47; въ нихъ помѣщались: синагогъ—5; молитвенныхъ домовъ—17; сельскихъ приказовъ—2; запасныхъ магазиновъ—9 и бань 10; кагаловъ—15; раввиновъ—12; канторовъ или ктиторовъ—18; по одному кагалу на 827 душъ общаго населенія и по одному раввину на 1,034 души. Раввины, по назначенію общества, пользовались содержаніемъ изъ общественныхъ мірскихъ суммъ отъ 51 до 71 р., а прочіе служили безвозмездно.

Мѣстное управленіе колоніями сосредоточивалось въ сельскихъ приказахъ, подвѣдомственныхъ смотрителямъ и управленію, находившемуся въ Большомъ Нагартовѣ. Сельскихъ приказовъ состояло 12, изъ которыхъ 3 завѣдывали двумя колоніями; въ приказахъ считалось должностныхъ лицъ (шульцовъ, бейзицеровъ, старѣйшинъ, опекуновъ и писарей) 182 чел., т. е., на должностное лицо по 70 душъ. Изъ числа должностныхъ лицъ жалованье получали только шульцы и писаря, изъ мѣстныхъ общественныхъ суммъ: шульцы—по 14 р. 28½ к., а писаря отъ 57 р. 28½ к. до 71 р. 40 к. въ годъ. На содержаніе управленія по штату 1837 г. тратилось 2,514 р. 30 к. Расходъ этотъ покрывался сборомъ съ вышедшихъ изъ льготы земледѣльцевъ по 76 к., что составляло 2,484 р. 92 к. Хотя съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ и новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и было допущено усиленіе состава управленія, съ отнесеніемъ дополнительнаго расхода частію на счетъ сбора съ земледѣльцевъ, а частію — на счетъ общественныхъ доходовъ, но по несостоятельности евреевъ и не замѣщенію нѣкоторыхъ должностей — расходы покрывались остатками отъ штатныхъ суммъ. При пріемѣ колоній служащихъ въ управленіи было 18 чел., т. е., на каждаго служащаго въ управленіи около 700 душъ;

	Въ сельскихъ приказахъ.	Въ общемъ управленіи.
бумагъ не исполненныхъ . . .	63	85
дѣлъ на сохраненіи	5721	3820
суммъ на лицо	493 р. 76 к.	1660 р.

На сколько каждая изъ колоній преуспѣла въ главномъ своемъ занятіи—хлѣбопашествѣ, свидѣтельствуетъ нижеслѣдую-

щая таблица о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, льна, сѣна и соломы за 1846 г.

Названіе колоній.	Число семействъ.	Число ревизскихъ мужскаго пола душъ.	Посѣяно хлѣба. Яроваго въ 1846 г. Четверти.	Посѣяно хлѣба. Яроваго въ 1846 г. На десятинахъ.	Посѣяно хлѣба. Озимоваго на 1847 г. Четверти.	Посѣяно хлѣба. Озимоваго на 1847 г. На десятинахъ.	Уродилось въ 1846 г. Хлѣба. Озимоваго (Четвертей)	Уродилось въ 1846 г. Хлѣба. Яроваго (Четвертей)	Уродилось въ 1846 г. Льну. Посѣяно (Десятин)	Уродилось въ 1846 г. Льну. Уродилось (Четвертей)	Собрано было. Сѣна (Пудовъ)	Собрано было. Соломы (Пудовъ)
Б. Сейдеминуха	234	810	191	254	362	414	1426	882	30	53	40260	138360
М. Сейдеминуха	35	121	30	40	71	81	262	133	3	3	2450	22120
Бобровый кутъ	235	624	196	261	363	415	1661	906	44	66	48620	106335
Б. Нагартовъ	119	403	130	173	169	197	688	476	12	20	27450	45600
М. Нагартовъ	411	144	51	68	62	69	234	132	2	6	6630	14240
Ефенгаръ	125	408	24	32	128	146	350	76	—	—	46975	14895
Ингулецъ	145	541	113	150	113	129	701	668	3	9	34110	62800
Камянка	83	341	31	41	96	110	114	101	—	—	2750	15025
Излучистая	70	249	57	76	130	148	191	117	—	—	13500	20905
Израилевка	93	356	84	122	111	117	157	67	—	—	2420	6510
Сагайдакъ	119	430	53	76	80	91	300	139	—	—	8340	12710
Новый Бериславъ	150	603	14	18	75	86	331	52	—	—	13430	11490
Львова	142	456	55	68	141	160	871	225	—	—	21528	49320
Ново-Полтавка	100	360	34	45	220	251	739	262	2	6	71520	28280
Романовская	59	84	81	108	148	170	736	470	—	—	50475	38180
Итого	1749	6076	1144	1532	2269	2594	8761	4706	96	163	397985	313872

Приступивъ къ завѣдыванію херсонскими колоніями, комитетъ командировалъ землемѣра отдѣлить свободный участокъ (на немъ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ полагалъ основать новую колонію), избрать для поселенія удобнѣйшее мѣсто, дознаться: на сколько стѣснены были поселенцы Камянки и Излучистой отъ неправильнаго надѣленія ихъ землею и сообразить: какъ разграничить нѣкоторыя селенія, имѣвшія общее пользованіе землею и какъ правильнѣе распредѣлить угодія по ихъ употребленію, для образованія при каждой колоніи запаснаго участка, по примѣру менонитовъ, ибо господствовавшая у нихъ система владѣнія землею считалась наилучшею въ хозяйственномъ отношеніи. Комитетъ такъ по-

ступилъ потому, что въ еврейскихъ колоніяхъ „не соблюдались необходимѣйшія условія удобнаго землевладѣнія“, а мениониты, по осмотрѣ мѣстности, согласились переселиться къ евреямъ не прежде, какъ по переводѣ колоній на другіе, болѣе соотвѣтствующіе их назначенію, пункты. Этотъ отзывъ менонитовъ открылъ комитету „одну изъ причинъ крайне бѣдственнаго положенія евреевъ“ и трудность, какую предстояло ему преодолѣть для введенія въ колоніяхъ цѣлесообразнаго порядка.

Выше мы отмѣтили, что при введеніи „дополнительныхъ правилъ“ Киселевъ, между прочимъ, потребовалъ мнѣнія Гана о томъ, какъ устроить прежнихъ колонистовъ-евреевъ, не обладавшихъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, дабы они не могли оправдываться нищетою. Ознакомившись съ колоніями, Ганъ нашелъ одинъ исходъ—завести полныя рабочія упряжи и приписать къ нимъ нищія семейства; подъ рабочею же упряжью разумѣлъ онъ шесть лошадей, плугъ, три бороны и двѣ повозки для 10—12 семействъ и для каждой изъ нихъ до 3-хъ десятинъ земли. Хотя во всѣхъ колоніяхъ и считалось не мало семействъ, лишенныхъ всякаго хозяйства, но Ганъ полагалъ ввести эту мѣру на первый разъ только въ тѣхъ 3-хъ колоніяхъ, которыми уже управляли нѣмецкіе старшины, такъ какъ пріобрѣтеніе сразу большаго числа упряжей потребовало бы значительныхъ средствъ, да и безъ постояннаго надзора, который не рѣшался ввѣрить самимъ евреямъ,—онъ не надѣялся обезпечить, ни цѣлости упряжей, ни надлежащаго ихъ употребленія. Оттого онъ проектировалъ слѣдующія правила:

1) Заведеніе рабочихъ упряжей возложить на старшинъ, избираемыхъ исключительно изъ людей свѣдущихъ, благонамѣренныхъ и заслуживающихъ полнаго довѣрія. 2) Необходимые на этотъ предметъ, деньги заимствовать изъ остатка отъ доходовъ съ земель, отдаваемыхъ во временное оброчное содержаніе (остатокъ слѣдовало обращать въ особый капиталъ, для употребленія съ разрѣшенія министерства). 3) Старшина отвѣтственъ за годность и цѣлость упряжей, хранящихся въ помѣщеніяхъ, устраиваемыхъ при жилищѣ старшины, который по очередно ежедневно: утромъ—отпускаетъ упряжи приписнымъ къ нимъ семействамъ, а вечеромъ — принимаетъ отъ нихъ обратно; но если замѣтитъ порчу чего либо, немедленно узнаетъ причину и распоряжается какъ исправленіемъ поврежденія, такъ и взысканіемъ съ виновныхъ. 4) Приписанныя къ упряжамъ семейства обязаны ухаживать за лошадьми, заготовлять для нихъ овесъ, сѣно и солому, со-

держать въ чистотѣ и исправности помѣщеніе и земледѣльческія орудія; съ этихъ же семействъ взыскивается десятина урожая хлѣба на ремонтъ и возмѣщеніе издержекъ на упряжи и 5) Съ пріобрѣтеніемъ указаннаго обзаведенія, оно находится до 6-го года водворенія, когда семейства исключатся изъ приписанныхъ къ упряжамъ, а онѣ, по мѣрѣ прекращенія въ нихъ надобности, — будутъ продаваемы, съ обращеніемъ вырученной суммы въ возвратѣ издержекъ на ихъ заведеніе.

Стоимость каждой упряжи (6 лошадей, со сбруею, плугъ, 2 повозки и 3 бороны) Ганъ опредѣлялъ въ 200 р., а на всѣ и на орудія и помѣщенія для скота — 1350 р. Завести какъ можно скорѣе упряжи Ганъ считалъ необходимымъ еще и потому, что „за принятыми колоніальнымъ начальствомъ мѣрами,—многія бродяжничествовавшія семейства—возвратились въ свои селенія и ко вреду для себя находились безъ заработковъ и занятія“. Ганъ убѣдился также, что еврею для работъ нужна лошадь, а не волъ, почему онъ и распорядился купить лошадей; хотя „волы стоили гораздо дешевле, чѣмъ лошади, но рогатый скотъ подвергался, въ краѣ, безпрерывнымъ болѣзнямъ и падежамъ“.

Киселевъ утвердилъ мнѣніе и „правила“ Гана, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобы деньги на расходъ онъ заимствовалъ не изъ намѣченнаго имъ источника, а изъ дохода со свободныхъ участковъ, изъ числа тѣхъ самыхъ земель, которыя были отведены собственно старымъ еврейскимъ колоніямъ, и, чтобы всѣ перечисленныя мѣры ввелъ постепенно и въ остальныхъ колоніяхъ, если только общественные ихъ доходы это позволятъ.

Тѣмъ временемъ, покуда Ганъ осматривалъ всѣ колоніи, составлялъ означенныя правила и получилъ ихъ къ исполненію, комитетъ принялъ о херсонскихъ колоніяхъ всю отчетность, а изъ нея обнаружилъ свѣдѣнія о «лихоимствѣ» управлявшаго колоніями Кондаранцова. За это онъ, какъ и его предмѣстникъ Демидовъ, былъ уволенъ отъ должности и привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Въ чемъ именно заключалось приписанное Кондаранцову «лихоимство» — разсказать, къ сожалѣнію, не можемъ: дѣло это велось Губернскимъ правленіемъ, Уголовною палатою и Сенатомъ, совершенно самостоятельно, потому мы и не могли его доискаться.

Впрочемъ, свѣдѣніями о „лихоимствѣ“ Кандаранцова само министерство мало интересовалось: онѣ всецѣло относились къ управленію генералъ-губернатора. Министерство же очень безпокоилось о созидавшихся, по его почину, екатеринославскихъ колоніяхъ. Сдача ихъ, какъ читатели помнятъ, затянулась. Оттого Киселевъ спрашивалъ: „сданы и приняты ли евреи?“ Не получивъ, однако, скоро отвѣта, онъ требовалъ разъясненія причинъ медленности. Ганъ полагалъ успокоить, вѣроятно, Киселева сообщеніемъ, что переселенцы «посѣяли: пшеницы—324 четв. и 4 чка (въ томъ числѣ на общественномъ полѣ 35 чк.); ячменя—38 четв., овса—35 четв., картофеля—186 четв. и значительное количество огородныхъ овощей». Киселевъ написалъ на этомъ донесеніи: „это весьма хорошо, но не вижу посѣва ржи?“ Ганъ, со словъ Штемпеля, отозвался, что «большая половина посѣянной ржи пропала, по негодности отпущенныхъ переселенцамъ сѣмянъ». Киселевъ не выдержалъ — послалъ изъ Петербурга чиновника особыхъ порученій надворнаго совѣтника Алексѣева убѣдиться на мѣстѣ, что именно тамъ творилось.

Алексѣевъ рапортовалъ, что 285 еврейскихъ семействъ нашелъ расположенными временно въ разныхъ казенныхъ селеніяхъ; но мужчины занимались: одни — постройкою для себя домовъ въ 3-хъ колоніяхъ; другіе—заготовленіемъ матеріаловъ въ 2-хъ колоніяхъ; третьи — шорнымъ мастерствомъ, а женщины—вязаньемъ чулокъ для крестьянъ; продовольствіе же всѣ получали изъ общественныхъ магазиновъ; изъ выстроенныхъ въ первой колоніи 100 домовъ было покрытыхъ и обмазанныхъ—7, а покрытыхъ, но не обмазанныхъ — 8; къ осени предполагалось кончить всѣ постройки; во второй и четвертой колоніяхъ домовъ оконченныхъ плотничною работою ожидалось къ осени же—92; въ третьей и пятой колоніяхъ нашелъ онъ только кирпичъ и прочіе матеріалы на 50 домовъ. Посѣяли, по словамъ Алексѣева, всѣ колоніи хлѣба: озимоваго — 285; яроваго—362 четв. и общественной запашки пшеницы было у нихъ 75 четв. Жалобъ отъ переселенцевъ онъ не слыхалъ, а всѣ «единодушно желали поскорѣе водвориться въ свои дома,

отчего работали довольно прилежно»; да просили объ отпускѣ имъ земледѣльческихъ орудій и скота.

Ганъ же со своей стороны рѣзко дополнилъ деликатное донесеніе Алексѣева,—что „по не имѣнію денегъ — принужденъ остановиться устройствомъ“ переселенцевъ, которые не располагали даже „необходимѣйшею одеждою, почему не могли быть высылаемы на работу“. Обстоятельство это давало ему поводъ просить добавочной ассигновки слишкомъ въ 14.000 р. Министерство, удивленное требованіемъ Ганомъ значительныхъ денегъ, навело, предварительно, по своимъ дѣламъ, справки, которыя показали, что изъ 45.000 р., опредѣленныхъ на водвореніе 285 семействъ, за постройкою на этотъ источникъ для переселенцевъ домовъ (стоили по 100 р. каждый), оставалось запасныхъ только 4875 р. Если считать согласно прежнимъ правиламъ по 175 р. на семейство, то на хозяйственное обзаведеніе всѣхъ нужно было (къ находившимся въ комитетѣ 6500 р.) 11.375 р. или на семейство около 40 р., тогда какъ «дополнительными правилами» опредѣлялось только по 170 р. на семейство,—менѣе прежняго на 5 р. Между тѣмъ, прежде путевыя издержки евреевъ относились на счетъ переселенческаго источника, а по новымъ правиламъ переселенцы обязывались не только содержать себя въ пути собственными средствами, но еще принести ихъ съ собою на пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. Затѣмъ путевыя издержки 285 сем. обошлись въ 10.000 р.; а комитетъ исчислялъ столько же собственно на обзаведеніе переселенцевъ, что увеличило бы расходъ до 21.375 р., или на семейство по 75 р., которыхъ было видимо также мало еще на обзаведеніе, даже безъ рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. Далѣе, обѣщанія отдѣлить изъ коробочнаго сбора 1846 г. на переселеніе 50.000 р. — министръ внутреннихъ дѣлъ не сдержалъ, а на счетъ этого капитала уже было отпущено: изъ государственнаго казначейства—20.000 р. и изъ хозяйственнаго капитала министерства—25.000 р., такъ, что добавивъ остававшіеся въ наличности 4875 р., изъ предназначенныхъ 50.000 р., сохранилось бы только 125 р., когда предвидѣлась новая еще потребность въ 10.000 рублей!..

Разсмотрѣвъ длинную справку, изъ которой мы извлекли лишь самую суть,—Киселевъ разрѣшилъ выслать Гану запасные 4875 р. (изъ 25.000 р., позаимствованныхъ изъ хозяйственнаго капитала),—но при этомъ какъ Гану, такъ и Гладкому *„поставилъ на видъ“* несоразмѣрность издержки, сдѣланной на построеніе домовъ, отчего изъ опредѣленныхъ въ пособіе каждому семейству 170 р., за израсходованіемъ въ пути слишкомъ 35 р., оставалось собственно на обзаведеніе меньше 135 р.,—сумма, требовавшая крайне разсчетливаго употребленія. Вслѣдъ затѣмъ Киселевъ изложилъ всѣ затрудненія Перовскому и просилъ его скорѣе возвратить предназначенные на переселеніе 50.000 р., да къ нимъ прибавить еще 10.000 р., чтобы водвореніе не остановилось, по недостатку денегъ. Перовскій безотлагательно исполнилъ просьбу Киселева, отчисливъ изъ коробочнаго сбора губерній: виленской—6900 р., Ковенской—5200 р., Минской—5000 р., Гродненской—6900 р., Кіевской—11.000 р., Волынской 10.000 р., Подольской—8000 р., Черниговской—2400 р., Полтавской—1800 р., Бессарабской области—2130 р. и г. Одессы—670 р., итого 60.000 р.

Обезпечившись деньгами, министерство перешло къ разработкѣ вопроса, какъ гарантировать будущее процвѣтаніе колоній обѣихъ губерній.

Такъ, для лучшаго направленія хлѣбопашества и сельскаго хозяйства во всѣхъ еврейскихъ колоніяхъ, министерство, по мысли Гана, рѣшилось примѣнить къ нимъ практиковавшійся у менонитовъ порядокъ раздѣленія и пользованія землею, потому, въ особенности, что существовавшая по закону пропорція была 40-десятинная, но распредѣленіе причитавшихся обществомъ въ эту пропорцію угодій—не подчинялось никакимъ правиламъ, а пользованіе землею зависѣло отъ произвола евреевъ. Въ колоніи, напр. Большой Нагартовъ, гдѣ земледѣліе и скотоводство наиболѣе развилось, состояло 119 семействъ, на которыхъ причиталось 4760 дес. земли, а было ее въ дѣйствительности: удобной—4459 дес. 316 саж. и неудобной 99 дес. 174 саж. Земля эта распадалась: на усадебную и пахотную—1320 дес., сѣнокосную—2138 дес. и выгонную—986 дес., подъ посѣвомъ же въ 1846 г. находилось въ поляхъ: озимомъ—113

и яровомъ 173 дес.; скота считалось: лошадей, воловъ и коровъ, безъ различія стараго отъ молодаго — 413 штукъ, овецъ 713 штукъ. Между тѣмъ, для хозяйства въ такихъ размѣрахъ, примѣняясь къ менонитской системѣ, требовалось земли: подъ хлѣбопашество, со включеніемъ четвертаго пароваго поля — 357½ десятинъ, подъ выгонъ — 700, и подъ сѣнокосъ 180 десятинъ, а всего 1237½ дес. Отсюда вытекало заключеніе, что въ Большомъ Нагартовѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ колоніяхъ, находившихся на низшей степени хозяйственнаго устройства, ¾ части, причитавшейся имъ, въ узаконенную пропорцію, земли оставалося безъ должнаго употребленія, а потому при чрезвычайномъ излишествѣ земли возникла мысль временно отдѣлить нѣкоторую часть угодій, что представлялось удобнымъ и полезнымъ: удобнымъ, потому что отведенныя евреямъ земли большею частію расположены были длинною полосою, а колоніи лежали на оконечностяхъ; полезнымъ же, какъ средство образовать, при каждомъ селеніи, земельный запасъ, для удовлетворенія будущихъ нуждъ земледѣльцевъ и для созданія источника дохода, съ которымъ тѣсно связанъ былъ успѣхъ предпринятыхъ общихъ мѣръ къ благоустройству евреевъ и ихъ поселеній.

Соображенія эти послужили министерству осованіемъ къ составленію слѣдующихъ правилъ:

«1) Въ колоніяхъ, надѣленныхъ полною 40 десятинною пропорціею,— отдѣлить, для образованія запасныхъ участковъ, по 10 дес. на семейство. Отдѣленіе это должно быть произведено въ одномъ, или, смотря по мѣстности, и въ двухъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ такихъ, которыя наиболѣе отдалены отъ селенія и потому, при ограниченныхъ средствахъ евреевъ, не могутъ быть съ пользою обработываемы, или употребляемы ими. Запасные участки отдавать въ содержаніе, съ обращеніемъ доходовъ на общественныя надобности, доколѣ время и успѣхи не убѣдятъ въ необходимости дополнительнаго надѣленія евреевъ, или въ возможности завести отдѣльные хутора, переселеніемъ благонадежнѣйшихъ молодыхъ семей.

«2) Остающуюся затѣмъ въ пользованіи поселенцевъ землю, въ количествѣ 30 дес. на семейство, раздѣлить на двѣ, почти ровныя части, изъ которыхъ наименѣе способную для хлѣбопашества и сѣнокошенія— назначить для выгона, а изъ другой, которая будетъ заключать въ себѣ около 15 дес. на семейство, отдѣлить одну десятину — подъ усадьбу съ садомъ, ½ дес. — подъ общественную запашку, ¼ дес. — подъ огородъ, ¼ дес.—подъ древесныя насажденія, преимущественно тутовыя, 5 десятинъ—подъ покосъ и 8 дес.—подъ пашню.

«3) Отдѣленную подъ выгонъ землю считать въ общественномъ пользованіи, съ предоставленіемъ каждому надѣленному полнымъ хозяйскимъ участкомъ семейству пасти на ней до 13 штукъ крупнаго скота и замѣнять, по ближайшему своему усмотрѣнію, крупный скотъ — мелкимъ, на правилахъ, принятыхъ у менонитовъ.

«4) Назначаемыя подъ общественную запашку, въ отношеніи обработки земли должны служить образцами для другихъ, а потому и находиться посреди пахатныхъ участковъ земледѣльцевъ и состоять изъ четырехъ, по возможности равныхъ частей. При опредѣленіи подъ общественную запашку по $^{1}/_{2}$ дес. на семейство, обезпечить ежегодное поступленіе въ запасный магазинъ хлѣба, въ размѣрѣ, установленномъ для казенныхъ поселянъ, посредствомъ душевой отсыпки, которая, по силѣ 45 ст. уст. о обезпеч. народн. продов., производить по одному четверику озимаго и по четыре гарнца яроваго хлѣба съ ревизской души, чтобы на этомъ основаніи съ каждаго семейства, полагая въ немъ круглымъ числомъ по 4 ревизскія души, могло поступать ежегодно не менѣе 6 четвериковъ, при среднесложномъ урожаѣ самъ-четвертъ, высѣвать не менѣе 2 четвериковъ. Какъ изъ отдѣляемой подъ запашку $^{1}/_{2}$ дес. четвертая часть должна находиться подъ паромъ, то засѣваемо будетъ каждымъ семействомъ не болѣе $^{3}/_{8}$ дес. въ годъ, на что потребно 2 четверика сѣмянъ.

«5) Огороды отводить въ прилегающихъ къ селеніямъ балкахъ и низменностяхъ, гдѣ таковыя есть, имѣя, во всякомъ случаѣ, въ виду близость селенія и воды, какъ необходимѣйшей потребности огородничества, которое въ еврейскихъ колоніяхъ, при ничтожности хлѣбопашества и множествѣ свободныхъ рукъ, должно составлять важную отрасль хозяйства.

«6) Плантаціи, если не встрѣтится мѣстныхъ препятствій, должны примыкать къ усадебнымъ мѣстамъ, дабы всѣ поселяне и преимущественно тѣ, которые не имѣютъ еще скота, могли работать въ нихъ во всякое время, не отлучаясь отъ домовъ. Это условіе въ еврейскихъ колоніяхъ тѣмъ болѣе необходимо, что учрежденіе плантацій предпринимается главнѣйше съ цѣлію ознакомить евреевъ съ кормленіемъ червей и въ болѣе обширномъ размѣрѣ ввести у нихъ шелководство, какъ занятіе, соотвѣтствующее ихъ склонностямъ.

«7) Хотя по существующей у менонистовъ системѣ распредѣленія угодій слѣдовало бы, при 30 десятинной на семейство пропорціи, назначить подъ покосъ не болѣе $4^{1}/_{2}$ дес., но по нѣкоторымъ мѣстнымъ причинамъ такое назначеніе для евреевъ-земледѣльцевъ оказывается недостаточнымъ. У менонитовъ, какъ и у большей части нѣмецкихъ колонистовъ, сѣчка изъ сухой, отлично сохраненной соломы, въ общемъ употребленіи и съ пользою замѣняетъ у нихъ часть сѣна. Нельзя ожидать, чтобы евреи, по крайней мѣрѣ въ первое время, умѣли сохранить солому и приготовлять изъ оной питательный, для скота, кормъ, почему и масса заготовляемаго ими сѣна должна быть у нихъ значительнѣе. Какъ при томъ опытомъ дознано, что въ степныхъ мѣстахъ производительность луговъ отъ поднятія оныхъ

улучшается, то не безполезно будетъ допустить, чтобы 1/10 часть покосовъ была ежегодно засѣваема хлѣбомъ. Для покосовъ надлежитъ избирать мѣста низменныя и другія, отличающіяся ростомъ и качествомъ травъ, съ уравнительнымъ раздѣленіемъ на участки по числу семействъ, надѣленныхъ землею; участки эти и на планѣ должны быть означены №№ семействъ, которымъ предоставлены будутъ.

«8) Хлѣбопашество должно составлять основу благосостоянія евреевъ, а потому, при назначеніи пахатныхъ полей, надлежитъ соблюдать условія, могущія имѣть вліяніе на успѣшное употребленіе оныхъ. Въ степныхъ мѣстахъ, по добротѣ почвы, первымъ условіемъ близость полей отъ селенія и правильное раздѣленіе оныхъ. Въ еврейскихъ колоніяхъ предполагается, по образцу менонитовъ, ввести 4-хъ польное хозяйство, къ уравнительнымъ подраздѣленіемъ каждаго поля на хозяйскіе участки по числу семействъ, надѣленныхъ землею. Чтобы можно было исполнить неизбѣжную мѣру: постоянно слѣдить за хлѣбопашествомъ евреевъ-земледѣльцевъ и безпрерывно повѣрять полевыя работы ихъ, необходимо одинокды навсегда надѣлить каждое семейство опредѣленнымъ числомъ участковъ, которые и на планѣ означить №№, принадлежащими семействамъ. Для облегченія евреямъ обработки частныхъ своихъ участковъ, должно избѣгать отвода оныхъ слишкомъ узкими полосами, дабы при оборотахъ плуга съ упряжью изъ трехъ и четырехъ паръ рабочаго скота, не было остановки, или замѣшательства и не причинялось вреда сосѣднимъ участкамъ».

Ганъ согласился на введеніе приведенныхъ „правилъ“ еще и потому, что «нѣкоторые зажиточные евреи занимались хлѣбопашествомъ въ обширномъ размѣрѣ, засѣвая ежегодно гораздо болѣе 8 десятинъ, чему способствовалъ произволъ въ пользованіи угодьями»; опасаться же, что съ ограниченіемъ произвола остановится дальнѣйшее распространеніе немногихъ хозяйствъ—Ганъ считалъ неумѣстнымъ. Исполненіемъ того, что благодѣтельно для всѣхъ, нельзя было, по его мнѣнію, жертвовать для частной пользы. Чтобы колоніи достигли своего назначенія—слѣдовало, по его разсужденію, дѣйствовать на массу, для чего каждый долженъ былъ имѣть свою опредѣленную собственность; тѣ немногія же семейства, для хлѣбопашества которыхъ недостаточно было 8 десятинъ въ 4-хъ поляхъ, могли безъ затрудненія, пополнять недостатокъ запашками на сѣнокосахъ и занятіемъ части участковъ тѣхъ поселенцевъ, которые, по слабости своихъ средствъ, не скоро въ состояніи были обработывать ихъ сполна, и которые уступкою части земли

своей извлекутъ для себя по крайней мѣрѣ облегченіе въ уплатѣ податей.

Ученый комитетъ министерства, разсмотрѣвъ проектъ правилъ, нашелъ, что для сохраненія хорошей травы на выгонахъ въ еврейскихъ колоніяхъ, какъ и вездѣ въ степныхъ мѣстахъ, необходимо перепахиваніе этихъ выгоновъ, что легче всего могло быть достигнуто возвращеніемъ, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, пашни въ выгонныя мѣста. Затѣмъ одобривъ, въ техническомъ отношеніи, проектъ хозяйственнаго распредѣленія земель въ еврейскихъ колоніяхъ, комитетъ призналъ нужнымъ отдавать свободные участки въ оброчное содержаніе преимущественно предъ посторонними съемщиками, тѣмъ хозяевамъ-евреямъ, которые уже засѣвали болѣе 8 дес.

Киселевъ утвердилъ проектъ, согласно мнѣнію ученаго комитета. Тогда Ганъ возбудилъ вопросъ о назначеніи на колонистовъ обѣихъ губерній по 40-десятинной пропорціи земли, въ томъ вниманіи, что у евреевъ Херсонской губерніи существовала уже 40-десятинная пропорція и ему казалось неудобнымъ: съ одной стороны — отбирать у нихъ часть предоставленныхъ имъ угодій, а съ другой—лишать новыхъ поселенцевъ выгодъ, которыми пользовались старые; что новые земледѣльцы, пребывающіе „безъ склонности къ земледѣлію, малоспособные къ этому занятію по слабости силъ и недостатку упражненія", получили крайне ограниченное, для степныхъ мѣстъ, хозяйственное обзаведеніе, должны, въ началѣ своего водворенія, преимущественно обращаться къ скотоводству, для котораго нуженъ просторъ; что еврейскія семейства переселялись большею частію въ составѣ не 6 ревизскихъ душъ, какъ установлено „дополнительными правилами", а рѣдко менѣе 20 обоего пола душъ, которыя будучи обязанными содержать себя исключительно земледѣліемъ, могли бы встрѣтить, современемъ, чувствительное стѣсненіе, если при самомъ водвореніи ихъ не обратить вниманія на будущія ихъ потребности, что 40 десятинная пропорція необходима и для того, чтобы, при каждой колоніи, можно было отдѣлить 4-ю часть земли, по 10-десятинъ на семейство, въ видѣ запаса, для удовлетворенія будущихъ нуждъ, отдачею запасной земли въ содержаніе, открыть

каждому обществу источникъ общественнаго дохода, безъ котораго оно не можетъ обойтись.

Киселевъ одобрилъ изложенную мѣру, съ условіемъ, чтобы вычислять по 40, а надѣлять семейства, смотря по ихъ численности, отъ 20 до 40 дес., остальную же землю сохранять для отвода въ будущемъ, когда у кого увеличатся семейства; до тѣхъ же поръ запасные эти участки, разрѣшилъ Киселевъ, отдавать въ аренду, а изъ выручаемыхъ за нее денегъ образовывать мірскіе капиталы, для развитія хозяйствъ колоній, съ разрѣшенія министерства.

Установивъ, такимъ образомъ, земельное владѣніе земледѣльцевъ, министерство задалось мыслію *заставить всѣхъ* евреевъ работать. Оно составило общую «Инструкцію о порядкѣ подчиненія нерадивыхъ евреевъ-земледѣльцевъ ближайшему надзору мѣстнаго сельскаго начальства». Однако, прежде чѣмъ перейдемъ къ самой инструкціи, коснемся «соображеній», формулировавшихъ взглядъ самаго министерства на евреевъ вообще и на причину, вызвавшую изданіе этой инструкціи.

„Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ евреевъ—гласили соображенія—тотъ согласится, что доколѣ сельскіе старшины будутъ зависимы отъ обществъ, эти должности въ еврейскихъ селеніяхъ не будутъ замѣщаемы людьми разсудительными, справедливыми, добрыми въ поведеніи, прилежными и примѣрными въ хозяйствѣ, искусными въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ", какъ этого требовала 33 ст. постановленій объ иностранныхъ колоніяхъ. «Любовь къ долгу,—высказывается тамъ далѣе—есть чувство, можно сказать, чуждое еврею, но тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него страхъ, а чтобы еврейскіе сельскіе старшины, вслѣдствіе учрежденнаго надъ ними надзора, постоянно находились подъ вліяніемъ страха, необходимо въ каждое селеніе назначить сельскаго начальника другаго исповѣданія". Оттого, при начальномъ „составѣ еврейскихъ сельскихъ приказовъ, было бы преждевременно подчинять ихъ ближайшему надзору—нерадивыхъ земледѣльцевъ, а этотъ порядокъ надлежитъ вводить только по мѣрѣ опредѣленія сельскихъ начальниковъ изъ христіанъ, которые, бывъ из-

бираемы *безъ участія* евреевъ, изъ людей извѣстныхъ высшему колоніальному начальству и заслуживающихъ совершеннаго довѣрія,—представятъ достаточное ручательство, что виды правительства будутъ исполнены». Въ силу этого взгляда, министерство формулировало инструкцію въ слѣдующихъ пунктахъ.

1) Ближайшему надзору мѣстнаго сельскаго начальства подчиняются всѣ евреи-земледѣльцы, которые будутъ заниматься хлѣбопашествомъ *нерадиво* и несоотвѣтственно съ узаконеннымъ размѣромъ, и всѣ тѣ, которыхъ хозяйственное обзаведеніе будетъ признано неудовлетворительнымъ. 2) Мѣра эта, бывъ сопряжена, для подчиненныхъ ближайшему надзору, съ временною потерею нѣкоторыхъ правъ,—принимается не прежде, какъ по признаніи сельскимъ начальствомъ обыкновенныхъ исправительныхъ наказаній недѣйствительными, т. е., послѣ безполезнаго оштрафованія: первый разъ—работою, а другой разъ—тѣлесно. 3) О всѣхъ, подлежащихъ, на этомъ основаніи, подчиненію ближайшему надзору сельскяго начальства, послѣднее представляетъ попечительству, по полученіи разрѣшенія котораго они вносятся въ особую книгу; попечитель же обязанъ повѣрять дѣйствія сельскаго начальства. 4) Распоряженіе это влечетъ за собою для подвергаемыхъ надзору послѣдствія: а) неимѣющіе въ достаточномъ числѣ рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій — приписываются къ такъ называемой рабочей упряжи, заведеніе которой допущено уже по нѣкоторымъ колоніямъ; б) имѣющіе хозяйственное обзаведеніе—обязываются работать по *урочному* положенію: сельское начальство назначаетъ имъ трехъ-дневные уроки, повѣряетъ исправленную работу и исполнившіе оную неудовлетворительно — немедленно подвергаются наказанію; в) они лишаются права свободно располагать своею собственностью, которой составляется подробная опись, и, если встрѣтятъ надобность, что либо продать, купить, или исправить—обязаны предварительно испрашивать разрѣшенія сельскаго начальства. Послѣднее еженедѣльно повѣряетъ, по описи, наличіе, и, буде найдетъ убыль или другое, безъ его вѣдома произшедшее измѣненіе,—подвергаетъ виновнаго наказанію; и г) состоящимъ подъ надзоромъ воспрещается всякая отлучка за предѣлы селенія; но сельскому начальству предоставляется отправлять ихъ на заработки къ хорошимъ хозяевамъ другихъ селеній, а равно отдавать въ изученіе тѣхъ членовъ семейства, которые не нужны оному для исправленія хозяйственныхъ работъ; отлучившіеся же вопреки запрещенію—немедленно наказываются. 5) Дѣйствіе этого надзора продолжается доколѣ подвергнутое оному семейство не исправится въ своемъ хозяйствѣ и собственными средствами не распространитъ хлѣбопашества своего въ постановленномъ размѣрѣ; тогда же подвергнутые надзору освобождаются отъ онаго, имена ихъ исключаются изъ книги, о чемъ сельское начальство доноситъ попечительству. 6) Сельское начальство ежемѣсячно доставляетъ попечительству вѣдомость о состоящихъ подъ надзоромъ, съ краткимъ объясненіемъ

успѣховъ ихъ въ хозяйствѣ и употребленныхъ надъ ними, въ продолженіе истекшаго мѣсяца, исправительныхъ мѣръ. 7) Оно имѣетъ постоянное наблюденіе за всѣми дѣйствіями подвергнутыхъ надзору, и еженедѣльно повѣряетъ, по предварительно составленной описи, наличное состояніе ихъ собственности, а равно назначаетъ имъ для полевыхъ и другихъ хозяйственныхъ работъ уроки и вообще распоряжается на счетъ полезнѣйшаго направленія и употребленія силъ и способовъ ввѣренныхъ ближайшему его надзору людей. 8) Въ отношеніи порядка употребленія исправительныхъ мѣръ надъ состоящими подъ надзоромъ, постановляется, сообразно 1338 ст. уложенія о наказаніяхъ, слѣдующій порядокъ: за неисполненіе урока, самовольное распоряженіе частью вошедшей въ опись собственности и запрещенную отлучку, виновные, по уличеніи ихъ въ томъ сельскимъ начальствомъ, подвергаются наказаніямъ: въ первый разъ—розгами отъ 30 до 40 ударовъ; во второй разъ — тому же наказанію вдвое; въ третій разъ — немедленному заключенію въ тюрьму на время отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ, а по важности обстоятельствъ — отдачѣ въ рекруты безъ зачета; буде же не способны къ службѣ военной, — въ гражданскія исправительныя арестантскія роты, на время отъ 10 до 12 лѣтъ. Тѣлесное наказаніе за первую и вторую вину присуждается и исполняется сельскимъ начальствомъ, заключеніе въ тюрьмѣ—предоставляется попечительству, по донесенію о томъ сельскаго начальства, а отдача въ рекруты и въ роту—съ разрѣшенія министерства государственныхъ имуществъ. 9) Само собою разумѣется, что сельское начальство, за всякое пристрастіе въ осужденіи ввѣренныхъ его надзору земледѣльцевъ, обязано отвѣтствовать какъ за нарушеніе долга службы.

Строгая, по содержанію, «Инструкція», соотвѣтствовавшая правиламъ Аракчеевскихъ военныхъ поселеній, произвела на евреевъ-земледѣльцевъ такой страхъ, что они напрягли всѣ свои силы, чтобы только не попасть подъ надзоръ. Въ одной, напр., изъ колоній считалось нерадивыхъ 20 семействъ, но какъ только инструкція стала извѣстной — 15 семействъ сразу обзавелись скотомъ, земледѣльческими орудіями и прочимъ формальнымъ хозяйствомъ, а всѣ евреи-земледѣльцы — проявили, по свидѣтельству комитета, удивительное прилежаніе къ земледѣлію и домоводству. Отсюда комитетъ увидѣлъ въ инструкціи самое превосходное средство для управленія старыми колоніями, безъ напряженной дѣятельности.

Въ свою очередь и Ганъ, благодаря инструкціи, сосредоточилъ преимущественное свое вниманіе на екатеринославскихъ переселенцахъ, да на изобличеніе Гладкаго и подвѣдомствен-

рейскихъ поселеній; поэтому Киселевъ предписалъ Гану образовать это отдѣленіе, на первый разъ, только въ самомъ необходимомъ составѣ, а мѣстное управленіе колоніями (изъ управляющаго и помощниковъ) преобразовать въ попечительства. Хотя по числу населенія дѣлопроизводство было еще не обширно, но комитету предстояло принять отъ Херсонскаго губернскаго правленія производившіяся въ немъ, въ теченіи 10 лѣтъ, дѣла о евреяхъ и въ трехъ губерніяхъ назначенные для ихъ поселенія участки; завѣдывать евреями и участками; вести счетоводство и отчетность по выручкѣ изъ запасныхъ земель доходовъ; переписываться съ начальниками губерній о причисленіи евреевъ въ земледѣльцы; распоряжаться суммами на водвореніе, заготовленіемъ матеріаловъ, скота, прокорма для нихъ, постройками; наконецъ, ввести, по всѣмъ частямъ, новый порядокъ было труднѣе, чѣмъ поддержать его. Въ этихъ видахъ Ганъ желалъ открыть, при комитетѣ, отдѣленіе въ полномъ, по штату назначенномъ, составѣ. Потомъ, для образованія отдѣленія требовались на содержаніе чиновниковъ деньги, которыя велѣно было извлекать изъ оброчныхъ, отъ излишнихъ (до 60,000 десят.) земель, а это являлось возможнымъ лишь въ будущемъ, послѣ отдачи земель въ аренду; на обезпеченіе же чиновниковъ надо было имѣть въ готовности источникъ. Далѣе, независимо переименованія управленія Херсонскими колоніями, предстояло открыть попечительство и въ Екатеринославской губерніи, почему попечителемъ новопоселенцевъ Ганѣ просилъ утвердить Штемпеля, этого «во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнаго чиновника», который, по увѣренію Гана, „оправдаетъ настоящій выборъ и своими дѣйствіями заслужитъ полное удовольствіе высшаго начальства“.

Киселевъ согласился открыть отдѣленіе въ полномъ составѣ и попечительства въ обѣихъ губерніяхъ, а также опредѣлилъ попечителемъ Екатеринославскихъ колоній Штемпеля; затѣмъ относительно источника на содержаніе всего управленія, до пріобрѣтенія комитетомъ средствъ, запросилъ Первый Департаментъ: «изъ какихъ суммъ можно сдѣлать авансъ, ибо если доходы оказываются достаточными, то все затрудненіе можетъ относиться до 1 половины, или даже до 1 трети года“. Депар-

таментъ нашелъ возможнымъ позаимствовать средства изъ губернскаго экстраординарнаго капитала: на отдѣленіе—2,295 р. 69 к., а на попечительства—785 р., итого 3,080 р. 69 к., съ возвратомъ этихъ денегъ изъ дохода съ оброчныхъ земель, при первомъ его поступленіи. Киселевъ утвердилъ мнѣніе департамента и оно было исполнено *.

Н.

(Продолженіе будетъ).

---

*По документамъ отъ 23, 24 и 31 января: 16 и 17 февраля; 10, 27 и 28 марта; 1, 15, 18 и 30 апрѣля; 2, 5, 15, 23 и 28 мая; 4, 17 и 25 іюня; 20, 22, 25 и 30 іюля; 26 августа; 4, 10 и 20 сентября; 3, 5, 15, 17, 23 и 27 октября и 24 ноября 1847 г.

На югѣ далекомъ, на югѣ роскошномъ,
Средь вольныхъ зеленыхъ степей,
Жилъ въ нищенски-маломъ дому постояломъ
Съ семьей небольшой Моисей.

Бывало, прискачутъ гурьбою казаки;
Начнутъ тамъ буянить, кричать;
Моисей вдругъ блѣднѣетъ (да тутъ вѣдь не шутки:
Всѣ стѣны домишки дрожатъ).

Моисей краснощекихъ гостей успокоитъ;
Какъ можетъ, ихъ кормитъ, поитъ
И съ ними толкуетъ, и шутитъ, хохочетъ.....
Тутъ кто-нибудь вдругъ закричитъ:

„Возьми-ка цымбалку!“ — И часто, бывало,
Онъ страстно и быстро игралъ,
И тихо подъ звучныя струны цымбалки
Онъ пѣсню, смѣясь, запѣвалъ.

И что-то веселое, полное страсти, —
И говоръ бѣгущей волны,
И смѣхъ, и рыданья, и бѣшенства стоны
Въ той пѣснѣ Моисея слышны.

Но гдѣ же теперь этотъ домъ постоялый?
Гдѣ вкругъ расцвѣтающій садъ?...
Все, все ужъ сгорѣло,—и нынче тамъ камни
И черныя балки лежатъ.

И вмѣстѣ съ семьей, средь снѣговъ, обнищалый
Скитается бѣдный Моисей,
И проситъ онъ хлѣба, засохшаго хлѣба
Для слабой жены и дѣтей.

И плачутъ, дрожа, беззащитныя дѣти:
„Здѣсь холодно, мама, пойдемъ....“
—„О дѣти! скажите, въ какой же сторонкѣ
„Пріютъ мы теплѣе найдемъ?“

В. Жуковскій.

ТРИ СВѢТОЧА.

(Изъ Е. Манюэля).

Трехъ націй свѣточи мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ,
Сіяньемъ ихъ моя озарена дорога:
Римъ праву научилъ, Аѳины—красотѣ,
Святой Ерусалимъ далъ мнѣ познанье Бога.

Свѣтъ и другихъ лучей вливался въ жизнь мою,
Но я руковожусь лишь тѣмъ надежнымъ свѣтомъ,
И тихіе часы досуга отдаю
Молитвѣ, знанію, художникамъ, поэтамъ.

Поклонникъ пламенный высокихъ образцовъ,
Я пѣсенъ звуками съ восторгомъ упиваюсь,
Любуюсь красотой, читаю мудрецовъ
И солнцемъ вѣчныхъ ихъ твореній согрѣваюсь.

Сомнѣнье мрачное мнѣ душу не смутитъ:
Я вѣру почерпнулъ изъ чистаго фонтана,
Свободно и легко душа моя паритъ
И не заблудится средь мрака и тумана.

Она возносится при блещущихъ лучахъ
И созерцаетъ свѣтъ, гармоній звуки ловитъ
И лишь божественный родной ея очагъ
Воздушный тотъ полетъ съ привѣтомъ остановитъ.

Д. Михаловскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ОБЩЕСТВО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЕВРЕЙСКОЙ НАУКИ ВЪ ПАРИЖѢ

И ЕГО НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

I. *Revue des Etudes Juives.* Publication trimestrielle de la Société des Etudes Juives. Paris, 1880—1882. I—VI volumes. gr. 8°.

II. *Annuaire* de la Société des Etudes Juives. 1-ère et 2-e années. Paris 1881—1883. I—II vls. in 16°.

Еврейская наука въ современномъ фазисѣ ея развитія, т. е. раціональное изученіе іудаизма и еврейской исторіи, какъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей общей богословско-исторической науки, далеко еще не можетъ похвалиться зрѣлымъ возрастомъ. Въ первыя десятилѣтія нашего вѣка мы не встрѣчаемъ еще и подобія того, что нынѣ называютъ еврейской наукой. То было время, для развитія послѣдней совсѣмъ неподходящее. Одна, наиболѣе дѣятельная, часть еврейской интеллигенціи въ странахъ западной Европы увлекалась бродившими тогда космополитическими идеями и весь іудаизмъ съ его исторіей положила въ архивъ; другая, менѣе радикальная часть новопросвѣщеннаго еврейства, не успѣла еще уяснить себѣ свою задачу и ограничивалась скромною дѣятельностью—распространеніемъ знанія древнееврейскаго языка и Библіи. Единственный еврейскій журналъ того времени, „Bikure ha'itim", представлялъ не болѣе какъ сборникъ школьныхъ упражненій въ древне-еврейскомъ языкѣ на невинныя темы о благолѣпіи весны, о величіи Творца и дѣяній Его и т. п. Зарожденіе новѣйшей еврейской науки слѣдуетъ отнести лишь къ 30-мъ годамъ настоящаго столѣтія. Іостъ, Цунцъ, С. Д. Луццато, Авраамъ

Гейгеръ были пріемными отцами новорожденной науки. Второе поколѣніе ученыхъ, З. Франкель, Грецъ, Іеллинекъ etc. освободили ее изъ пеленокъ и облекли въ болѣе приличный костюмъ. Отъ 50-хъ по 70-е годы изученіе еврейства, его исторіи и религіи, идетъ crescendo: въ это время создавался и оконченъ величайшій памятникъ новѣйшей еврейской науки—«Исторія Евреевъ» Греца.

Съ тѣхъ поръ какъ раціональная еврейская наука стала на ноги, она сдѣлалась почти исключительной монополіей нѣмецко-еврейскихъ ученыхъ. Въ то время какъ въ другихъ странахъ западной Европы—во Франціи, Англіи, Голландіи, Италіи etc. быстро шла ассимиляціонная работа, а въ Россіи едва выступавшее просвѣтительное направленіе выразилось въ одной только реставраціи забытаго древне-еврейскаго языка,—одна Германія раскрывала намъ тайники еврейской науки, точно одна она обладала ключемъ къ этимъ неприступнымъ сокровищницамъ. Вся почти *научная* новоеврейская литература является нѣмецкою. И дѣйствительно, въ лучшую пору ея процвѣтанія, въ 50 и 60 годахъ, нѣмецко-еврейская наука создала много грандіознаго. Исторія еврейская обогатилась массою новыхъ фактовъ и, что важнѣе всего, она хоть нѣсколько систематизирована: еврейская археологія, экзегетика и лингвистика заняли подобающее мѣсто въ ряду соотвѣтствующихъ общихъ наукъ; сдѣланы первыя попытки къ раціональному изслѣдованію мозаизма и талмуда. Все, казалось, предвѣщало нѣмецко-еврейской наукѣ прекрасную будущность.

Но на дѣлѣ вышло иначе. Кто слѣдитъ за развитіемъ еврейской науки въ Германіи въ послѣднія десять лѣтъ, тотъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что надежды на прогрессивное развитіе этой науки далеко не осуществились, что, наоборотъ, это развитіе идетъ полнымъ регрессивнымъ ходомъ. Прежнее научно-историческое и религіозно-критическое направленіе все болѣе сходитъ со сцены, уступая мѣсто сухой экзегетикѣ и буквоѣдству съ одной стороны и эфемерной публицистикѣ—съ другой. Вмѣсто безпристрастной религіозной критики Гейгера, Крохмаля или Шорра, мы слышимъ льстивыя декламаціи и панегирикъ *всему* традиціонному іудаизму; вмѣсто трезвыхъ Іоста, Цунца и Греца-историка, мы встрѣчаемъ мелочныхъ буквоѣдовъ и Греца-экзегета. Достаточно

взглянуть въ любую книжку научнаго нѣмецко-еврейскаго журнала нашего времени, чтобы убѣдиться въ страшномъ упадкѣ еврейской науки въ Германіи. Любопытно сравнить нынѣшній „Monatschrift" Греца съ тѣмъ же „Monatschrift" Франкеля — изданія 60-хъ и 70-хъ годовъ, изобиловавшія массою историческаго матеріала. Тоже явленіе мы встрѣчаемъ и въ непеpіодической литературѣ. Никто, конечно, будучи сколько нибудь знакомъ съ состояніемъ еврейской науки, не скажетъ, что упадокъ этотъ объясняется исчерпанностью историческаго матеріала. Не только религіозная критика, едва только зародившаяся, но и еврейская исторія, при всемъ своемъ развитіи, не можетъ отнюдь претендовать на законченность, на большую или меньшую полноту. Еврейская исторія находится еще въ періодѣ разработки, и уже имѣющіяся, на лицо или in spe, архивные и другіе матеріалы могутъ ее существенно пополнить и нѣкоторыя ея части совершенно даже преобразить. Главная причина упадка еврейской науки въ Германіи, въ послѣднее время, заключается, по нашему мнѣнію, отчасти въ печальныхъ внѣшнихъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ; событіяхъ, способныхъ отвлечь вниманіе отъ серьезныхъ научныхъ интересовъ, отчасти же, (и по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ), въ свойственной нѣмецкому уму несчастной Grübelei, заставляющей добрую половину нѣмецкихъ ученыхъ вѣчно рыться въ массѣ мелочныхъ фактовъ и гипотетическихъ построеній и видѣть въ этихъ средствахъ научнаго изслѣдованія самую цѣль, въ то время какъ задачи, самыя существенныя, остаются безъ надлежащаго рѣшенія.

При такомъ состояніи современной еврейской науки, нельзя не порадоваться тому, что въ странѣ, свободной отъ всякихъ научныхъ предразсудковъ, въ странѣ, гдѣ живая мысль всегда господствовала надъ научнымъ педантизмомъ, что въ такой странѣ проявилось стремленіе къ историческому и критическому изученію еврейства и іудаизма. Мы говоримъ объ образовавшемся, два съ половиною года тому назадъ, въ Парижѣ „Обществѣ для распространенія еврейской науки» и объ издаваемомъ этимъ обществомъ журналѣ „Revue des Etudes Juives".

До послѣдняго времени, научная еврейская литература во Франціи была самая скудная и вовсе непрезентабельная. Суще-

ствующіе два журнала „Archives Israelites" и „Univers" впрочемъ, и непретендующіе на званіе научныхъ журналовъ, прозябали и прозябаютъ кое-какъ и отличаются компилятивнымъ характеромъ. Интересъ къ іудаизму, возбужденный Жозефомъ Сальвадоромъ лѣтъ 30—40 тому назадъ, былъ моментальный. Историческія изслѣдованія и монографіи отъ времени до времени появлялись (напр. сочиненія Бедаррида, Ренана, Деренбурга etc.) но количество ихъ сравнительно ничтожно и на званіе «литературы» претендовать не можетъ. Только въ самые послѣдніе годы французская литература обогатилась капитальными работами по талмуду I. Рабиновича. А между тѣмъ именно на французской почвѣ могутъ прекрасно акклиматизироваться изслѣдованія по іудаизму. Можно во многихъ отношеніяхъ отказать Франціи въ научной оригинальности, но въ томъ, что въ области религіозно-исторической критики она больше всѣхъ поработала и являетъ собою образецъ для такого рода изслѣдованій—въ этомъ никто ей не откажетъ. Достаточно назвать имена Ренана, Гавé, Дюрюи и Сальвадора, чтобы убѣдиться въ этомъ. Давидъ Штраусъ въ Германіи, правда, первый примѣнилъ критику къ религіозному изслѣдованію, но то была критика трансцедентальная, и нѣмецкій критикъ остался, какъ извѣстно, безъ послѣдователей въ своемъ отечествѣ. Англія въ самое послѣднее время изобрѣла (въ лицѣ Макса Мюллера, Герберта Спенсера и др.) для религіознаго изслѣдованія методъ строго-научный, эволюціонный; методъ этотъ предвѣщаетъ нѣчто грандіозное, но пока примѣненіе его ограничивается эпохами первобытными, политеистическими. Въ одной только Франціи безстрашная критика коснулась самой сути—догматики господствующей религіи, причемъ избранъ методъ срединный между крайними методами: трансцендетальнымъ (нѣмецкимъ) и научно-эволюціоннымъ (англійскимъ), а именно методъ историко-критическій, блестяще примѣненный Ренаномъ въ „Origines du Christianisme". Эти изслѣдованія не могли не затронуть существенно и развитія іудаизма. Почва для изслѣдованія и методъ, такимъ образомъ, совершенно готовы, и спеціальная разработка исторіи іудаизма явилась бы во Франціи естественнымъ дополненіемъ общихъ по исторіи религій изслѣдованій.

Повидимому, «Societe des Etudes Juives», смотритъ на свою

задачу именно съ этой обширной точки зрѣнія. «Исторія евреевъ — говорится между прочимъ въ «Воззваніи» Общества — любопытна и поучительна во всѣхъ своихъ эпохахъ. Она являетъ единственный примѣръ народа, который, сыгравъ свою замѣчательную роль среди восточныхъ народовъ и распространивъ въ мірѣ возвышенныя религіозныя понятія, пережилъ свое національное единство и продолжалъ, не взирая на преслѣдованія, коимъ подвергался, свою умственную и нравственную дѣятельность... Литература евреевъ тѣсно связана съ ихъ исторіей. Литература эта замѣчательна, какъ по своей высокой древности и долговѣчности, такъ и по количеству, разнообразію и значенію составляющихъ ее сочиненій... Вѣковая работа еврейскаго народа и всякаго рода памятники, имъ оставленные, могутъ одинаково интересовать философа, юриста, художника, археолога, географа, медика и астронома. Сколько любопытныхъ изслѣдованій можно написать о библейскомъ и талмудическомъ законодательствѣ, о философіи Габироля, І. Галеви и Маймонида, о значеніи евреевъ въ исторіи медицины и, вообще, въ дѣлѣ перенесенія восточной цивилизаціи къ западнымъ народамъ! Сколько интересныхъ этюдовъ можно сдѣлать въ области еврейскаго искусства, нумизматики, архитектуры и, наконецъ, въ области всѣхъ вопросовъ, въ высшей степени интересующихъ исторію человѣчества! Область еврейскаго знанія далеко еще не изучена во всѣхъ своихъ сторонахъ. Необходима работа многихъ поколѣній, чтобы пройти въ этой области по всѣмъ стезямъ, во всѣхъ направленіяхъ. Библія одна представляетъ еще множество проблемъ, ждущихъ разрѣшенія; Талмудъ и Мидрашъ являются во многихъ отношеніяхъ безформенной массой, которую надо привести въ порядокъ. Десятки тысячъ еврейскихъ манускриптовъ, вовсе неизданныхъ, или способныхъ провѣрять уже изданные, хранятся въ парижской «Bibliotheque Nationale», въ Бодлеянской библіотекѣ, въ „British Museum", въ библіотекахъ Италіи, Мюнхена, Лейдена и Петербурга. Всѣ эти литературныя сокровища имѣютъ невыразимо громадное значеніе. Рядомъ съ ними, существуютъ документы другаго рода, не менѣе необходимые для пониманія еврейской исторіи, переплетенной въ теченіе ряда вѣковъ съ исторіей другихъ народовъ. Ужъ если взять одну Францію, трудно сосчитать, сколько хартій

и всякаго рода офиціальныхъ бумагъ хранятся въ парижскихъ и провинціальныхъ книгохранилищахъ, въ національныхъ архивахъ, въ архивахъ различныхъ городовъ и департаментовъ. Пока всѣ эти бумажныя кипи не будутъ разобраны, исторія евреевъ во Франціи будетъ еще весьма неполна".

Отъ общихъ сужденій о современномъ состояніи еврейской науки и ея задачахъ, перейдемъ къ исторіи организаціи «Общества» и къ разсмотрѣнію матеріаловъ, до сихъ поръ имъ обнародованныхъ.

Въ концѣ 1879 и началѣ 1880 года, по инициативѣ недавно умершаго барона Джемса Ротшильда и парижскаго grand-Rabbin Цадока Кана, состоялось нѣсколько собраній представителей французско-еврейской интеллигенціи. На этихъ собраніяхъ обсуждался вопросъ о способахъ организаціи серьезной научной пропаганды въ области еврейской науки и исторіи. Принимая во вниманіе, что во Франціи существуютъ спеціальныя „общества" по самымъ различнымъ отраслямъ наукъ: по оріентологіи, исторіи, географіи, археологіи, нумизматикѣ, по точнымъ и естественнымъ наукамъ, а нѣтъ между тѣмъ ни одного ученаго „общества", посвященнаго спеціально изученію іудаизма и еврейской исторіи — собравшіеся интеллигентные представители пришли къ убѣжденію, что пробѣлъ этотъ необходимо пополнить. Необходимо соединить привести въ надлежащую организацію идущія въ разбродъ научныя силы еврейства и сгруппировать ихъ около извѣстнаго періодическаго органа; затѣмъ слѣдуетъ поощрять всячески и самостоятельныя изслѣдованія по іудаизму. Практическимъ результатомъ всѣхъ этихъ совѣщаній было слѣдующее рѣшеніе: учредить „Общество для распространенія еврейской науки"; главнымъ же способомъ этой научной пропаганды должно быть изданіе журнала, посвященнаго изученію іудаизма. Дѣятельность „Общества» должна вращаться исключительно въ сферѣ чисто-научной, „безъ всякихъ полемическихъ поползновеній или стремленій къ религіозной апологіи". Этимъ, однако, дѣятельность „Общества" отнюдь не ограничивается: кромѣ литературнаго, оно обладаетъ и другими способами научной пропаганды. Для болѣе полнаго уразумѣнія задачъ „Общества", приводимъ нѣсколько параграфовъ изъ выработаннаго имъ „устава". § 2) Основанное въ Парижѣ

„Общество еврейской науки“ имѣетъ своимъ предметомъ — поощрять развитіе изслѣдованій въ области іудаизма; оно ограничивается исключительно чисто-научными задачами. 3) Общество предполагаетъ достигнуть своей цѣли: посредствомъ изданій, имъ самимъ предпринимаемыхъ, или путемъ поощренія соотвѣтствующихъ другихъ изданій, посредствомъ научныхъ бесѣдъ и лекцій, посредствомъ основанія библіотеки, или другими аналогичными средствами. 4) Общество издаетъ: а) періодическій журналъ и в) рядъ оригинальныхъ изслѣдованій, древнихъ текстовъ, etc... 5) Общество можетъ поощрять: а) изданія, относящіяся къ іудаизму вообще, при чемъ отдается предпочтеніе трудамъ ученыхъ французскихъ, или живущихъ во Франціи; в) изданія, относящіяся къ исторіи французскаго еврейства. 9) Общество состоитъ изъ членовъ-подписчиковъ, членовъ постоянныхъ и членовъ-основателей. 10) Члены-подписчики вносятъ ежегодно по 25 франковъ; постоянными членами называются вносящіе единовременно не менѣе 400 франковъ; членами-основателями называются вносящіе единовременно не менѣе 1000 франковъ». Дальнѣйшіе §§ устава касаются бюджета и административнаго устройства „Общества“, которыхъ мы касаться здѣсь не будемъ. Замѣтимъ только, что Общество имѣетъ бюро, состоящее изъ президента Общества, двухъ вице-президентовъ, двухъ секретарей и казначея; а затѣмъ оно имѣетъ «дирекціонный совѣтъ», состоящій изъ 25 членовъ, избираемыхъ въ извѣстные сроки, равно какъ и члены бюро. Первымъ президентомъ Общества былъ главнѣйшій его иниціаторъ баронъ Джемсъ Ротшильдъ, самъ ученый по наклонностямъ и пожертвовавшій вначалѣ десять тысячъ франковъ. Но за его смертью, въ 1881 году, президентомъ былъ избранъ баронъ Альфонсъ Ротшильдъ; вице-президентами Общества теперь состоятъ Цадокъ Канъ и Арсень Дармштетеръ, оба авторитетные ученые; секретарями А. Эфраимъ и Теодоръ Рейнахъ (братъ бывшаго министра и публициста и самъ ученый и публицистъ). Въ числѣ членовъ „дирекціоннаго совѣта“ мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе прославившіяся въ наукѣ имена: Астрюка, Авраама Кагена, Дармштетера (Джемса), Жозефа и Гартвига Деренбурговъ, Изидора Лёба, Ж. Галеви, Ж. Опперта (знаменитаго ассиріолога), grand rabbin Изидора, Моисея Шваба (переводчика Іерусалимскаго

талмуда) и мн. др. Общество теперь имѣетъ всего 390 членовъ, изъ коихъ—8 членовъ-основателей. Послѣдними состоятъ: графы А. и Н. Камондо, баронъ Давидъ Гинцбургъ, (избранный недавно и членомъ дирекціоннаго совѣта), баронъ Горацій Гинцбургъ, Леви-Кремье, Самуилъ Поляковъ, баронесса Ротшильдъ и покойный баронъ Дж. Ротшильдъ.

Едва-ли многимъ даже изъ образованнѣйшихъ нашихъ читателей извѣстны всѣ эти, сейчасъ приведенныя имена французско-еврейскихъ ученыхъ. А между тѣмъ это — люди съ солиднымъ научнымъ авторитетомъ въ Франціи, а нѣкоторые изъ нихъ состоятъ профессорами въ Collège de France и членами французской академіи (каковы, напримѣръ, Оппертъ, Деренбургъ). Изслѣдованія ихъ въ области іудаизма и еврейской исторіи разсѣяны во многихъ спеціальныхъ или общихъ періодическихъ изданіяхъ; многіе прославились въ западной Европѣ обширными самостоятельными трудами. Только у насъ въ Россіи о нихъ очень мало, или почти ничего не знаютъ. Въ то время, какъ всякой нѣмецкой ученой ничтожности, трактующей о вопросахъ мелкой экзегетики, мы удѣляемъ свое вниманіе и вводимъ ее въ пантеонъ еврейскихъ ученыхъ, мы не видимъ такихъ дѣйствительно крупныхъ дѣятелей еврейской науки, какъ французскіе Канъ, Деренбургъ, Лэбъ или Дармштетеръ. Даже существованіе такого важнаго изданія, какъ «Revue des Etudes Juives“, наврядъ-ли кто у насъ, кромѣ записныхъ ученыхъ, подозрѣваетъ. Вообще, мы всегда были очень склонны черпать всѣ свои познанія изъ нѣмецкихъ источниковъ, что объясняется, можетъ быть, нѣкоторою родственностью разговорнаго еврейскаго языка съ нѣмецкимъ. Въ данномъ же случаѣ, причина влеченія нашего къ нѣмецкимъ источникамъ науки и полнаго игнорированія всякихъ другихъ источниковъ заключается, по нашему мнѣнію, въ свойствахъ нѣмецко-еврейской литературы, имѣющей характеръ рѣзко-національный, спеціально еврейскій, между тѣмъ какъ еврейская наука въ Франціи спеціальнымъ запахомъ не отличается и, подобно носителямъ этой науки, растворяется въ общей научной дѣятельности страны. Это очень жаль, ибо, какъ читатели ниже увидятъ, изученіе еврейства во Франціи дало уже такіе прекрзсные результаты, открыло намъ столько новыхъ и важныхъ матеріаловъ, что на основаніи ихъ

еврейская исторія можетъ значительно и существенно пополняться и исправляться.

До сихъ поръ дѣятельность „Общества для распространенія еврейской науки» выразилась главнымъ образомъ, (кромѣ частыхъ собраній съ чтеніями или «конференціями») въ изданіи журнала „Revue des Etudes Juives". Revue выходитъ разъ въ три мѣсяца, книжками въ 160—175 страницъ in 8°, двѣ книжки составляютъ одинъ томъ. До января 1883 г. вышло всего 10 книжекъ или 5 довольно большихъ компактныхъ томовъ. Кромѣ этого трехмѣсячнаго журнала, имѣющаго строго-научное направленіе, „Общество" издаетъ разъ въ годъ „Ежегодникъ" (Annuaire de la Société des Etude Juives), небольшой томъ, заключающій въ себѣ историческія и критическія статьи болѣе популярнаго характера, да еще отчеты объ общихъ собраніяхъ членовъ Общества (Assemblées générales). Такихъ ежегодниковъ вышло до сихъ поръ два. Наконецъ, съ нынѣшняго года Обществомъ будетъ издаваться ежегодно еще одинъ томъ подъ названіемъ «Bibliothèque des Etudes Juives», долженствующій заключать въ себѣ неизданные документы и длинныя монографіи, доступныя всѣмъ, даже непосвященнымъ въ тайны еврейской науки читателямъ. Все это, вмѣстѣ съ публичными чтеніями по исторіи іудаизма (въ прошломъ году читалъ на общемъ собраніи одну лекцію извѣстный профессоръ Адольфъ Франкъ), представляетъ живое, прекрасно организованное дѣло, вполнѣ осуществляющее широкую программу, поставленную себѣ Обществомъ.

Что касается содержанія вышедшихъ томовъ «Revue» и «Annuaire», то оно представляетъ по истинѣ нѣчто замѣчательное. Мы начитались множества всякихъ Monatschrift, Magazin и Jahrbuch, посвященныхъ еврейской исторіи и наукѣ, но нигдѣ мы не нашли такого богатаго и плодотворнаго содержанія, такого подавляющаго количества фактическаго матеріала, затрогивающаго самые важные моменты еврейской исторіи, какъ въ лежащихъ передъ нами томахъ „Revue des Etudes Juives". Множество оригинальныхъ изслѣдованій средневѣковой исторіи евреевъ во Франціи, исторіи столь бѣдной еще фактами, и также по исторіи евреевъ въ другихъ странахъ, изслѣдованія по библіи и талмуду, библіографическія, археологическія и лингвистическія за-

мѣтки, и все это на основаніи вновь открытыхъ древнихъ памятниковъ, архивныхъ документовъ и тому подобнаго матеріала,— вотъ что находимъ мы въ этихъ семи вышедшихъ томахъ. Не даромъ такой компетентный судья, какъ Ренанъ, сказалъ по поводу этого «Revue», что „отнынѣ журналъ этотъ становится центромъ для всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи іудаизма". Можетъ быть, одного перечисленія главныхъ статей, появившихся въ журналѣ, было бы достаточно, чтобы оцѣнить всю его важность для исторіи и науки еврейской; но мы считаемъ нужнымъ указать на значеніе появившихся въ журналѣ трудовъ не номинально, а фактически -- путемъ краткаго обзора нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Между изслѣдованіями, касающимися общей исторіи іудаизма и, въ частности, умственной жизни французскихъ евреевъ, обращаетъ на себя, во-первыхъ, вниманіе статья *Изидора Лёба* «La controverse de 1240 sur le Talmud" (Споръ о талмудѣ въ 1240 году), помѣщенная въ томахъ 1, 2 и 3 «Revue des Etudes Juives». Читатели припомнятъ, по Грецу, въ чемъ заключалась сущность этого спора. Во время вспыхнувшей среди испанскихъ и французскихъ евреевъ борьбы за и противъ Маймонида, слѣдствіемъ которой было, между прочимъ, публичное сожженіе въ Парижѣ и Монпелье всѣхъ сочиненій великаго философа (въ 1233 г., см. *Graetz*, Geschichte, VII), — въ это время одинъ ренегатъ изъ евреевъ, Николай Доненъ, подалъ папѣ Григорію IX обширный обвинительный актъ противъ талмуда (1239 г.). Папа разослалъ буллы ко всѣмъ епископамъ Франціи, Англіи, Кастиліи и Аррагоніи, гдѣ приказываетъ имъ распорядиться о конфискаціи всѣхъ экземпляровъ талмуда и снарядить надъ послѣднимъ строгое слѣдствіе. Во Франціи, всѣ экземпляры талмуда, по конфискованіи, свезены въ Парижъ, и слѣдствіе по этому дѣлу вызвало извѣстный религіозный диспутъ, состоявшійся въ Парижѣ, въ 1240 г., между Николаемъ Доненомъ и 4-мя раввинскими знаменитостями: Іехіелемъ Парижскимъ, Моисеемъ изъ Куси, Самуиломъ б. Соломономъ и р. Іегудою б. Давидомъ изъ Мелэна. Результатомъ слѣдствія и публичнаго диспута было, какъ извѣстно, публичное, по приказанію папы, сожженіе талмуда въ 1242 году и рядъ стѣснительныхъ въ отношеніи его правилъ, продолжавшихся еще долго послѣ

этого. Объ этомъ спорѣ изъ-за талмуда существуютъ два источника: одинъ на еврейскомъ языкѣ, другой на латинскомъ. Первый уже давно изданъ и послужилъ матеріаломъ еврейскимъ историкамъ; латинское же сочиненіе находится еще въ рукописи въ парижской «Bibliothèque Nationale». Этой-то рукописью и воспользовался г. Изидоръ Лэбъ для своей статьи. Этотъ латинскій текстъ значительно дополняетъ еврейскій источникъ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, 35 пунктовъ обвиненія, выставленныхъ папою противъ талмуда, отвѣты на нихъ раввиновъ, буллы Григорія IX и актъ осужденія талмуда, произнесенный канцлеромъ парижскаго университета де-Шатору, принимавшимъ участіе въ слѣдствіи. Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать содержаніе этихъ документовъ, да это и не входитъ теперь въ нашу задачу: отсылая читателей къ самой статьѣ, мы здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ, ограничиваемся краткими библіографическими указаніями, могущими выяснить значеніе для науки разбираемыхъ изслѣдованій.

Однородною съ предыдущей статьею представляется обширное изслѣдованіе *Цадока Кана* «Etude sur le livre de Joseph le Zélateur, recueil de controverses réligieuses du Moyen âge» (Revue, t. 1—3). Извѣстно, что въ среднихъ вѣкахъ необыкновенно были развиты религіозные диспуты между еврейскими раввинами и католическимъ духовенствомъ. Диспуты эти были публичные, какъ тотъ, о которомъ трактуетъ вышеуказанная статья г. Лэба, или частные, происходившіе въ обыденной жизни сплошь и рядомъ. Статья г. Кана имѣетъ своимъ предметомъ именно диспуты послѣдняго рода. Манускриптъ, носящій заглавіе «Книга Іосифа Ревнителя» и относящійся къ концу XIII вѣка, найденъ г. Каномъ въ «Bibliothèque Nationale» и послужилъ ему канвою для весьма любопытнаго изслѣдованія. Нѣкоторые варіанты изъ этого манускрипта хранятся и въ нѣкоторыхъ другихъ библіотекахъ и нѣкоторые историки ими пользовались, но парижскій текстъ представляется наиболѣе полнымъ. Авторъ «Этюда» разбираетъ вопросъ о происхожденіи, времени составленія и имени автора этого сборника, наконецъ подробно излагаетъ его содержаніе, представляющее рядъ яркихъ иллюстрацій къ исторіи религіозныхъ отношеній между евреями и не-евреями въ среднихъ вѣкахъ. Рукописный сбор-

никъ заключаетъ массу отвѣтовъ, дававшихся средневѣковыми раввинами на предлагавшіеся имъ католическимъ духовенствомъ религіозные вопросы; отвѣты отличаются остроуміемъ, находчивостью и всегда почти удивительною смѣлостью, которая, однако, сходила съ рукъ остроумнымъ раввинамъ. Изъ послѣднихъ чаще всего фигурируютъ въ названной книгѣ французскіе раввины Іосифъ и Натанъ Офиціалы. Мы бы, можетъ быть, привели для образца двѣ-три крайнѣ любопытныя выдержки изъ религіозныхъ возраженій раввиновъ, но здѣсь мы чувствуемъ себя стѣсненными условіями нашей духовной цензуры...

Къ исторіи же евреевъ (преимущественно французскихъ) въ среднихъ вѣкахъ относятся, кромѣ массы впервые обнародованныхъ рукописныхъ документовъ, печатающихся въ каждой книгѣ „Revue“ подъ общимъ заглавіемъ „Notes et melanges“, и множество оригинальныхъ статей, изъ коихъ назовемъ только главныя. Таковы, кромѣ предыдущихъ, статья *Леона Бардинэ*: „Antiquité et organisation des Juiveries du Comtat Venaissin“, трактующая о первоначальной исторіи евреевъ въ Авиньонѣ и другихъ городахъ Южной Франціи, входившихъ тогда въ составъ т. н. „Венесенскаго Герцогства“. *А. Дармштетеръ*, въ статьѣ «Notes épigraphiques touchant quelques points de l'histoire des Juifs sous l'empire romain» (Revue, t. I, pp. 32—55), воспроизводитъ, на основаніи древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, многіе эпизоды изъ исторіи разрушенія Іерусалима римлянами и изъ послѣдующей исторіи Баръ-Кохбы, причемъ мы узнаемъ много новаго объ отношеніяхъ къ этому бурному движенію императора Адріана etc. Статьи *Изидора Лёба*: «Le róle des Juifs de Paris en 1296 et 1297» (Revue, I, 61—72), „Rabbi Joselmann de Rosheim (t. V), „Hirtzel Lévy, mort martyr à Colmar en 1754“ (Annuaire, t. I, p. 123—165), «Statuts des Juifs d'Avignon (ibid, 165—277), и «Les Juifs à Strasbourg depuis 1349 jusqu'à la Révolution»,—всѣ онѣ бросаютъ новый свѣтъ на многіе моменты изъ исторіи *французскихъ евреевъ*. Такимъ же характеромъ отличаются статьи *Авраама Кагена*, касающіяся новѣйшей исторіи евреевъ во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Приводимъ ихъ заглавія, въ надеждѣ, что всякій интересующійся еврейской исторіею не устоитъ противъ искушенія прочитать ихъ въ подлинникѣ: «Les Juifs dans

les colonies françaises au XVIII siècles (t. IV et V), «Règlements somptuaires de la communauté juive de Metz à la fin du XVII siècle (Annuaire, I, p. 75—123), «Les Juifs de la Martinique au XVII siècle» (t. II) и, наконецъ „L'émancipation des Juifs devant la Société royale des sciences et Arts de Metz en 1787 et M. Roederer» (Revue, t. I, p. 83—104). Послѣдняя статья имѣетъ особенно большую важность для исторіи. Авторъ составилъ ее на основаніи рукописныхъ текстовъ, найденныхъ имъ въ архивахъ мецской Академіи. Статья г. Кагена знакомитъ насъ съ тѣмъ бурнымъ литературнымъ движеніемъ въ пользу евреевъ, которое предшествовало эмансипаціи евреевъ 1791 года и подготовило ей почву. Въ 1785 году «Королевское Общество наукъ и искустьъ въ Мецѣ» предложило на конкурсное рѣшеніе, срокомъ до 1787 г., слѣдующую задачу: «Есть-ли средства сдѣлать евреевъ болѣе полезными и болѣе счастливыми во Франціи?» Конкурсъ на эту тему возбудилъ всеобщее вниманіе. Въ спеціально для этого устроенную «Обществомъ» комиссію подано было девять записокъ, изъ которыхъ только двѣ отличались юдофобскимъ духомъ. Всѣ остальныя были въ пользу евреевъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны записки знаменитаго аббата Грегуара, Залкинда Гурвица (шкловскаго еврея, жившаго въ Парижѣ и служившаго при „Національной Библіотекѣ" библіотекаремъ) и Тьерри, парламентскаго адвоката въ Нанси. Преміи удостоены записки Грегуара и Тьерри, отношенія которыхъ къ евреямъ, особенно перваго, слишкомъ извѣстны, чтобы надъ этимъ нужно было останавливаться. Но и записка Гурвица отличается многими достоинствами. Авторъ ея сравниваетъ ученое общество, предлагающее конкурсъ за изысканіе средствъ «сдѣлать евреевъ полезными и счастливыми», съ Карломъ V, издавшимъ приказаніе вездѣ молиться за избавленіе папы, котораго онъ же самъ, Карлъ, держалъ въ плѣну. Во главѣ комиссіи, назначенной разбирать подаваемыя записки, стоялъ будущій министръ и пэръ Франціи Редереръ, отличавшійся необыкновенно яснымъ умомъ и гуманнымъ духомъ. Г. Кагенъ, въ своей чрезвычайно любопытной статьѣ, приводитъ отзывы Редерера о поданныхъ ему запискахъ и составленную имъ самимъ обширную программу „записки" на заданную тему, записки, къ сожалѣнію, не оконченной. Все это чрезвычайно интересно и поучительно.

НАША НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.

I.

Печальныя событія недавняго прошлаго показали, что если наше правовое и экономическое положеніе нуждается въ значительномъ улучшеніи извнѣ, то и намъ самимъ слѣдовало серьезно подумать объ обновленіи многихъ устарѣвшихъ формъ внутренней жизни нашей. Многія стороны ея могутъ быть реформированы только самой жизнію, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ носить въ себѣ той компетенціи, какая необходима для проведенія и осуществленія этихъ реформъ. Такова, напримѣръ, реформа религіозная. Не смотря на то, что всѣ передовые и благомыслящіе люди нашего народа убѣждены не только въ необходимости, но и въ правильности и основательности реформы, она все-таки можетъ быть проведена въ жизнь только исподволь; время, и только оно, можетъ устранить тѣ позднѣйшія наслоенія въ нашей религіи, которыя образовались въ теченіи долгаго мрачнаго періода нашей исторической жизни и имѣли цѣлью своею огражденіе чистоты религіи. Работу эту необходимо предоставить времени потому, что старое поколѣніе, которое еще нуждается образованія, стало бы рѣшительно противъ реформы и, слѣдовательно, пришлось бы или отступить, или отдѣлиться, произвести расколъ, что нисколько не желательно; молодое же поколѣніе, сочувствующее реформѣ, еще не настолько сильно, чтобы устоять и выйти побѣдителемъ въ этой неравной борьбѣ. Между тѣмъ, успѣхи просвѣщенія дѣлаютъ свое дѣло, захватывая все бóльшій раіонъ для своихъ дѣйствій, особенно между евреями, такъ что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ защитники реформы будутъ

составлять силу, уже во всѣхъ отношеніяхъ авторитетную. Тогда безъ всякой почти борьбы возможно будетъ осуществить то, что въ настоящее время повело бы только къ увеличенію неурядицы въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Тоже самое и съ вопросомъ объ ослабленіи среди евреевъ ростовщичества и шинкарства. Никакіе авторитеты, никакія, даже самыя краснорѣчивыя разглагольствованія не заставятъ еврея бросить то унаслѣдованное отъ отца и дѣда занятіе, которое кормитъ его съ семьей, бросить ради какихъ нибудь отвлеченныхъ сентенцій въ родѣ ходячихъ фразъ: «общая польза», «любовь къ ближнему» и т. п. А между тѣмъ, съ развитіемъ образованія, эти занятія сами собою должны будутъ уступить свои мѣста болѣе благороднымъ и производительнымъ: вѣдь не станетъ же въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, получившій высшее или среднее образованіе, содержать шинокъ...

Но есть такія стороны нашей народной жизни, которыя могутъ быть реформированы и авторитетомъ единичныхъ личностей. Таково, напримѣръ, наше школьное дѣло. По самой силѣ вещей оно велось и ведется по частой иниціативѣ. Вслѣдствіе этого, школа, развиваясь, постоянно приспособлялась къ житейскимъ потребностямъ, и такимъ образомъ вырабатывался тотъ типъ школы, какой оказывался наиболѣе цѣлесообразнымъ для данной эпохи. Если бы условія жизни нашего народа продолжали развиваться и измѣняться съ незамѣтной постепенностью, то и школа, связанная съ жизнію, развивалась бы съ той же постепенностью. Но за послѣднія 30 лѣтъ русскій еврей шагнулъ черезъ цѣлое тысячелѣтіе, оставивъ на своихъ мѣстахъ всѣ предметы своей житейской обстановки, такъ что тѣ (а между ними и школа) вскорѣ оказались далеко позади его. Вотъ откуда необходимость реформы различныхъ принадлежностей его народной жизни, той реформы, которой цѣль—наполнить тысячелѣтнюю пропасть между его настоящимъ и недавнимъ прошлымъ. Отсюда же и необходимость реформы нашей школы. Эту необходимость правительство наше сознало уже давно; даже болѣе—на этой реформѣ оно основало весь свой планъ просвѣщенія еврейской массы. Каковы были попытки правительства въ этомъ отношеніи и послѣдствія этихъ попытокъ, мы уже имѣли возможность убѣдиться. Это были тѣже русскія учебныя заведенія съ ихъ строемъ, чуждымъ духу еврейства, но только съ

прибавленіемъ къ общей программѣ еврейскихъ предметовъ. Выходя изъ подобнаго заведенія, молодежь забывала всѣ лучшія традиціи своего народа, забывала его многовѣковую борьбу съ мракомъ невѣжества за торжество просвѣщенія, забывала,—и стыдилась своего происхожденія, своей вѣры, своихъ тысячелѣтнихъ именъ и старалась промѣнять все это на новое, блестящее...

Все это ближайшія послѣдствія ненормальнаго устройства еврейскихъ школъ. Отъ правительства требовать большаго мудрено, спасибо и за то. Но сами-то мы должны же соблюдать свои интересы, должны давать нашимъ дѣтямъ хоть первоначальное образованіе такое, которое соотвѣтствовало бы нашему народному духу, а не совершенно ему чуждое. Этотъ пробѣлъ можетъ пополнить только частная дѣятельность, поддерживаемая правительствомъ и обществомъ. Правда, не въ видахъ правительства дробить населеніе государства, надѣляя каждую часть особенными учрежденіями. Оно стремится къ объединенію государства, къ тому, чтобы установить возможную единообразность въ управленіи различныхъ частей его. Но эта политика объединенія нисколько не должна стѣснять свободнаго, естественнаго, а стало быть и цѣлесообразнаго развитія каждой національности въ духѣ тѣхъ традицій, которыя завѣщаны ей прежней ея исторической жизнью. Подобное развитіе отдѣльныхъ національностей не только не противорѣчитъ общегосударственнымъ интересамъ, а напротивъ того, составляетъ одну изъ ихъ опоръ. Чѣмъ выше будетъ степень матеріальнаго и духовнаго развитія національностей, составляющихъ данное государство, тѣмъ прочнѣе будетъ и благосостояніе самого государства, по тому элементарному закону, что отъ увеличенія или уменьшенія величинъ слагаемыхъ происходятъ соотвѣтственныя измѣненія и въ суммѣ. Слѣдовательно, хотя и правительству не представляется возможности устраивать особыя, спеціально-еврейскія училища въ такомъ количествѣ, въ какомъ они необходимы, но оно должно считать устройство такихъ училищъ дѣломъ весьма желательнымъ и должно по возможности поддерживать это дѣло. Устройство же такихъ училищъ должно быть только дѣломъ частной иниціативы; имъ должны заняться люди хорошо знакомые съ мѣстными условіями различныхъ городовъ и вести его при поддержкѣ правительства. При этомъ нельзя

не замѣтить, что если оно находитъ возможнымъ тратить громадныя суммы на полное содержаніе теперешнихъ еврейскихъ начальныхъ училищъ, составляющихъ какую-то каррикатуру на раціонально устроенныя училища и не дающихъ ни знаній, ни развитія, ни даже основательной грамоты, такой, на какую ученики вправѣ разсчитывать за восьмилѣтній курсъ ученія *, то тѣмъ болѣе въ его интересахъ должна быть поддержка такихъ училищъ, которыя основаны сообразно съ условіями народной жизни и историческими преданіями еврейскаго народа. Разъ общество еврейское убѣдится въ пригодности одной начальной еврейской школы, устроенной въ еврейскомъ духѣ на раціональныхъ основаніяхъ— меламды, считавшіеся доселѣ непобѣдимыми, начнутъ быстро уступать свои мѣста этимъ школамъ, которыя будутъ готовить еврейскихъ гражданъ, искренно любящихъ свой народъ, но чуждыхъ исключительности, а не будущихъ докторовъ, юристовъ, учителей и т. д., которые стыдятся своего происхожденія и потому и не интересуются возрожденіемъ своего народа—возрожденіемъ, къ которому однако стремится и само русское правительство.

II.

Ни для кого не новость, что общее состояніе народа отражается на его школахъ: онѣ ведутся тѣмъ исправнѣе, образовательный цензъ въ нихъ тѣмъ выше и результаты посѣщенія ихъ тѣмъ богаче, чѣмъ выше политическое и экономическое положеніе народа, и наоборотъ. И у одного и того же народа школа подвергается безконечнымъ измѣненіямъ, по мѣрѣ измѣненія условій его жизни. Риторика, діалектика, философія, богословіе преобладали въ школахъ, когда требовалась постоянная защита догматовъ вѣры; естественныя науки, математика получаютъ перевѣсъ теперь, когда вопросы религіи становятся достояніемъ личности, распоряжающейся ими по своему усмотрѣнію и влеченію. Этотъ переходъ школъ отъ узкорелигіознаго направленія къ общеобразовательному видимъ вездѣ, гдѣ только пробуждающаяся

* Два года въ приготовительномъ классѣ и по 2 года въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій.

мысль человѣческая поставила на очередь вопросъ о самостоятельности человѣческой единицы. Но особенно рельефно связь школы съ жизнью проявляется у евреевъ. Чудный это народъ— евреи! Среди костровъ, среди самыхъ чудовищныхъ гоненій всѣхъ видовъ и временъ, они не только сохранились сами, но еще успѣвали приносить пользу и всему человѣчеству. Скитаясь изъ страны въ страну, изъ народа въ народъ, они вездѣ и всегда умѣли приспособляться къ обстоятельствамъ мѣста и времени, поднимая по возможности своихъ сосѣдей до себя и сохраняя постоянно свою нравственную физіономію. Въ лучшія времена послѣ изгнанія ихъ изъ св. земли; еврейскія школы служили разсадниками просвѣщенія не только между евреями, но и между ихъ сосѣдями—христіанами и маврами. Но вскорѣ обстоятельства мѣняются. Евреи, изгнанные эдиктомъ Фердинанда и Изабеллы изъ Испаніи, преслѣдуемые и гонимые въ Германіи, Франціи и прочихъ земляхъ, опасаясь потери національной и религіозной самобытности, закрываютъ свои школы для другихъ, дѣлая ихъ спеціально-еврейскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и программа школъ. Общей наукѣ отводится въ нихъ мѣсто лишь на столько, на сколько она сохранилась въ еврейскихъ письменныхъ памятникахъ прежняго времени и на сколько она необходима при разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ; главное же вниманіе обращено на богословскія науки, изученіе библіи и талмуда. Съ теченіемъ времени указанное направленіе утвердилось окончательно, и изолированность еврейскаго народа дошла до того, что всякое проявленіе самостоятельной, свободной мысли стало считаться равносильнымъ вѣроотступничеству. Эти еврейскія школы существуютъ и понынѣ; онѣ извѣстны подъ именемъ хедеровъ и ешиботовъ. Въ нихъ все преподаваніе направлено къ тому, чтобы образовать богобоязненныхъ, твердыхъ въ своей вѣрѣ евреевъ, которые при случаѣ могли бы и словомъ и дѣломъ послужить дѣлу защиты еврейства. И этой цѣли они всегда достигали. Теперь же, когда въ подобной защитѣ своихъ вѣрованій не предстоитъ болѣе надобности, нынѣшняя организація нашихъ школъ становится анахронизмомъ и должна быть замѣнена болѣе соотвѣтствующею духу времени. Но при реформѣ нашихъ школъ не должно происходить ломки, а, напротивъ того, реформа должна быть вводима постепенно. Преж-

нія школы служили съ честью своему дѣлу и достигали намѣченныхъ цѣлей, слѣдовательно, для своей эпохи онѣ были организованы вполнѣ правильно. Теперь обстоятельства измѣнились. Но основныя черты народа, его идеалы, вѣрованія остались тѣже. Стало быть и основной характеръ еврейской школы долженъ оставаться прежній; измѣниться же должна только обстановка, т. е., звѣнья, связующія школу съ эпохой. Стало быть, первообразомъ раціонально устроенной школы должна служить еврейская же школа, но ни чуть не школа общая. И понятно. Еврей пользуется своими школами уже въ теченіи вѣковъ, а за такое время онѣ должны сложиться именно такъ, какъ того требовали: характеръ еврейскаго народа, его занятія, образъ жизни, вѣрованія, а пожалуй, даже и предразсудки наши. Въ настоящее время образъ жизни и предразсудки мѣняются, слѣдовательно и въ школѣ нашей должны произойти соотвѣтственныя измѣненія; но основа ея должна оставаться нетронутой. Общая же школа соотвѣтствуетъ потребностямъ только «коренной» части населенія, существенно отличающейся отъ насъ не столько своимъ настоящимъ, какъ своимъ прошлымъ. А при организаціи народной школы историческое прошлое народа играетъ выдающуюся роль; оно опредѣляетъ тѣ пути, которыми школа будетъ доводить своихъ питомцевъ до намѣченныхъ цѣлей. Значитъ, общая школа совершенно чужда намъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана образцомъ для нашихъ школъ. Это относится исключительно къ *начальнымъ* школамъ; что же касается высшихъ школъ, то для нихъ такое строгое различіе установлять нѣтъ надобности, такъ какъ въ нихъ обучаются люди болѣе или менѣе взрослые, способные относиться къ предметамъ болѣе объективно, и еврейскій юноша, разъ прошедшій элементарную школу, проникнутую раціональнымъ духомъ еврейства, нивелирующій характеръ общихъ высшихъ школъ, является уже менѣе опаснымъ для его національнаго самосознанія и потому менѣе отталкивающимъ для еврейскихъ «отцевъ», желающихъ оберегать еврейство «дѣтей»

Корецъ.

И. Гершейгоринъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПАЛЕСТИНОФИЛЬСТВО И ЕГО ГЛАВНЫЙ ПРОПОВѢДНИКЪ.

«Гашахаръ» (Заря). Ежемѣсячный литературный и научный журналъ на древнееврейскомъ языкѣ, издаваемый *П. Смоленскимъ*. Годъ XI, кн. №№ 1—4. Вѣна, 1883.

Лѣтъ 15 тому назадъ, въ Вѣнѣ сталъ издаваться, подъ редакціей тогда еще малоизвѣстнаго г. Смоленскаго, небольшой ежемѣсячный журналъ на древнееврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Гашахаръ». Журналъ сразу обратилъ на себя вниманіе, какъ своимъ толковымъ содержаніемъ, такъ и оригинальностью своего направленія, или, точнѣе говоря, тою оригинальностью, что онъ имѣлъ направленіе, болѣе или менѣе опредѣленное, въ то время какъ другіе еврейскіе журналы его вовсе не имѣли. Г. Смоленскій выступилъ на литературное поприще въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не повліять на характеръ его дѣятельности. Это было подъ конецъ того періода, который по справедливости можетъ быть названъ «золотымъ вѣкомъ» новоеврейской просвѣтительной литературы *, періодомъ

---

* Здѣсь мы должны замѣтить, во избѣжаніе неопредѣленности въ терминахъ, что подъ „новоеврейскою литературою" мы постоянно подразумѣваемъ *новѣйшую просвѣтительную литературу на древне-еврейскомъ языкѣ*, которая въ Россіи начинаетъ свою эру съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія (время дѣятельности «Мендельсона русскихъ евреевъ», Исаака Бера Левинзона). Новѣйшую же литературу евреевъ на русскомъ языкѣ, зарожденіе которой относится къ началу 60-хъ годовъ („Разсвѣтъ" О. А. Рабиновича), мы обозначаемъ названіемъ *русско-еврейской литературы*. Читатели, знакомые съ исторіей развитія русскихъ евреевъ, поймутъ, что различіе между литературами: «новоеврейскою» и «русско-еврейскою» основано не на одномъ только различіи въ языкѣ, служащемъ имъ выраженіемъ, но коренится въ болѣе глубокомъ различіи основныхъ взглядовъ и тенденцій, какъ это мимоходомъ будетъ разъяснено ниже.

наибольшаго ея вліянія. Періодъ этотъ обнимаетъ, по нашему мнѣнію, двадцатилѣтіе, протекшее между половиною пятидесятыхъ и срединою семидесятыхъ годовъ. Какъ ни малозначуще было, съ общей точки зрѣнія, *содержаніе* тогдашней еврейской литературы, какъ ни скудны и дѣтски-элементарны были идеи, ею проповѣдывавшіяся,—однако, эта скромная, непритязательная литература служила однимъ изъ самыхъ могучихъ, если не самымъ могучимъ факторомъ въ дѣлѣ просвѣщенія русскихъ евреевъ. Распространяя самыя общепринятыя, невинныя идеи о безвредности просвѣщенія и первоначальныхъ школъ, о невозбранности нѣкоторыхъ внѣшнихъ европейскихъ манеръ и т. п.,—новоеврейская литература пользовалась обширною сферою вліянія именно потому, что наиболѣе соотвѣтствовала потребностямъ и вѣяніямъ той эпохи, именно потому, что одна она умѣла говорить съ замкнутой и одичавшей массой на понятномъ и убѣдительномъ языкѣ. И когда ея роль была уже отчасти сыграна, когда ей удалось расчистить путь болѣе сложнымъ и гораздо менѣе элементарнымъ понятіямъ, она, эта скромная новоеврейская литература, стала все болѣе отходить на задній планъ, все болѣе стушевываться. Исполнивъ, въ общемъ, свою великую задачу и сдѣлавъ для евреевъ доступной болѣе широкую умственную область, породивъ болѣе требовательную и живую русско-еврейскую литературу, — она уступила послѣдней господство и главенство. Такъ, дѣтскій учитель, научившій насъ азбукѣ и складамъ, безропотно удаляется, лишь только замѣтитъ въ своихъ ученикахъ способность толково читать безъ его помощи.

Въ этотъ именно моментъ, когда азбука цивилизованнаго общежитія была уже кое-какъ усвоена русскими евреями, или, точнѣе, значительной ихъ частью, — въ этотъ моментъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, началъ свою литературную дѣятельность г. Смоленскій. Продолжая писать на популярномъ древнееврейскомъ языкѣ, онъ, однако, усвоилъ себѣ гораздо болѣе зрѣлые и серьезные пріемы, чѣмъ тѣ, какіе употребляла предшествовавшая такъ сказать, элементарная, литература.

Уже съ первыхъ лѣтъ изданія «Гашахара», г. Смоленскій обнаружилъ такія отличительныя черты, которыя ставили его литературные труды значительно выше писаній большинства его

предшественниковъ. Онъ съ самаго начала заявилъ о себѣ какъ о даровитомъ беллетристѣ, блестящемъ и энергичномъ публицистѣ и вообще, какъ о глубокомъ знатокѣ еврейства и іудаизма. Его первый большой романъ изъ жизни русскихъ евреевъ «Блуждающій по путямъ жизни», какъ ни грѣшитъ онъ, можетъ быть, противъ требованій такъ называемой художественной критики, остается тѣмъ не менѣе весьма талантливымъ и, что важнѣе всего, глубоко жизненнымъ произведеніемъ. Первый философско-публицистическій трудъ г. Смоленскаго «Вѣчный Народъ» («Am Olam», печатался въ первыхъ годахъ «Гашахара») представляетъ въ своемъ родѣ образецъ сильной и блестящей діалектики, соединенной съ совершенствомъ языка, весьма трудно поддающагося сложнымъ логическимъ выкладкамъ, безъ ущерба для своей чистоты. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ уже явно проглядываютъ позднѣйшія тенденціи автора, проглядываетъ направленіе, которое впослѣдствіи все болѣе опредѣлялось и придало журналу весьма яркую партіозную окраску. Это направленіе можно въ общихъ чертахъ охарактеризовать двумя словами: націонализмъ и ультра-юдофильство (понимая слово *юдофильство* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у насъ употребляется слово „славянофильство", т. е. въ смыслѣ излишней философской или исторической идеализаціи еврейства и іудаизма, по отношенію къ прошлымъ или будущимъ задачамъ того и другого).

Какъ бы то ни было, но въ первыхъ произведеніяхъ г. Смоленскаго этого рода тенденціи только проглядываютъ, но далеко еще не преобладаютъ. Его романы: „Погребеніе Осла", „Торжество Лицемѣра", „Гордость и униженіе" и др. рисуютъ не мало и непривлядныхъ сторонъ еврейскаго быта, и рисуютъ довольно рѣзко, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ излишне сложный психологическій анализъ парализуетъ впечатлѣніе жизненности выводимыхъ фигуръ. Съ бо́льшею опредѣленностью выступаютъ тенденціи автора въ обширномъ философско-публицистическомъ трудѣ его, озаглавленномъ «Пора насаждать!» («Eis lo'taas», печат. въ „Гашахарѣ" съ 1875 г. и др.) и въ 4-й, прибавочной, части упомянутаго уже романа „Блуждающій по путямъ жизни", гдѣ въ перепискѣ между двумя героями романа обсуждается современное положеніе еврейства вообще и русскихъ евреевъ въ особенности.

Здѣсь авторъ прямо заявляетъ, что его пугаетъ грозный призракъ „ассимиляціи", принявшей въ то время значительные размѣры среди еврейской молодежи въ Россіи; онъ сокрушается, что дотолѣ нетронутое и цѣльное русское еврейство вступило на «гибельный» путь сліянія и подражаетъ въ этомъ отношеніи уже отпѣтому, на его взглядъ, западно-европейскому еврейству. Въ «Eis lo'taas» г. Смоленскій разсматриваетъ вопросъ о насущныхъ задачахъ еврейскаго народа съ обще-исторической и философской точки зрѣнія. Онъ объявляетъ весь ходъ новѣйшаго развитія еврейства колосальнымъ заблужденіемъ, такъ какъ въ этомъ развитіи преобладаетъ космополитизмъ и неудержимое стремленіе къ сліянію. Моисея Мендельсона, стоящаго во главѣ новаго просвѣтительнаго періода еврейской жизни, авторъ дѣлаетъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, усматриваемыхъ имъ въ современной жизни евреевъ... Ниже, по поводу послѣднихъ писаній г. Смоленскаго, мы подробнѣе разсмотримъ мотивы этихъ его взглядовъ, ужъ чрезчуръ оригинальныхъ, а пока продолжаемъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ его литературной дѣятельности.

Если до „послѣднихъ событій" мы видѣли въ г. Смоленскомъ слишкомъ неумѣреннаго націоналиста и рьянаго противника ассимиляціи, то въ послѣдніе годы мы его видимъ въ качествѣ борца за нѣчто еще болѣе крайнее. Еврейскіе погромы и бѣдствія въ Россіи, такъ сильно обострившія еврейскій вопросъ и вызвавшія не мало весьма оригинальныхъ проэктовъ, заставили и г. Смоленскаго высказать свое ultima ratio по вопросу: что дѣлать евреямъ? И надо отдать справедливость г. Смоленскому—предлагаемый имъ, на этотъ роковой вопросъ, отвѣтъ оказался въ полной гармоніи съ его неизмѣнной profession de foi и логически изъ нея вытекающимъ, такъ что сдается, будто этотъ отвѣтъ былъ уже у него давно на готовѣ, и онъ только не смѣлъ высказывать его, пока не наступили чрезвычайныя обстоятельства. Панацея, предлагаемая г. Смоленскимъ, заключается въ слѣдующемъ: конечною цѣлью должно быть *политическое* возрожденіе еврейскаго народа. Достиженія этой цѣли нужно добиваться всевозможными средствами: организаціей въ обширныхъ размѣрахъ выселенія евреевъ въ Палестину, побужденіемъ къ тому богачей и сильныхъ еврейскаго міра и т. п. Непосредственною же, бли-

жайшею цѣлью должна быть, по его мнѣнію, духовная централизація и объединеніе евреевъ, каковая цѣль должна имѣться въ виду при литературной или всякой другой пропагандѣ. Такимъ образомъ, г. Смоленскій дѣлаетъ изъ еврейскаго вопроса исключительно вопросъ духовно-національный и видитъ въ современномъ антиеврейскомъ движеніи только лишнее потвержденіе того, что онъ уже раньше считалъ несомнѣннымъ, а именно: вѣчной вражды всѣхъ народовъ къ евреямъ и необходимости, чтобы евреи, сколь возможно скорѣе, выдѣлились въ живую, политически независимую націю. Духовно-политическое возрожденіе еврейскаго народа на почвѣ Палестины, (и именно на этой почвѣ, а не на всякой другой: колонизацію Америки онъ считаетъ самымъ гибельнымъ шагомъ, способствующимъ только разъединенію евреевъ и полной ихъ ассимиляціи съ другими народами),—сдѣлалось для г. Смоленскаго idée fixe, которую онъ съ страстностью и рвеніемъ, достойными болѣе разумнаго дѣла, защищаетъ и проповѣдуетъ вотъ уже два года на страницахъ своего журнала. Во всѣхъ прочихъ попыткахъ рѣшить еврейскій вопросъ, даже въ наиболѣе желательныхъ для самихъ евреевъ, онъ видитъ только пагубу и вооружается противъ нихъ со всею силою своего таланта.

Г. Смоленскій пользуется въ средѣ читающей еврейской молодежи такою громадною популярностью, да и сверхъ того идеи, имъ проповѣдуемыя, нынче сдѣлались столь модными въ извѣстныхъ кружкáхъ, что нѣкоторый обзоръ его прошлой и настоящей дѣятельности не можетъ не интересовать слѣдящихъ за современными теченіями еврейской литературы. Общую характеристику прежней литературной дѣятельности г. Смоленскаго мы дали въ предыдущихъ строкахъ; теперь посмотримъ, что дѣлаетъ онъ въ настоящее время.

Передъ нами лежатъ первыя четыре книжки „Гашахара“ за настоящій годъ. Въ каждой изъ нихъ—по пространной публицистической статьѣ самого редактора, (которому также принадлежитъ романъ „Наслѣдство“, печатающійся вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ каждой книжкѣ „Гашахара“). Первая руководящая статья озаглавлена „Hozei am iweir“, т. е. «Избавьте народъ ослѣпленный!»; вторая носитъ не менѣе патетическое заглавіе: „Удалите камни преткновенія съ пути народнаго!“ Обѣ

эти статьи посвящены обсужденію современнаго положенія евреевъ или, скорѣе, страстной проповѣди по поводу этого положенія. Вообще, все, что пишется г. Смоленскимъ по части публицистики, носитъ характеръ пламенной и энергичной проповѣди, гдѣ авторъ является какимъ-то ораторомъ-трибуномъ. Статью свою авторъ начинаетъ энергичной филиппикой противъ «несчастной склонности» евреевъ забывать обиды и поруганія своихъ враговъ, лишь только послѣдніе на время оставятъ ихъ въ покоѣ. Эту роковую черту онъ усматриваетъ во всей исторіи многострадальнаго народа; «новѣйшій томъ» этой исторіи, обнимающій событія нашихъ дней, потверждаетъ это еще сильнѣе предыдущихъ. «Страшную книгу—говоритъ онъ—написали наши враги въ прошломъ году, и мы ее тащимъ на своей спинѣ. Это—книга, каждая буква которой имѣетъ видъ демона изъ преисподней, каждое слово смотритъ страшнымъ призракомъ, каждая страница напоминаетъ кладбище и каждая глава кричитъ объ окончательномъ истребленіи и вѣчной враждѣ. Еслибы какому нибудь другому народу его враги написали такое ужасное посланіе, онъ бы конечно не замедлилъ дать имъ достойный отвѣтъ..., и одного такого года гоненій и позора было бы достаточно, чтобы совершенно измѣнить духъ этого гонимаго народа, чтобы вдохнуть въ него новую жизнь и внушить ему новыя стремленія. Этотъ годъ послужилъ бы для него началомъ новой эры, когда онъ могъ бы или воскреснуть къ новой жизни, или окончательно исчезнуть. Такіе рѣшительные моменты служатъ обыкновенно или началомъ, или концомъ жизни для народа. Только безчувственный трупъ позволяетъ топтать себя всякому проходимцу, только трупъ не даетъ отпора... Да! страшно становится смотрѣть, какъ еврейскій народъ нынѣ проявляетъ всѣ особенности безчувственнаго трупа". Еврейскій народъ часто забываетъ, что онъ въ изгнаніи, что онъ вездѣ чужой,—въ этомъ все его несчастіе, по мнѣнію г. Смоленскаго. Евреи, будто бы, сами себя убаюкиваютъ и, какъ рабы, цѣлуютъ руку, бьющую ихъ; они совершенно потеряли чувство чести, чувство національнаго достоинства. Надо въ нихъ будить это чувство, которое въ немногихъ только начало просыпаться подъ потрясеніями послѣднихъ лѣтъ; надо сосредоточить всѣ ихъ помыслы на самоосвобожденіи и приготовить ихъ къ великому и

рѣшительному шагу—воскреснуть вновь, какъ народъ политически независимый, на своей древней почвѣ. Эту возможность г. Смоленскій видитъ не въ близкомъ будущемъ, но онъ все таки убѣждаетъ запастись терпѣніемъ и энергіей, чтобы служить святому дѣлу.

Таковы въ общихъ чертахъ взгляды г. Смоленскаго на задачи, предстоящія еврейству въ настоящее время. Внѣ этихъ задачъ онъ не видитъ спасенія; всякій другой шагъ къ облегченію участи евреевъ, всякія другія стремленія, общія или частныя, теоретическія или практическія, осуждаются имъ съ рѣзкостью и страстностью, едва-ли достойною человѣка съ широкими взглядами на вещи. Отдавая полную справедливость искренности и талантливости, съ которыми г. Смоленскій защищаетъ свои мнѣнія, мы однако далеко не можемъ согласиться съ нимъ. Логическая натянутость его основныхъ принциповъ, его исходной точки, равно какъ практическая неосуществимость того, въ чемъ онъ полагаетъ единственное средство спасенія еврейства,—все это уже слишкомъ сквозитъ изъ подъ блестящей оболочки паѳоса и краснорѣчія, которыми авторъ облекаетъ свои идеи. Мы говоримъ, что исходная точка автора не выдерживаетъ критики,—и въ этомъ насъ убѣдитъ самый легкій анализъ его общихъ идей, его основныхъ взглядовъ. Эти послѣдніе изложены имъ въ двухъ статьяхъ, носящихъ заглавіе: „Еврейскій вопросъ—вопросъ жизни" (№№ 3—4 „Гашахара" за этотъ годъ). Самъ авторъ указываетъ на эти статьи, какъ на квинтъ-эссенцію всѣхъ высказанныхъ имъ прежде общихъ взглядовъ (стр. 133). Обратимся, поэтому, къ нимъ для разсмотрѣнія его основныхъ взглядовъ, а потомъ перейдемъ къ обсужденію вышеприведенныхъ частныхъ, практическихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ авторомъ.

Прежде всего г. Смоленскій констатируетъ, что „еврейскій вопросъ — это вопросъ духовно-культурный по своей сущности, экономическая же его сторона — чисто побочная" (р. 134). Распространенное мнѣніе, что евреи составляютъ не *націю*, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а только *религіозную секту*,—это мнѣніе кажется г. Смоленскому самымъ гибельнымъ, самымъ роковымъ для настоящаго и будущаго еврейства. Оно парализуетъ народную энергію, оно удаляетъ отъ еврейства тѣхъ людей, ко-

торые успѣшнѣе всѣхъ могли бы бороться за національное дѣло, еслибы видѣли въ евреяхъ что нибудь болѣе, чѣмъ религіозную секту, еслибы видѣли въ нихъ вѣчно живой *народъ*, имѣющій и силу и право на независимую политическую и духовную жизнь. Гдѣ же корень этого зла? — спрашиваетъ г. Смоленскій, и отвѣчаетъ: во всемъ ходѣ развитія еврейскаго народа со времени Моисея Мендельсона. Мендельсонъ, открывшій новую эру въ умственной жизни еврейскаго народа, первый началъ дѣйствовать въ анти-національномъ духѣ, и вся послѣдующая мендельсоновская или берлинская эпоха просвѣщенія проникнута этимъ духомъ. Цѣлью этой эпохи было по возможности полное сліяніе съ окружающимъ не-еврейскимъ населеніемъ. Сами дѣти Мендельсона и нѣкоторые изъ его учениковъ первые дали примѣръ полнаго сліянія — простымъ переходомъ въ христіанство. Это происходило оттого, что Дессаусскій мудрецъ видѣлъ въ евреяхъ только религіозную секту, этого взгляда держались его послѣдователи, и весьма естественно, что въ нашъ иррелигіозный вѣкъ многіе, переставъ видѣть въ особенностяхъ религіознаго *credo* разумную причину къ розни національной, отреклись, открыто или въ душѣ, и отъ своей націи (стр. 134—136). „Подражать во всемъ окружающимъ народамъ — вотъ краеугольный камень берлинскаго просвѣщенія; но чтобы то ни стало отрекаться отъ своей національности и уничтожать въ народѣ надежду на политическое возрожденіе — вотъ его идеалъ!“ „Печальные“ результаты этого направленія уже сказались; „ядъ ассимиляціи“ проникъ въ организмъ еврейскаго племени, просвѣщеніе было отождествлено съ національнымъ самоуничтоженіемъ; еврейскій народъ не представляетъ уже цѣльнаго организма, какъ два-три вѣка тому назадъ — и въ этомъ то источникъ всѣхъ его настоящихъ и будущихъ бѣдствій. (Стр. 136 и слѣд.)

Изъ этого мы можемъ видѣть, что г. Смоленскій не безъ удовольствія встрѣтилъ бы возвращеніе евреевъ къ понятіямъ XV или XVI вѣка, какъ ни завѣряетъ онъ въ своемъ уваженіи къ „истинному“ просвѣщенію. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность его соображеній тутъ очевидна. Въ чемъ, по его мнѣнію, заключается «истинное» просвѣщеніе? Въ томъ, конечно, чтобы европейское просвѣщеніе могло уживаться мирно съ правовѣрною привержен-

ностью къ еврейству и не вредила прежней органической цѣлостности народа. Мендельсоновская же школа не имѣла послѣдняго обстоятельства въ виду и, поэтому, навязала евреямъ ложное просвѣщеніе. Но здѣсь г. Смоленскій является—теоретикомъ, которому никакого дѣла нѣтъ до фактовъ. Мендельсоновская школа, дѣйствительно, проповѣдывала еврейству просвѣщеніе въ духѣ европейскомъ, но допускала это лишь настолько, *насколько это не вредитъ религіи*, т. е. библіи и талмуду; она выражала скромное желаніе, чтобы евреи отказались отъ тѣхъ обособляющихъ внѣшнихъ особенностей, которыя составляютъ только сторонній наростъ, но не затрогиваютъ религію (напримѣръ, новоеврейская литература, выражая такія *pia desideria*, какъ обученіе евреевъ русскому языку или измѣненіе покроя платья, никогда и не заикнулась—и никакъ не дерзнула бы—о вредности законовъ о пищѣ и т. п.). Эти піонеры нашего *умственнаго* просвѣщенія не имѣли повода заниматься комбинаціями о политическомъ возрожденіи еврейскаго народа, все равно какъ не занимались этимъ забитые и темные евреи среднихъ вѣковъ (за исключеніемъ единичныхъ личностей), крѣпко вѣрившіе въ пришествіе мессіи. Вопросъ о національности ими никогда не выдвигался. Они не мудрствовали лукаво, они были весьма и даже чрезчуръ умѣренны въ своихъ требованіяхъ: видя евреевъ въ страшномъ невѣжествѣ относительно простѣйшихъ началъ общежитія, видя въ нихъ закоренѣлую ненависть ко всему, что лежитъ за предѣлами религіознаго изученія, и крайне вредную кастовую обособленность, эти просвѣтители стремились къ уничтоженію или смягченію только этихъ соціальныхъ недостатковъ. Если же впослѣдствіи оказалось, что прогрессъ просвѣщенія среди евреевъ пошатнулъ во многихъ какъ религіозные принципы, такъ и желаніе политическаго возрожденія и приверженность къ еврейской *національности*, какъ таковой, то въ этомъ, конечно, не вина скромныхъ нашихъ учителей мендельсоновской школы, давшихъ намъ въ руки букварь цивилизаціи, а чья то другая вина. Если обыкновенное европейское просвѣщеніе способно было ослабить національное чувство въ евреяхъ, въ то время какъ оно не ослабило этого чувства въ другихъ націяхъ, вышедшихъ изъ средневѣковаго мрака, въ нѣмцахъ, итальянцахъ etc, то это только доказываетъ,

что въ самой сути *еврейскаго* національнаго чувства было нѣчто, съ просвѣщенными понятіями несогласное и вынужденное этимъ понятіямъ уступить. Кажется, ясно, какъ дважды два, что виновато въ этомъ переполохѣ одно простое образованіе, одно то обстоятельство, что евреи начали учиться и вылѣзли изъ своего затхлаго умственнаго гетто. Да вотъ и живой примѣръ: та громадная часть евреевъ, въ нашемъ достолюбезномъ отечествѣ, которая и не понюхала европейскаго просвѣщенія, понынѣ еще крѣпко вѣритъ въ мессіанскій догматъ, и въ мрачную годину особенно ревностно призываетъ его въ молитвахъ. Но такое „національное чувство“ есть нѣчто чисто пассивное; нашъ ортодоксальный слой упорнѣе всего будетъ сопротивляться всякой *активной* попыткѣ политическаго самоосвобожденія при отсутствіи извѣстной догматической обстановки, какъ этому уже было не мало примѣровъ въ послѣднее время...

Чего же добивается и на что жалуется г. Смоленскій? Онъ хочетъ внушить евреямъ двѣ истины: 1) что они отнюдь не религіозная секта, а нація, имѣющая всѣ атрибуты націи, за исключеніемъ одного: особой территоріи и политической независимости, и 2) что этого послѣдняго, политическаго возрожденія, они то и должны добываться путемъ практической и литературной агитаціи. Но къ кому онъ обратится съ своею проповѣдью? Къ ортодоксамъ? Но эти только съ недоумѣніемъ посмотрятъ на него. Первый пунктъ ихъ совсѣмъ поставитъ въ тупикъ. „Какъ—скажутъ они г. Смоленскому—какъ это вы говорите, что мы соединены и составляемъ народъ не въ силу общности религіи? Да что же другое соединяетъ насъ, если не святая вѣра наша и наши святые обычаи? Развѣ еврей, кушающій трефное, можетъ назваться евреемъ? Развѣ еврей, курящій въ субботній день и тѣмъ учиняющій тягчайшій грѣхъ, уже тѣмъ самымъ не отрекся отъ еврейства?.. Нѣтъ, всѣми фибрами души нашей мы чувствуемъ, что мы соединены и сплочены крѣпко *только* въ силу религіи, только въ силу общей вѣры, обычаевъ и обрядовъ; только въ силу этого мы—избранный Богомъ народъ. Что же касается вашего увѣщанія возродиться на почвѣ Палестины, то мы это, видитъ Богъ, пламенно желаемъ и ежедневно о томъ молимся, и одинъ нашъ символъ вѣры гласитъ: „Вполнѣ вѣрую въ пришествіе Мессіи и

жду его ежедневно, хотя бы онъ и медлилъ." Ужъ долго то мы, слишкомъ долго, въ этомъ несчастномъ *голусѣ* мучимся; давно бы ужь пора Мессіи придти, — всякій истый еврей, конечно, все это хорошо понимаетъ. Но вы, г. Смоленскій, какъ-то затѣваете совершенно иное: вы хотите, чтобы мы безъ Бога, безъ Мессіи, а такъ таки, произвольно шли въ Іерусалимъ, и храмъ свой построили. А кто же насъ туда пуститъ, кто же Гога и Магога разобьетъ, кто...? Да еслибъ и пустили насъ туда, какъ же это безъ заявленія воли Божіей, безъ Мессіи идти? Вѣдь это преступленіе противъ Бога, вѣдь пророки не иначе предрекали намъ избавленіе, какъ при помощи Мессіи, божественнаго помазанника, который не просто, а чудесами освободитъ насъ. Нѣтъ, вы поносите Бога вашими рѣчами, и мы за вами идти не можемъ". Такъ именно будутъ говорить съ г. Смоленскимъ ортодоксы.

Огорченный такой неудачей, г. Смоленскій обратится къ просвѣщеннымъ или интеллигентнымъ евреямъ, но едва ли здѣсь будетъ болѣе счастливъ. По первому пункту ему отвѣтятъ, что однихъ краснорѣчивыхъ возгласовъ недостаточно для того, чтобы считать доказаннымъ мнѣніе, будто національная санкція еврейства вовсе не заключается въ религіозномъ единствѣ. Какъ факты, такъ и мнѣнія людей, наиболѣе „національныхъ", противорѣчатъ этому утвержденію. Факты говорятъ, что еврейство уцѣлѣло только въ силу религіознаго единства, хотя это послѣднее поддерживалось не только per se, но и благодаря внѣшнимъ причинамъ: религіознымъ преслѣдованіямъ, которыя только сплачивали евреевъ и т. п. „Общность историческихъ судебъ, общность воспоминаній и страданій", на которую, съ голоса Эрнеста Ренана, любятъ ссылаться наши «націоналисты», какъ на главный мотивъ нашего національнаго единства, — эта *историческая* санкція въ сущности сводится къ мотивамъ чисто-религіознымъ, ибо что же такое вся наша исторія въ діаспорическій періодъ (да отчасти и прежде), какъ не исторія нашей борьбы за свое религіозное существованіе, въ которомъ для евреевъ было сосредоточено все, что даетъ имъ raison d'être, какъ отдѣльному народу, среди массы другихъ народовъ? Вся эта «общность историческихъ судебъ» фактически истекаетъ исключительно изъ совмѣстной борьбы за нашу религіозную систему. Факты говорятъ, что какъ только

религіозное единство, благодаря какимъ либо внѣшнимъ причинамъ (которыхъ не существовало въ средніе вѣка, но которыя существуютъ въ новѣйшее время), ослабѣваетъ среди евреевъ, то послѣдствіемъ этого бываетъ и *національное разъединеніе*, національный индиферентизмъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самый тотъ фактъ, что національное чувство было разогрѣто въ послѣдніе годы въ нѣкоторой индиферентной части еврейства только благодаря такимъ событіямъ, которыя носятъ характеръ скорѣе средневѣковый, чѣмъ современный... Если кромѣ фактовъ нуженъ авторитетъ, то достаточно указать на крупнѣйшаго ученаго и ветерана еврейской литературы, *Людвига Филиппсона*, который съ рѣдкой эрудиціей и проницательностью доказалъ: что евреи составляютъ не націю, въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, а только религіозную общину, или народъ, сплоченный исключительно въ силу религіознаго единства (См. «Zeitung des Judenthums» пр. года въ разныхъ статьяхъ, и въ другихъ сочиненіяхъ г. Филиппсона). А г. Филиппсона едва ли можно подозрѣвать въ излишнемъ радикализмѣ и въ космополитизмѣ. Противъ этихъ фактовъ г. Смоленскій не выставилъ въ пользу своей теоріи никакихъ равносильныхъ потвержденій, никакой фактической аргументаціи, если не считать достаточной аргументаціей краснорѣчіе и діалектику, способныя на время увлекать легкія головы, но едва-ли способныя убѣдить людей серьезно мыслящихъ.

Что же касается втораго пункта, выставляемаго г. Смоленскимъ (о необходимости политическаго возрожденія еврейства), то интеллигентнымъ изъ евреевъ позволительно усомниться въ практической состоятельности этого средства. Правда, г. Смоленскій еще не такой утопистъ, чтобы рекомендовать евреямъ наискорѣйшій поголовный исходъ изъ всѣхъ странъ, дабы направить стопы свои въ Святую землю; онъ признается, что его завѣтная идея, основаніе для евреевъ политическаго центра въ Палестинѣ потребуетъ для своего осуществленія многихъ десятковъ лѣтъ упорной агитаціи, и совѣтуетъ евреямъ пока духовно объединиться, централизироваться и проникнуться національнымъ достоинствомъ. Выселеніе же въ Палестину онъ убѣждаетъ организовать на такихъ широкихъ началахъ, которыя уже предполагаютъ существованіе огромнаго числа людей, сочувствующихъ этому

дѣлу. Но имѣютъ ли эти соображенія какіе нибудь шансы на успѣхъ, даже при самыхъ ограниченныхъ условіяхъ? Мы уже видѣли, насколько слабъ и мало убѣдителенъ исходный пунктъ автора; могутъ ли соображенія, вытекающія изъ него, отличаться особенной прочностью? Помимо того, что мы еще не убѣждены въ абсолютной *полезности* для евреевъ обособиться политически и промѣнять европейскую культуру на азіатскую, мы не можемъ даже приблизительно судить о предѣлахъ *возможности* этого. Массовыя переселенія въ Палестину съ опредѣленною тенденціей встрѣтятъ могучія препятствія, во-первыхъ, въ политическомъ положеніи Палестины, какъ странѣ, принадлежащей de jure Турціи, а de facto—всѣмъ державамъ, руководящимъ судьбами Турціи и заинтересованнымъ, вслѣдствіе ли религіозныхъ или политическихъ мотивовъ, чтобы Палестина оставалась in statu quo. Во-вторыхъ, препятствія встрѣтятся въ самихъ евреяхъ: ортодоксы откажутся отъ такого «исхода» вслѣдствіе своей излишней вѣры въ необходимость традиціонной извѣстной обстановки, а гетеродоксы—вслѣдствіе своего маловѣрія.

Еслибы г. Смоленскій ограничилъ свою задачу хотя бы до максимума возможнаго, то можно было бы еще съ нимъ прійти къ нѣкоторому соглашенію. Еслибъ онъ опредѣлилъ переселеніе въ Палестину какъ простую колонизацію, вызываемую теперь чрезвычайными экономическими обстоятельствами и необходимостью по собственной инипіативѣ разрѣдить «черту осѣдлости», еслибъ онъ въ этихъ видахъ рекомендовалъ организацію переселенія въ возможно-большихъ размѣрахъ (конечно, при заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ колонизаціи), то такую агитацію можно было бы, во всякомъ случаѣ, считать не безполезной. Такъ дѣйствительно и поступаютъ многіе, и, вѣроятно, чего нибудь да добьются при упорныхъ усиліяхъ. Но г. Смоленскій о колонизаціи частной и слышать не хочетъ; онъ непремѣнно хочетъ «политическаго центра» въ Палестинѣ и крайней національной централизаціи европейскихъ евреевъ. А для этого уже нужно располагать гораздо бо́льшими силами, чѣмъ тѣ, которыми можетъ располагать даже самая широкая агитація; надо совершенно измѣнить уровень понятій: *возвысить* нѣсколько уровень просвѣщенія въ массѣ и *понизить* его въ интеллигенціи (которая при современ-

ныхъ понятіяхъ необходимо предпочитаетъ принципъ умѣренной ассимиляціи принципу искусственной національзаціи, по отношенію къ евреямъ). Если первое еще возможно, то послѣднее рѣшительно невозможно, такъ какъ Волга вспять не идетъ...

Желая изобразить направленія, господствующія теперь въ еврейской жизни, г. Смоленскій избираетъ для этого форму притчи и вѣщаетъ слѣдующее. Предположимъ, говоритъ онъ, что въ нѣкоторомъ городѣ обрѣтается одинъ домъ, который и видомъ не похожъ на всѣ другіе дома города, да и образъ жизни обитателей его существенно отличается отъ образа жизни другихъ горожанъ; предположимъ дальше, что про этотъ домъ идетъ худая молва. Этотъ своеобразный видъ дома колетъ всѣмъ глаза. Являются къ хозяину дома другіе горожане и ведутъ такую рѣчь: «Вотъ вы живете среди насъ, хлѣбъ среди насъ зарабатываете, а между тѣмъ вы помѣщаетесь въ какомъ-то страннаго вида домѣ, безобразящемъ городъ и порождающемъ слухи про нечистыя силы, въ немъ гнѣздящіяся и т. п. Уничтожьте вы этотъ безобразный домъ и выстройте себѣ домъ на подобіе нашихъ. Не отличайтесь отъ насъ, и мы съ вами будемъ жить дружески, иначе вѣчный раздоръ будетъ между нами». Послѣ ухода горожанъ переполошившіеся обитатели злополучнаго дома принялись совѣщаться. Одни изъ нихъ говорили: «Требованіе горожанъ совершенно резонное. Нашъ домъ служитъ, справедливо или несправедливо, пугаломъ для всѣхъ жителей города, которымъ онъ колетъ глаза своимъ внѣшнимъ видомъ. Правда, предки наши намъ завѣщали этотъ домъ и мы должны были бы хранить его, какъ дорогія реликвіи; правда также, что дурные слухи насчетъ нашего дома ложны. Но коль скоро мы живемъ среди людей другихъ понятій и должны быть съ ними въ ладахъ, намъ слѣдуетъ уступить имъ, срыть нашъ домъ и построить новый во вкусѣ общины». Другіе члены семейства выставляли прямо противоположные доводы. «Нѣтъ, говорили они, ничего мы имъ не должны уступить. Домъ нашъ построенъ съ незапамятныхъ временъ и нѣкогда пользовался славной репутаціей. Горожане имѣютъ столь же мало права требовать разрушенія нашего дома, какъ мы—переустройства въ нашемъ вкусѣ ихъ домовъ. Нѣтъ, мы не пожертвуемъ ихъ прихоти и самомнѣнію тѣмъ, что для насъ всего дороже, что состав-

ляетъ для насъ дорогой памятникъ прошедшаго, хотя бы намъ приходилось ради этого испытать величайшія бѣдствія». Но вотъ являются третьи и держатъ рѣчь. «Намъ не нужно разрушать нашъ домъ, но и оставлять его въ теперешнемъ видѣ также нельзя. Онъ, дѣйствительно, очень старъ и производитъ дурное впечатлѣніе. Такъ перестроимъ же его извнѣ, передѣлаемъ крышу, окна и наружныя стѣны на манеръ другихъ домовъ, внутреннюю же обстановку оставимъ нетронутою. Такимъ образомъ, и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы». Первые изъ разсуждающихъ представляютъ собою людей безъ-идейныхъ, людей плоти, которые минутной выгодѣ готовы жертвовать всѣми своими идеалами; вторые—люди идеи и духа par excellence, готовыхъ жертвовать временными выгодами ради своихъ высшихъ цѣлей; третьи же—люди компромисса, желающіе отвратить временныя непріятности, жертвуя для этого только внѣшней, декоративной стороной своихъ идеаловъ, но вполнѣ сохраняя существенную часть. Г. Смоленскій глумится надъ этими послѣдними и считаетъ ихъ наименѣе послѣдовательными: одно, молъ, изъ двухъ—либо все разрушать, либо все оставлять, а то перестраивать! Уже тѣмъ самымъ, что они рѣшаются перестроить домъ въ угоду другимъ, они себя компрометируютъ (какъ полагаетъ г. Смоленскій): они-де этимъ доказываютъ, что понимаютъ недостатки своего дома, но все-таки не рѣшаются совершенно съ нимъ разстаться» (стр. 137—138).

Понятно, куда мѣтятъ стрѣлы автора. Онъ считаетъ послѣдовательными только двоякаго рода людей: или евреевъ, совершенно отрекшихся отъ наслѣдія отцовъ и примкнувшихъ къ христіанамъ, или же стойкихъ и неуступающихъ ни одной частицы дорогихъ реликвій; причемъ первыхъ, онъ конечно, безусловно осуждаетъ, а вторыхъ восхваляетъ; реформаторовъ же, желающихъ преобразовать старое въ новомъ духѣ, оставляя сущность нетронутою, онъ осуждаетъ на томъ основаніи, что они, молъ, виляютъ. Но здѣсь-то, при раскрытіи авторской притчи, и становится очевиднымъ, что авторскій comparaison n'est pas raison. Въ самомъ дѣлѣ, примѣръ этотъ можно съ большею силою направить противъ самого автора. Можно сказать, что только третьи правы въ своемъ сужденіи, а первыя двѣ категоріи обѣ неправы. Требующіе пол-

наго разрушенія дома, поелику ихъ требованіе мотивируется внѣшними выгодами—не болѣе какъ грубые матеріалисты и подлые перебѣжчики, которые съ такимъ же легкимъ сердцемъ измѣнятъ, при удобномъ случаѣ, новому знамени, съ какимъ измѣнили старому. Вторая категорія, не желающая уступить ни одной щепки въ ветхомъ зданіи, считающая это зданіе абсолютно прекраснымъ только потому, что оно принадлежитъ имъ, и несогласная сдѣлать малѣйшій и необходимый ремонтъ, несмотря на всѣ возгласы жизни,—эта категорія обладаетъ только упрямствомъ и фанатизмомъ, но никакъ не мудростью. Если эгоизмъ первыхъ — грубо-матеріальный, то эгоизмъ вторыхъ—духовный, идейный, который подчасъ не менѣе вреденъ, чѣмъ эгоизмъ перваго рода. Одна только третья категорія разсуждаетъ здраво. Надо ремонтировать ветхое зданіе, но безъ ущерба для ея традиціонной конструкціи; грязныя и аляповатыя пристройки къ этому зданію сѣдой древности, пристройки, неумѣло заплатанныя разными подозрительными проходимцами новѣйшаго времени и безобразящія все зданіе — отбросить. Тогда только зданіе соединитъ въ себѣ всѣ существенныя достоинства своей древности съ крѣпостью и свѣжестью какъ бы возвращенной молодости. Пусть г. Смоленскій подумаетъ, сколько нелѣпыхъ пристроекъ среднихъ вѣковъ ютится у великолѣпнаго зданія древняго іудаизма и безобразитъ его; пусть подумаетъ, что при дальнѣйшемъ бездѣйствіи, эти нагроможденія могутъ отпасть и увлечь въ пропасть все зданіе, — и послѣ этого пусть рѣшитъ, кто правъ, въ чью пользу говоритъ его же притча!..

С. Д.

PLACE DES JUIFS

Письмо изъ Парижа.

Право, очень любопытно было бы знать, какимъ образомъ русскіе и галиційскіе евреи, волею судебъ попадающіе въ Парижъ, немедленно оказываются на окруженной нѣсколькими деревьями маленькой, продолговатой площадкѣ, которую парижане уже давно окрестили: Place des Juifs, хотя оффиціально она не носитъ никакого названія. Площадка эта, точно магнитъ, притягиваетъ къ себѣ всѣхъ бѣдныхъ евреевъ, какъ только они выходятъ изъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ будто существуетъ особая, что ли, коммиссіонерская контора для препровожденія ихъ въ эту по истинѣ любопытную и интересную гостинницу на открытомъ воздухѣ! Но, конечно, ни такой конторы, ни ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ—это мнѣ достовѣрнѣйшимъ образомъ извѣстно; какъ же въ дѣйствительности происходитъ дѣло этого страннаго передвиженія—я уже и самъ хорошенько не могу объяснить себѣ. Бываютъ случаи, когда какой нибудь любезный французъ самъ ведетъ растерявшагося пріѣзжаго на сборное мѣсто еврейской голи всѣхъ странъ; но, обыкновенно, надо полагать, пріѣзжающіе или запасаются въ промежуточныхъ городахъ нужными свѣдѣніями для нахожденія площадки (такіе сборные пункты имѣются во всѣхъ большихъ западно-еврейскихъ городахъ и сообщаются между собою путемъ частаго странствованія не пристроившихся сыновъ Израиля), или же переправляются туда первымъ встрѣчнымъ евреемъ, бродящимъ по Парижу.

Но какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, съ ранняго утра до поздней ночи площадка оживлена кучками сидящихъ, стоящихъ и расхаживающихъ сыновъ Израиля. Ни одинъ нуждающійся

еврей, пріѣзжающій въ Парижъ искать счастья, котораго онъ не могъ достигнуть въ другихъ мѣстахъ и которое такъ чертовски трудно дается простымъ смертнымъ, никакъ не можетъ миновать ея. Это фатально, какъ смерть. Всѣ тутъ бесѣдуютъ, жестикулируютъ и передаютъ другъ другу новости дня. Роковая площадка служитъ за разъ центромъ мелкихъ сдѣлокъ и всевозможныхъ свѣдѣній, извѣстій и политическихъ новостей (политика уже составляетъ общую и неизлечимую слабость евреевъ всѣхъ странъ), гостинницей, справочнымъ бюро, салономъ и школою того, что здѣсь извѣстно подъ именемъ «шнорерства» и что будетъ объяснено ниже.

Мѣсто вообще выбрано чрезвычайно удачно, оно какъ будто само напрашивается на ту всесильную и всеобнимающую роль, которую оно имѣетъ для пришлыхъ евреевъ Парижа. Какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается въ бурномъ и животрепещущемъ городѣ, гдѣ улицы расположены подъ острыми углами и расходятся въ разныя стороны, сказанная площадка образуется скрещиваніемъ нѣсколькихъ улицъ. Она находится въ наиболѣе подвижной и центральной части Парижа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся rue Rivoli и rue St. Antoine, почти по серединѣ между парижской ратушей и Бастильской площадью, окрестныя улицы которой населены многими евреями. Съ одной стороны Place des Juifs расположены rue Malherbe, гдѣ находится еврейская дешевка, такъ называемая кухмистерская Ротшильда, и rue des Juifs (это уже оффиціальное названіе), съ другой, по направленію къ Сенѣ, переходя площадку, расположена rue St. Paul, гдѣ находится синагога польскихъ евреевъ, обширная и свѣтлая зала, служившая прежде мастерской какого-то фабриканта.

Немного далѣе, уже на rue St. Antoine, находится кофейная St. Paul, почти исключительно посѣщаемая евреями. По вечерамъ и особенно по субботамъ она оживляется эльзаскими евреями, которые тутъ совершаютъ торговыя сдѣлки и часто приходятъ сюда вмѣстѣ съ своими, обыкновенно далеко нетощими буржуазками и со всѣмъ своимъ семействомъ, предпочтительно же со своими взрослыми дочерьми, которыхъ нарочно приводятъ сюда для того, чтобы подцѣпить какого-нибудь жениха, что, мимоходомъ замѣчу, составляетъ дѣло далеко нелегкое, такъ какъ въ

Парижѣ молодые люди совсѣмъ не охотники связывать себя неразрывными узами Гименея и не безъ ужаса смотритъ на бракъ. Но обыкновенно кофейня переполнена польскими евреями, которые по цѣлымъ днямъ и ночамъ играютъ въ карты, на деньги, или просто, чтобы убить праздное время. Это обыкновенно тотъ самый людъ, который, если не имѣетъ нѣсколькихъ су, чтобы имѣть возможность посидѣть въ кофейнѣ, то шляется на площадкѣ или по окрестнымъ улицамъ. Вообще же эта кофейня представляетъ очень интересный и любопытный уголокъ бродячаго Парижа. Это своего рода богема, но богема польскихъ евреевъ, и она заслуживаетъ особаго и подробнаго описанія.

По какимъ бы улицамъ четвертаго избирательнаго округа и въ какое бы время дня вы не шли, вы всегда встрѣтите одного или нѣсколькихъ евреевъ, расхаживающихъ или совсѣмъ праздно, или съ разными мелкими и дешевыми вещами для продажи. Четвертый округъ (Hötel de Ville)—это генеральный кварталъ польскихъ евреевъ Парижа, а описанная площадка служитъ общеобъединительнымъ пунктомъ, центромъ ихъ не только дѣловой, но и умственной и моральной жизни. Польско-еврейское населеніе Парижа обнимаетъ ее какъ бы концентрическими кольцами, которыя, постепенно уменьшаясь въ густотѣ и съуживаясь съ одной стороны, по направленію къ ратушѣ, сильно удлиняются въ сторонѣ Бастильской площади, другаго его центральнаго пункта.

Place des Juifs, словомъ, недаромъ удостоилась своего названія. Глазамъ парижанъ она часто представляетъ очень странный и непривычный видъ, un air pittoresque, употребляя выразительное французское выраженіе. Начиная съ выраженія лицъ, съ костюмовъ и кончая жестами и походкой, евреи, въ большинствѣ случаевъ безцѣльно и праздно шатающіеся на площадкѣ *, невольно обращаютъ на себя вниманіе проходящихъ, нерѣдко шокируютъ взглядъ парижанина, подобно, впрочемъ, итальянцамъ и савоярамъ, тоже щеголяющимъ въ своихъ народныхъ костюмахъ и тоже собирающимся кучками на извѣстныхъ площадкахъ

* Многіе просто вынуждены проводить цѣлые дни на площадкѣ, даже во время холодовъ и дождя. Дѣло въ томъ, что на своихъ квартирахъ они имѣютъ только ночлегъ и нанимаютъ его съ тѣмъ условіемъ, чтобы цѣлый день не показываться и приходить только ночью спать.

Обыватели площадки дѣйствительно представляютъ любопытное зрѣлище въ Парижѣ. Даже обыватель нашей «черты» можетъ тутъ найти много интереснаго и невиданнаго. Часто встрѣчаешь здѣсь такіе типы, которыхъ, пожалуй, и въ самомъ Бердичевѣ не сыщешь. Тутъ сходятся бродячіе элементы сыновъ Израиля всѣхъ странъ, начиная съ восточнаго еврея въ длинной красной хламидѣ и кончая польскимъ евреемъ въ старомодномъ длинномъ и непремѣнно сильно поношенномъ и засаленномъ капотѣ. На бульварѣ Henri IV, недалеко отъ Бастильской площади, мнѣ разъ пришлось встрѣтить такой типъ, который развѣ обрѣтается еще въ маленькихъ хассидскихъ городахъ. Въ лоснящемся атласномъ капотѣ, обвязанный шелковымъ кушакомъ, въ снѣжнобѣлыхъ чулкахъ и въ хассидскихъ полубашмакахъ, съ длинными винтообразными пейсами и въ полумѣховой шапкѣ (это—такъ называемое: штраймль; дѣло было лѣтомъ), онъ шелъ по прекрасному бульвару такою же внушительною и тріумфальною поступью, какъ и хассидъ, только что трижды окунувшійся въ мутной водѣ миквы и направляющійся въ синагогу съ священнымъ предметомъ въ рукахъ. Однимъ словомъ, онъ былъ облаченъ такъ, что навѣрно очутился бы въ «клоповникѣ», если бы имѣлъ несчастіе попасть подъ строгія очи одного изъ присноподамятныхъ волынскихъ помпадуровъ, и, глядя на него, я невольно благословлялъ судьбу, бросившую его въ современный Вавилонъ, или, по выраженію Виктора Гюго, въ Paris-lumière, гдѣ изрѣдка съ любопытствомъ озиравшіеся прохожіе, можетъ быть, только и думали: «А интересно было бы такъ одѣться во время карнавала!» Бѣдный хассидъ! онъ только немного поспѣшилъ, а то во время карнавала онъ бы навѣрно имѣлъ успѣхъ и вызвалъ бы рукоплесканія и веселыя шутки парижанъ.

Простите, читатель, за это невольное отступленіе. Преобладающимъ элементомъ посѣтителей площадки, конечно, являются польскіе евреи изъ нашей «черты» или изъ Галиціи. Они представляютъ разнообразные типы и еще болѣе разнообразно одѣты, но на всѣхъ нихъ, на ихъ блѣдныхъ лицахъ и жалкихъ костюмахъ, рельефно отражается печать нищеты и долгихъ страданій. По ихъ занятіямъ и склонностямъ, ихъ можно раздѣлить на двѣ группы, на рабочихъ или желающихъ работать и на мелкихъ тор-

говцевъ или нежелающихъ заниматься физическимъ трудомъ. Если они всѣ въ первое время своего пріѣзда въ Парижъ одинаково безпомощны и ничѣмъ почти не отличаются, то потомъ, даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, рабочіе и не рабочіе отрываются другъ отъ друга и заживаютъ далеко неодинаково, часто даже уже болѣе не встрѣчаются на площадкѣ, на «плецелъ», какъ говорятъ евреи.

Рабочій элементъ болѣе или менѣе скоро (это зависитъ, какъ отъ рода ремесла, такъ и отъ времени, т. е. отъ общаго состоянія парижской промышленности и торговли) находитъ себѣ работу, и, разъ нашедши ее, онъ уже мало по малу втягивается въ коловоротъ парижской жизни. Во всякомъ случаѣ онъ живетъ независимо и безъ нужды, не интересуясь даже существованіемъ какихъ бы то ни было благотворительныхъ комитетовъ. Даже тѣ, которые не имѣютъ опредѣленнаго ремесла, но за то желаютъ работать, хотя бы въ качествѣ чернорабочаго, тоже какъ нибудь устраиваются въ Парижѣ и не прибѣгаютъ къ помощи сказанныхъ комитетовъ. На площадку уже рабочій изрѣдка является только по вечерамъ, послѣ работы, или по субботамъ, побуждаемый въ этому простымъ любопытствомъ, желаніемъ отвести нѣсколько минутъ душу со своими. Но эти посѣщенія и изліянія съ теченіемъ времени становятся все рѣже и рѣже, и, наконецъ, совершенно прекращаются. Еврей-рабочій, значитъ, уже вполнѣ освоился съ Парижемъ, научился говорить по французски и, словомъ, болѣе или менѣе ассимилировался.

Это безспорно лучшая часть еврейской эмиграціи въ Парижѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ. Другое дѣло—группа торговцевъ. Но ее опять можно подраздѣлить на двѣ части, на собственно торговцевъ и на шнореровъ. Среди первой части встрѣчаются часто многіе почтенные люди и рабочіе безъ работы. Они торгуютъ, потому что имъ съ голоду умереть тоже не хочется. Торговля же—мелкая и жалкая, и только одинъ голодъ и безъисходная нужда можетъ заставить человѣка цѣлые дни шляться по улицамъ Парижа въ надеждѣ продать на франкъ или на два какія нибудь печенья или конфекты. На языкѣ самихъ торговцевъ это называется «гузиренъ», т. е. hausiren. Родъ торговли чрезвычайно легкій и всѣмъ доступный, даже маленькимъ дѣтямъ, которыхъ родители, къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ часто выго-

няютъ на улицу продавать всякую всячину, особенно же разныя конфекты. Для перваго обзаведенія обязательно нужно имѣть какую нибудь корзину или просто тазъ и нѣсколько франковъ, нужно еще умѣть распознавать монеты и затѣмъ обладать здоровыми ногами.

Тѣ же, которые умѣютъ немного говорить по французски и вообще освоились съ Парижемъ, обзаводятся разными рулетками (обыкновенно предметомъ игры служатъ табакъ и конфекты), на которыя парижане чрезвычайно падки и съ которыми первые странствуютъ на всѣхъ окрестныхъ праздникахъ и ярмаркахъ. Очень ловкіе изъ нихъ могутъ заработывать очень много, но обыкновенно эти заработки бываютъ только извѣстное время, въ большіе праздники и когда погода хорошая. Мелкіе же торговцы иля гузиреры заработываютъ въ большинствѣ случаевъ крайне мало, такъ что еле-еле перебиваются. Требуются значительная ловкость, долгій навыкъ и особенно знаніе мѣстности и распредѣленія окрестныхъ праздниковъ и маленькихъ ярмарокъ, чтобы имѣть заработокъ парижскаго рабочаго. Новички же и неловкіе зарабатываютъ много-много франкъ—два въ день.

Вообще же это—занятіе крайне непостоянное и рѣдко благодарное. Большинство гузиреровъ съ трудомъ пробиваются въ Парижѣ, часто мѣняютъ и мѣсто, и жалкіе предметы своей торговли. Все свое свободное время гузиреры проводятъ на площадкѣ, въ кофейнѣ St. Paul и болѣе дешевыхъ окрестныхъ кофейняхъ и кабачкахъ. Свободныхъ часовъ и даже дней у каждаго изъ нихъ не мало, особенно въ обыкновенное, непраздничное время. Тутъ обсуждаются торговыя и политическія дѣла, дѣянія благотворителей и шнореровъ, даются и сообщаются всякія нужныя свѣдѣнія, однимъ словомъ, тутъ и пріятно, и полезно бывать.

Только немногіе изъ торговцевъ принадлежатъ къ разряду шнореровъ, хотя и то надобно сказать, что всякій шнореръ можетъ въ извѣстное время стать гузиреромъ. Вообще же, очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается гузиреръ и гдѣ начинается шнореръ. Оба имѣютъ довольно много сходства и часто перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой, какъ этого требуютъ обстоятельства. Но въ обоихъ лагеряхъ имѣются, однако, люди, которые постоянно остаются при своихъ занятіяхъ, какъ бы плохо имъ ни было.

Что же, однако, такое шнореръ? Это типъ, существованіе

котораго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ существованіемъ разныхъ благотворительныхъ комитетовъ. Шнорера даже трудно представить себѣ безъ присутствія комитетовъ. Послѣдніе его воспитываютъ и закаливаютъ, дѣлая его неспособнымъ къ какому бы то ни было труду, даже къ легкому труду мелкаго уличнаго торговца или гузирера. Число такихъ истинно безпомощныхъ и несчастныхъ людей, привыкшихъ жить вѣчнымъ обиваніемъ пороговъ разныхъ благотворителей и безграничнымъ униженіемъ, возрастаетъ и развивается, благодаря не столько числу, сколько безтолковости и безпорядочной организаціи благотворительныхъ комитетовъ. Многое тутъ еще зависитъ отъ умѣнія, осмысленной дѣятельности и добрыхъ намѣреній заправителей такихъ комитетовъ.

Во всякомъ случаѣ, шнореръ только и знаетъ, что бѣгать по комитетамъ, откуда его уже изрядное число разъ съ позоромъ и даже съ побоями выбрасывали, и суетится повсюду, гдѣ только представляется малѣйшая возможность выпросить и вымолить нѣсколько грошей. Каждое утро онъ встаетъ съ мыслью: куда бы пойти просить? и засыпаетъ съ намѣреніемъ просить у такого-то. Болѣе несчастное и жалкое существованія трудно себѣ вообразить.

Вѣроятно, ни одинъ большой европейскій городъ не изобилуетъ такимъ сортомъ нещепетильныхъ и назойливыхъ людей, какъ Парижъ. И это, скажемъ прямо, вина того безпорядочнаго и произвольнаго веденія благотворительныхъ дѣлъ парижской еврейской общины, на которое я уже имѣлъ случаи указывать. Не могу въ точности знать, какъ дѣйствовали комитеты прежде, но за послѣдніе два года я видѣлъ только, что огромныя суммы тратятся самымъ безполезнымъ и безпутнымъ образомъ. Существуетъ, правда, comité de bienfaisance, но дальше мелкихъ и оскорбительныхъ подачекъ тамъ никогда не шли. Теперь вся его дѣятельность ограничивается выдачей новопріѣзжающимъ билетиковъ на обѣды въ столовой Ротшильда, много-много на одну недѣлю. И даже это достается нелегко и не безъ покрикиваній комитетчиковъ. Никогда этотъ комитетъ не старался войти въ положеніе просителя, серьезно разспросить его и собрать о немъ подробныя и вѣрныя свѣдѣнія (нѣтъ ничего легче, какъ узнать все это на Place des Juifs, гдѣ все и вся доподлинно извѣстно),

никогда онъ не хотѣлъ отличать одного просителя отъ другаго третируя новоприбывшаго рабочаго наравнѣ съ отчаяннымъ шнореромъ, и никогда не могъ оградить себя отъ самыхъ простыхъ и безхитростныхъ злоупотребленій. Каждый изъ вліятельныхъ членовъ комитета еще выдаетъ пособія у себя дома, и возлѣ ихъ дверей въ извѣстное время дня можно постоянно видѣть кучки просителей. Они уже раздаютъ, сообразуясь только съ суммами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, и со своею доброю волею, и ни одинъ изъ нихъ положительно не знаетъ, не далъ ли уже просителю что нибудь другой благотворитель.

Но здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что при такихъ условіяхъ одни только шнореры и наиболѣе беззастѣнчивые и назойливые просители успѣваютъ и выигрываютъ. Дѣйствительно нуждающемуся, но скромному и робкому человѣку даже трудно добраться до комитетовъ и раздавателей подачекъ. Шнореры уже заранѣе захватываютъ лучшія мѣста и входятъ первые. Собственно говоря, комитетовъ въ Парижѣ столько, сколько раздавателей, и опытные шнореры каждаго изъ нихъ знаютъ до тонкости. Они знаютъ также всевозможныхъ частныхъ благотворителей, болѣе или менѣе постоянныхъ и временныхъ. Имъ извѣстны всѣ обстоятельства каждаго благотворительнаго мѣста и всѣ слабости благотворителя, и все это эксплуатируются ими съ необыкновенною энергіей. Гдѣ нельзя взять просьбами и жалобами, тамъ они берутъ назойливостью и настойчивостью. Ихъ въ шею гонятъ и безцеремонно выбрасываютъ, но они возвращаются снова, какъ ни въ чемъ не бывало. Словомъ, это ихъ единственный источникъ жизни, и обиваніе пороговъ, выпрашиваніе стало ихъ ремесломъ, именно ремесломъ.

Настоящихъ и неисправимыхъ шнореровъ очень мало, такъ какъ очень больно и трудно пасть такъ низко. За то есть много временныхъ и еще болѣе такихъ, которые попеременно то шнорерствуетъ, то продаютъ на улицахъ разнообразныя мелкія вещи. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ наиболѣе постоянную и наиболѣе любопытную публику Place des Juifs. Безъ этой площадки они уже рѣшительно не могутъ обойтись. Они ею дышутъ и живутъ, точно рыба водою, украшая ее своими блѣдными и исто-

щенными лицами и своею разноцвѣтной и разношерстной, но одинаково ветхой и изорванной одеждой.

Помимо описанныхъ свойствъ и качествъ, она еще служитъ чѣмъ-то въ родѣ воспитательнаго заведенія. Она стала своеобразною школою, школою шнорерства, и, къ несчастію, очень вліятельной и заманивающей. Новый человѣкъ, попадающій въ это горнило бѣдности, нужды и всѣхъ прелестей бродячей жизни, отрѣзанный отъ остальнаго міра незнаніемъ французскаго языка, часто оказывается безсильнымъ противостоять тому зловредному и безшабашному духу, который на него навѣваютъ заклятые шнореры. Ему сразу указываютъ, куда нужно ходить и гдѣ нужно просить, ему даютъ разные безнравственные и недостойные совѣты, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя ни до чего добиться, и, въ концѣ концовъ, портятъ безпомощнаго и нуждающагося, но простаго, трудолюбиваго и желающаго только работать человѣка.

Къ счастію или къ несчастію, но, во всякомъ случаѣ, къ чести всей этой малоразборчивой и полуголодной компаніи, между ея членами существуетъ нѣкотораго рода солидарность. Обитатели площадки болѣе или менѣе всегда поддерживаютъ другъ друга. Даже самый отпѣтый шнореръ старается помочь, чѣмъ онъ только можетъ, своему нуждающемуся собрату или новичку. Если новоприбывшій не имѣетъ никакихъ средствъ къ жизни, то его первое время какъ-нибудь поддерживаютъ, его ведутъ въ комитеты или даютъ ему возможность сдѣлаться гузиреромъ съ товаромъ въ два-три франка.

Нравственное вліяніе всего этого жалкаго и несчастнаго люда становится потому еще сильнѣе. Оно по истинѣ ужасно вредное и развращающее. Въ теченіи довольно короткаго времени даже коренной рабочій, ремесленникъ безъ работы, спокойно дѣлается полугузиреромъ, полушнореромъ, хотя бы онъ прежде ни за что не согласился на это. И разъ попавши на этотъ скользкій путь, разъ затянувши эту тяжелую лямку, уже трудно вырваться и стать трудящимся человѣкомъ, а не попрошайкой и шнореромъ. Шнорерская жизнь, какъ бродячая и праздная par excellence, можетъ имѣть такое же увлекательное и заманчивое вліяніе на нѣкоторыя натуры, какъ и жизнь богемы.

И она, дѣйствительно, завлекаетъ многихъ своею праздностью

и кажущейся свободой, превращая ихъ часто въ картежниковъ и пройдохъ, вмѣсто работниковъ, какими они были или могли быть. И вотъ они просиживаютъ праздно свое время въ кабачкахъ и кофейняхъ, стараясь по возможности дольше играть въ карты на стаканъ какого-нибудь напитка и играя до тѣхъ поръ, пока хозяинъ кабака ихъ не прогонитъ!..

Такова еврейская площадь въ Парижѣ. Много тутъ можно встрѣтить интереснаго и поучительнаго, но еще больше горестнаго и омерзительнаго. Разнаго сорта людей злая судьба свела здѣсь вмѣстѣ и заставила жить одинаковыми радостями и горестями. Много среди нихъ такихъ, которыхъ тяжелыя обстоятельства и невеселая жизнь скосили и сломали, и о нихъ можно искренно пожалѣть. Можетъ быть, большинство этихъ шнореровъ боролись, боролись, но не выдержали и пали, и пали такъ, что и встать трудно, или даже невозможно. И сколько такихъ, которые, пришедши бодрыми и полными надеждъ на эту роковую площадку, спускались съ нея, точно по крутой наклонной плоскости, спускались все ниже и ниже, пока не обрѣли, наконецъ, на ней свою нравственную могилу!....

Да, Place des Juifs, удивительно многообразную роль исполняешь ты въ жизни бѣдныхъ сыновъ Израиля, злымъ рокомъ загнанныхъ въ кипучій Парижъ, и много зла ты дѣлаешь имъ, становясь для этихъ несчастныхъ всѣмъ, даже кладбищемъ!...

Я. Ромбро.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ ПРЕНІЯ ПО ТИССА-ЭСЛАРСКОМУ ДѢЛУ.

Когда мы начали печатать въ „Хроникѣ" Тисса-Эсларское дѣло, мы не могли думать, что оно будетъ продолжаться такъ долго и что оно приметъ такіе обширные объемы. Ожиданія наши не оправдались, и мы бы не могли кончить въ этомъ году печатаніе всего процесса, еслибы продолжали печатать его въ „Хроникѣ". Поэтому мы рѣшились часть процесса, именно самую интересную, т. е. заключительныя пренія, въ которыхъ кстати и излагается вся суть этого пресловутаго дѣла дать въ журналѣ.

Начинаемъ съ рѣчи исправлявшаго должность главнаго государственнаго прокурора, д-ра Шейферта.

---

27 іюля, въ 29-й день разбирательства, засѣданіе суда открылось въ 8½ часовъ утра. Зала переполнена публикой. Президентъ объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ и предоставляетъ слово представителю прокуратуры. Въ залѣ мертвая тишина. Д-ръ Шейфертъ всходитъ на трибуну и произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Господинъ президентъ! Высокій судъ! 19 іюня мы собрались здѣсь, чтобъ публично поднять густую завѣсу, раскрыть тайну послѣдовавшаго, 1-го апрѣля 1882 года, загадочнаго исчезновенія тисса-эсларской дѣвушки, Эсѳири Солимосси. При открытіи засѣданія суда, я имѣлъ честь доложить, что, послѣ исчезновенія назван-

ной дѣвушки, подозрѣніе въ убійствѣ пало на Іосифа Шарфа и его товарищей, которые и были привлечены къ суду по обвиненію въ этомъ преступленіи и соучастія въ немъ. Кромѣ того, Амзель Фогель и его товарищи были обвинены въ преступномъ содѣйствіи этимъ лицамъ. Строго руководствуясь своими обязанностями, я исчислилъ по порядку все, что сдѣлали власти по этому дѣлу, и доложилъ о всѣхъ фактахъ и обстоятельствахъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ. Но не успѣли еще слова моей тогдашней рѣчи замолкнуть въ этой залѣ, какъ уже раздались возгласы что я привожу, главнымъ образомъ, оправдывающія обстоятельства и что это, собственно, составляетъ задачу защиты. Далѣе мнѣ пришлось услышать замѣчаніе, будто бы я приписываю одному изъ слѣдственныхъ судей такія дѣйствія при исполненіи имъ своихъ обязанностей, какихъ онъ никогда не совершалъ. Въ настоящее же время, послѣ окончанія судебнаго слѣдствія, вы, господинъ президентъ и господа судьи, позволите мнѣ съ полнымъ самосознаніемъ указывать на нынѣ публично раскрытое слѣдственное производство, какъ на таковое, которое свидѣтельствуетъ, что всякое отдѣльное слово въ моей тогдашней рѣчи фактически основано на актахъ и что законченныя событія я передалъ съ объективною точностью. Поэтому я не могу признать ошибкою, и меньше всего моей ошибкой, тотъ фактъ, что уже предварительное слѣдствіе выяснило оправдывающія обстоятельства, вмѣсто обвиняющихъ.

«Надо сказать правду: намъ приходится разсматривать необыкновенное и своеобразное дѣло. Въ формальныхъ доказательствахъ нѣтъ недостатка; напротивъ, были въ рукахъ въ громадномъ количествѣ показанія «отобранныя», «добровольныя» и «признанныя достовѣрными». Но бѣда въ томъ, что эти доказательства и ихъ внутреннее значеніе возбуждали сильное сомнѣніе. При иныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ—одно это сомнѣніе могло бы заставить обвинителя отказаться отъ обвиненія и предложить прекратить дѣло. Но въ данномъ случаѣ обвинитель, въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, не желалъ сдѣлать этого; напротивъ, въ интересахъ подсудимыхъ, равно какъ и для успокоенія общества, онъ желалъ, чтобы дѣло это было разбираемо публично. И, на самомъ дѣлѣ, я ни однимъ словомъ не упомянулъ о невиновности

подсудимыхъ, за исключеніемъ Эмануила Таубе. Мнѣ хотѣлось, при помощи публичныхъ преній, облечь прежде въ живыя осязательныя формы мертвыя буквы слѣдствія и я воздержался высказать свое мнѣніе по этому дѣлу, первымъ законнымъ судьею котораго я являюсь, до окончанія судебнаго слѣдствія. Ошиблись тѣ, которые разсчитывали найти во мнѣ обвинителя во что-бы то ни стало. Несправедливо полагаютъ, будто-бы задача прокурора заключается, исключительно, въ томъ, чтобы указывать только на такія обстоятельства и данныя, которыя клонятся къ обвиненію подсудимаго. Современное государство стремится карать „справедливо", и уже поэтому одному оно возлагаетъ на прокуратуру законную обязанность—тщательно избѣгать всего, что можетъ повести къ несправедливости. Объ этомъ призваніи прокурорской власти венгерскіе законы выражаются особенно ясно, именно статьей 33 закона 1871 г. объ учрежденіи должности королевскаго главнаго прокурора.

«Та часть обвинительнаго акта, въ которой говорилось о „подозрѣніи въ убійствѣ съ религіозною цѣлью", была отвергнута. Поэтому я ждалъ выясненія мотива преступленія, названнаго въ обвинительномъ актѣ убійствомъ, потому что, не зная этого мотива, нельзя, по § 278 уголовнаго законодательства, установить фактъ убійства, какъ я уже сказалъ въ своей первой рѣчи и снова повторяю теперь. Я тщательно слѣдилъ за каждымъ обстоятельствомъ, выясненнымъ допросомъ свидѣтелей, и не могъ придти ни къ какому иному заключенію, какъ только къ тому, что мысль объ убійствѣ съ религіозною цѣлью легла въ основаніе слѣдствія и руководила имъ съ начала до конца.

«Это было гоненіе именно на евреевъ, какъ таковыхъ. Евреи, жившіе въ различныхъ мѣстностяхъ, не имѣвшіе ничего общаго ни между собою, ни съ тисса-эсларскимъ дѣломъ, даже не знавшіе другъ друга, обвинялись въ томъ, что они хитростью завлекли въ синагогу молодую дѣвушку,—которая случайно очутилась вблизи той мѣстности и которую тамъ никто и не могъ ожидать,—умертвили ее и собрали ея кровь. Въ слѣдственныхъ актахъ нѣтъ также ни малѣйшаго слѣда, чтобы преступленіе могло быть вызвано другими мотивами или чтобы слѣдственныя власти хоть бы постарались отыскивать другіе мотивы и причины исчезновенія Эсѳири

Солимосси. Въ подтвержденіе своихъ словъ, я сошлюсь и на ту часть прессы, которая, основываясь на данныхъ слѣдствія, стала съ предвзятою мыслію доказывать существованіе убійства съ религіозною цѣлью и старалась доказать мнимое преступленіе требованіями религіозныхъ обрядовъ евреевъ. Даже во время разгара судебныхъ преній, авторъ передовыхъ статей одной политической газеты—хотя онъ самъ порицалъ меня за то, что я установилъ обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ—сообщая о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ залы суда, говорилъ объ убійствѣ съ религіозною цѣлью, какъ о несомнѣнномъ фактѣ! Итакъ, ошибался-ли я, говоря, что подозрѣніе въ убійствѣ съ религіозною цѣлью преобладаетъ въ обвиненіи привлеченныхъ къ суду евреевъ? Нѣтъ, я не ошибался. Я и теперь высказываю твердое убѣжденіе, что я не заблуждался относительно побудительныхъ причинъ убійства, составляющаго предметъ настоящаго судоговоренія. Въ послѣднее время мнѣ случалось слышать — правда, не въ стѣнахъ этой залы, а внѣ ея—другое техническое опредѣленіе преступленія, именно, „убійство изъ фанатизма“; но и это выраженіе имѣетъ не болѣе смысла чѣмъ названіе „убійство съ религіозною цѣлью“.

«Изъ рѣчи г. предсѣдателя, при открытіи засѣданія суда, я счелъ себя вправѣ заключить, что гг. судьи рѣшили заранѣе устранить обвиненіе въ убійствѣ съ религіозною цѣлью. Вслѣдствіе этого я дѣлаю тоже самое, и дѣлаю это съ радостнымъ сердцемъ, устраняя мысль о подобномъ убійствѣ, этомъ абсурдномъ порожденіи средневѣковаго суевѣрія, этомъ безсмысленномъ предметѣ дѣтскихъ сказокъ и вечерней бесѣды старыхъ деревенскихъ бабъ. Пусть себѣ разные Ровинги продолжаютъ размышлять надъ смысломъ изрѣченій талмуда, пусть фантазируютъ о кровавыхъ жертвахъ іудейской религіи, но пусть въ Венгріи, по крайней мѣрѣ, прекратится преступная агитація по поводу этой кровавой жертвы; пусть умолкнетъ отвратительная клевета, направленная противъ еврейской религіи и ея исповѣдниковъ! Въ противномъ случаѣ, слова о равенствѣ, свободѣ и братствѣ станутъ въ устахъ этихъ агитаторовъ проклятіемъ для Венгріи. По повелѣнію мудраго короля Арпадовъ... quae non sunt, nulla fiat mentio (чего нѣтъ, о томъ и говорить нечего). Да, nullo fiat mentio и объ убійствѣ съ религіозною цѣлью со стороны евреевъ! Особенно-же, во имя на-

родной юстиціи, я торжественно протестую противъ того, чтобы это суевѣріе проникло въ ея высокую сфеду.

«Теперь разсмотримъ ближе самое дѣло. Изъ показаній свидѣтелей видно, что дѣвушка Эсѳирь Солимосси, находившаяся въ услуженіи у г-жи Гюри, была послана послѣднею, 1 апрѣля прошлаго года, въ дообѣденное время, изъ той части деревни Тисса-Эсларъ, которая называется Уйфалу, — въ другую часть деревни—Офалу, за покупками. Она отправилась изъ лавки купца Кольмайера въ Офалу и по дорогѣ ее видѣли: сестра ея, Софья, бывшій служитель деревенской общины, Іосифъ Капози Роза Розенбергъ, Юлія Вамози и кучеръ Николай Тапашко. Послѣдній видѣлъ, какъ Эсѳирь Солимосси исчезла за плотиной, съ которой видна тисса-эсларская синагога, въ первой комнатѣ которой, по показаніямъ Морица Шарфа, была зарѣзана Эсѳирь. Софія Солимосси, Роза Розенбергъ и Юлія Вамози встрѣтились, какъ онѣ утверждаютъ, съ Эсѳирью около 1 часу пополудни, между тѣмъ, какъ свидѣтели Іосифъ Капози и Николай Тапашко говорятъ о двѣнадцатомъ часѣ дня. Слѣдовательно, мы можемъ допустить, что исчезнувшую Эсѳирь видѣли въ послѣдній разъ около полудня.

«Затѣмъ оставимъ на время Морица Шарфа и не будемъ мѣшать слѣдователю въ его поискахъ за трупомъ Эсѳири Солимосси. Перенесемся въ Тиссу-Дада, въ раіонѣ которой былъ извлеченъ изъ Тейсы женскій трупъ. Въ отдаленнѣйшихъ частяхъ государства слухъ о томъ, что найденъ трупъ Эсѳири Солимосси, распространился съ быстротою молніи, и всѣ ожидали, что завѣса, покрывающая загадку, будетъ быстро раскрыта, а причина исчезновенія молодой женщины—выяснена. На трупѣ, не имѣвшемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ внѣшняго насилія, было платье, которое видѣли на Эсѳири Солимосси во время ея исчезновенія. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, подозрѣніе въ убійствѣ исчезло бы очень быстро; трупъ былъ бы погребенъ, и рана, нанесенная осиротѣвшему сердцу матери утратою дѣтяти, со временемъ зажила бы. Таковъ былъ бы нормальный ходъ дѣла при обыкновенныхъ обстоятельствахъ; но при шумѣ борьбы между антисемитами и филосемитами голосъ законной отвѣтственности у функціоннирующихъ органовъ, въ виду господствующихъ противъ евреевъ суевѣрій, былъ

слишкомъ слабъ, самый же предразсудокъ слишкомъ силенъ, чтобы такъ скоро отказаться отъ подозрѣнія противъ евреевъ. Нельзя было допустить, чтобы „туманный образъ“, который былъ съ такимъ трудомъ созданъ при помощи басни объ убійствѣ Эсѳири Солимосси, исчезъ; но „afflavit deus dissipati sunt“. Теперь, по окончаніи судебнаго слѣдствія, я, на основаніи выясненныхъ имъ данныхъ, осмѣливаюсь утверждать положительно, что находящіеся нынѣ подъ замкомъ суда останки женскаго трупа суть именно останки трупа 14-лѣтней Эсѳири Солимосси, исчезнувшей 1-го апрѣля прошлаго года.

«Мое мнѣніе, можетъ быть, удивитъ нѣкоторыхъ лицъ и вызоветъ вопросъ: Развѣ глаза матери могли ошибиться? Могло ли материнское сердце оставаться безучастнымъ въ то время, какъ трупъ ея дочери розыскивался въ теченіи недѣль и мѣсяцевъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ? Я сознаю все важное значеніе этихъ вопросовъ; они представлялись и мнѣ и я долженъ былъ призадумываться надъ ними. Но если вспомнить, какъ велось слѣдствіе въ Тиссѣ-Дада и Тиссѣ-Эсларѣ, то мы придемъ къ слѣдующему выводу: вытащенный изъ воды трупъ былъ раздѣтъ донага; одежда была припрятана и лишь на третій день послѣ погребенія трупа предъявлена матери. Ей показали обнаженное тѣло, съ обритою головой и бровями, и обезображенное наступившимъ уже процессомъ разложенія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого, конечно, хитраго, но нисколько не правильнаго изслѣдованія дѣла, было то, что мать не признала своей исчезнувшей дочери въ трупѣ съ неповрежденной шеей, потому что она привыкла къ мысли, что евреи зарѣзали ея дочь въ субботу, въ синагогѣ. Поэтому, Іоганна Солимосси не сочла нужнымъ хорошенько вглядѣться въ трупъ, какъ она сама показала на судѣ, и ограничилась лишь бѣглымъ взглядомъ на лицо, которое передъ тѣмъ было «подготовлено» кандидатомъ медицины Горватомъ. Подобный способъ разслѣдованія долженъ былъ неминуемо имѣть послѣдствіемъ то, что трупъ не могли признать, еслибъ даже онъ не находился въ состояніи разложенія, какъ это констатировали профессора пештскаго университета. Поэтому мы не можемъ придавать значенія тому обстоятельству, что мать, родственники и

другіе тисса-эсларскіе жители не признали въ найденномъ трупѣ Эсѳири Солимосси.

«Мнѣ могутъ возразить, что упомянутый женскій трупъ былъ вскрытъ 19-го и 20-го іюня прошлаго года двумя врачами и фельдшеромъ и что производившіе вскрытіе эксперты эти пришли къ выводу, не допускающему, чтобъ трупъ могъ принадлежать Эсѳири Солимосси, имѣвшей лишь четырнадцать лѣтъ отъ роду, не достигшей еще полнаго физическаго развитія, занимавшейся тяжелыми работами и не носившей обуви. Мы знаемъ, что, по мнѣнію этихъ экспертовъ, трупъ могъ принадлежать женщинѣ, имѣвшей, по крайней мѣрѣ, семнадцать лѣтъ, а можетъ быть, и двадцать, предававшейся разгульной жизни, по формѣ ногтей, ведшей легкую жизнь, постоянно носившей обувь и, наконецъ, умершей отъ анеміи, вызванной болѣзнію легкихъ, дней за десять до извлеченія трупа изъ воды; наконецъ, эксперты эти утверждаютъ, что тѣло было брошено въ воду уже мертвымъ, пристало само къ берегу послѣ трехъ или четырехъдневнаго пребыванія въ водѣ и что волосы были сбриты посторонней рукой. Но я не могу признать правильной ни самой констатировки фактовъ, сдѣланной упомянутыми лицами, ни ихъ экспертизѣ. Лучшею критикой этой экспертизы можетъ служить чистосердечное заявленіе одного изъ врачей, данное въ присутствіи суда: «Еслибъ мы знали, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ это дѣло, то мы поступили бы иначе. Но намъ этого и въ голову не приходило». Поэтому, оставляя въ сторонѣ мнѣніе этихъ экспертовъ, я принимаю выводы профессоровъ университета, какъ доказательство, которое освѣщаетъ мракъ заблужденія при помощи свѣта науки, и раскрываетъ истину. Въ особенности же я принимаю мнѣніе пештскихъ профессоровъ, въ силу котораго заключенія первыхъ экспертовъ относительно возраста, образа жизни и смерти трупа оказываются несостоятельными; далѣе, я принимаю мнѣніе профессоровъ, что трупъ принадлежалъ дѣвушкѣ между 14 и 17 лѣтнимъ возрастомъ, умершей за нѣсколько недѣль до перваго судебнаго изслѣдованія, и что трупъ лежалъ нѣсколько недѣль въ водѣ, гдѣ и лишился волосъ и ногтей. Но принимая это мнѣніе, я вовсе не преклоняюсь передъ авторитетомъ, не допускающимъ противорѣчія; я повинуюсь только своему убѣжденію, сло-

жившемуся подъ вліяніемъ мнѣній профессоровъ медицины, потому что они не только согласуются съ другими обстоятельствами дѣла, но поясняютъ неточныя показанія допрошенныхъ свидѣтелей, взятыхъ bona fide,—относительно длины тѣла, цвѣта глазъ и пр. По тѣмъ же причинамъ я игнорирую выводы, большею частью, неопредѣленные, не мотивированные и потому ускользающіе отъ критики. На основаніи мнѣнія университетскихъ профессоровъ, обогатившихъ слѣдственную медицину весьма цѣнными деталями, и принимая во вниманіе платья, найденныя на тисса-дадайскомъ трупѣ, я утверждаю, что этотъ трупъ есть тѣло исчезнувшей 1-го апрѣля истекшаго года Эсѳири Солимосси.

«Здѣсь возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, почему Янкель Смиловицъ показалъ не только передъ слѣдственнымъ судьей, но и въ присутствіи господъ судей, что онъ взялъ, по настоянію Амзеля Фогеля, 11-го іюня истекшаго года отъ Мартина Гроса и Игнаца Клейна трупъ и сдалъ его Давиду Гершко, чтобы тотъ провезъ его вдоль Тейсы и оставилъ бы ниже Тисса-Эслара. Далѣе, почему Давидъ Гершко показалъ судебному слѣдователю и на судѣ, что онъ взялъ упомянутый трупъ, привязалъ его къ плоту, управлявшемуся другимъ плотовщикомъ, перевезъ дальше и ниже Тисса-Эслара одѣлъ его, при помощи Игнаца Маттеи, въ платья, переданныя ему пожилой съ виду женщиной, что и подтвердилъ подъ присягой Игнацъ Маттеи, во время разбирательства дѣла. Но эти обличающія признанія Янкеля Смиловица и Давида Гершко, которыя они еще разъ подтвердили во время слѣдствія, а теперь взяли назадъ, увѣряя что они вырваны у нихъ истязаніями, принадлежатъ къ числу тѣхъ странныхъ явленій, которыми такъ изобилуетъ этотъ процессъ. Если бы кто усумнился въ правдивости показанія подсудимыхъ, что признанія были вынуждены у нихъ (что, впрочемъ, подтвердили и Іоганъ Рока и Іосифъ Казиміръ), то все-таки эти признанія нисколько не отвѣчаютъ требованіямъ законныхъ доказательствъ. Сначала Янкель Смиловицъ и Давидъ Гершко отрицали перевозъ трупа; Амзель Фогель, Мартынъ Гроссъ и Игнацій Клейнъ никогда не признавали его, а потомъ первые двое признали за собою такіе баснословные поступки, которые не подтверждались никакими фактическими обстоятельствами. Безъ фактическихъ-же доказательствъ даже самообви-

неніе, по нашимъ юридическимъ принципамъ, не имѣетъ никакого значенія.

Нѣтъ также ни малѣйшаго основанія вѣрить показаніямъ о происхожденіи трупа, который считается украденнымъ. По тѣмъ же самообвинительнымъ показаніямъ, трупъ, издававшій сильное зловоніе, чувствовавшееся далеко, перевозился на разстояніи цѣлыхъ миль безъ всякихъ предосторожностей, соблюдаемыхъ даже при перевозкѣ порченныхъ овощей. Наконецъ трупъ надо было одѣть ниже Тисса-Эслара въ платья, принесенныя женщиной, которая въ точности не могла знать когда прибудутъ плотовщики. Ей, такимъ образомъ, пришлось-бы ждать нѣсколько дней и махать каждому плотовщику, проѣзжавшему мимо, до тѣхъ поръ, пока не объявился-бы настоящій, но неизвѣстный женщинѣ плотовщикъ. При такихъ обстоятельствахъ, показанія Игнаца Маттеи, которыя онъ неоднократно бралъ назадъ, не имѣютъ никакого значенія. Противъ него впрочемъ, возбуждено обвиненіе въ оскорбленіи Мармаросъ-Сейгетскаго суда увѣреніемъ, что судъ этотъ составилъ подложный протоколъ, обвиненіе, которое должно считать доказаннымъ.

«При такихъ обстоятельствахъ и письмо, писанное изъ тюрьмы Янкелемъ Смиловичемъ къ г. Розенбергу и приглашавшее послѣдняго признаться, также какъ и показанія г-жи Андреасъ Чересъ о мнимыхъ ночныхъ сходкахъ евреевъ въ домѣ Льва Гросберга должны быть отнесены къ разряду тѣхъ доказательствъ, которыя, по словамъ гросмейстера юристовъ, Монтескье, имѣютъ также мало общаго съ преступленіемъ, какъ и съ невинностью.

«Такъ-то обстоитъ дѣло съ подвозомъ трупа, который окончательно уничтожается экспертизой пештскихъ профессоровъ.

«Теперь вернемся къ свидѣтелю Морицу Шарфу. Я долженъ указать здѣсь затрудненія, съ которыми пришлось бороться юстиціи въ этомъ случаѣ. Въ Тисса-Эсларской деревнѣ извѣстіе объ исчезновеніи Эсѳири Солимосси распространилось уже 1-го апрѣля; говорили, что она должна была идти дорогой, ведущей мимо синагоги. Потомъ говорили, что ее убили въ синагогѣ. Все это общинное начальство и полицейскія власти выслушиваютъ совершенно равнодушно; объ исчезновеніи Эсѳири Солимосси не производится никакого дознанія, не дѣлается ничего, чтобы разслѣдо-

вать дѣйствительно-ли Эсѳирь была въ синагогѣ, или поблизости отъ нея, что, конечно, могли бы сказать пастухи, пасшіе стада по сосѣдству. Ничего подобнаго не дѣлается; и слѣдственному судьѣ предоставляютъ самому отыскивать свидѣтелей и улики.

И нашъ слѣдователь дѣйствительно отыскалъ свидѣтелей и — обвиняемыхъ!..

«Тотчасъ нашелся «четырехълѣтній» сынокъ служителя синагоги, Іосифа Шарфа, помогавшій убійству, по собственному его разсказу; за нимъ слѣдуетъ Морицъ Шарфъ, не имѣвшій тогда еще и четырнадцати лѣтъ отъ роду; онъ хотя не признавался, что участвовалъ фактически въ убійствѣ, какъ утверждалъ его младшій братикъ, однако заявилъ, что, по приказанію отца, зазвалъ въ синагогу проходившую мимо Эсѳирь Солимосси, подъ предлогомъ, чтобы она сняла со стола шандалы, что дѣлала, обыкновенно, жившая по сосѣдству г-жа Стефанія Батори или ея пятнадцатилѣтняя дочь Софія. Вслѣдъ затѣмъ, по показаніямъ того же Морица Шарфа, когда Эсѳирь Солимосси сняла шандалы, Германъ Вольнеръ увелъ ее въ сѣни синагоги, и названному мальчику удалось увидать черезъ замочную скважину въ дверяхъ, какъ Абрагамъ Буксбаумъ, Леопольдъ Браунъ и упомянутый Германъ Вольнеръ повалили на полъ раздѣтую до рубашки Эсѳирь; Соломонъ Шварцъ перерѣзалъ ей горло ножемъ, собралъ кровь въ двѣ тарелки и перелилъ въ горшокъ; по окончаніи же этой операціи, Эсѳири завязали шею платкомъ и трупъ одѣли въ платья.

«Тѣмъ временемъ подсудимые Адольфъ Юнгеръ, Абрагамъ Браунъ, Самуилъ Люстигъ и Лазарь Вейсштейнъ вышли изъ синагоги и стали возлѣ трупа, относительно зарытія котораго Морицъ Шарфъ не можетъ дать обстоятельныхъ указаній и только подозрѣваетъ, что трупъ этотъ вынесли черезъ окно въ сѣняхъ синагоги и временно спрятали въ сосѣднемъ стогѣ сѣна.

Означенный Морицъ—единственный непосредственный свидѣтель убійства. Показаніе его является единственнымъ доказательствомъ со стороны обвиненія, такъ какъ исчезновеніе Эсѳири Солимосси и предположеніе о томъ, что ей, вѣроятно, пришлось проходить мимо синагоги, должны быть признаны, сами по себѣ, не особенно вѣскими косвенными уликами. Замѣтимъ, что и въ связи съ ними показаніе Морица Шарфа, стоящее со-

вершенно особнякомъ, не могло бы служить достаточной уликой противъ подсудимыхъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы относительно этого свидѣтеля не существовало никакихъ поводовъ заподозрѣть искренность его показаній. Между тѣмъ, существованіе такихъ поводовъ выяснилось изъ обстоятельствъ дѣла. Противъ показаній Шарфа говорятъ многія и очень многія, чтобы не сказать всѣ, данныя. Это повело къ тому, что и самъ высокопочтенный судъ не счелъ умѣстнымъ допустить этого свидѣтеля до присяги.

Прежде всего показанію Морица Шарфа противорѣчитъ принятое во вниманіе обвиненіемъ заявленіе свидѣтельницы Іоганны Фекете, видѣвшей подлѣ дверей синагоги двухъ евреевъ, которые стояли тамъ какъ разъ въ то время, когда, по словамъ Морица Шарфа, совершено было убійство. Понятно, что упомянутые евреи не позволили бы этому мальчику подсматривать цѣлыхъ три четверти часа въ замочную скважину. Показаніе Морица Шарфа опровергается также предшествующимъ его запирательствомъ и заявленіемъ, что онъ видѣлъ на Эсѳири желтый платокъ, тогда какъ впослѣдствіи оказалось, что платокъ былъ чернаго цвѣта. На судѣ Морицъ Шарфъ показалъ, что дѣвушка, которую повалили на полъ, лежала ногами ко входнымъ дверямъ, что ротъ у нея не былъ завязанъ платкомъ и что, одѣвая трупъ, не подымали его съ полу. При освидѣтельствованіи же на мѣстѣ онъ счелъ нужнымъ измѣнить свое показаніе и утверждалъ, что Эсѳирь лежала головой къ дверямъ; что ротъ у нея былъ не завязанъ, а заткнутъ платкомъ и что при одѣваніи трупа его подымали стоймя. По словамъ Морица Шарфа, на шеѣ жертвы сдѣланъ былъ глубокій разрѣзъ ножемъ; тѣмъ не менѣе, кровь, какъ онъ утверждаетъ, текла совершенно спокойно, что, по мнѣнію врачей-экспертовъ, является совершенно невозможнымъ, такъ какъ она должна была брызнуть струею. Онъ говорилъ, что рубашка на трупѣ была запятнана кровью, а это опровергается произведенною химическою экспертизой. Означенныя обстоятельства, въ связи съ тѣмъ, что въ сѣняхъ синагоги не нашлось никакихъ слѣдовъ крови, что горшокъ, въ который, будто бы, выливали кровь, какъ это выяснилось при изслѣдованіи на мѣстѣ, нельзя было бы видѣть сквозь замочную скважину, еслибъ онъ стоялъ тамъ, гдѣ указывалъ Мо-

рицъ Шарфъ, и что на шеѣ трупа, найденнаго въ рѣкѣ, близь Тиссы-Дада, не оказалось ни одной раны,—всецѣло уничтожають значеніе свидѣтельскаго показанія Морица Шарфа и дѣлаютъ показаніе это совершенно неправдоподобнымъ. Оставляя въ сторонѣ также показаніе г-жи Стефаніи Ленгіель, слышавшей, неизвѣстно въ которомъ, именно, часу, крики о помощи, я утверждаю, что Эсѳирь Солимосси погибла не такимъ образомъ, какъ разсказываетъ Морицъ Шарфъ.

«Эсѳирь Солимосси пропала безъ вѣсти, ея нѣтъ болѣе въ живыхъ, но она умерла не подъ ножемъ рѣзника. Нѣтъ также никакого повода полагать, что упомянутая дѣвушка была преступнымъ образомъ лишена ея молодой жизни. Ея исчезновеніе и смерть должны быть, дѣйствительно, приписаны таинственной случайности, возможность которой, въ данномъ случаѣ, признавалъ и достоуважаемый предсѣдатель суда. Басня о томъ, будто Эсѳирь Солимосси принесена евреями въ жертву, объясняется отчасти, какъ видно изъ судебнаго слѣдствія, неосторожностью подсудимаго Іосифа Шарфа, разсказавшаго, изъ желанія успокоить мать Эсѳири, что въ Накисѣ, когда пропалъ ребенокъ, который впослѣдствіи нашелся, исчезновеніе его приписывали евреямъ. Слова эти напомнили суевѣрной женщинѣ до сихъ поръ еще ходящее въ народѣ убѣжденіе въ томъ, будто евреи употребляютъ для религіозныхъ обрядовъ и другихъ цѣлей христіанскую кровь. Суевѣріе матери злополучной Эсѳири нашелъ, къ сожалѣнію, многихъ сторонниковъ и, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій судебнаго слѣдователя и прокурорскаго надзора, явился на сцену нынѣшній уголовный процессъ, въ которомъ, какъ не трудно убѣдиться всякому безпристрастному человѣку, нѣтъ ни объекта, ни сущности преступленія. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, падаютъ сами собой и обвиненія въ содѣйствіи и попустительствѣ къ преступленію. Безъ преступленія не могло быть попустительства къ таковому.

«Нельзя установить также обвиненія въ обманѣ, которое могли бы имѣть въ виду тѣ, кто все еще вѣритъ въ исторію о похищеніи трупа, произведенномъ, быть можетъ, съ цѣлью получить 5,000 флориновъ, назначенныхъ евреями въ награду за розысканіе Эсѳири Солимосси.

«Въ силу § 389 св. уг. зак., обвиненіе въ обманѣ возбуждается лишь по требованію потерпѣвшей стороны. Притомъ похищеніе трупа является настолько гадательнымъ предположеніемъ, что даже и самъ Игнатъ Маттеи, готовый присягать въ чемъ угодно, не рѣшился положительно за него высказаться.

«По моему убѣжденію, остается теперь лишь признать, что исторія судебныхъ ошибокъ обогатилась еще однимъ случаемъ, крайне прискорбнымъ для нашей отечественной юстиціи. Я бы многое далъ, если бы имѣлъ возможность вырвать изъ исторіи страницу, на которую занесена будетъ эта ошибка.

«По моему глубочайшему убѣжденію всѣ присутствующіе здѣсь подсудимые совершенно невинны во взводимыхъ на нихъ дѣяніяхъ. Таково мое личное искреннее убѣжденіе, которое я никому не позволю затрогивать, но которое я, тѣмъ не менѣе, не считаю себя въ правѣ навязывать другимъ. Именно по этому я и предупреждаю судъ, что, по смыслу 33-й ст. закона 1871 г., для него не обязательно руководствоваться мнѣніемъ прокурорскаго надзора. Точно также кассаціонныя рѣшенія королевской куріи выяснили, что въ уголовныхъ процессахъ судъ, какъ при опредѣленіи факта преступности, такъ и при постановленіи за него законной кары, не обязанъ сообразоваться съ предложеніями прокурора. Позволю себѣ обратить вниманіе высокочтимаго суда на этотъ принципъ уголовнаго судопроизводства. Если высокочтимый судъ не раздѣляетъ моего взгляда на улики со стороны обвиненія, если онъ признаетъ ихъ, послѣ выяснившихся на судоговореніи фактовъ, достаточно основательными и вѣскими, то ему нѣтъ надобности стѣсняться моимъ предложеніемъ. Пусть онъ, съ закономъ въ рукахъ и чувствомъ права въ сердцѣ, руководствуется съ собственнымъ мудрымъ своимъ усмотрѣніемъ.

«Въ этотъ моментъ на меня обращены взоры всей страны или, лучше сказать, всего образованнаго міра. Въ такую торжественную минуту никто не дерзнетъ сложить на другихъ довлѣющую ему отвѣтственность. Каждый изъ насъ долженъ дѣлать то, что повѣлеваетъ ему его долгъ и долженъ обладать достаточнымъ мужествомъ, чтобы отвѣчать за свои дѣла, отвѣчать передъ Богомъ и людьми, передъ судомъ потомства и собственной совѣстью.

«Я съ своей стороны считаю подсудимыхъ невинными, и почти-

тельнѣше предлагаю оправдать ихъ, освободивъ отъ всѣхъ послѣдствій обвиненія".

Эта мастерская рѣчь прокурора, продолжавшаяся три четверти часа, очевидно, произвела на слушателей, хранившихъ все время глубокое молчаніе, большое впечатлѣніе. Она окончилась въ 9 час. Затѣмъ слово дано было представителю частнаго обвиненія, Карлу Шалаю.

(*Продолженіе будетъ*).

Поправка. Въ прошлой книжкѣ подъ статьей изъ Гейгера пропущена подпись переводчика: „О. Гурвичъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

